
Выдающийся образец «живой истории».
Publishers Weekly
КАК ЖИТЬ
В
ВИКТОРИАНСКУЮ
ЭПОХУ
Повседневная реальность
в Англии XIX века
РУТ ГУДМАН
18+

Восхитительный рассказ о повседневной жизни в викторианской Англии.

Seattle Times

Автор этой увлекательной книги совмещает исторический контекст с практикой — в частности, Рут Гудман не только объясняет, почему женщины носили корсеты, но и делает и носит такой корсет сама. Здесь собрано столько подробностей по разнообразным темам, что, познакомившись с ними со всеми, вы вполне сможете сойти за истинного викторианца.

The New Yorker

РУТ ГУДМАН

КАК ЖИТЬ В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ

Повседневная реальность
в Англии XIX века

МОСКВА

УДК 94(410)"1801/1900"
ББК 63.3(4Вел)
Г93

Ruth Goodman
HOW TO BE A VICTORIAN

Впервые опубликовано в Великобритании в 2013 году
издательством Penguin Books Ltd, London

Перевод с английского Виктории Степановой

Научный редактор: В. А. Таубер, кандидат исторических наук

Гудман Р.

Г93 Как жить в Викторианскую эпоху : Повседневная реальность в Англии XIX века / Рут Гудман ; [пер. с англ. В. В. Степановой]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. — 528 с. ; ил.

ISBN 978-5-389-16774-2

Как жили и работали, что ели, чем лечились, на чем ездили, во что одевались и как развлекались обычные англичане ушедших эпох? Каково было готовить на угле, пить пиво на завтрак, чистить зубы толченой костью каракатицы, ездить на работу в конном омнибусе и трудиться по дому в корсете? Книга авторитетного британского историка, основанная на солидном документальном материале (дневники, письма, автобиографии, периодические издания и книги), рассказывает о многих аспектах типичного распорядка дня в XIX веке, включая питание, заботу о здоровье, интимную близость, моду, труд и развлечения. Снабженная рядом черно-белых и цветных иллюстраций книга представляет собой яркую коллекцию удивительных обычаев, привычек и подробностей частной жизни англичан в период правления королевы Виктории.

«Я хочу изучить историю частного, личного, материального, которая воспевает обыденность и позволяет воссоздать жизнь простых людей, взрослых и детей, через соприкосновение с их бытом. Я намереваюсь понять, как мыслили наши предки, узнать об их надеждах, страхах и домыслах. Я рассмотрю все стороны бытовых будней викторианцев и приглашаю вас туда, где сама бродила в поисках следов той эпохи. В попытках постичь прошлое я с самого начала уделяла много внимания экспериментальному аспекту. Мне нравится погружаться в изучение тех вещей, которые люди создавали и использовали в прошлом, и на собственном опыте узнавать, как это работало». *(Рут Гудман)*

УДК 94(410)"1801/1900"
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-16774-2

Всем, кто убедил меня шагнуть в XIX век

Содержание

Предисловие

Я хочу изучить историю частного, личного, материального — так сказать, изнанку истории, — которая воспевает обыденность и позволяет воссоздать жизнь простых людей, взрослых и детей, через соприкосновение с их бытом. Я намереваюсь понять, как мыслили наши предки, узнать об их надеждах, страхах и домыслах, какими бы незначительными они ни были. Одним словом, я хочу отправиться на поиски истории тех вещей, которые составляют реальность повседневного, и понять, как на самом деле жилось в другое время и в другом месте.

История пришла в мою жизнь как хобби и стала сначала страстью, а после — лишь стоило искре зажечься — профессией. В попытках постичь прошлое я с самого начала уделяла много внимания экспериментальному аспекту. Мне нравится погружаться в изучение тех вещей, которые люди создавали и использовали в прошлом, и на собственном опыте узнавать, как это работало.

Возьмем, к примеру, темный шерстяной пиджак, который лежит в ящике комода в маленьком музее в Западном Сассексе. Сильно изношенный, в разномастных заплат-

ках, он принадлежал работнику с фермы и датируется 1880-ми годами. Пиджак напоминает нам, что его владелец был человеком, который потел, оставлял на одежде пятна и очень страдал от холода. Его жена потратила не один час, чтобы тщательно и бережно залатать прореху (и сейчас чуть заметную с правой стороны пиджака, рядом с пуговицами). Рассматривая эти аккуратные стежки, я вспоминаю учебники по шитью, которые были в ходу в викторианских школах для детей рабочего класса. Поиски на книжных полках принесли мне стопку инструкций с красиво нарисованными схемами. Я могу вооружиться иголкой и ниткой и, следуя советам, заштопать одну из собственных вещей. Жена работника, очевидно, очень хорошо владела этим навыком (особенно по сравнению со мной). Но у меня возникают новые вопросы. Насколько широко обучали такому рукоделию? Только ли женщины обычно занимались ремонтом одежды? Чтобы закончить, мне понадобилось больше часа — насколько быстрее справились бы викторианские женщины? Какое время они выбрали бы для этой работы в череде других домашних обязанностей?

Такие подробности создают ощущение связи с людьми прошлого и вместе с тем открывают дорогу к масштабным историческим сюжетам. Прореха на мужском пиджаке заставляет задуматься о сути массового образования или заинтересоваться текстильной промышленностью в глобальном плане. Точно так же масштабные политические и экономические изменения возвращают нас к событиям частной жизни. Так, международное движение за отмену рабства и Гражданская война в Америке повлекли за собой крах хлопковой торговли, что заставило английских ткачей голодать. Из-за всего этого стоимость пиджака значительно возросла, а его ремонт стал для рабочего неизбежным.

Правление королевы Виктории длилось более 60 лет и ознаменовалось крупнейшими социальными, политическими и экономическими переменами. Отрасли промышленности развивались и приходили в упадок, научные открытия в корне переворачивали старые представления о мироустройстве. Человеческие понятия о добре и зле также подвергались переоценке, вслед за этим менялось и законодательство. Учитывая масштаб и разнообразие этих явлений, трудно сказать, что такое быть викторианцем.

Но я попыталась это сделать в своей книге. В ней представлен результат частного исследования, в ходе которого я руководствовалась любопытством, своими вкусами и интересами. Здесь многое пропущено, но вы найдете немало превосходных книг, подробно рассказывающих о политических, экономических и организационных изменениях, происходивших в Викторианскую эпоху. Я же рассмотрю все стороны бытовых будней викторианцев и приглашаю вас туда, где сама бродила в поисках следов той эпохи.

В своем повествовании я решила придерживаться типичного распорядка дня, начиная с пробуждения утром и заканчивая тем, что происходило поздно вечером за закрытыми дверями спальни. Я старалась проникнуться мыслями и чувствами людей того времени, знакомясь с ними по дневникам, письмам и автобиографиям, и далее переходила к журналам и газетам, рекламным объявлениям и сборникам советов, целью которых было просвещение публики и формирование общественного мнения. Повседневная жизнь наложила отпечаток на те вещи, что люди оставили после себя — от одежды и помазков для бритья до игрушек, автобусных билетов и кастрюль. Кроме того, большое влияние имели общепринятые правила и нормы — от белых линий разметки на футбольном поле до среднего балла у выпускников школ.

В погоне за обыденным и повседневным я старалась на собственном опыте познакомиться с разными сторонами той жизни. В основном этот опыт я приобрела в течение года, который провела на викторианской ферме, и еще некоторого времени в лавке аптекаря во время съемок нескольких исторических телесериалов. Также он стал результатом моих непрекращающихся исследований: я готовила по старинным рецептам, шила одежду, соблюдала гигиенические рекомендации и выстругивала игрушечных солдатиков. Весь этот опыт оказался полезным, хотя результат не всегда был успешным, и помог мне сформулировать вопросы, а также выработать критическое отношение к имеющимся свидетельствам. И наконец, в исследовании мне было никак не обойтись без некоторой доли воображения и умения поставить себя на чужое место. Итак, давайте начнем — представим себе, что викторианская ночь подходит к концу и мы просыпаемся.

1
Подъем

Для начала вас пробирала дрожь. Богаты вы или бедны, в городском доме живете или на ферме, едва проснувшись, вы чувствовали холод. У обеспеченных людей в спальнях иногда стояли камины, которые топили дровами и углем, правда, огонь в них разводили редко. Джейн Карлайл, жена шотландского публициста Томаса Карлайла (Карлейля), в 1850-х годах жила в модном лондонском особняке (см. цветную илл. 8). Несмотря на то что семья имела приличный доход, огонь в верхних комнатах разводили лишь в самом крайнем случае — если кто-то заболел. Однажды в доме богатого друга специально для Джейн Карлайл развели огонь, и она посчитала это «непристойной роскошью». Вдобавок женщине пришлось из-за этого чувствовать себя виноватой, ведь она отличалась крепким здоровьем.

День Джейн Карлайл начинался примерно в половине восьмого, но ее служанка вставала намного раньше. Миссис Битон в своей «Книге о ведении домашнего хозяйства» (Book of Household Management) рекомендует горничным начинать работу летом в шесть, а зимой в половине седьмого или в семь — в зависимости от того, когда станет достаточно светло. Ханна Каллуик всю жизнь прора-

ботала служанкой и долгие годы вела дневник, в котором ежедневно описывала все свои дела. Аккуратным почерком синими чернилами она писала, что обычно просыпается в шесть, а если предстояло сделать много дел, могла встать намного раньше. Весенняя уборка, начинавшаяся, когда дни заметно удлинялись, требовала подъема в пять утра, но иногда Ханне случалось поспать подольше. На Рождество в 1863 году она нежилась в постели неслыханно долго — до восьми. Каждое утро, пока не проснулась семья ее работодателя, она разводила огонь, вытряхивала половики, протирала мебель в гостиной, завтракала, чистила обувь и отдраивала щеткой ступени парадного крыльца.

Большая часть трудового люда поднималась с рассветом, но у многих время подъема было определено более строго. Тем, кто должен был вставать очень рано и приходить на работу к определенному часу, например фабричным рабочим, неоценимую услугу оказывал колотильщик. Вооружившись длинной тростью и фонарем, он ходил по улицам и стучал в окна своим клиентам. Эта необычная профессия появилась из-за того, что часы были дороги и очень немногие рабочие их могли себе позволить. А вот колотильщик, один раз потратившись на часы, в дальнейшем обеспечивал себя скромным заработком. Он работал ночью и рано утром, и каждый из его многочисленных клиентов платил ему один пенни в месяц. Колотильщиков можно было встретить в больших городах и промышленных городках по всей Британии, от Портсмута до Инвернесса, и даже в небольших торговых городах, таких как Болдок в Хартфордшире, где на одном из трех местных пивоваренных заводов имелся специально нанятый человек, который в три часа ночи будил заводских извозчиков. Население Болдока составляло всего две тысячи человек, но среди них хватало работников железной дороги, пивоваренных заводов и множества небольших мастерских, так что колотильщик не оставался без дела.

Рис. 1. Колотильщик со своими инструментами, около 1900 г.

В каком бы часу вы ни просыпались, вам хотелось сделать холодное утро чуть более уютным и опустить ноги не на голый деревянный пол, а на прикроватный коврик. Представители аристократии застилали полы спален прекрасными ткаными коврами, но в детских комнатах нередко обходились старыми, повидавшими лучшие дни в парадной части дома. У менее обеспеченных людей с коврами было туго. Если вам повезло жить в регионе с развитой текстильной промышленностью, например в одной из областей Йоркшира, вы могли изготовить тряпичный коврик. Это не требовало большого труда, однако расход материала был значительный. Люди, жившие возле ткацких фабрик, могли добавить своему утру тепла, так как имели доступ к дешевым обрезкам и бракованной материи.

В свое время я изготовила несколько ковриков, используя две главные техники той поры: в первом случае продевала металлическим крючком полоски ткани через

основу из мешковины, во втором сшивала отдельные полоски в одну длинную, которую затем сворачивала в спираль и скрепляла стежками. На коврик длиной всего 90 см и шириной 60 см уходит столько же ткани, сколько на три одеяла. Для людей, не имевших доступа к отходам местного текстильного производства, это было настоящей роскошью. Так что в семьях рабочих гораздо чаще можно было увидеть крошечные коврики площадью меньше 900 $см^2$ из пришедшей в негодность одежды и обрезков, оставшихся от шитья. По сравнению с ковриками эдвардианского и других, более поздних периодов особенно заметно, насколько маленькими были прикроватные коврики в Викторианскую эпоху. И все же этот простой квадратик ткани мог как следует подбодрить викторианца, собиравшегося с духом, чтобы начать свой день.

Помимо того что в викторианских спальнях не разжигали огонь и редко стелили прикроватные коврики, там зачастую оставляли открытыми на всю ночь окна, чтобы не препятствовать циркуляции воздуха. Скорее всего, этот обычай возник из-за регулярных указаний на то, что затхлый спертый воздух вреден, в трудах доктора Арнотта. Он был уважаемым ученым, членом Королевского института, интересовался целым рядом атмосферных явлений и санитарных вопросов. В популярной прессе распространялись сообщения об одном эксперименте доктора Арнотта, они несколько искажали информацию и подогревали беспокойство викторианцев о нехватке кислорода в жилых домах. Писали, к примеру, так: «Если подвесить клетку с канарейкой под пологом кровати, в которой спят люди, к утру птицу можно найти мертвой».

Доктор Арнотт и его коллеги были обеспокоены скоплением в плохо проветриваемых помещениях углекислого газа (который в те времена называли углекислотой). Конечно, в закрытом помещении при недостаточном при-

токе кислорода люди могут задохнуться. Но ведь боялись, что и в обычном доме, с его каминами и газовыми лампами, можно если не в самом деле задохнуться, то, по крайней мере, отравиться или серьезно подорвать здоровье, вдыхая углекислый газ. Особенно много беспокойства вызывали спальни, ведь там люди проводили по нескольку часов подряд. Доктор Пай Генри Чевасс, пропагандировавший среди викторианских обывателей здоровый образ жизни, даже заявлял: «Спать в непроветриваемой комнате — чистое безумие, все равно что вдыхать яд; ибо углекислый газ — дыхательный отход, постоянно выбрасываемый легкими, — смертельно опасен». Это был весомый аргумент, и ни один медицинский специалист до конца столетия не был готов с уверенностью его оспорить. Некоторые, например доктор Шомон, стремились оценить проблему математически: определив, сколько кислорода необходимо человеку. Для здоровой жизни доктор Шомон рекомендовал около 110 кубических метров в час на одного человека. Но этот объем воздуха содержало помещение высотой 3 м, шириной 3 м и длиной 12 м, а средняя викторианская спальня вряд ли могла обеспечить таким количеством кислорода своих обитателей. Аналитики XXI века просто сказали бы, что Чевасс и его коллеги решительно недооценивали возможности для циркуляции воздуха в домах.

Сегодня наши дома намного герметичнее, чем были в Викторианскую эпоху, но даже мы редко сталкиваемся с отравлением углекислым газом. По современным оценкам, несмотря на плотно закрывающиеся рамы с двойными стеклами и отсутствие дымоходов, воздух в доме полностью меняется каждые два-три часа. Однако в Викторианскую эпоху советовали не только держать дымоходы открытыми, даже когда ими не пользовались, но и, независимо от погоды на улице, открывать верхние и нижние створки окон, чтобы обеспечить свободное движение воз-

духа в помещении. В домах, где не было дымохода, над дверью могли установить вентиляционные люки, чтобы при открытых окнах создавать сквозняк.

Если открыть окно было невозможно, качество воздуха в помещении пытались улучшить, используя миску с водой. Популярные викторианские руководства советовали: «Поставьте в комнате кувшин – и через несколько часов он поглотит все вредные вещества из воздуха, после чего воздух станет чище, а вода сделается совершенно грязной». Простой опыт, позволяющий проверить уровень углекислоты в помещении, описывали сборники советов и школьные учебники. Предназначенная для школьниц книга «Наука семейной жизни» (The Science of Home Life) сообщала: «Если налить немного чистой воды с известью в неглубокую тарелку или блюдце и оставить на воздухе примерно на час, на поверхности жидкости образуется белесая корочка, или накипь. Это доказывает, что в воздухе присутствует углекислота». Увы, ни один из этих экспериментов не выдерживает ни малейшей критики с научной точки зрения. Во втором примере известковая корочка на поверхности воды возникала, скорее всего, потому что за час какая-то часть воды успевала испариться. А в первом примере «загрязненность» воды в кувшине, вероятно, зависела исключительно от силы воображения того, кто на нее смотрел. И в том и в другом случае некорректный научный метод использовали, пытаясь придать вес популярным идеям.

Но неужели люди действительно круглый год держали окна открытыми? Похоже, бывало по-разному. Некоторые отчеты об условиях жизни бедняков, составленные филантропами, исследователями и чиновниками, сообщали, что целые выводки детей в уличной одежде жмутся друг к другу по ночам на голых матрасах под открытыми окнами. Их родители пытались поступать правильно. Они боялись отравить детей, хотя при открытых окнах у тех не было ни

малейшего шанса на тепло. В отчетах других, не менее потрясенных очевидцев содержались описания битком набитых спящими людьми комнат с плотно закупоренными окнами. Возможность сохранять тепло заботила этих людей куда больше, чем разговоры об отравленном воздухе. Генри Мэйхью, журналист газеты The Morning Chronicle, описывал в своих интервью с бедняками: «Глубокой ночью в непроветриваемой комнате их общее дыхание поднималось одним удушающим потоком омерзительного зловония».

Подавляющему большинству викторианцев неотапливаемое помещение с открытыми окнами обеспечивало бодрое начало дня. Покинув постель, люди осторожно вставали на то, что исполняло в их хозяйстве роль прикроватного коврика, и наступало время для следующего испытания — утреннего омовения.

МЫТЬЕ

В викторианский период влажное обтирание было основной формой личной гигиены, и с него начинался день большинства людей. К нему мужчины, а также женщины из высшего и среднего класса приступали сразу после того, как вставали с постели, не снимая длинной, просторной ночной рубашки. Но слугам и тем, кто должен был сначала вычистить решетки, начернить жаровню и разжечь огонь, обычно удавалось помыться, лишь когда с грязной утренней работой было покончено. Ханна Каллуик приводила себя в порядок перед тем, как начинала готовить для семьи завтрак, и нередко мылась на кухне. «Вымылась над раковиной и постелила скатерть к завтраку», — записала она 11 августа 1863 года. Но в большинстве случаев обтирание происходило в спальне, где уже имелась вся необходимая посуда.

Все, что для этого требовалось, — таз, ведро для грязной воды, мочалка, немного мыла и небольшой кувшин принесенной из кухни горячей воды (см. цветную илл. 2). Вода могла быть и холодной, и многие люди специально обтирались именно ею, чтобы улучшить циркуляцию крови. Кроме того, с холодной водой дело шло быстрее: кувшин можно было принести в комнату с вечера и поставить рядом с тазиками и полотенцами. Впрочем, викторианское мыло в холодной воде просто не работало — не растворялось и не мылилось, поэтому даже тем, кто ежедневно обтирался холодной водой, обычно рекомендовали хотя бы раз в неделю тщательно мыться горячей.

Обтирание по-прежнему остается весьма эффективным и экологически безопасным способом поддерживать чистоту, если вы вдруг оказались в спартанских условиях. Одного кувшина воды вполне хватает, чтобы вымыть и ополоснуть все тело. Для этого нужно налить немного воды в таз, затем окунуть в воду мочалку и отжать ее. После этого немного намылить мочалку, и можно приступать к очистке тела. Когда первая вода в тазу становится мутной, ее выливают в ведро и заново наполняют таз чистой водой из кувшина. Продолжать следует до тех пор, пока вы не станете совершенно чистыми. Мытье тела, так же как и мытье полов, можно производить по частям — намылить, сполоснуть и вытереть одну часть, а уж потом переходить к следующей. Благодаря этому вы можете обтираться, лишь слегка раздеваясь; по очереди приоткрывать, мыть и снова закрывать одеждой один участок тела, прежде чем переходить к следующему. Таким способом можно было вымыться, не слишком замерзнув, даже в январе, и соблюсти необходимые приличия, если вы, как большинство викторианцев, делили жилье с другими людьми. А некоторые части тела можно было вымыть и вовсе не снимая одежду. При необходимости на себе оставляли просторную

ночную рубашку, которая не мешала доставать мочалкой до нужных частей тела. Наконец, мочалку и таз споласкивали остатками чистой воды, после чего ведро с грязной уносили вниз и выплескивали.

Рис. 2. Утренний туалет перед умывальником, 1850 г.

Влажное обтирание было главной гигиенической процедурой всех викторианских женщин: от богатой хозяйки роскошного особняка, пользовавшейся для совершения туалета набором тончайшей фарфоровой посуды с ручной росписью, до крестьянки с ее разномастными надтреснутыми глиняными кувшинами и мисками. Женщина начинала с того, что подогревала в чайнике воду, или это делала за нее горничная. Для богатых людей, у которых хватало угля в подвале, чтобы разжечь огонь, а воду утром могла принести служанка, ежедневное мытье в тазу теплой водой было обычным делом. Для тех, у кого в доме было полно детей и никакой прислуги, каждый следующий чайник го-

рячей воды отодвигался чуть дальше в область невозможного, — в таких домах мылись редко или ограничивались мытьем в холодной воде. У бедняков, влачивших жалкое существование в тесных переполненных комнатах, работавших сверхурочно и не всегда евших досыта, обычно просто не было сил ходить с кувшинами воды вверх и вниз по лестницам холодного дома.

Рис. 3. Реклама изображает девочку с тазом для мытья, чайником горячей воды и куском мыла Sunlight, 1895 г.

Ванны были скорее исключением, чем правилом, и там, где они все же имелись, ими обычно пользовались в конце дня (мы подробнее поговорим об этом в последней главе). В основном ванну принимали мужчины. Не последнюю роль здесь играли соображения благопристойности. Мужчинам было вполне комфортно прогуливаться в купальном халате по коридору богатого дома, однако о женщинах никак нельзя было сказать того же – для этого они чувствовали себя слишком незащищенными. И в тех немногих домах представителей рабочего класса, где у огня стояла жестяная ванна, ее тоже обычно принимали мужчины или дети. Даже в кругу семьи очень немногие женщины были готовы расхаживать обнаженными по кухне, да и мужчины предпочитали в такой полупубличной обстановке принимать ванну в тонких хлопковых подштанниках.

До конца столетия обтирание – горячей или холодной водой, с мылом или без мыла – оставалось одной из самых распространенных гигиенических процедур. Оно позволяло быстро привести себя в порядок утром и подготовиться к новому дню. Впрочем, то, что люди вообще мылись с помощью воды, было относительно новым явлением. До викторианского периода было принято считать, что сквозь поры кожи в организм проникают разнообразные болезни. Здоровое потоотделение выводило через поры вредные вещества, но при этом кожу важно было защищать от слишком тесного контакта с источниками инфекции. Вода открывала поры, поэтому ее следовало избегать. Переносчиками болезней считались витающие в воздухе вредоносные миазмы (испарения), которые становились особенно густыми и опасными там, где царили сырость и явный дурной запах. Если вы проходили сквозь облако зловонного тумана, поднимающегося из ям кожевников или от киснущих навозных куч, мимо открытых

сточных канав или красильных мастерских, то инфекция окружала вас, пытаясь проникнуть в организм через нос, рот или кожу. Разумный человек старался по возможности избегать таких мест и носил с собой духи, чтобы отогнать миазмы. Кроме того, он старался прятать кожу под одеждой, чтобы защитить ее от подобных опасностей.

Викторианские научные исследования, касающиеся кожи и ее функций, вызвали к жизни ряд радикальных теорий. Было проведено несколько экспериментов по герметизации пор, самый известный — с лошадью. Чтобы обеспечить полную герметичность, бедное животное тщательно покрыли в несколько слоев шеллаком (раствором для лакировки мебели), и через несколько часов оно скончалось. Ученые посчитали, что лошадь задохнулась, и это якобы доказывало, что кожа играет в процессе дыхания такую же важную роль, как и в процессе потоотделения. Представления XXI века об анатомии позволяют с уверенностью утверждать, что герметизация пор привела к перегреву животного и смерти от теплового удара. Однако в Викторианскую эпоху долгое время продолжали воспринимать всерьез ошибочное мнение, будто поры кожи являются важным, пусть и второстепенным проводником кислорода в организм. И хотя более старые представления о выведении через кожу вредных веществ и отходов жизнедеятельности продолжали существовать, викторианская наука упорно стремилась изменить способы ухода за кожей.

Полезным с гигиенической точки зрения считалось держать тело по возможности хорошо прикрытым, при этом рядом с кожей должен был находиться слой хлопка или льна — одежды, которую можно было снять и тщательно выстирать. Все тело, кроме головы и кистей рук, у мужчин было закрыто рубашками, кальсонами и чулками, а у женщин — длинными сорочками и чулками. Перед сном

мужчины надевали длинную рубаху, женщины — достигавшую щиколоток ночную сорочку с длинными рукавами, а в зимнее время еще и чулки для сна и ночной колпак. Это позволяло полностью закрыть тело на время сна. Чистоплотный и думающий о здоровье человек старался менять нижнее белье как можно чаще. Те, у кого хватало времени и запасной одежды, могли делать это ежедневно — и даже по нескольку раз в день. В менее обеспеченных кругах многие просто меняли ночное белье на дневное, что тоже способствовало поддержанию чистоты. Свежее белье лучше впитывало пот и грязь, и каждый раз, меняя его, вы избавлялись от скопившихся загрязнений. Кроме того, удалить с кожи жир, грязь и пот помогало растирание сухого тела чистым льняным полотенцем. Вдобавок эта процедура имела еще ряд ценных свойств: стимулировала кровообращение, придавала коже здоровый блеск и в целом тонизировала организм. А постирать полотенце совсем не сложно. Растирание гарантировало, что кожа будет чистой и вполне здоровой без воды, которая могла вызвать простуду или открыть поры для инфекции.

Этот способ действительно работает. Я знаю, потому что сама пользовалась им в течение долгого времени. Кожа остается здоровой, тело не издает никаких неприятных запахов. Ежедневное быстрое растирание специальным сухим полотенцем или щеткой для тела (обычно замшевой подушечкой на обратной стороне деревянной колодки щетки) действительно сохраняет кожу в прекрасном состоянии. В тот период, когда я дольше всего обходилась без мытья водой (четыре месяца подряд), никто этого даже не заметил. Я сама для сухого растирания предпочитаю пользоваться не щеткой, а полотенцем. Естественно, нужно уделять особое внимание подмышкам, а полотенце лучше всего брать старое, мягкое и хорошо впитывающее. Многие современные писатели и ученые обожают рассу-

ждать о том, что в прошлом, до распространения современной привычки мыться водой, от людей чрезвычайно дурно пахло. Мой опыт заставляет меня скептически относиться к этим заявлениям.

Однако верно и то, что традиция мыться теплой водой с мылом возникла как раз благодаря викторианским представлениям о дыхательных функциях кожи. Медики были обеспокоены тем, что закупоренные поры ведут к накоплению в организме ядов, способных вызвать слабость, вялость и в конечном итоге смерть. Вода и мыло помогали поддерживать кожу в здоровом состоянии и открывали поры, через которые, согласно гипотезе, в кровь мог поступать ценный кислород, стимулируя тем самым весь организм. Открытые поры также способствовали тому, что из организма свободно выходили вредные вещества — побочные продукты разнообразных недугов и болезней.

Викторианские теории о мытье и уходе за кожей побуждали людей внимательно относиться к своей одежде, в особенности одежде для сна. В целом людям советовали носить несколько слоев легкой, воздухопроницаемой одежды и не слишком плотно кутаться даже в холод. Дышащие свойства одежды, а также одеял отдельно подчеркивались в рекламе. В наши дни об этих традициях отдаленно напоминают ткани Aertex, из которых шьют спортивную одежду, и покрывала ажурного плетения, легкие и теплые, но хорошо пропускающие воздух. Однако, в отличие от этих тканей, действительно объединяющих в себе воздухопроницаемость и комфорт, «дышащие» предметы одежды Викторианской эпохи часто оказывались не слишком удобными. Яркий пример — «оздоровительные» корсеты конца XIX века. Новейший улучшенный фасон должен был помочь при проблемах с грудью и дыханием, однако это вовсе не означало, что такой корсет не сдавливал ребра. «Гигиенические» и «оздоро-

вительные» корсеты 1890-х годов были снабжены косточками и предполагали тугую шнуровку, как и прежние, — просто в них были дополнительные отверстия, чтобы кожа могла дышать.

ДЕЗОДОРАНТЫ И ЗАПАХ ТЕЛА

Утреннее мытье изменило викторианские представления о запахе, хотя дезодоранты промышленного производства стали появляться только в следующем столетии. Все больше викторианцев, по крайней мере из среднего класса, начинали свой день с мыла и теплой воды, и постепенно запах тела приобрел новое значение, бесповоротно разделив нацию на две части. Уильям Теккерей в своем романе «Пенденнис» (Pendennis; 1850) впервые употребил словосочетание «толпа немытых». Неологизм быстро прижился как обозначение рабочего класса, позволявшее дистанцироваться от него тем, кто стоял выше на социальной лестнице. Эти люди пахли совсем иначе — обычно мылом, без всяких следов застарелого пота. Вообще, викторианское мыло на основе животных жиров и едкой щелочи пахло по-особому, весьма резко и вполне успешно маскировало телесные запахи. Во второй половине столетия приобрело популярность мыло с ароматом лаванды, фиалки, розы. Это привлекло еще больше внимания к гигиеническим привычкам людей. Цветочные ароматы, впрочем, никогда до конца не перебивавшие запах мыльной основы, были своего рода знаком отличия, который моющаяся часть населения могла носить с гордостью.

Представители рабочего класса относились к мытью водой более консервативно, хотя гораздо больше занимались физическим трудом, а значит, больше пачкали одежду и сильнее потели. Они не покупали и не читали посвящен-

Рис. 4. Дезинфицирующее и лечебное мыло имело характерный запах

ных заботе о здоровье и ведению домашнего хозяйства книг, в которых рекомендовалось мыться с мылом. И что, пожалуй, еще важнее, у рабочего класса возникало больше трудностей с мытьем и стиркой, в таких семьях было намного меньше возможностей.

Для тех, кто жил за чертой бедности, непосильными становились даже расходы на горячую воду и мыло, не говоря уже о приспособлениях для стирки. В начале викторианского периода кусок мыла весом около 110 г (мыло примерно такого же размера продается в Британии и сейчас) стоил как хороший кусок говядины. Семье из среднего класса, решившей придерживаться нового режима мытья, потребовалось бы три или четыре таких куска в неделю. Позволить себе подобные траты могли очень немногие. Даже в конце эпохи, когда благодаря научно-техническому прогрессу в несколько раз снизились цены, деньги на мыло

для мытья и стирки составляли бы 5% еженедельного бюджета у семьи рабочего. И поскольку дополнительные затраты были семье чаще всего не по карману, отдельный котел для нагрева воды и стирки тоже оставался не самым обязательным предметом в домах рабочего класса. Каток для отжима белья значительно сокращал трудозатраты при большой стирке, но он тоже стоил денег, и даже в конце столетия рабочий класс в большинстве своем справлялся без него. Так что совершенно неудивительно, что одни слои общества так сильно отличались по запаху от других.

Стирка, о которой мы подробнее поговорим позже, играла в этом ольфакторном разделении главную роль. Впитывавшая пот и другие выделения одежда, естественно, способствовала размножению бактерий и появлению запахов. Но вот шерстяная ткань, напротив, позволяла поту свободно испаряться. В XXI веке любители пешего туризма и скалолазания заново открывают для себя этот урок Викторианской эпохи. Чистая шерсть опять приобретает известность — носки «без запаха», термобелье из мериносовой шерсти и т.д. Высокотехнологичные искусственные волокна не могут конкурировать в этом отношении с традиционной шерстью.

В тех местах, где одежда плотно прилегала к телу, или там, где потоотделение было особенно сильным, рекомендовалось иметь дополнительный слой съемной, легко стирающейся одежды. Викторианским женщинам больше всего хлопот доставляли облегающие лифы, рукава и подмышки. Хотя нижние рубашки и сорочки можно было стирать, старались также использовать дополнительную защиту для платья — маленькие съемные прокладки, которые вставляли в подмышки. Их можно было вынимать и стирать отдельно, это позволяло не испортить деликатную или богато украшенную одежду. Такую защиту для платья до сих пор можно купить в обычных галантерейных магазинах.

Еще одним средством добиться приятного запаха были присыпки. Изготовленные на основе крахмала или талька, с ароматизаторами или без, эти порошки поглощали пот и облегчали его удаление с тела. Присыпки всегда можно было найти в лавках аптекарей. Самые дорогие продавались в изящных фаянсовых баночках вместе с круглой губкой для нанесения присыпки на тело. У дешевых была крышка с отверстиями, наподобие солонки, чтобы сыпать порошок прямо на кожу. Самым экономным покупателям продавцы предлагали обычный крахмал или тальк на развес. Те, кого по-прежнему беспокоил запах, прибегали к последнему средству — протирали подмышки и другие места, склонные к появлению запаха, тряпочкой, которую смачивали нашатырным спиртом. Нашатырный спирт уничтожал бактерии, из-за которых возникал запах пота, и был очень эффективным дезодорантом. Чуть менее действенным было обтирание уксусом. Уксус уничтожал бактерии не так агрессивно, как нашатырный спирт, но имел другое преимущество — он меньше раздражал чувствительную кожу.

О ВАЖНОСТИ ГИГИЕНЫ

В Викторианскую эпоху правила гигиены соблюдали не только, чтобы избежать неприятных запахов, но и чтобы оставаться здоровыми в целом. А в изучении здоровья человека происходили, пожалуй, величайшие перемены за всю историю.

Основные идеи микробной теории уже какое-то время были на слуху, но окончательно ее признали, когда в начале 1860-х годов Луи Пастер продемонстрировал, что процесс разложения вызывают присутствующие в воздухе живые организмы. Он провел простой эксперимент, по-

местив один образец на воздух, а другой в вакуум. Образец в вакууме не разлагался, пока в сосуд не впустили воздух. После этого не осталось никаких сомнений в том, что разложение вызывают крошечные организмы, видимые только под микроскопом. Процессы разложения и гниения не возникали самопроизвольно, как считали раньше, — они были результатом деятельности живых существ. И этих живых существ можно было уничтожить, в идеале, с помощью средства, способного убивать микробов, не принося вреда человеку. Нужными свойствами обладала карболовая кислота. Это открытие тоже принадлежит Пастеру.

Постепенно люди проникались новыми идеями, и появлялось все больше данных о новых микроорганизмах. Пожалуй, самым известным исследованием стала работа Джона Сноу, одного из основателей Лондонского эпидемиологического общества, который определил, из-за чего вспыхнула холера в 1854 году. Сноу заметил, что все случаи заболевания связаны с одной водяной колонкой на Бродстрит в Сохо — она была заражена холерой. То, что с колонки вовремя сняли рукоять насоса, несомненно, спасло сотни человеческих жизней.

Теория миазмов гласила, что причиной любых болезней служит дурной воздух, однако то, каким образом болезнь проявляет себя в организме, зависит от самого человека, а не от источника инфекции. Считалось, что один и тот же самый миазм мог вызвать у кого-то болезнь легких, а у кого-то — расстройство желудка, в зависимости от телосложения и условий жизни. Только в 1879 году немецкий врач Роберт Кох смог доказать, что за определенные заболевания отвечают определенные виды бактерий. К 1884 году были выделены бактерии, вызывающие брюшной тиф, проказу, дифтерию, туберкулез, холеру, дизентерию, гонорею и столбняк. Это был действительно большой прорыв в науке, оказавший огромное влияние на

процесс изучения и лечения заболеваний. С точки зрения гигиены это меняло все — и в то же время ничего.

Если микробы были повсюду — в воздухе, в воде и на всех поверхностях, — соблюдение правил гигиены приобретало особое значение. Сохранение идеальной чистоты считалось одним из лучших способов защитить свою семью от болезней. Но если раньше вы старались избавиться от источников дурных миазмов, то теперь вы избавлялись от микробов. Все гигиенические процедуры оставались по-прежнему нужными и полезными. Микробная теория отнюдь не оспаривала старые представления о чистоте — она точно так же говорила о необходимости мыть туалеты, регулярно опорожнять выгребные ямы, подметать полы, стирать одежду, драить кухню, мыть посуду и т.д. Уборка была важна для сохранения здоровья, какой бы теории вы ни придерживались. То же касалось и чистоты в общественных местах: от микробов и миазмов избавлялись с одинаковым успехом, если городские власти заботились о вывозе мусора и регулярной уборке улиц, и преследовали тех, кто сваливал отходы на улицу. Личная гигиена тоже играла одинаково важную роль как в микробной, так и в миазматической теории. Чистое тело не испускало дурного запаха и не превращалось в рассадник микробов.

Если Ханна Каллуик по-прежнему мылась утром в раковине на кухне, то после того, как распространилась и была принята микробная теория, она больше не беспокоилась, что горячая вода может открыть поры. Кроме того, теперь женщина старалась не просто мыть руки, но и дезинфицировать их. Одним из самых популярных дезинфицирующих средств считалась карболовая кислота. Ее продавали в аптеках в виде жидкости и порошка, а также смешивали с мылом, она давала новый вид чистоты — не тот, при котором предметы становились чистыми с виду и приятно пахли. Резкий запах карболовой

кислоты стал ассоциироваться с чистотой в новом, стерильном смысле этого слова. Прислуга, от которой пахло карболовым мылом, вызывала у хозяйки больше доверия и имела намного больше шансов получить работу. (В наши дни продается дегтярное мыло — оно похоже на карболовое, и, если вы хотите ближе познакомиться с викторианскими стандартами чистоты, можете воспользоваться им, хотя сегодня активным ингредиентом мыла стало масло чайного дерева. Впрочем, производители заботятся о том, чтобы мыло по-прежнему пахло карболовой кислотой, которая даже сейчас ассоциируется со стерильностью и безопасностью.)

ЧИСТКА ЗУБОВ

Позаботившись о чистоте и благоухании тела, многие переходили к гигиене зубов. Зубные щетки по форме очень напоминали те, к которым привыкли мы, только с костяными или деревянными ручками, а щетинки, как правило, были из конского волоса или волоса пони. То, что мы называем зубной пастой, тогда носило название «зубной эликсир». Многие готовили его дома, а самым простым средством для чистки зубов была щепотка обычной сажи или соли. Вместе с тем в продаже имелись зубные эликсиры промышленного производства. Большинство зубных эликсиров, как домашних, так и купленных у аптекаря или фармацевта, представляли собой просто ароматизированные и иногда подкрашенные абразивы — по сути, полирующие средства. Я привожу три рецепта, заимствованные из первых выпусков The Englishwoman's Domestic Magazine:

> Камфарный зубной эликсир. Обработанный мел — 450 г, камфара — 1,8 или 3,6 г. Камфару, смоченную не-

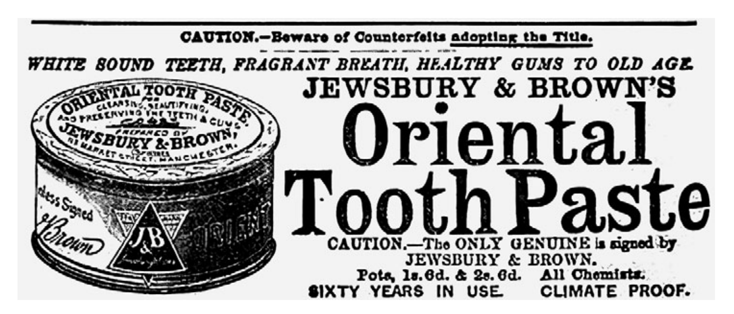

Рис. 5. Реклама зубной пасты, 1897 г.

большим количеством винного спирта (spirit of wine), как следует растереть, а затем тщательно перемешать с мелом.

Мирровый зубной эликсир. Порошок из каракатицы — 450 г, порошок из мирры — 57 г.

Американский зубной порошок. Коралл, кость каракатицы, драконья кровь — каждого по 14,5 г, жженые квасцы и красный сандал — каждого по 7,2 г, корень фиалки — 14,5 г, гвоздика и корица — каждой по 0,9 г, роза розовая — 14,5 г. Все истолочь в порошок и смешать.

Толченый мел и кость каракатицы мягко отшлифовывали поверхность зубов. Эти два ингредиента встречались в средствах для чистки зубов чаще всего. За ними следовали сажа и древесный уголь, не менее эффективные, но выглядевшие далеко не так привлекательно. Камфара (полученная из дерева семейства лавровых), мирра и жженые квасцы (природный минерал, который используют для очистки воды, закрепления красителей и в качестве дезодоранта) придают средствам лекарственный вкус. Он надолго задерживался во рту, а камфара и квасцы, кроме того, обладали слабым антибактериальным действием.

Американский зубной порошок, вероятно, был очень ярко окрашенным продуктом. Толченый коралл, драконья кровь и розовая роза служили красителями, а в сочетании со специями должны были придавать порошку приятный вкус и ароматизировать дыхание.

Ингредиенты для этих рецептов можно было без труда купить у любого аптекаря или фармацевта. Все вещества издавна были хорошо известны большинству людей. Мел представлял собой обычный меловой камень, истолченный в тонкий порошок — его нередко использовали для чистки раковин и ванн, и он до сих пор служит абразивной основой многих хорошо известных чистящих средств для кухни и ванной. Толченую кость каракатицы получали, растирая в порошок твердые внутренние раковины каракатиц, выброшенные волнами на берег. Сегодня в Британии кость каракатицы больше известна как пищевая добавка для подкормки волнистых попугайчиков. Порошок из кости каракатицы тоньше и нежнее, чем толченый мел. Примерно такой же мягкостью отличается толченый древесный уголь, при этом у него есть еще одно преимущество — он обладает дезодорирующими свойствами и освежает дыхание. Однако мой личный фаворит — сажа, и я с готовностью могу порекомендовать ее в качестве альтернативы современным зубным пастам, хоть цвет ее и пугает. Сажа — самый мягкий абразив, она помогает удалять зубной налет и зубной камень, не повреждая зубы и не раздражая десны. Она безвредна, даже если проглотить немного, и, разумеется, она без труда смывается водой.

К другим ингредиентам следует относиться с осторожностью. Жженые квасцы — едкое вещество, и даже в небольшом количестве они могут вызвать раздражение в чувствительных местах, особенно таких, как полость рта. В викторианские времена жженые квасцы были хорошо известны как чистящее и отбеливающее средство. Кам-

фара и тогда, и сейчас применяется в домашнем хозяйстве против платяной моли. Почувствовав однажды этот запах, вы не сможете его забыть. Его нельзя назвать однозначно неприятным, но он очень узнаваемый. Почти как вездесущая мятная свежесть современной зубной пасты, запах камфары служил своего рода личной рекламой, сообщая всему миру, что вы сегодня чистили зубы. Драконья кровь, несмотря на экзотическое название, была одним из наименее опасных ингредиентов — это просто корень растения, дающий ярко-красный цвет. Его до сих пор используют в пищевой промышленности. Современного человека, привыкшего к белым зубным пастам, в этих рецептах больше всего удивляет количество розовых и красных красителей. Но викторианцы предпочитали, чтобы зубная паста воспроизводила цвет здоровых десен, а не цвет зубов.

Я с осторожностью отношусь к медицинским рецептам Викторианской эпохи, если не до конца понимаю действие всех ингредиентов, и советую вам поступать так же. Я никогда не пользовалась упомянутым американским зубным порошком, но мои эксперименты с обычной сажей и толченой костью каракатицы прошли вполне благополучно. Небольшое количество любого из этих веществ, нанесенных на влажную зубную щетку, вполне справляется с задачей. Если вам, как и мне, не слишком нравится зубная паста из-за того, что она слишком пенится и имеет сильный вкус, они могут стать довольно приятной альтернативой.

ГИГИЕНИЧЕСКИЕ ПРОКЛАДКИ

У женщин детородного возраста утренний ритуал включал еще один этап. В конце столетия можно было прийти в магазин и вполне свободно приобрести гигиенические прокладки. Тем, кому стыдливость не позволяла сделать это

открыто, служба почтовых заказов обещала доставить необходимое в простом пакете из коричневой бумаги. В журналах стала появляться осторожная реклама этой продукции, в основном эксплуатирующая медицинские образы и ассоциации. Жизнерадостные медсестры в свежей, накрахмаленной форме держали в руках некие свертки, похожие на бинты. В рекламном объявлении, размещенном на рубеже веков в одном из журналов по рукоделию, на ненавязчиво демонстрируемом свертке видна надпись «Санитарные салфетки Саутвелла». Но в более поздних выпусках журнала реклама изменилась — теперь рука медсестры закрывала надпись, оставляя на виду только «салфетки Саутвелла»: даже слово «санитарный» многие чувствительные дамы посчитали чересчур откровенным. Появление в продаже таких вещей, как гигиенические прокладки, было большой новостью — раньше никто не мог предположить, что эти интимные принадлежности можно изготавливать вне дома. Однако печатной информации и инструкций по этому вопросу было еще немного. О таких вещах нечасто говорили даже в кругу женщин и, конечно, еще меньше писали. Одно из лучших практических описаний было составлено в самом конце века американской публицисткой, доктором Мэри Аллан. Она предлагала крепить гигиеническую прокладку с помощью подтяжек: они перекидывались через плечи и пуговицами пристегивались к прокладке спереди и сзади. На самой же прокладке были прорези для пуговиц. Доктор Аллан советовала своим читательницам изготавливать прокладки из квадратного куска мягкой хлопковой пеленки площадью 40 см:

> Отступив от края приблизительно 7–8 см, сделайте с каждой стороны надрез длиной 10 см. Сложите полоску вдоль пополам и сшейте до надрезов. У вас получится лента с подобием кармана посередине. Под-

рубите края. Сложите салфетку внахлест, на 10 см с каждой стороны, то есть на глубину сделанных надрезов. Затем сложите поперек, заправляя ткань в карман на ленте. Вы получите прокладку с толстой серединой и тонкими краями, за которые ее можно прикрепить к подтяжкам.

Идея носить гигиенические прокладки на подтяжках была, вероятно, довольно необычной. Несмотря на то что текстовые описания встречаются редко, сохранилось довольно много викторианских гигиенических прокладок и поясов. Спрятанные на дне сундуков и ящиков с бельем, они оставались тихим напоминанием об особенностях жизни женщин. Обычно прокладки прикрепляли к поясу, который носили на талии. Иногда поясом могла служить тесьма, но были и намного более основательные пояса, имевшие продуманную форму. Вероятно, удобнее всего были те, что напоминали кокетку тогдашних нижних юбок, во многом они походили на современные пояса с подвязками — за исключением того, что завязок спереди и сзади было две, а не четыре: поддерживать приходилось одну прокладку, а не пару чулок.

Мне не встречались образцы гигиенических прокладок, сложенных по совету доктора Аллан — толстых посередине и тонких по краям, — хотя это звучит гениально. Большинство сохранившихся прокладок имеет форму узкого хлопкового мешочка, открытого с одного конца, чтобы набивать впитывающим материалом. С обеих сторон к прокладке обычно пришивали петельки из тесьмы, за которые ее можно было пристегивать к поясу. Хлопковый мешочек после использования стирали, впитывающий материал, который находился внутри, не всегда. Для набивки можно было использовать что угодно. Во многих случаях это были тряпки, которые просто выбрасывали

Рис. 6. Одна из первых реклам гигиенических прокладок, 1898 г. Упоминается их прекрасная впитывающая способность, антисептические свойства, идеальная форма, увеличенная толщина, простота крепления, максимальная безопасность и долгий срок службы

после использования, хотя, если ресурсов не хватало, их тоже стирали. Кто-то использовал природные материалы, например мох. У прокладки доктора Мэри Аллан вообще нет чехла — к подтяжкам прикреплялась сама прокладка, по диагонали за углы, и материал, из которого она была сделана, складывался таким образом, чтобы создать объем. Возможно, в Америке эта практика действительно была достаточно распространена, — а те образцы, которые я видела, использовались в Англии.

Я пробовала носить гигиенические прокладки в виде хлопкового мешочка, пристегнутого к поясу. С точки зрения комфорта и эффективности это не слишком отличается от современных средств женской гигиены. Да, викторианские прокладки могут протечь, но точно так же протекают и современные прокладки. Да, они могут создавать ощущение сырости и дискомфорта, если их не менять достаточно часто, — но то же самое можно сказать и о современных прокладках. Однако у них есть два очевидных отличия от современных аналогов. Прежде всего,

их пристегивали. Женские панталоны были относительно новым явлением, в течение столетия они постепенно распространялись все шире, но даже в начале XX века, когда их уже носило подавляющее большинство женщин, панталоны никак не могли удерживать на месте гигиенические прокладки. Панталоны образца 1900 года представляли собой пару просторных, слабо облегающих шаровар. Они не были эластичными и облегающими — они были объемными и свободными, чтобы не сковывать движения, а значит, не могли ничего удержать на теле. Панталоны, существовавшие до 1900 года, еще меньше подходили для крепления гигиенической прокладки, поскольку они были разделены на две части и состояли из двух штанин, соединенных только поясом. Гигиенические прокладки требовали отдельного пояса, и этот способ их ношения продолжал существовать до конца 1970-х годов.

Второе существенное отличие от современных гигиенических прокладок заключается в том, что викторианские прокладки можно было использовать много раз. Исходя из личного опыта, могу сказать, что это довольно необычная идея, принять ее удается не сразу. Сейчас мы настолько привыкли к одноразовым средствам женской гигиены, что мысль о стирке прокладок может показаться нам не слишком приятной. Однако иметь с ними дело не более неприятно, чем с детскими подгузниками. Прокладки, как и подгузники, лучше всего замачивать в холодной воде с добавлением соли, в накрытом крышкой ведре. Просто бросьте испачканные хлопковые и льняные тряпки в ведро и оставьте отмокать. Большая часть загрязнений отойдет во время замачивания. Вам останется только вылить грязную воду и прополоскать белье. Оно будет по большей части чистым еще до того, как вам придется к нему прикоснуться.

Теперь, когда мы разобрались с основными гигиеническими процедурами, пришло время одеваться.

2
Одевание

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Нижнее белье

Стоя в холодной спальне, викторианский мужчина снимал ночную одежду и быстро натягивал нижнюю рубашку и кальсоны. Нижние рубашки бывали и без рукавов, но чаще закрывали руки до запястий. Самое главное, чтобы нательная рубашка была теплой, а поскольку она не предназначалась для чужих взглядов (члены семьи и прачка не в счет), ее фасон никак не зависел от веяний моды. Кальсоны также должны были прежде всего защищать от холода. Они доходили до щиколотки и застегивались на талии и внизу штанин, чтобы уберечь ноги от холодного воздуха. Одни кальсоны застегивались на кнопки, у других были тесемки. Вместе с носками получался первый слой, поверх которого надевалась вся остальная одежда.

Тони Уиджер, живший на рубеже веков, был рыбаком из города Ситон в Южном Девоне. Однажды туманным утром он, как записал его квартирант, «топтался на кухне в (непарных) чулках, кальсонах и легкой рубашке в клетку», занятый приготовлением чая для своей жены.

Полностью прикрытый нижним бельем, за исключением лица и кистей рук, Тони Уиджер нисколько не смущался из-за того, что друг-квартирант или близкие могут застать его в полураздетом виде, хотя выйти в таком виде на улицу он вряд ли рискнул бы. Мужское нижнее белье вызывало гораздо меньше сексуальных ассоциаций, чем женское. Кроме того, оно не только прикрывало наготу, но и выполняло еще одну важную функцию. Викторианскому мужчине никогда не пришло бы в голову надеть уличные брюки сразу на голые ноги. Он посчитал бы это крайне негигиеничным. И нижнее белье можно было стирать чаще, чем одежду, которая надевалась поверх него.

В британском климате идея носить под одеждой теплое шерстяное белье почти круглый год казалась очень привлекательной. Чаще всего выбирали фланель — это была одна из самых дешевых шерстяных тканей мягкого редкого плетения, естественным образом утепляющая и при этом не слишком жесткая и тяжелая. Однако во второй половине 1840-х годов появилась еще одна разновидность шерстяного нижнего белья (для тех, кто мог себе это позволить). На Всемирной выставке в 1851 году было представлено множество бельевых изделий из машинного трикотажа. Компании изо всех старались превзойти друг друга, предлагая покупателям отлично сидящие, качественные и хорошо переносящие стирку изделия. У самых дорогих брендов белье было изготовлено из гребенной шерсти — оно не раздражало кожу, повторяло формы тела и отлично согревало, не создавая лишнего объема и грубых складок. Впрочем, эти модели стоили немало — их могли купить только обеспеченные представители среднего класса.

Главным образом то, комфортным или нет было белье, зависело от фасона и материала нижней рубашки. Фланель хорошо сохраняла тепло, но некоторые считали ее слишком колючей. Хлопковая ткань с начесом меньше

натирала кожу и стоила дешевле, но была не слишком эластичной, то есть почти не тянулась, и, как следствие, сшитые из нее нижние рубашки существенно ограничивали движения. Пожалуй, лучше всего колючесть шерсти помогала преодолеть смягчающая подкладка. Ткань сильнее всего натирала в области ворота и манжет, и проблему решали, пришив в этих местах изнутри рубашки широкую хлопковую ленту. Тот же способ можно было использовать и для вязаных шерстяных рубашек. Это была, безусловно, лучшая альтернатива – они отлично тянулись, давали полную свободу движений и не добавляли объем на талии.

Кальсоны (или, как их назвал постоялец Тони Уиджера, «штаны») также могли быть хлопковыми, фланелевыми или вязанными из шерсти. Больше всего хлопот возникало с талией. Эластичные пояса встречались крайне редко. Эластичные застежки для одежды были запатентованы в 1820 году, но почти до конца столетия их использовали только для перчаток и ботинок. Оставалось два варианта: кулиска со шнурком или простой тканевый пояс, застегивающийся на пуговицу. Затягивающийся шнурок создавал громоздкий валик на талии, что было неудобно, поэтому обычно у кальсон был прилегающий тканевый пояс, отделанный изнутри хлопковой лентой. Широкой полосой хлопковой ткани подбивали с изнанки и нижнюю часть кальсон, чтобы они не натирали кожу и не вызывали раздражение.

Носки (или, в случае Тони, «чулки») иногда бывали шелковыми, но гораздо чаще встречались шерстяные. Вязальные машины массово производили носки хорошего качества по разумной цене, однако носки домашней ручной вязки еще встречались у представителей всех слоев общества. Независимо от способа производства все носки рано или поздно приходилось штопать вручную. Хорошая штопка была почти незаметной и не доставляла никаких

Рис. 7. В начале нового столетия трико становилось все популярнее за счет, как говорилось в рекламе, удобства носки, хорошей вентиляции и свойств ткани

неудобств. Носить плохо заштопанные носки было настоящим мучением: твердый комок на месте дыры мог натереть ногу, как плохо сидящая обувь.

К концу века появился гибридный предмет одежды — трико. Нижняя рубашка и кальсоны объединились в один целиком закрывающий тело предмет одежды с ширинкой спереди и откидным клапаном сзади. Этот вид белья знаком нам по фильмам о Диком Западе. Фасон, по-видимому, пользовался особенной популярностью в Америке на рубеже веков. Так же, как раздельные рубашка и кальсоны, трико согревало и было тем самым слоем ткани между телом и уличной одеждой. Однако в Британии трико носили лишь немногочисленные любители, большинство мужчин отдавали предпочтение традиционным рубашкам с кальсонами.

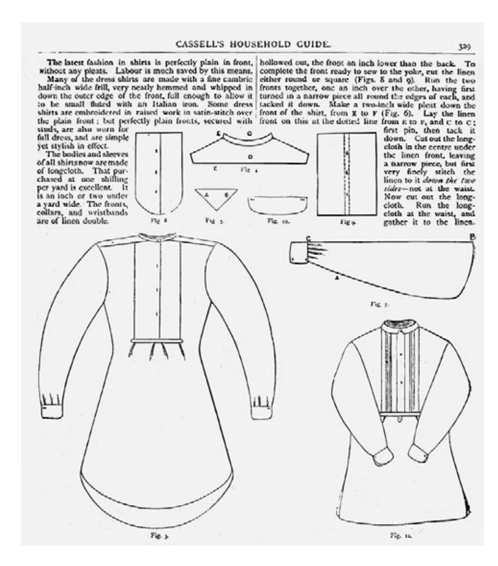
Рубашка, которую надевали поверх нижней, была в некотором смысле одновременно и нижней, и уличной одеждой, поскольку социальный этикет того времени предписывал мужчинам всегда носить жилет и пиджак.

В современной Британии рубашку вполне можно надевать на улицу, мужчины появляются в рубашках даже на строго формальных мероприятиях, но викторианцы относились к рубашке иначе. Воротник и манжеты оставались на виду, но нередко это были отдельные предметы одежды, которые крепились к рубашке пуговицами или булавками. Под пиджаком или жилетом можно было увидеть манишку рубашки, но снять пиджак и выставить напоказ рубашечные рукава позволялось лишь в самой непринужденной и расслабленной обстановке. На викторианских фотографиях, картинах или гравюрах в газетах и журналах крайне редко показывали мужчин без пиджаков. Если такие изображения все же встречались, они преследовали определенную цель. Мужчина, особенно рабочий, сидящий дома в кругу семьи перед очагом в конце трудового дня, мог снять пиджак. Кроме того, пиджак снимали для занятий спортом или драки или если человек был занят грубым физическим трудом.

Хотя рубашка в основном оставалась скрытой от глаз, ее все же считали модным предметом одежды, поэтому рубашки отличались удивительным разнообразием цветов и рисунков. Поначалу рубашки в полоску, в клетку и в горох были обычным явлением среди богачей и знати, но со временем в обеспеченных слоях общества переключились на белые рубашки. Свежая белоснежная рубашка стала отличительным признаком джентльмена. Рабочий класс тем временем двигался в противоположном направлении. В начале правления королевы Виктории рабочие носили белые рубашки (или, по крайней мере, кремовые и светлые), но в 1870-х и 1880-х годах, когда высшие слои охладели к причудливым расцветкам, рабочие, наоборот, обрели к ним интерес. Рубашка в полоску или в клетку могла выглядеть свежей дольше, чем белая, и давала возможность оживить полинявший гардероб. В конце столе-

тия клетчатая рубашка стала отличительным признаком неквалифицированных работников, в том числе рыбаков, таких как Тони Уиджер.

Воротник, манжеты и галстук, более заметные, чем сама рубашка, обращали на себя большее внимание. Само наличие воротника могло подсказать, к какому классу принадлежал человек, а форма, степень чистоты и количество крахмала, потраченного на то, чтобы отбелить воротник и сделать его более жестким, говорили о положении в социальной иерархии. Сельские и фабрично-заводские рабочие обычно носили рубашки без воротника, свободно повязывая вокруг шеи кусок ткани наподобие галстука. Человек, который носил воротник, относился к другой социальной группе. Это различие ненадолго стиралось только по воскресеньям, когда рабочие тоже старались одеться получше, хотя это влекло дополнительные хлопоты и расходы.

CASSELL'S HOUSEHOLD GUIDE. 329

The latest fashion in shirts is perfectly plain in front, without any pleats. Labour is much saved by this means.

Many of the dress shirts are made with a fine cambric half-inch wide frill, very neatly hemmed and whipped in down the outer edge of the front, full enough to allow it to be small fluted with an Italian iron. Some dress shirts are embroidered in raised work in satin-stitch over the plain front; but perfectly plain fronts, secured with studs, are also worn for full dress, and are simple yet stylish in effect.

The bodies and sleeves of all shirts now are made of longcloth. That purchased at one shilling per yard is excellent. It is an inch or two under a yard wide. The fronts, collars, and wristbands are of linen double.

hollowed out, the front an inch lower than the back. To complete the front ready to sew to the yoke, cut the linen either round or square (Figs. 8 and 9). Run the two fronts together, one an inch over the other, having first turned in a narrow piece all round the edges of each, and tacked it down. Make a two-inch wide pleat down the front of the shirt, from E to F (Fig. 6). Lay the linen front on this at the dotted line from E to F, and C to C; first pin, then tack it down. Cut out the longcloth in the centre under the linen front, leaving a narrow piece, but first very finely stitch the linen to it *down the two sides*—not at the waist. Now cut out the longcloth. Run the longcloth at the waist, and gather it to the linen.

Рис. 8. Рубашки нередко шили дома

Отложные воротники, которые обычно носят в XXI веке, считались неформальными, их носили только обеспеченные люди в часы досуга. А вот сильно накрахмаленные стоячие (съемные) воротники были частью строгой официальной одежды и играли важную роль в любом деловом костюме. В 1840-х годах мужчины носили воротники более высокие спереди, чем сзади, так что накрахмаленные уголки касались щек, чуть выше линии челюсти. Под влиянием более поздней моды эти уголки начали отгибать наружу, придавая воротнику сходство с современным воротником-бабочкой (воротник особой формы на рубашке, которую носят с галстуком-бабочкой). За несколько десятилетий высота воротника постепенно уменьшилась, но в последние годы XIX века он снова устремился вверх.

На обработку воротников тратили ошеломляющее количество крахмала. Воротники получались жесткими и настолько острыми, что ими можно было резать тесто, как ножом. Чтобы придать сильно накрахмаленному воротнику форму, его нужно было отутюжить. Но если вы пытались согнуть плоский отглаженный воротник, чтобы надеть его на шею, он мог просто сломаться. Накрахмалить воротник нужным образом дома было практически невозможно. Поэтому многие мужчины отправляли свои воротники в профессиональные прачечные, где имелись круглые паровые утюги, на которые воротники надевали и гладили, чтобы достичь нужного результата. Даже мелкие конторские служащие, настолько стесненные в средствах, что им нередко приходилось самостоятельно стирать белье дома, старались отправлять воротники в прачечную.

Кроме фасона и цвета нижнего белья викторианского мужчины в самой Британии и в тех отдаленных краях, куда распространялось ее влияние, активно обсуждали процент содержания шерсти в нижнем белье. Где бы ни находился мужчина — занимался ли он навигацией в верховьях реки

Ориноко или поднимался на ледяные пики Тибета, — ему советовали носить на теле побольше шерстяных вещей. В последние два десятилетия века главным сторонником и пропагандистом шерсти стал доктор Йегер. Он с гордостью рекламировал свою компанию, которая обеспечивала шерстяным бельем Генри Мортона Стэнли в его знаменитом путешествии по Центральной Африке в 1871 году в поисках доктора Ливингстона. И именно компания доктора Йегера снабжала бельем почти все экспедиции, отправлявшиеся в Арктику и Антарктику, в том числе отряд Эрнеста Шеклтона в 1907–1909 годах и капитана Скотта, когда тот совершил злополучную попытку достичь Южного полюса.

OUTFITS FOR ABROAD.

The JAEGER COMPANY make a special feature of outfits for Abroad—Arctic, Tropical and Sub-Tropical. Every Expedition of importance for the last twenty-five years has carried "JAEGER," including :—

Sir H. M. STANLEY, Equatorial Africa, 1887.
Dr. NANSEN, Arctic, 1893.
JACKSON-HARMSWORTH, Polar, 1894.
WELLMAN, Polar, 1898.
DUKE OF ABRUZZI, Arctic, 1899.
ZIEGLER-BALDWIN, Arctic, 1901.
NATIONAL ANTARCTIC ("Discovery"), 1901.
NATIONAL ANTARCTIC Relief, 1902.
ZIEGLER-FIALA, Polar, 1903.
ARGENTINE, Antarctic, 1903.
BERNIER'S CANADIAN Polar, 1904.
ZIEGLER Polar Relief, 1905.
WELLMAN, Polar, 1907.
BRITISH ANTARCTIC (Sir E. SHACKLETON), 1907-1909.
Ex-President ROOSEVELT, Mid-Africa, 1909-10.
DUKE OF CONNAUGHT, Mid-Africa, 1910.
BRITISH ANTARCTIC (Captain SCOTT, R N.), 1910.
AUSTRALASIAN Antarctic Expedition, 1911. (Dr DOUGLAS MAWSON).

Рис. 9. Самые авантюрные клиенты доктора Йегера. Указаны, в частности, экспедиции Генри Мортона Стэнли в Экваториальную Африку, Фритьофа Нансена в Арктику, Уолтера Уэллмана на Землю Франца-Иосифа, Эрнеста Шеклтона в Антарктику, Теодора Рузвельта в Центральную Африку и Британская антарктическая экспедиция, возглавляемая Робертом Скоттом

Однако идея носить одежду из шерсти была и в довикторианские времена. В 1823 году капитан Мюррей с корабля «Вэлорос» вернулся в Британию после двухлетней службы среди айсбергов у северных берегов Лабрадора — места, где, как нетрудно догадаться, каждый моряк искренне радовался каждому лишнему лоскуту одежды. Корабль и команда пробыли в порту всего несколько недель и снова вышли в море. Теперь они направились в Вест-Индию, где климат радикально отличался от того, к которому они привыкли за предыдущие два года. Но за эти несколько недель капитан, твердо уверенный в пользе шерстяного белья, заказал по две фланелевые рубашки и две пары фланелевых кальсон для каждого человека на борту и ввел режим ежедневных проверок, чтобы убедиться, вся ли команда исправно их носит. Вернувшись в конце концов в Британию, он с гордостью сообщил, что, несмотря на резкую смену климата, не потерял ни одного человека. Этот высокий результат он связывал с тем, что моряки носили шерстяное белье в любых климатических условиях, даже в тропиках.

Основным доводом в пользу шерстяного белья были изолирующие свойства шерсти. В холодном климате они были очевидны, но в Викторианскую эпоху многие предпочитали расширительное толкование — считали, что шерсть может не только удерживать тепло, идущее изнутри, но и блокировать тепло, идущее снаружи. Доля правды в этом действительно есть. Если вы работаете, например, перед огнем или горячей печью, любая одежда будет действовать как барьер, но шерсть подходит для этой цели намного лучше, чем хлопок или лен. Шерсть защищает тело от теплового удара, а попадающие на шерстяную ткань искры тлеют и гаснут. Точно так же шерсть может сдерживать тепло прямых солнечных лучей. (Жители пустыни знают, что лучший способ бороться с сухим жаром и мощными лучами солнца — закрыть все тело оде-

ждой. И многие опять же считают, что шерсть справляется с этой задачей намного лучше, чем хлопок.)

Однако, если воздух не только горячий, но и влажный или если жара возникает в результате общего нагревания воздуха, а не воздействия одного источника, изолирующие материалы не помогают. Но сторонники шерстяного нижнего белья указывали на другое свойство шерсти — ее воздухопроницаемость. Шерсть позволяла испаряться поту и обеспечивала мягкую прохладу, уменьшая риск внезапного охлаждения. Внезапное охлаждение вообще было одним из самых распространенных викторианских страхов, считалось, что сильная жара и сильный холод не так опасны для здоровья, как резкий переход из одного состояния в другое. Не имея данных, доступных нам в XXI веке, викторианцы полагали, что именно резкий перепад температуры вызывает у людей простуду.

Доктор Йегер, воспользовавшись своей популярностью, основал в Британии компанию Sanitary Clothing Company, которая, описывая полезные свойства шерстяного нижнего белья, указывала даже вывод из организма вредных веществ и похудение. Доктор Йегер считал, что шерстяная одежда стимулирует естественные функции кожи и побуждает ее выделять больше вредных веществ и водянистых жиров, чем хлопковая одежда: «Ткани организма автоматически избавляются от избытков жира и воды». По его словам, это было намного более действенным средством для похудения, чем простая диета или физические упражнения. Однако, с его точки зрения, одного шерстяного белья было недостаточно, чтобы достичь хорошего результата. Нижнее белье, уличная одежда и постельные принадлежности — все следовало изготавливать из чистой шерсти, без единой хлопковой нити, даже когда речь шла о простынях и рубашках (и даже о корсетах, если говорить о женщинах). Это был своего рода полный оздоровительный комплект.

Рис. 10. Портрет доктора Йегера, главного апологета шерстяного белья, 1911 г.

Доктор Йегер усердно публиковал статьи и брошюры, разрабатывал модели одежды (в том числе носки с пятью отдельными пальцами) и постельного белья, открыл сначала один магазин для продажи своих замечательных товаров, а затем и сеть. В Британии и сейчас есть сеть модных магазинов, которая носит имя Йегера, хотя, к сожалению, на полках там вряд ли можно найти хоть одну нижнюю рубашку из шерсти.

Одежда в городе и в деревне

В Центре сельской истории (Rural History Centre) в Рединге бережно хранят пиджак сельского рабочего — этот пиджак красноречиво свидетельствует об особенностях жизни в Викторианскую эпоху. Он жесткий, крепкий и крайне прочный. Его цвет можно назвать белесо-коричневым. Он весь в пятнах от долгой носки. По краям акку-

ратно обшит кантом из хлопковой тесьмы — она укрепляет те места, где ткань протирается быстрее всего (манжеты, карманы, нижний край). Внутренняя часть воротника засалена и в пятнах от пота. Рукава выцвели, навсегда сохранив на жесткой ткани складки, появившиеся за долгие годы работы под солнцем и дождем. Внешняя часть рукавов полиняла, а в глубине складок ткань осталась более темной. Перед пиджака тоже засален, возможно, им часто прикасались к лошади. Сильнее всего поблекли плечи: на них приходились все удары погоды.

Одеваясь на работу, Тони Уиджер, представитель того же класса, натягивал штаны и гернсийский свитер. Свитер служил своего рода униформой для рыбаков и выделял представителей этой профессии в особую социальную группу в викторианском обществе. В других местах в начале викторианского периода одежда тех, кто жил и работал в больших и малых городах, заметно отличалась от одежды в сельской местности. Сельские жители носили тяжелые, износостойкие хлопковые ткани, в основном светлые и неокрашенные. Жители городов одевались в темную шерсть.

В сельской местности поверх жилетов и брюк (которые носили мужчины всех классов) иногда надевали не пиджак, а блузу. Блузы тоже делали из плотного и прочного некрашеного хлопка. Их надевали через голову, как тунику, для защиты остальной одежды. Отличительной особенностью блузы были складки на шее и плечах.

В отличие от сюртука или пиджака, блузу можно было скроить, не имея специальных навыков. Простые большие прямоугольники присборивали, придавая им нужную форму, с помощью обычных прямых стежков, которые могли быть выполнены довольно искусно, но в целом не требовали никаких особых умений. Поэтому блузы могли изготавливать в домашних условиях даже те, кто не имел

портновской подготовки, и это была дешевая и практичная одежда. Однако к 1840-м годам блузы почти исчезли с полей Британии. Пожилые мужчины в консервативных областях страны некоторое время еще продолжали носить их, но молодежь вскоре перешла на пиджаки наподобие того, который хранится в Rural History Centre в Рединге.

Из тяжелых холщовых тканей получались хорошие, добротные рабочие брюки для сельских жителей. Обычно брюки шили из достаточно мягкой ткани саржевого переплетения, в нескольких слегка отличающихся фасонах. Сегодня лучше всего известна ткань так называемого джинсового переплетения, пользовавшаяся особенной популярностью среди рабочих в Америке, где климат был

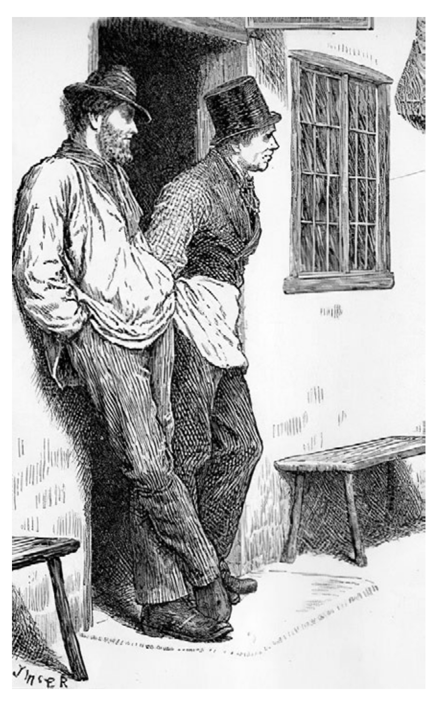

Рис. 11. Двое рабочих, 1876 г.; один (слева) в блузе

теплее. Джинсы, так же как фланелевые и вельветовые брюки, вскоре переняли название ткани, из которой их шили. Американские рабочие предпочитали джинсовую ткань или даже более дешевый деним (брюки, сшитые из денима, а не из настоящей джинсовой ткани, теперь тоже называются джинсами), но британским рабочим нужны были более теплые холщовые штаны. Так что самым популярным материалом к концу XIX века стал молескин. Молескин тоже был простой однониточной чисто хлопковой тканью с приподнятым начесанным ворсом. Лицевая сторона ткани имела мягкую, на ощупь напоминавшую войлок поверхность, а увидеть переплетение можно было только с изнанки. Молескин был значительно теплее джинсовой ткани, защищал от ветра благодаря начесу и отличался долговечностью. И, хотя все хлопковые ткани легко намокали, они так же быстро высыхали.

Сейчас в Британии по-прежнему можно купить брюки из молескина и вельвета, но главное отличие между современными моделями и штанами, которые носили рабочие в XIX веке, заключается в том, что у современных моделей пояс расположен на бедрах. У викторианских штанов, несмотря на модные вариации, в течение многих лет всегда был очень высокий пояс, он почти доходил до ребер, чтобы нижняя часть спины оставалась в тепле, даже если хозяину штанов приходилось копать, постоянно наклоняться, занимаясь физическим трудом под открытым небом.

Чтобы защитить ноги и брюки, сельский житель дополнял свой костюм гетрами. Самые простые гетры представляли собой прямоугольный кусок мешковины, обернутый вокруг голени и подвязанный двумя веревочками — одна под коленом, другая вокруг щиколотки. Если бы сельский житель отправился в город, он бы, несомненно, сильно там выделялся. Томас Харди ностальгически напоминал

о сельских модах начала XIX века и описывал, как этот самобытный стиль постепенно вытесняла городская мода. Он емко охарактеризовал их различия в эссе «Дорсетский рабочий» (The Dorsetshire Labourer), написанном в 1883 году. По его словам, «20 или 30 лет назад сельская толпа была белесо-коричневого цвета, с вкраплениями чисто-белого... теперь же она темная, как и лондонская толпа». В 1880-х годах, когда Харди писал свое эссе, большинство сельских жителей действительно перешли на черные пиджаки и брюки из молескина, подержанное сукно и твид.

К этому времени сельские рабочие были одеты и выглядели почти так же, как рабочие на промышленных предприятиях. На изображениях того времени нередко встречаются старинные деревенские наряды, но нужно проявлять бдительность: как бы нам того ни хотелось, на самом деле эти изображения крайне редко запечатлевают моменты реальной жизни. Даже самые непринужденные сцены в большинстве своем были тщательно продуманы и поставлены, а участвующие в них люди специально переодевались в ту или иную одежду по просьбе художника или фотографа, стремившегося представить собственный идеал деревенской пасторали. Крестьянские блузы и соломенные шляпы от солнца нередко были частью этих представлений.

Однако в 1830-е и 1840-е годы сельские жители все еще носили одежду из неярких, но прочных хлопковых тканей, а на горожанах чаще можно было увидеть более или менее качественную, а точнее, более или менее новую шерстяную одежду. Несмотря на огромный технический прогресс в области прядения, ткачества и крашения тканей, одежду в 1830-х годах по-прежнему шили исключительно вручную, что, конечно, сказывалось на ее цене и качестве. Если вещь все так же приходилось шить вручную и это стоило

соответствующих денег, использовать некачественные ткани не имело смысла. Небогатым горожанам было гораздо выгоднее покупать подержанную одежду хорошего качества. Именно так поступало большинство людей до второй половины века. Костюм, сшитый хорошим портным, мог служить еще очень долго, даже если выходил из моды. В такие костюмы обычно и одевались работающие горожане.

Я держала в руках множество предметов викторианской мужской одежды. На ощупь они совсем не похожи на ту одежду и те ткани, которые мы привыкли носить сейчас. Когда мы смотрим на изображения людей в викторианском платье, мы чаще всего замечаем перемены, которые произошли в фасоне. Ткани, из которых сделана одежда, привлекают намного меньше внимания.

Если вы по очереди возьмете в руки мужские пиджаки 1834 и 1901 годов, вы сразу увидите, что кое-какие особенности ткани и покроя остались прежними, несмотря на перемены, которые претерпела мода между этими годами. Шерстяная ткань, из которой пиджаки сшиты, плотная, почти как войлок, и разглядеть ее переплетение не так-то просто. Толщина этого материала, очень похожего на шляпный фетр, не меньше миллиметра. Он настолько плотный, что, пожалуй, мог бы самостоятельно держать форму. Ткань не мнется и не складывается, как шерстяные ткани, к которым мы привыкли в XXI веке, и она тяжелая. Из такой ткани получается прочная, добротная, непродуваемая одежда, промочить ее можно только в ливень. Вода обычно скапливается на поверхности ткани и высыхает на ветру еще до того, как начнет просачиваться внутрь. Подобные материалы и предметы одежды продолжали существовать и в XX веке. Если вы когда-нибудь держали в руках шинель времен Второй мировой войны, вы вполне можете

представить себе, каким был викторианский пиджак. Плащи и накидки из ткани похожего качества продолжали выпускать для полицейских и медсестер вплоть до 1960-х годов. Шерсть должна была защищать человека от буйства природных стихий задолго до появления гортекса, флиса и других высокотехнологичных тканей на основе поликарбоната.

До конца викторианского периода температура воздуха в помещении и на улице в Британии была почти одинаковой. Люди, в том числе вполне обеспеченные, жили в гораздо более холодных домах, чем мы сейчас. Легкие, тонкие, почти невесомые шерстяные костюмы XX века люди Викторианской эпохи посчитали бы пригодными только для колониальной службы где-нибудь в тропиках. Впрочем, если учесть, что большинство из нас сейчас проводит свои дни в отапливаемых домах и офисах при постоянной температуре около 18–24 °C, викторианцы были не так уже неправы. Просто тропическая температура стала нормой нашей повседневной жизни. А вот в викторианских офисах, если они вообще отапливались, зимой температура составляла, вероятно, около 10 °C. До нас дошло множество воспоминаний о том, как чернила замерзали в чернильницах на рабочих столах и на школьных партах. Поэтому викторианские костюмы были намного теплее, чем их современные аналоги.

Мода и технологии

Мода и прогресс в текстильной промышленности влияли на всех викторианских мужчин. Хотя их одежда в целом менялась не так значительно, как женская, даже беднейший фабричный рабочий в 1901 году выглядел иначе, чем его дед, живший в 1837 году. И сам процесс производства и продажи одежды к этому времени был организован совсем по-другому.

PARIS FASHIONS FOR MARCH.

Рис. 12. Сюртук, 1850 г.

Для богатого мужчины модная уличная одежда в самом начале викторианского периода состояла из брюк (которые лишь недавно пришли на смену бриджам), жилета и сюртука. Сюртук почти всегда шили из высококачественного тонкого сукна. Такая ткань имела в Британии очень долгую историю, и портные хорошо умели с ней работать. Благодаря Бо[1] Браммелу и другим законодателям мод конца XVIII – начала XIX века превосходно скроенный и идеально сидящий сюртук из тонкого сукна сделался символом хорошего вкуса. Молодой Бенджамин Дизраэли, прежде чем начать политическую карьеру, прославился как исключительно элегантный молодой человек – он носил узкий в талии сюртук с вытачками (не-

[1] Бо – прозвище, от *beau* (*фр.*) – «красавчик». – *Здесь и далее прим. ред.*

давнее портновское изобретение, позволявшее создавать безупречный силуэт). В то время у мужчин была в моде тонкая талия и многие молодые люди носили корсеты, чтобы добиться нужного результата. Носил ли корсет Дизраэли, нам остается только гадать: если судить по его портрету на сигаретной карточке 1826 года, где он изображен в возрасте 22 лет, это вполне возможно. В одном нет сомнений — он явно предпочитал очень яркие цвета: на карточке он в ярко-оранжевом жилете и красных брюках. Кроме того, у него укороченный сюртук и трость (см. цветную илл. 19). Горожане плотного сложения носили теплый, хорошо сшитый, слегка приталенный (конечно, не так сильно, как у некоторых) сюртук длиной чуть выше колен (см. цветную илл. 14).

Брюки в этот период были без стрелок и отворотов, они плотно облегали верхнюю часть ноги, а от колена чуть расширялись и внизу прикрывали ботинок, так что выглядывал только носок. Однако у брюк были штрипки, которые застегивались под ботинками. Штрипки туго натягивали штанины, не позволяя им хлопать вокруг щиколоток или задираться и портить внешний вид. В 1830-е годы встречались брюки из самых разных тканей самых разных цветов.

Кремовые и светло-желтые (цвета буйволовой кожи) брюки считались лучшим выбором для молодых и смелых, довольно часто встречались полоска и клетка, а темные цвета обычно выбирали те, кому одежда должна была прослужить как можно дольше. В отличие от работающего сельского жителя состоятельные люди и горожане вообще обычно носили шерстяные брюки. Большой популярностью пользовалась фланель, а также саржа. Эти ткани были намного более легкими и пластичными, чем тонкое сукно, из которого шили сюртуки, но, по сегодняшним стандартам, все же достаточно жесткими.

Рис. 13. Новейшая мода 1850 г.: молодой человек щеголяет в высоком цилиндре, пиджаке, не обуженном в талии, и прикрывающих туфли довольно широких клетчатых брюках с расклешенным низом

Простор для самовыражения мужчинам давали жилеты (см. цветную илл. 12). Вышитый жилет стоил дорого, но технический прогресс сделал доступными новые цвета, набивные рисунки и новые эффектные ткани. На жилет уходило совсем немного материи, поскольку даже в самых роскошных моделях спинка была из хлопка. Так что небольшие затраты позволяли произвести впечатление. Шерстяной жилет утеплял костюм, а шелковый считался роскошным и изысканным. Еще одна разновидность — хлопковый жилет с набивным рисунком — давал возможность за умеренную цену стать обладателем изделия

с экстравагантным дизайном. Большой популярностью пользовалась ткань с рисунками на спортивную тематику, особенно часто встречались сцены скачек: несущиеся во весь опор лошади и ярко одетые жокеи. Шерстяной жилет, который в настоящее время находится в Музее Виктории и Альберта, украшают изображения рыцарского турнира и геральдические мотивы. Там же хранится ослепительно-яркий тартановый бархатный жилет, явно дорогой и, вероятно, в свое время вполне практичный. В моде были и цветочные узоры, в них было много розового цвета. Многообразию красок и декоративной отделки не было предела. Жилет просто не мог быть слишком ярким и броским или слишком женственным.

С появлением швейной машины процесс производства и продажи мужской одежды претерпел фундаментальные изменения, сильно повлиявшие на внешний вид большинства викторианских мужчин. Швейную машину изобрел американец Элиас Хоу в 1845 году. Затем ее усовершенствовал его соотечественник Айзек Меррит Зингер и сделал швейную машину пригодной для массового производства и продажи. В 1856 году Зингер открыл несколько магазинов в Британии, и цены на мужскую одежду снизились едва ли не в одночасье.

Обеспеченные люди продолжали одеваться у портных, которые шили одежду по индивидуальным меркам. Появление швейной машинки почти не повлияло на этот бизнес, поскольку шитье хорошо сидящей, подогнанной по фигуре одежды предполагало кропотливую работу, которую проще было выполнять вручную. Но для всех остальных людей швейная машинка открыла доступ к совершенно новому опыту покупок и новым видам одежды.

Небольшая индустрия готовой одежды существовала уже несколько столетий и производила свободную одежду простых форм. Кроме нижнего белья изготавливали

Рис. 14. В 1876 г. сюртук и брюки стали прямыми, почти трубообразного фасона

дешевые брюки и сюртуки из износостойких тканей трех универсальных размеров, подходящих для всех. Несмотря на то что эта одежда, которую также шили вручную, стоила значительно меньше, чем сшитая по индивидуальным меркам профессиональным портным, она была не по карману многим представителям рабочего класса. До 1860-х годов представители рабочего класса искали одежду в основном на рынках подержанных товаров.

Работник ливерпульской фабрики в 1850-х годах отправился бы на Пэддис-маркет, где в большом двухэтажном здании можно было найти лучшую подержанную одежду. В здании теснились палатки. В каких-то можно было приобрести отдельные предметы гардероба, а в каких-то одеться полностью. Качество было на любой кошелек: от

принадлежавших корабельному магнату костюмов лишь со слегка потертыми сзади брюками до ветхих обносков ланкаширского ткача. Иногда одежду продавали в таком виде, будто только что сняли с предыдущего владельца, но, как правило, она была выстирана, починена и отглажена. Дела у торговцев шли хорошо, а одежда — пусть даже поношенная — в основном была сшита из качественной ткани. Похожие рынки существовали и в других городах. В Манчестере была ярмарка Нот-Милл, в Белфасте — Опен-Кортс, в Бирмингеме — Браммагем-маркет, а в Лондоне — Петтикоут-лейн.

Однако в 1870 году ливерпульский рабочий пренебрег бы обносками, поскольку рынок готовой одежды переживал бурный подъем. По всей стране открывались огромные магазины, где продавалась сшитая на швейных машинах одежда самых простых форм из простых тканей. Новая одежда теперь была доступна даже фабричным рабочим — до тех пор, пока у них была работа. Вместе с новой, более дешевой одеждой появился инновационный и агрессивный маркетинг. Фасад одного лондонского заведения в Ист-Энде украшала надпись, в приблизительном переводе на современный язык означавшая: «Пара вельветовых брюк модного покроя с боковым кантом — примерно за 40 % от цены, которую вы заплатили бы за такую работу портному». Боковой кант был последним писком моды, но, по правде говоря, ни один настоящий джентльмен, одевающийся у портного, не заказал бы себе вельветовые брюки.

Служащему, занятому в быстро растущем конторском секторе, появление новых магазинов давало возможность приобрести больше современной одежды. Среди компаний, обслуживавших этот рынок, самыми известными были две сети — E. Moses & Son и H. J. & D. Nicholls. Их магазины были оборудованы по самым высоким стандар-

там и подражали магазинам, в которых одевалась светская элита: с огромными зеркалами, стеклянными витринами и полированными деревянными прилавками. Одежда, которую в них предлагали, стоила не более половины того, что мог запросить портной, однако выбор был достаточно широким, и владельцы магазинов внимательно следили за тенденциями моды. В таких местах самые скромные служащие могли познакомиться с великосветской жизнью.

Пока швейные машины работали над преображением мужского костюма, революция произошла и в химических технологиях. В 1860-х годах появились химические красители, более устойчивые и светостойкие, чем прежде. Женская одежда благодаря им начала переливаться всеми цветами радуги, мужчинам же они подарили в первую очередь черный цвет. Раньше производство черного красителя было слишком сложным и одежда черного цвета быстро линяла. Однако викторианские горожане имели веские причины выбирать именно черный. В городском воздухе постоянно висела угольная копоть от домашних очагов и промышленных печей, оседавшая на все вокруг липким черным налетом. Светлые цвета в такой атмосфере быстро теряли вид, и даже обеспеченные люди предпочитали носить вещи, на которых чернота была не слишком заметна. Новый, не линяющий черный цвет имел успех, и вскоре жители города стали одеваться преимущественно в темные оттенки.

К концу периода модный силуэт, который индустрия готовой одежды воспроизводила начиная с 1860-х годов (с упором на черный цвет), расстался с подчеркнуто тонкой талией. Теперь мужские сюртуки стали прямыми от плеч, с небольшим сужением в области талии или вовсе без него; многие кроили совсем без вытачек, длиной до середины бедра. Приталенный сюртук постепенно переходил в разряд официальной одежды, ему на смену пришли

новые, свободно сидящие сюртуки с широкими мешковатыми рукавами. Брюки тоже приобрели мешковатость. Штрипки исчезли, и штанины, которые больше ничто не удерживало, свободно развевались при ходьбе. Разумеется, производителям готовой одежды было намного проще иметь дело с таким простым силуэтом, чем с одеждой, плотно подогнанной по фигуре. Кроме того, этот фасон был гораздо удобнее — в моду вошла непринужденность, щеголей того времени начали изображать в расслабленных позах. Среди самых смелых несколько лет продержалась мода на тартановые брюки.

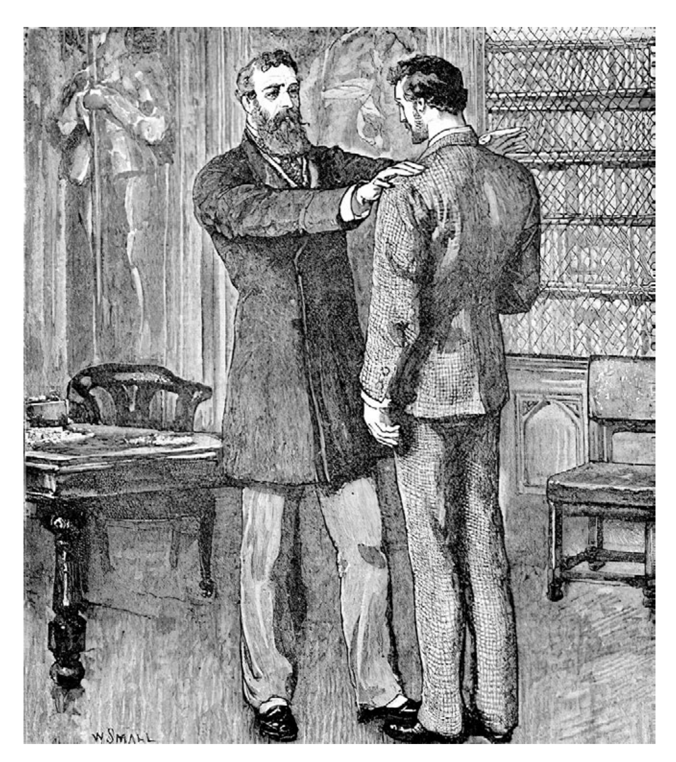

Рис. 15. 1884 г. был временем мешковатых брюк и свободных сюртуков для зрелых мужчин, а новый пиджачный костюм вошел в моду у молодежи

К 1890 году, как с грустью писал Харди, черный цвет распространился и в сельской местности. Отчасти это было связано с изобретением светостойких красителей, но основную роль сыграла культурная привлекательность городов, особенно Лондона. Старые различия (деревня – город, хлопок – шерсть) перестали существовать: фабричные рабочие носили черный молескин так же, как работники на фермах, а дешевые шерстяные брюки и пиджаки встречались в сельской местности не реже, чем в городах. Впрочем, некоторые тонкие отличия еще сохранялись. Например, мужчины в сельской местности до конца столетия продолжали носить гетры, стремясь уберечь брюки от грязи, – горожане же нуждались в этом предмете одежды гораздо меньше. На сельском жителе даже посреди зимы крайне редко можно было увидеть шарф, а горожане почти круглый год надежно укутывали шею. Таким образом, некоторые признаки еще позволяли отличить сельского жителя от городского, но перепутать одного с другим в толпе было очень легко.

В образе богатого человека 1890-х годов мы более или менее можем узнать официальный костюм нашей эпохи. Пиджачная пара приобрела повсеместную популярность, оттеснив сюртук, фрак и визитку в разряд одежды для особых случаев. (Впрочем, визитки до сих пор пользуются спросом в качестве костюма для свадьбы.)

И состоятельные люди, и представители рабочего класса теперь носили одинаковую одежду, так что стиралась разница не только между городом и деревней. При беглом взгляде или, скажем, на фотографии рабочий человек в своем лучшем воскресном костюме мало чем отличался от гораздо более обеспеченного джентльмена без определенных занятий. В действительности разницу можно было заметить уже с 20 шагов. Сшитый портным на заказ костюм отлично сидел по фигуре и скрадывал

все недостатки, качественная гладкая ткань не морщилась. Готовый костюм сидел намного свободнее. Он был подогнан лишь приблизительно, а ткань приобретала поношенный вид уже через несколько недель после покупки.

Сегодня в музеях довольно часто можно увидеть модную одежду Викторианской эпохи, но найти одежду, которую носили низшие слои викторианского общества, непросто, поскольку она намного хуже выдерживала натиск времени. Однако сохранились фотографии, дающие вполне точное представление о том, какой была эта одежда. Возьмем, например, фотографии заключенных начиная с 1871 года и далее. У них, в отличие от людей на большинстве других викторианских снимков, не было возможности сменить одежду или надеть что-то специально для фото. На этих фотографиях человек изображен в той одежде, которая была на нем в момент ареста, — как правило, это повседневная рабочая одежда, а не лучший воскресный костюм или специально подобранный наряд. На фотографиях за редким исключением попадаются только представители рабочего класса и, как правило, беднейшие из них. Одежда, которую мы видим на снимках, надета в несколько слоев, сильно поношена и очень плохо сидит на владельцах: каждая вещь как будто на три размера больше либо на три размера меньше, чем нужно. Обычно это рубашка, жилет и пиджак. Около шеи часто виден ворот нижней рубашки, на многих фотографиях человек одет сразу в несколько жилетов или пиджаков, один поверх другого, причем одни застегнуты, а другие расстегнуты. Вместо того чтобы носить качественные теплые ткани, эти люди просто надевали на себя любые дополнительные предметы одежды, которые могли найти. На одежде видны прорехи, заплаты и другие следы починки, чаще всего она выглядит грязной.

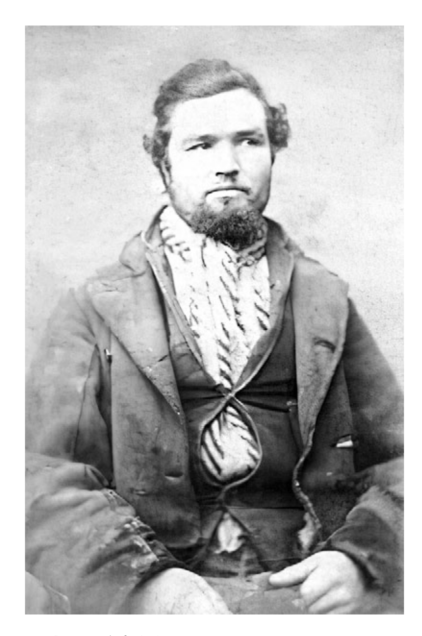

Рис. 16. Портрет преступника.
Чарлз Мейсон вскоре после ареста, 1871 г.

Возьмем Чарлза Мейсона. Трудящийся человек — сапожник 30 лет, арестованный за кражу пальто. Пальто, в котором его сфотографировали, темное шерстяное, потрепанное и заношенное. Пуговицы отсутствуют, подкладка отпорота. Под пальто темный пиджак, как минимум на два размера меньше, чем нужно. Под пиджаком белая рубашка без воротника, полускрытая большим полосатым шарфом. Он обмотан вокруг шеи и заправлен спереди в брюки. Учитывая, что пальто и пиджак не застегивались как следует, шарф оставался для Мейсона единственным способом утеплить грудь и живот. И все же общий вид его костюма близко повторяет модный силуэт того времени. Он одет плохо — но он определенно одет как мужчина, живший в 1870-е годы, а не как мужчина, живший в 1830-е или даже 1850-е годы. Эта одежда приобреталась по мере

возможности и была лучшим из того, что он мог себе позволить. Несмотря на то что люди были готовы надеть на себя все, что попалось под руку, лишь бы не замерзнуть, это не означало, что они не стремились хорошо выглядеть (или хотя бы поменьше выделяться на фоне окружающих).

Шляпы

Шляпы, как и сюртуки, редко снимали на публике. В британском обществе было принято носить шляпу, и мужчина мог приподнять ее лишь на короткое время, чтобы выразить почтение. Самой очевидной функцией шляпы была защита мужской головы от холода и дождя, но, кроме этого, шляпа имела вполне определенный культурный подтекст, она возбуждала чувство независимости и самоуважения. Мужчина надевал шляпу, когда выходил из дома, готовый встретиться с миром лицом к лицу, — она была частью его личной брони, как макияж для некоторых женщин.

Рис. 17. Цилиндр в 1850-х был ниже, чем в 1839 г., но примерно на 5 см выше, чем современный цилиндр

Фасон шляпы менялся в зависимости от моды и зависел от социального положения своего владельца, а также от его профессии или того дела, которым он занимался в данный момент. Это мог быть цилиндр и соломенная шляпа, котелок и обычная кепка, охотничья шляпа и трилби, спортивная кепка и берет.

В период правления королевы Виктории наиболее престижным головным убором считался цилиндр. Изначально он был необычайно высоким — у самых эксцентричных молодых богачей высота цилиндра доходила до 35,5 см. Но за 10 лет его высота сократилась до более привычных нам 25,5 см. Ассортимент цилиндров разного качества был широк. Наметанный глаз мог по цилиндру отличить бизнесмена от лорда. По-настоящему доступной вещью цилиндр не был никогда. Фабричный рабочий мог купить самый простой цилиндр, заплатив за него примерно двухнедельную выручку. За лучший шелковый цилиндр вместе со специальной кожаной коробкой для хранения и перевозки фабричный рабочий отдал бы заработную плату за три месяца. Цилиндры говорили о богатстве. Долгое время этот головной убор носили лишь представители высшего класса, и благодаря этому вокруг цилиндров сформировался дух респектабельности, неподвластной капризам моды. В 1837 году их носили молодые денди — 60 лет спустя цилиндры стали головным убором людей здравомыслящих и сдержанных. Впрочем, оперный цилиндр-шапокляк сумел сохранить былой дух беззаботности: складной цилиндр, обычно с подкладкой из ярко-красного шелка, по-прежнему говорил о расточительном, несерьезном и даже распутном образе жизни.

Сельские пасторы придерживались старомодных фасонов и носили шляпы с тульей 10 см высотой и с очень широкими полями. Эти шляпы, уже вышедшие из моды, говорили о благочестии владельца и о серьезном отношении к жизни.

Рис. 18. Шляпа приходского священника

Котелок появился на свет в 1849 году, когда Уильям Коук, клиент лавки братьев Уильяма и Томаса Боулеров, попросил их придумать простую шляпу, которая будет хорошо держаться на голове. Уильяму (или его родственнику Эдварду Коуку – по этому вопросу есть некоторые разногласия) нужна была особая шляпа для его егерей. Низко нависшие ветви деревьев постоянно сбивали с них цилиндры во время объездов. Он хотел, чтобы шляпа была достаточно крепкой и могла выдерживать превратности погоды, не требуя дорогостоящего ремонта, и достаточно удобной, чтобы егерям было комфортно в ней. Уильям и Томас Боулеры создали прототип и представили мистеру Коуку. Рассказывают, что он вынес шляпу на улицу, бросил на землю и дважды наступил на нее, чтобы проверить на прочность.

Уже через несколько лет котелки активно носили не только егеря, но и выезжающие на охоту джентльмены. Более дешевый, чем цилиндр, и гораздо более долговечный, котелок постепенно стал излюбленным головным

Рис. 19. Шляпа-котелок

убором банкиров и клерков, и в конце концов перекочевал на головы сельских рабочих. Лишь на головах фабричных рабочих никогда не появлялись котелки. Клерки, банкиры и управляющие сделали котелок своим традиционным головным убором, он стал символом среднего класса в больших и маленьких городах. Городских рабочих, имевших дерзость надеть такую же шляпу, как и «вышестоящие» представители среднего класса, ждала расправа — скорее всего, после этого они остались бы без работы. А вот в сельской местности котелок имел совершенно иное культурное значение — здесь он был связан со спортивными мероприятиями на свежем воздухе и указывал на общность носивших его представителей высшего и рабочего класса.

Кроме того, мужчины носили соломенные шляпы, однако не в городе. Сельские работники надевали их, чтобы уберечь голову и шею от солнца, когда работали в поле, а аристократы — за городом во время викторианского аналога современного отпуска, во время отдыха и занятий спортом на реке или на побережье, во время посещения крикетных матчей. Чрезвычайно прочным предметом была соломенная шляпа-канотье — ее можно было даже катать по улице. Предприятия, расположенные вокруг

Лутона в Бедфордшире, выпускали шляпы самых разных фасонов для мужчин и женщин; а среди моих прабабушек были те, кого во время переписи зарегистрировали как плетельщиц соломы. Но канотье пользовались самой большой популярностью у мужчин. Такие шляпы изготавливали, сшивая в виде спирали длинные полосы сплетенной в косичку пшеничной соломы. В отличие от многих других соломенных шляп, канотье делали из нескольких слоев соломы, и в законченном виде эти шляпы были очень жесткими. Хорошее канотье могло прослужить человеку почти всю жизнь. Большую часть столетия оно оставалось предметом роскоши, но около 1880 года плетеную солому начали импортировать из Китая, что пошатнуло позиции внутреннего соломенно-плетельного производства и привело моих предков на грань нищеты. Благодаря тому, что соломенные шляпы внезапно стали доступными, скромные клерки смогли присоединиться к своим обеспеченным собратьям и завести себе специальный головной убор для «отпуска», выходного дня в парке или загородного уик-энда.

Рис. 20. Шляпа-канотье

Рис. 21. Спортивная кепка

Канотье предназначались для гребли и загородного отдыха в целом. Другие виды спорта также понемногу стали ассоциироваться с определенными головными уборами. Маленькие шапочки без полей («таблетки») украшали головы тех, кто занимался легкой атлетикой или гимнастикой. «Таблетки» стали частью униформы в первых велосипедных клубах. Маленькая и легкая, напоминающая плоскую круглую коробочку для таблеток, эта шапочка не слетала с головы, даже когда человек энергично двигался. Сшитая из мягкой ткани, она идеально подходила для того, чтобы пришивать эмблемы и значки. К концу столетия коммерческие компании стали одевать в такие шапочки своих курьеров. По сей день шапочки без полей носят посыльные в американских гостиницах.

Кепка с козырьком долго была спортивным головным убором. Яркие кепки носили жокеи в XVIII веке, носили их и те, кто занимался спортивной ходьбой на длинные дистанции – в первые два десятилетия XIX века этот вид спорта стал сенсацией и собирал огромные толпы зрителей. В 1837 году кепки начали бесплатно раздавать игрокам в регби в Школе Рагби (Регби). Игроки в крикет перешли на кепки примерно в 1850 году, головные уборы примерно

Рис. 22. До 1880-х гг. рабочие носили бесформенные круглые шляпы, потом популярность приобрела кепка

такого же фасона носили футболисты. Вполне возможно, именно давние спортивные традиции привели к тому, что к концу столетия матерчатая кепка с козырьком приобрела большую популярность среди мужчин из рабочего класса. Вплоть до 1880-х годов рабочие в городах и деревнях носили фетровые шляпы с круглой тульей и круглыми полями. От дождя такие шляпы быстро теряли жесткость и становились бесформенными, хотя небрежный вид нисколько не мешал им выполнять основную задачу — защищать голову от солнца, ветра и дождя. Однако к 1901 году городские рабочие массово перешли на кепки. Это стало самым узнаваемым признаком горожанина, у сельских жителей головные уборы могли быть разными.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Нижнее белье

Викторианская порнография отличалась большим разнообразием — от очаровательно наивных изображений слегка приоткрытой женской щиколотки и пикантных фото роскошных соблазнительниц в корсетах и пантало-

нах до весьма откровенных композиций, где модели не имели на себе решительно никаких панталон. Однако первый предмет одежды, в который женщина облачалась по утрам, крайне редко появлялся в мире взрослых развлечений. Женская сорочка не считалась рискованным дезабилье — напротив, она имела культурный подтекст чистоты. Реклама мыла в конце викторианского периода могла изображать молодую женщину, одетую в одну сорочку, с распущенными по плечам волосами, и это казалось вполне целомудренным.

Сорочку почти всегда шили из хлопка, и, хотя с годами ее фасон претерпел незначительные изменения, она оставалась, в сущности, простой трубообразной рубахой с короткими цельнокроеными рукавами. У нижней рубашки был глубокий вырез, руки и икры женщины оставались открытыми. Сейчас во многих магазинах можно купить ночную рубашку такого фасона (но ночная рубашка викторианской женщины была более основательной — она полностью закрывала руки и доходила до щиколоток).

Стоя в холодной спальне, викторианская женщина, надев сорочку, натягивала на себя панталоны. Трусы, которые мы носим сегодня, восходят именно к этой викторианской новинке — о том, что панталоны были известны британцам и в более раннее время, имеется крайне мало упоминаний, но к концу правления королевы Виктории без панталон было не обойтись. Изначально они представляли собой две отдельные штанины длиной до колена, соединенные поясом. Как нетрудно догадаться, промежуток между ногами оставался полностью открытым.

Поначалу панталоны были встречены довольно враждебно. Они, согласно всеобщему мнению, были не чем иным, как имитацией мужского нижнего белья, и в этом смысле оскорбляли женскую добродетель и порядочность — общество долгое время руководствовалось биб-

лейскими предписаниями, которые запрещали женщинам одеваться в мужскую одежду, а мужчинам носить женскую. В панталонах, кроме того, обычно щеголяли проститутки, чтобы распалить клиентов. Тот факт, что панталоны вполне свободно носили в некоторых других европейских странах, например во Франции, лишь усиливал предубеждение против них. Однако для неприятия были и вполне практические причины.

Лишний слой одежды просто мешал. Панталоны полагалось носить под длинной верхней юбкой и еще несколькими нижними юбками, каждая из которых уже закрывала тело от талии до щиколоток. Кроме того, панталоны затрудняли процесс раздевания, это особенно мешало, если женщине нужно было облегчиться. Я сама, увы, столкнулась с этой проблемой, когда носила викторианскую одежду. Снять панталоны, чтобы ответить на зов природы, отнюдь не легкая задача, и вы в конце концов можете остаться в довольно неловком положении.

Панталоны распространились благодаря моде на кринолины. Кринолин, или юбка на обручах, представлял собой каркас из стали и хлопковой ленты, отделявший юбку от ног. Теперь, когда уличное платье было как бы само по себе, посещение уборной не составляло труда. Однако возникли новые проблемы. Любое неосторожное движение или внезапный порыв ветра могли приподнять кринолин вместе с юбкой, выставив напоказ ноги женщины. Когда юбки находились так далеко от тела, панталоны позволяли не только сохранить немного тепла, но и соблюсти приличия, если порыв ветра поднимет кринолин.

Со временем панталоны получили более широкое признание. Королева Виктория была их горячей поклонницей, и в коллекциях исторической одежды по всей Британии сегодня можно найти не одну пару простых хлопковых панталон с искусно подрубленными краями, украшенных

незаметной монограммой с инициалами королевы. Сохранившиеся образцы показывают, что она охотно носила панталоны, частично соединенные между ногами — такие появились на одном из этапов развития панталон до 1880-х годов. В конце века, когда начали появляться полностью сшитые панталоны, королева Виктория не стала следовать моде.

Одна из самых интересных сохранившихся пар панталон, которые мне доводилось изучать, датируется концом 1860-х годов. Их носила женщина из рабочего класса. Панталоны с открытой промежностью прочно и искусно сшиты из голубой хлопковой ткани. Они немного длиннее, чем более поздние модели, и застегиваются под коленом с помощью маленькой пуговицы, что обеспечивает максимальный охват и не позволяет штанинам задираться на ногах. Они сильно застираны, от долгой носки стали мягкими, но женщина аккуратно их чинила. Заплатки на коленях, вероятно, свидетельствуют о том, как много часов эта женщина провела за мытьем полов и чисткой каминов.

Панталоны были интимным предметом одежды, и потому в Викторианскую эпоху их шили преимущественно дома. Производителям готовой одежды хватало благоразумия не рекламировать панталоны слишком явно, хотя наладить их массовое производство было совсем не сложно, а подгонка под разные размеры почти не требовала усилий. Простота кроя викторианских панталон — одна из характерных особенностей домашнего производства. Людям нужны были простейшие формы, которые они могли бы воспроизвести самостоятельно, чтобы обшить всю семью. Если речь шла о паре панталон, женщине было достаточно простой схемы, в то время как для более сложного предмета одежды, например рубашки, могла потребоваться полноразмерная выкройка. Поздневикторианские панталоны иногда украшали кружевом, но в основном они были про-

стыми и функциональными. В антикварных лавках иногда встречаются затейливые шелковые панталоны от производителей готовой одежды, но эти образцы, как правило, относятся не к Викторианской, а к Эдвардианской эпохе.

Сорочка и панталоны закрывали большую часть тела женщины, и, чтобы закончить с первым, «основным», слоем одежды, ей оставалось только надеть чулки. Чулки делали из хлопка, шерсти и шелка. В 1837 году продавались в основном чулки машинного производства. Цвета были разными. Белый оставался в моде с начала века, но с 1850-х годов смелые молодые девушки начали носить чулки ярких цветов и чулки с рисунком — зеленые и сиреневые, тартан и пейсли, в полоску, в горошек и в клетку. Такие чулки были особенно полезны, когда лодыжка на мгновение открывалась взору молодого поклонника.

Рис. 23. Модные женские чулки

Более скромные черные чулки широко распространились ближе к концу эпохи — их особенно рекомендовали девочкам предподросткового возраста, которые носили короткие юбки, открывавшие икры. Самым теплым и недорогим материалом была шерсть, к тому же благодаря своим изолирующим свойствам она считалась самой полезной для здоровья. Шелковые чулки были роскошью, доступной немногим. Кроме того, они требовали крайне внимательного отношения и при появлении стрелок предполагали кропотливую штопку.

С 1880-х годов женщины начали пользоваться подвязками для чулок. Сначала чулки пристегивали к отдельному поясу с подвязками, позднее — к подвязкам, пришитым к нижнему краю корсета. До этого викторианские чулки удерживали на месте подвязки, обмотанные вокруг ноги выше колена. Слишком тугие подвязки нарушали кровообращение и могли привести к серьезным проблемам, в частности варикозному расширению вен. А ненадежно затянутые подвязки угрожали огромным конфузом: чулки вместе с подвязками могли спуститься до земли и запутаться вокруг туфель. Это было вдвойне стыдно, поскольку чулки и подвязки считались чрезвычайно интимными и сексуальными предметами одежды. Впрочем, я уверена: мужчинам это зрелище доставляло немало удовольствия.

Сорочку, панталоны и чулки, непосредственно соприкасающиеся с кожей, полагалось регулярно менять, в идеале ежедневно. Однако существовал предмет одежды, который вообще нельзя было стирать, из-за чего чистота первого слоя белья приобретала особенное значение.

В правление королевы Виктории женщины всех классов носили корсеты (см. цветную илл. 9). Судя по архивным записям, даже в тюрьмах, приютах и работных домах женщин в обязательном порядке обеспечивали корсетами. Корсет не только создавал модный силуэт — по мнению

викторианцев, корсет обеспечивал женщине самоуважение, сексуальную привлекательность, позволял соответствовать социальным нормам, а также имел ряд полезных для здоровья свойств.

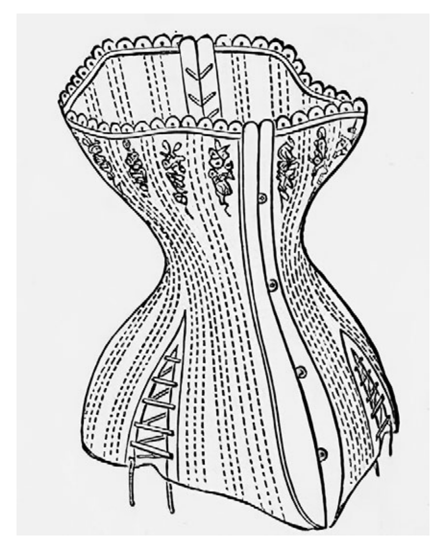

Рис. 24. Типичный корсет, 1869 г.

Широко распространенное убеждение гласило, что внутренние органы женщины нуждаются в поддержке. Мужчины, согласно общему мнению, были в этом отношении гораздо крепче и меньше нуждались в помощи, но даже в отношении мужчин этот вопрос вызывал обеспокоенность, так что среди них большой популярностью пользовались фланелевые нательные пояса. Доктор Йегер взволнованно заявлял, что мужчинам необходимо «опоясывать чресла» (под чреслами в данном случае подразумевались не бедра, а поясница, а «опоясать» значило «прикрыть»). Женщине — сосуду немощнейшему — требовалась еще более надежная защита. Согласно викторианским представлениям, матка

и другие репродуктивные органы делали среднюю часть женского организма особенно деликатной и уязвимой. Как ни парадоксально, это убеждение и впрямь было недалеко от истины, поскольку женщина в корсете, особенно привыкшая носить его с детства, постепенно теряла мышечный тонус. Корсет служил опорой для мышц спины и живота, и эти мышцы практически не использовались. Как следствие, они становились слабыми и едва ли не атрофировались. Если бы такая женщина провела день или два без корсета, она, вероятно, обнаружила бы, что его отсутствие доставляет ей дискомфорт, что она быстро утомляется и чувствует неприятную вялость в средней части тела. После этого женщина, скорее всего, вернулась бы к своему корсету с чувством облегчения, лишний раз убедившись в том, что это совершенно необходимый предмет гардероба.

Периодические издания, такие как журнал Female Beauty, утверждали: «Женщины, которые носят очень тугие корсеты, жалуются, что без них не могут сидеть прямо, и, более того, вынуждены надевать корсет на ночь, ложась в постель». Поскольку в то время прямая осанка считалась одним из главных достоинств мужчин и женщин, эти переживания приобретали дополнительный вес. В отличие от непринужденной и не осуждающей культуры XXI века, викторианская культура прямо связывала расслабленную позу с безалаберным поведением и моральной распущенностью. Красивыми, успешными, модными и сильными считались те, кто стоял и сидел прямо.

Держаться прямо в корсете намного легче, чем без него. По моему опыту, в корсете можно сколько угодно сутулиться, но при этом сохранять видимость безупречно ровной осанки. Если вы садитесь на стул, старайтесь устроиться на краешке, чтобы расположить край корсета под правильным углом. Это поможет вам без малейших усилий часами сохранять изящную позу.

Считалось, что корсет полезен не только как опора — он дает тепло, особенно необходимое слабо защищенным внутренним органам женщины: переохлаждение почек и других органов считали опасным и глупым, способным привести к целому ряду расстройств и недомоганий. Женщины, носившие корсет, защищали себя от капризов британской погоды. Корсеты особенно ценили за то, что они защищали от ветра. Многие врачи хвалили женщин, носивших корсет, и ставили их благоразумное поведение в пример некоторым мужчинам, склонным подвергать себя опасности. В целом врачи относились к корсетам вполне положительно. Единственная оговорка в этом вопросе касалась не самого корсета, а практики тугого шнурования — использования корсета для кардинального изменения формы женского тела. Но, по мнению большинства врачей, женщина, совсем не носившая корсет, была ничуть не умнее той, что затягивала его слишком туго. Правильно подобранный и правильно надетый корсет не допускал напряжения связок, поддерживающих матку. Он также был полезен для здоровья мочевого пузыря, предотвращал травмы спины, помогал восстановиться после родов, способствовал здоровому пищеварению и в целом помогал женщине вести активный образ жизни. Во всяком случае, так думали.

Общество по умолчанию ожидало от женщины привлекательной, затянутой в корсет фигуры. Если женщина носила корсет, она ежедневно доказывала себе и окружающим, что у нее есть правила и, что еще важнее, чувство собственного достоинства. Женщине, пренебрегающей корсетом, очевидно недоставало сдержанности — ее ждало неодобрение публики и грубые предположения о ее образе жизни. Без корсета обходились лишь женщины, готовые стать изгоями в обществе.

В 1840-х и начале 1850-х годов часто носили корсеты домашнего производства, сконструировать которые было

не сложнее, чем лиф платья. Выкройки и инструкции для их шитья печатали во многих женских журналах вплоть до 1860-х годов. Один из лучших и простейших образцов появился в издании Workwoman's Guide в 1838 году. Корсеты на этих выкройках состояли из четырех сшитых между собой хлопковых прямоугольников с клиновидными вставками — две для груди и иногда еще две для бедер. В самодельных корсетах обычно было очень мало жестких вставок — пара штук по обе стороны от шнуровки, чтобы корсет не морщился при затягивании, и жесткий бюск, похожий на линейку, который заправляли в тканевый кармашек в передней части корсета. Бюск делали из дерева, рога, металла или китового уса, он придавал корсету наибольшую жесткость. В остальном нужную форму создавали отрезки шнура или веревки, протянутые между близко расположенными друг к другу вертикальными швами. Зашнуровывали корсет сзади.

Слегка укрепленный вставками веревочный корсет очень легко носить, и, на мой взгляд, он удобнее, чем современные бюстгальтеры на косточках. Корсет придает телу изящную форму, поддерживая грудь и сглаживая ненужные неровности. Он достаточно теплый и не слишком ограничивает движения. Даже с затянутой на совесть шнуровкой он не теснее, чем корректирующее белье, которое продается в магазинах в наше время. Пожалуй, в разгар лета в таком корсете может быть довольно жарко, кроме того, трудно подобрать подходящую длину бюска, а иначе он будет впиваться в тело (вопреки распространенному мнению, что чем длиннее корсет, тем лучше; удобнее всего носить корсет, заканчивающийся в районе лобковой кости). Но корсет делает туловище визуально гладким и компактным, что привлекательно смотрится под уличной дневной одеждой. Кроме того, корсет хорошо поддерживает и помогает создать модную высокую линию груди.

Корсеты, изготовленные руками профессионалов, обычно состояли из большего количества деталей (как правило, из восьми). Кроме центрального бюска у них были дополнительные жесткие вставки спереди и сзади, а также во всех швах, скрепляющих между собой тканевые детали. Эти корсеты позволяли зашнуровываться намного туже, чем многие женщины и пользовались. Бюски были не из дерева, а из стали и китового уса — материалов более гибких, что позволяло лучше подтягивать живот при шнуровке.

В 1860-е годы стремление демонстрировать тонкую талию набрало обороты. Старые самодельные корсеты постепенно отошли на второй план, все больше женщин выбирали корсеты, изготовленные профессионалами. Эти модели позволяли придать телу более модные очертания. Наступила эпоха ужасов в истории корсета. Часто цитируют опубликованное в одном женском журнале письмо, наглядно иллюстрирующее крайности ношения корсета. Оно написано женщиной, не только пережившей этот опыт, но и вполне довольной им: «Когда мне было 15 лет, меня отправили в модную школу в Лондоне, где существовал обычай уменьшать талии учениц на 2,5 см в месяц, пока они не станут достаточно тонкими, по мнению директрисы. В 17 лет, когда я окончила школу, обхват моей талии составлял всего 33 см — до этого он равнялся 58 см». То, что это не преувеличение, подтверждают несколько дошедших до нас корсетов с действительно крошечной талией. Для сравнения: окружность талии ребенка ясельного возраста составляет в среднем 50 см. Резкое уменьшение талии могло быть достигнуто только за счет того, что женщина в течение долгого времени носила корсет, размер которого постепенно уменьшали, и не снимала его ни днем ни ночью. Кроме того, она придерживалась строгой диеты, заменяя три основных приема пищи несколькими небольшими перекусами в течение дня.

Рис. 25. Тугое шнурование, 1836 г.
Обратите внимание на соединенные лопатки

В других упоминаниях о подобной практике в модных школах говорится, что корсет снимали только на один час в неделю, чтобы девушка могла помыться. Некоторые источники сообщают, что тугое шнурование причиняло боль, но также отмечают, что боль через некоторое время проходила, если ее перетерпеть. Девушки соперничали друг с другом, стремясь сделать талию как можно тоньше, и, несмотря на признания в периодических обмороках и головных болях, в целом относились к этому опыту позитивно. У некоторых молодых женщин он, вероятно, вызывал своеобразную эйфорию. Подобно болезненным обрядам посвящения и инициации, тесное шнурование возбуждало в этих женщинах волнение и гордость, они чувствовали себя принадлежащими к особому кругу. Но подобные крайности действительно были уделом лишь немногих. У подавляющего большинства сохранившихся

викторианских корсетов и уличной одежды этого периода вполне обычная талия. В среднем обхват талии у модной одежды, предназначенной для молодых женщин, составляет 48–61 см, а у одежды для пожилых женщин обычно увеличивается на несколько сантиметров. Хотя по стандартам XXI века это все еще довольно тонкие талии. Платье размера M в наше время рассчитано на женщину с талией примерно 69 см. В Викторианскую эпоху меня считали бы полной и мне потребовались бы самые большие размеры, какие только могли найтись в магазинах с бумажными выкройками. Рекламные объявления, которые обещали помочь обладательницам крепкого и внушительного сложения, столкнувшись с обхватом груди 90 см и обхватом талии 73 см, вряд ли бы помогли мне. Однако по статистике, я несколько стройнее средней жительницы современной Британии. Все данные свидетельствуют о том, что большинство викторианских женщин, богатых или бедных, были довольно худыми.

Как «полная» женщина с «внушительной» фигурой, я носила викторианские корсеты разных фасонов в течение продолжительного времени. Когда мне нужно было уменьшить талию на 5 см, я очень быстро справлялась с этим и не испытывала особых трудностей. Здесь мне, конечно, помогал жирок — худой женщине без запасов на талии пришлось бы намного сложнее. Но когда я убирала с талии 10 см, дело существенно осложнялось.

Начиная носить корсет, важно дать телу время к нему привыкнуть. Большинству людей, в том числе имеющим немалый опыт ношения корсета, он поначалу может показаться слишком тесным, но через пару часов они смогут затянуть его туже, чем вначале. Чем сильнее вы хотите изменить свой силуэт, тем дольше должен быть период адаптации. Вы должны быть готовы проявить терпение, не расстраиваться и не впадать в панику. Если вы не при-

выкли носить корсет, вы, скорее всего, почувствуете себя скованно и вам покажется, что вы задыхаетесь. Паника может еще больше затруднить дыхание и ухудшить ситуацию. Я начала носить викторианский корсет, имея за плечами большой опыт знакомства с корсетами тюдоровской эпохи, и, хотя ощущения очень различались, я, по крайней мере, осознавала, что должна дать себе время. Тело действительно привыкает. Через несколько дней я обнаружила, что в корсете с уменьшенной на 10 см талией могу двигаться так же энергично, как и раньше. Вскоре я уже привычно бегала по двору, ловя разбежавшихся свиней, и драила щеткой полы.

Однако ношение викторианского корсета повлекло за собой проблемы, которых я никак не ожидала. Самой острой оказалась проблема с кожей. Нижнее белье XXI века может натирать в тех местах, где с кожей соприкасаются бретели и другие эластичные детали. Корсет вызывал такое же раздражение, как эластичные ткани, на всей верхней части тела. Хуже всего становилось, когда мне сначала было жарко, а потом разгоряченное тело охлаждалось — пот оставлял на коже соль, возникало ужасное раздражение. Это было настоящей пыткой. После 18-часового рабочего дня в корсете моя кожа краснела и делалась воспаленной, а зуд становился почти невыносимым. Оказалось, зуд от корсета вполне может соперничать с зудом при ветряной оспе.

Другая проблема, с которой мне пришлось столкнуться, проявилась не сразу. У меня возникли проблемы с голосом, и я обратилась к специалисту по речевым дефектам, который заметил, что я дышу преимущественно верхней частью груди и почти не задействую диафрагму. Очевидно, я действительно довольно быстро приспособилась к жизни в корсете: поскольку нижняя часть грудной клетки находилась в сжатом состоянии, я научилась получать необходимый мне кислород, не беспокоя диафрагму.

После этого я, наконец, осознала смысл некоторых викторианских оздоровительных советов, которые раньше казались мне довольно странными. Доктор Пай Чевасс в своем сочинении «Советы для дам» (Advice for Ladies) пространно превозносит достоинства пения как отличного упражнения. Теперь я поняла почему: громкое диафрагмальное пение было именно тем, что мне нужно.

Многие люди, пытаясь представить себе, каким образом корсет сжимает тело, и слыша о крошечных талиях викторианских дам, полагают, что речь идет только о мягкой области между тазом и грудной клеткой. Это верно лишь отчасти. Согласно данным викторианских медицинских трактатов, нижние отделы грудной клетки также подвергались сильному сдавливанию. Если вы посмотрите на изображение викторианской женщины в туго затянутом корсете, то увидите, что ее силуэт от груди до талии плавно сужается, без каких-либо неожиданных выступов там, где заканчиваются ребра. Надевая корсет, вы чувствуете это непосредственно на себе. Дышать мешает именно сдавливание грудной клетки, и я обнаружила, что как раз в этом больше всего неудобств. Мягкие ткани вокруг талии меня совершенно не беспокоили. Когда корсет затянут, давление направляет нижние ребра вниз и внутрь. В то же время туловище обретает новые очертания, превращаясь из условного овала в круг. Именно это изменение формы по большей части создает то визуальное впечатление, которое достигается затягиванием талии на первые 5 см. Это оптическая иллюзия, поскольку тот же объем, представленный в виде цилиндра, кажется меньшим.

В конце дня, снимая корсет, я переживала странный момент — непривычно было чувствовать, как тело пыталось вернуться к своей естественной форме. Я ощущала, как моя грудная клетка снова расширяется, и это были довольно обескураживающие пять или шесть секунд.

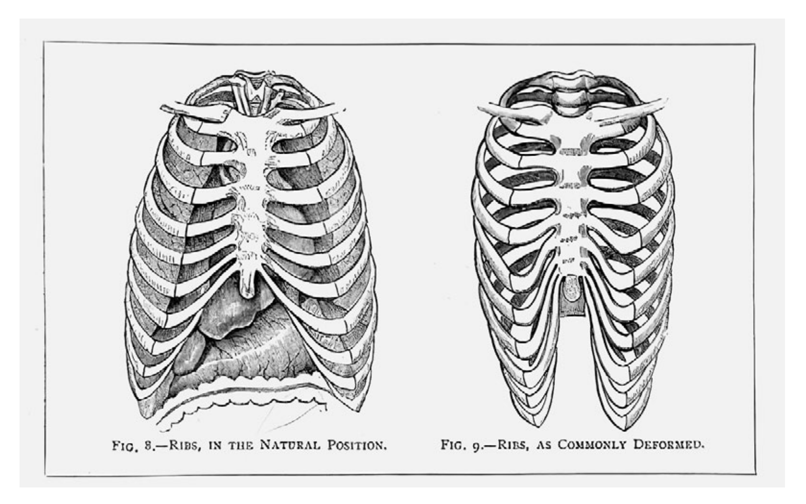

Рис. 26. Грудная клетка женщины до и после ношения корсета

Следует заметить, что мой опыт ношения корсета сравнительно невелик — большую часть жизни я прожила без него, и мои впечатления в любом случае будут отличаться от впечатлений тех, кто носил корсет с детства. Я вряд ли могу рассчитывать, что действительно пойму, как чувствовали себя в своих корсетах викторианские женщины. Для них это был хорошо знакомый, привычный предмет одежды, их спинные и брюшные мышцы развивались (или не развивались) под влиянием корсета, и девушки взрослели, привыкая двигаться так, как им позволяла одежда.

Сами викторианцы тоже испытывали по поводу корсетов и талий множество опасений. Разные авторы предупреждали женщин, что тугое шнурование вызывает заболевания груди, отрицательно влияет на пищеварение и детородные функции, ведет к деформации скелета — а также (именно это часто приводили как самый убедительный для женщин аргумент) делает нос красным, так как ухудшает циркуляцию крови. Вопрос заключался

в том, что именно считать тугим шнурованием. Где была та грань, за которой благотворная поддержка и нравственный контроль сменялись злоупотреблением и угрозой здоровью? По мнению большинства людей, уменьшение естественной окружности талии на 3–5 см не представляло серьезной опасности для здоровья. Все с детства привыкали к тому, что женщины носят корсет, ведь они видели его еще на своих матерях.

Определить в этом вопросе границы пользы и естественности было не так просто. Если корсет носили почти все женщины, и в результате их талии действительно уменьшались в размерах, где следовало искать образец, который мог бы послужить для всех примером? Многие авторы обращались к греческим и римским статуям как к социально приемлемому способу говорить о женском теле. Классическая скульптура показывала обнаженные женские формы в достойном виде, и эта достойная нагота была весьма кстати лишена всяких признаков знакомства с корсетами. В качестве образца для подражания часто приводили Венеру Медицейскую — общепризнанный идеал красоты, изваянный в натуральную величину и обладавший талией 66 см.

Кроме многочисленных модных корсетов в продаже появились корсеты «оздоровительные». Казалось бы, эти предметы одежды — коммерческий результат настойчивых и часто высказываемых в печати опасений о вреде корсета — должны быть менее тесными. Однако беглый взгляд на рекламные объявления и на сохранившиеся образцы подтверждает, что они мало отличались от обычных модных корсетов. Их оздоровительное действие связывали прежде всего с дополнительными отверстиями, которые позволяли коже дышать — хотя я, учитывая мой опыт с раздражением кожи под корсетом, с удовольствием опробовала бы на себе одну из таких моделей.

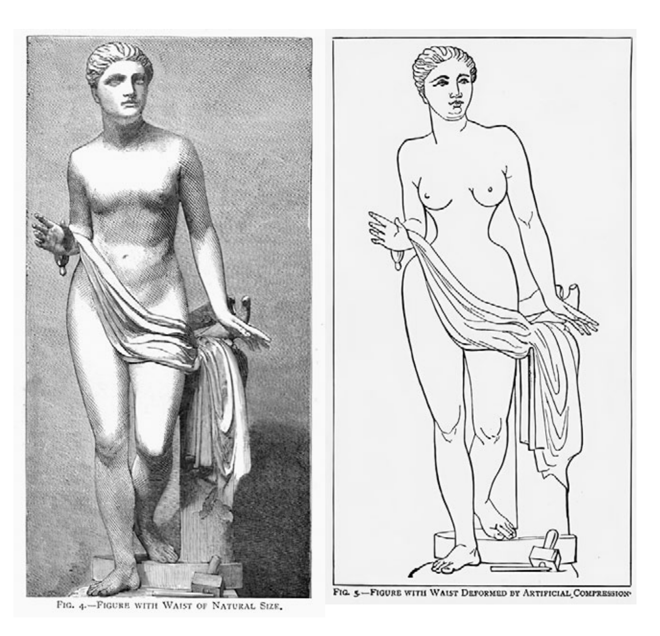

Рис. 27/28. Силуэт с естественной талией и женская фигура в корсете, 1869 г.

Закончив с корсетом, женщина могла надевать остальное белье. Приходила очередь нижних юбок. Они могли быть разных форм и видов. Основной комплект состоял из одной фланелевой юбки и одной хлопковой, хотя не всегда ограничивался только ими. Сначала надевали белую хлопковую юбку, поскольку ее было легче стирать. Случаи, которые могли возникнуть во время менструации, делали такой выбор особенно разумным, а практичность и функциональность хлопковой юбки, как правило, предполагали простую форму и отсутствие отделки. Фланелевая нижняя юбка должна была давать тепло и тоже, как правило, имела простую форму, хотя иногда получала скромную отделку. Эта юбка была короткой — чуть ниже колена. Обычно у нижних юбок был хлопковый пояс-кокетка, чтобы не добавлять лишнего объема бедрам и не

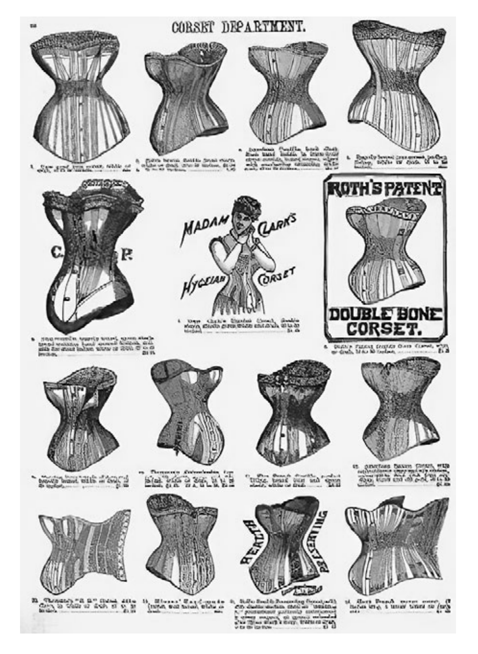

Рис. 29. Реклама «оздоровительных» корсетов

портить эффект корсета, — у меня есть оригинальная нижняя юбка как раз такого покроя. Это были две основные нижние юбки, которые в правление королевы Виктории носили женщины из всех слоев общества. Однако тем женщинам, которые внимательно следили за модой, требовалось еще кое-что.

Самым простым средством для создания нужной формы служила нижняя юбка, подбитая шнурами. Она представляла собой белую хлопковую юбку с рядом параллельных горизонтальных строчек, идущих по всей окружности на некотором расстоянии от подола. Внутрь строчек продевали веревку или шнур. Благодаря этому ткань становилась более жесткой, а юбка приобретала форму колокола, но при этом ее все еще можно было стирать. Модные юбки в 1840-х и 1850-х годах становились все объем-

нее, и для их поддержки требовалось все больше нижних юбок. Одну из нижних юбок обычно делали из материала, сотканного из конского волоса. Вплетенный в ткань конский волос (*crin au lin)* делал ее чрезвычайно жесткой и упругой. Собрав эту ткань складками, женщина получала достаточно прочную основу, способную выдерживать вес верхней юбки и не терять свою форму. Однако в 1836 году был изобретен легкий стальной кринолин, и нижние юбки из конского волоса стали не нужны. Обручи из стальной проволоки соединяли между собой тканевыми лентами и располагали концентрическими кругами вокруг единственной нижней юбки (см. цветную илл. 10). Похожая на клетку конструкция позволила женщинам отказаться от многослойных тяжелых нижних юбок. В продаже имелись кринолины самых разных форм и очертаний, отвечавших требованиям моды, — их почти всегда покупали, а не изготавливали в домашних условиях, поскольку они были не особенно дорогими и продавались, как правило, за треть цены платья аналогичного качества. Позже в этом столетии, когда модные юбки стали узкими спереди и по бокам, но огромными сзади, на смену кринолинам пришли турнюр (подушечка, набитая мягким материалом, например перьями) и кринолет (жесткий каркас из стальной проволоки и хлопковой тесьмы), которые подкладывали под юбку сзади. Мягкий турнюр можно было изготовить самостоятельно — например, одна хозяйка обнаружила, что ее служанка для создания нужного эффекта просто привязывает под юбку несколько тряпок для вытирания пыли.

Одна из причин огромной популярности всех этих вспомогательных предметов одежды заключалась в том, что они позволяли менять фасон уже имеющегося платья. Если женщине удавалось правильно воспроизвести общий силуэт, она могла модно выглядеть без особых денежных затрат, лишь слегка изменив кое-какие детали

Рис. 30. Одна из многочисленных карикатур журнала Punch, посвященных кринолинам, 1856 г.

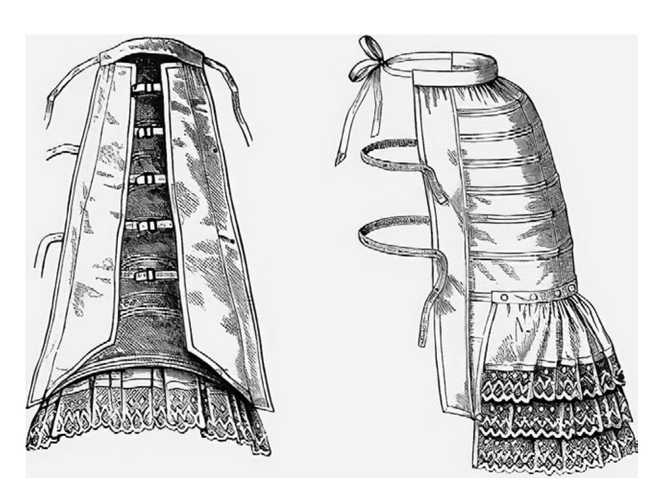

Рис. 31. Турнюры

своего уличного платья. Однако носить эти приспособления было непростой задачей. Прежде всего, нужно было хорошо представлять себе их размеры, чтобы без помех двигаться в ограниченном пространстве. Садиться в таких юбках было настоящим искусством. В любой заметно выступающей назад юбке подходить к стулу следовало по диагонали. На иллюстрациях, представляющих модные наряды 1870-х, дамы сидят на самом краешке стула под углом примерно 45 градусов, слегка наклонившись вперед. Поза выглядит очень элегантной, и в то же время это самое разумное решение, если на вас надет турнюр или кринолет. Примерно в 1885 году женщине, одевающейся по последней моде, пришлось заново учиться ходить и сидеть — юбки и нижние юбки становились все более узкими. Неудобство в ходьбе было довольно важной особенностью: оно делало новую моду недоступной для работающих женщин. Но я обнаружила, что его можно уменьшить, если выработать особую походку. Секрет заключается в том, чтобы при каждом шаге не просто выдвигать ногу вперед, а описывать ею небольшой полукруг. Благодаря этому ткань юбки всегда остается натянутой, не сбивается и не собирается складками, затрудняя движения. Кроме того, при такой походке бедра слегка покачиваются, что отлично сочетается с узкой юбкой. Женщина, одетая в узкое платье и идущая такой походкой, выглядела очень соблазнительно, хотя вряд ли могла хоть немного прибавить шаг.

Последним слоем женского нижнего белья служили разнообразные нижние рубашки, камисоли, накорсетные сорочки и другие вещи, которые надевали поверх корсета. Одни предназначались для сохранения тепла, другие для смягчения видимой линии корсета на груди. Многие викторианские хлопковые камисоли и накорсетные сорочки дошли до наших дней и часто встречаются в антикварных магазинах вместе с ночными рубашками и детской

Рис. 32. Дамы, сидящие на краешке стульев, 1889 г.

одеждой. В основном это красивые вещи с вышивкой, кружевами и лентами. Из более прозаических повседневных моделей, встречавшихся гораздо чаще и рассчитанных в первую очередь на сохранение тепла, сохранились лишь немногие. Нарядная одежда вообще отличается гораздо более высокой исторической выживаемостью по сравнению с простыми и функциональными предметами.

На Всемирной выставке 1851 года были представлены вязаные трикотажные нижние рубашки более 10 производителей. Трикотажные нижние рубашки были дороже, чем фланелевые, которые легко изготовить дома. Тех, кому не по карману была даже фланелевая нижняя рубашка, выручала простая манишка. Она представляла собой кусок теплого материала – фланели, кожи или заячьей шкурки, – который прикладывали к груди и закрепляли, наподобие детского слюнявчика, с помощью пары завязок

вокруг шеи и еще пары вокруг талии. Некоторые обеспеченные и следящие за модой женщины тоже выбирали манишку (обычно из заячьей шкурки), поскольку она давала тепло, не увеличивая объем, и позволяла не только позаботиться о здоровье груди, но и сохранить исключительно стройный силуэт. Самые бедные женщины для защиты от ветра точно таким же образом использовали сложенную в несколько раз газету. У небогатых женщин в роли верхней одежды, как правило, была шаль, но поскольку шаль мешала при выполнении многих видов работ, газета, проложенная между лифом и корсетом, часто оказывалась очень кстати. У меня бывали дни, когда мне приходилось работать под открытым небом в середине зимы в викторианской одежде, и могу подтвердить — это действительно бесценное подспорье.

Уличная одежда

Платье, которое молодая королева Виктория надела в первый день после своей коронации, не вполне отвечало *последним* веяниям моды — скорее оно вобрало в себя элементы, появлявшиеся на модных картинках в течение всего предыдущего года. Изначально сшитое из простого черного шелка, сейчас оно выцвело до темно-коричневого цвета. Пара вертикальных полосок бахромы сбегает по юбке наискосок сверху донизу, рукава по всей длине собраны гармошкой и перевязаны лентами, на плечах заложены крошечные тугие складки. Скопировать такое платье было совсем не сложно, а если взять вместо шелка набивной хлопок, платье стало бы доступным не только большинству девушек из среднего класса, но и некоторым служанкам. Модные картинки, позволявшие умелой швее или портнихе следить за последними тенденциями, получали все более широкое распространение и служили отличным подспорьем для тех, кто жил вдали от Лондона, но

стремился оставаться в курсе модных веяний. В сельской местности платья в основном шили местные портнихи по индивидуальным меркам клиенток. Умение сшить платье, отвечающее последним требованиям моды, значительно повышало спрос на услуги. Некоторые женщины обладали нужными навыками и могли самостоятельно обшить себя с головы до ног, но большинство ограничивалось лишь пошивом необходимого семье нижнего белья. Ошибка при изготовлении более сложной уличной одежды могла обойтись слишком дорого, поэтому лучше было доверить дело профессионалам. Конечно, за их работу приходилось платить, но это, по крайней мере, избавляло вас от риска испортить тот единственный отрез ткани, который вы могли себе позволить в нынешнем году.

Рис. 33. Иллюстрация, представляющая модные наряды, журнал The Ladies' Cabinet, 1839 г.

Еще одним вариантом, своего рода промежуточным звеном между домашним и профессиональным производством, были услуги портнихи. Она приходила в дом и выполняла все работы по раскройке и подгонке, а затем вы вместе с дочерями выполняли под ее присмотром большую часть швейных работ. Это было выгодно, если вам нужно было за один раз сшить много одежды, например по платью для каждой из женщин в вашей семье. В качестве альтернативы можно было распороть старое платье и использовать его как образец для раскройки нового. Это позволяло сэкономить и избежать хлопот с подгонкой, однако в результате вы получали наряд плачевно устаревшего фасона.

Те, кому не по карману были все вышеперечисленные варианты, обращались к весьма оживленному рынку подержанной одежды. Если молодая женщина была служанкой, одеждой ее нередко снабжала хозяйка, и это был основной маршрут перемещения одежды между классами. В некоторых семьях слуг обеспечивали униформой, что значительно облегчало дело, но вместе с тем хозяйки очень часто отдавали служанкам свою старую одежду. Поскольку многие семьи возражали против того, чтобы прислуга выглядела слишком модно (вопреки своему «низкому» положению), подаренную одежду часто продавали или передавали дальше. Эта практика была настолько распространена, что никто не удивлялся, видя на небогатых людях не слишком поношенную, но давно вышедшую из моды одежду. Вдобавок это дополнительно подстегивало развитие моды: если вы не следили за ней, то рисковали быть принятыми за прислугу.

В одежде работающих женщин в 1830-х и 1840-х годах явно прослеживались региональные тенденции. Например, в рыбацких деревнях на северо-востоке женщины продолжали носить стеганые нижние юбки, которые были на

пике моды в 1760-х годах. В других областях страны от них давно отказались, но на этом отрезке побережья жены рыбаков по-прежнему любили стеганые юбки и продолжали их шить. Местные жительницы воспринимали их не как старомодную нелепицу, а как элемент собственного уникального стиля. Региональный колорит прослеживался и в костюмах валлийских женщин с их знаменитыми высокими черными шляпами, красными шалями и юбками из полосатой шерстяной ткани местного производства. Ирландские женщины ходили босыми и носили короткие юбки до колен. Однако традиционная одежда соседствовала с быстро распространяющимися лондонскими модами, хотя и продолжала стойко удерживать свои позиции. Для этого были свои причины — например, женщина из долины Ронды могла столкнуться с тем, что дешевый набивной хлопок, которого было полно в Чешире и Хартфордшире, для нее не так доступен, как местная шерсть в грубоватую полоску. Определенную роль играли традиции, кроме того, в провинциях могли быть свои законодатели мод, которые задавали там тон. Нося одежду своего сообщества, человек чувствовал связь с родными местами — сходство с проезжими англичанами могло порой оказаться совсем некстати. По мере того, как железные дороги проникали во все уголки Британии, региональные тенденции постепенно утрачивали силу. Ткани стали примерно одинаково доступны во всех областях, люди начали больше ездить по стране. В 1861 году был отменен налог на бумагу, и это, вместе с рядом технологических усовершенствований в полиграфической промышленности, спровоцировало рост тиражей и падение цен на книги, журналы, листовки, каталоги и плакаты. Новости моды стали одной из самых быстро развивающихся отраслей в печати и помогли стандартизировать вкусы по всей стране. Прекрасные, раскрашенные вручную модные

Рис. 34. Иллюстрация, представляющая модные наряды, The Englishwoman's Domestic Magazine, 1862 г.

картинки из журнала The Ladies' Cabinet 1839 года могли увидеть в лучшем случае несколько тысяч женщин, а картинки, сопровождавшие выпущенный супругами Битон The Englishwoman's Domestic Magazine в 1862 году увидели в 10 раз больше читательниц. Первые бумажные выкройки в натуральную величину появились в Британии в 1830-х годах. В 1858 году в Лондоне было как минимум 10 разных магазинов, где выкройки продавали в розницу и отправляли по почте. Начиная с 1860 года супруги Битон начали публиковать в своем журнале полноразмерные бумажные выкройки от одного из ведущих французских домов моды, а также модные картинки. В 1876 году американская компания Butterick присоединилась к общему веселью и открыла магазин на Риджент-стрит. Их выкройки стоили от трех пенсов до двух шиллингов, причем каждый месяц

Рис. 35. Карикатура из журнала Punch – кринолин вызывает замешательство под омелой[1]

приходило от 40 до 60 новых моделей. Это направление оказалось чрезвычайно успешным, и бумажные выкройки стали неотъемлемой частью женских журналов.

В 1860 году модный силуэт создавался при помощи корсета и кринолина, имел крошечную талию и огромную юбку. Женщине, надевающей платье на стальной кринолин, приходилось аккуратно распределять по его поверхности большое количество ткани. В целом воспоминания женщин, которые носили кринолины, кажутся положительными. Женщина, которая на момент появления кринолинов была подростком, так передавала свои

[1] В Британии омелой украшают дома на Рождество. Существует традиция: любому позволяется поцеловать человека, оказавшегося под веткой омелы.

впечатления: «О, это было восхитительно! С тех пор как они вышли из моды, я больше не испытывала такого удобства. С ними нижние юбки не путались в ногах, походка была легкой и свободной». Но не обошлось и без недостатков. Управление юбочной конструкцией, такой широкой и упругой, сопрягалось с определенными трудностями. Садиться, не выставив напоказ ничего лишнего, было совсем не просто. Как правило, приходилось незаметно приподнимать заднюю часть юбки — для этого делали небольшое резкое движение бедрами, которое заставляло кринолин подпрыгнуть. Если это вызывало затруднения, можно было отвести руки назад, нащупать под слоями ткани верхний обруч и приподнять его на несколько сантиметров. Немало хлопот доставляли узкие дверные проемы — протискиваясь сквозь них, невозможно было сохранять изящный вид. Кроме того, всегда существовала опасность, что из-за внезапного порыва ветра вам придется спешно приводить в порядок задравшуюся юбку. Карикатуристы обожали кринолины, множество сатирических зарисовок выходило из-под их перьев. Punch не оставлял без внимания ни одной шутки на эту тему, поскольку они, кроме всего прочего, позволяли публиковать картинки с дамами в неглиже, но при этом сохранять видимость респектабельности. Карикатуры изображали сидящих в омнибусах женщин, чьи юбки выталкивали мужчин из окон; пикники, во время которых кринолины расположившихся на траве женщин поднимались вверх наподобие воздушных шаров, выставляя напоказ панталоны; женщин, застревающих в дверях; влюбленных, тщетно пытающихся заключить в объятия женщин в огромных юбках.

Лично я очень люблю кринолины — носить их очень весело. Мне нравится, как они качаются и подпрыгивают. Однако некоторые викторианцы находили это в высшей степени непривлекательным и жаловались на то, что все

эти колыхания и рывки крайне раздражают. Женщины, по мнению этих людей, должны передвигаться всегда плавно и грациозно. Конечно, в кринолине тоже можно грациозно двигаться, но далеко не все из нас прирожденные танцовщицы. Единственное, что не нравится в кринолинах мне, — сквозняк, на него жаловались и многие викторианские женщины. Привыкнув к тому, что нижняя часть тела закутана в несколько слоев ткани, чувствовать, что теперь единственной защитой от буйства природных стихий служит лишь пара хлопковых панталон, было не слишком комфортно.

В 1862 году на производство кринолинов еженедельно уходило от 130 до 150 тонн стали. Это был процветающий бизнес, поглощавший одну седьмую часть всей произведенной в Шеффилде стали. Кринолин пользовался популярностью не только у светских дам — его носило удивительно много работающих женщин. Конечно, женщина в кринолине могла заниматься далеко не всем — например, она не могла толкать под землей тележку с углем или работать в поле. Но кройке и шитью кринолин ничуть не мешал. Многие женщины придерживались золотой середины: в течение рабочей недели ходили в обычной одежде, а кринолин надевали только по воскресеньям. Многие работницы шахт запечатлены на фотографиях 1860-х годов не только в рабочих брюках, но и в своих лучших воскресных нарядах с кринолинами. Журналист Генри Мэйхью однажды предположил, что, вероятно, каждая женщина Британии имеет в своем гардеробе как минимум два кринолина — лишь это объяснило бы объемы продаж.

В 1860-х годах много внимания привлекали облаченные в брюки работницы шахт. Это был не столько региональный костюм, сколько профессиональная спецодежда. Сохранившиеся фотографии показывают, что женщины действительно носили мужские брюки, но делали это

в довольно необычной, явно женственной манере. Традиционно работавшие под землей женщины поднимали на поверхность вырубленный мужчинами уголь. Им приходилось толкать вперед или тянуть за собой нагруженные углем тележки по туннелям с низким сводом. Для этого женщине нужно было наклониться под значительным углом и использовать вес своего тела. Юбки обычной длины в таком положении постоянно путались бы в ногах, поэтому нужно было либо носить платья с очень коротким подолом (примерно до середины бедра), либо подтыкать его до той же высоты. Последнее имело гораздо больше смысла, поскольку на поверхности подоткнутую юбку можно было снова развернуть – для тепла и из соображений благопристойности. Однако, работая с голыми ногами, женщины могли поранить колени, и кроме того, оставался вопрос приличий, ведь женщины часто работали рядом с мужчинами. Маленькие дети в то время носили под короткими юбками панталоны длиной до щиколоток, и считается, что первоначально работницы шахт надевали нечто подобное. Но поскольку им приходилось работать в грязных и суровых условиях, смена бельевых панталон на прочные мужские брюки была в конечном счете неизбежной. В итоге работницы шахт носили свои знаменитые брюки вместе с высоко подоткнутыми во время работы юбками, что придавало женщинам специфический вид, но не делало их мужеподобными. Брюки для них превратились в профессиональную униформу, своего рода знак статуса и положения.

По всей викторианской Британии манера одеваться безошибочно указывала на род занятий. Рыбачки, работающие на восточном побережье Шотландии и северо-восточном побережье Англии, носили по нескольку полосатых шерстяных юбок, одну поверх другой, и подтыкали их так, что босые ноги оставались голыми ниже колен.

Свой наряд они дополняли шалью, концы которой перекрещивали на груди и туго завязывали сзади. Многие уделяли большое внимание расположению юбок, стараясь подоткнуть их так, чтобы разные полосы и узоры гармонично сочетались между собой. Одетые таким образом, эти женщины работали на скалах и на берегу, помогали мужчинам спускать лодки на воду и вытаскивать на берег, сгружали улов и готовили его к продаже. На причале, когда наступало время потрошить и солить рыбу, они расправляли юбки и надевали большие фартуки из промасленной кожи. Наряд отличался большой практичностью и был настолько узнаваемым, что привлекал внимание фотографов и иллюстраторов. А в 1876 году в универмаге Debenham & Freebody появилась коллекция детской одежды по мотивам этого стиля.

Рис. 36. Рыбачка, 1875 г.

Рис. 37. Безудержная пышность в женской моде: огромные юбки и броская отделка

Середина викторианского периода ознаменовалась революцией в цветах одежды. По времени она совпала с пиком популярности кринолина. В 1856 году Уильям Перкинс открыл краситель из каменноугольной смолы, которая до этого считалась отходом производства. Перкинс дал новому оттенку название «мов», и это был исключительно яркий цвет. За ним последовали изумрудно-зеленый, маджента, сольферино и азулин[1] — тоже пронзительно яркие, особенно когда их использовали для окрашивания шелка. Мода 1860-х годов ни в чем не знала меры — неброская элегантность и тонкий вкус оказались забыты, наступила эпоха безудержности. Безумные оттенки, кринолины и пристрастие к бахроме — многие платья того периода заставили бы устыдиться самые затейливые абажуры (см. цветную илл. 11).

На верхних ступенях модной пирамиды появление швейной машины привело к тому, что усложнилась от-

[1] Мов — розово-лиловый, сольферино — пурпурно-красный, азулин — лазурно-голубой.

делка, дамы увлеклись оборками, ведь теперь при одинаковом объеме работ можно было получить больший результат. Постепенно расширялся гардероб менее обеспеченных людей. Цены у надомных работников, в потогонных мастерских и на швейных фабриках снижались: благодаря швейной машине производственный процесс шел быстрее, спрос на продукцию возрастал. В краткосрочной перспективе это легло ужасающим бременем на плечи бедных женщин, занимавшихся сдельной работой. Им платили так мало, что они не могли купить или хотя бы арендовать швейную машину, а значит, были вынуждены конкурировать с более обеспеченными владельцами швейных машин. Переходный период был суровым и продолжался довольно долго. Много лет назад я купила викторианскую ночную рубашку. Позднее я обнаружила, что эта модель есть в каталоге для заказа товаров по почте за 1889 год. Значит, это был предмет массового производства, выпущенный через тридцать с лишним лет после появления швейной машины. И все же эта рубашка была полностью сшита вручную, вероятно, как раз одной из таких сдельных работниц.

К концу 1860-х годов модная юбка уменьшилась спереди и по бокам — теперь ткань убирали назад и вверх, создавая объем в задней части. К счастью для многих стесненных в средствах любительниц моды, чтобы изменить таким образом фасон платья, достаточно было всего лишь купить новый кринолин (или кринолет) и искусно задрапировать поверх него уже имеющуюся юбку. Постепенно новые кринолины превращались в небольшие турнюры, общие очертания фигуры становились все стройнее, а лиф все длиннее и тоньше.

К концу 1880-х годов рынок готовой одежды для женщин начал догонять рынок мужской готовой одежды. Лифы по-прежнему сопротивлялись массовому производ-

ству, поскольку требовали подгонки по фигуре, невозможной в условиях фабричного производства XIX века, но ассортимент готовой одежды для продажи все же расширялся. Раньше нижнее белье и одежду для сна женщины шили дома, но в 1880-е годы значительно расширилось коммерческое производство этих изделий. Благодаря швейным машинам и машинному кружеву процесс изготовления сорочек, комбинаций и ночных рубашек во много раз ускорился, а сама продукция сделалась более привлекательной. Эти вещи пользовались большой популярностью у женщин из небогатых кругов, которые были счастливы переложить бремя шитья на чьи-то плечи. Нижние и верхние юбки теперь тоже можно было купить в готовом виде, как и разнообразные модели плащей, пальто и других предметов уличной одежды.

Среди тех, у кого не хватало денег даже на готовое платье и кому был не нужен профессиональный или региональный костюм, одежда могла передавать еще одно важное культурное сообщение. Кем вы были — представителем добропорядочной бедноты или одним из отчаявшихся? До тех пор пока вам удавалось сохранять приличный внешний вид, надежда еще была, но стоило вам опуститься ниже определенного уровня, и перед вами начинали захлопывать двери, а возможности уплывали из рук. В приличном костюме вас еще могли нанять на работу, но немногие согласились бы взять человека, чья одежда уже вышла за рамки негласных требований приличия. Определенную роль здесь играла чистота — поношенная одежда, за которой явно ухаживали, производила гораздо более приятное впечатление, чем грязная и неопрятная, — но, кроме того, нужно было иметь вещи, составляющие более или менее полный костюм. Даже среди нищих это имело значение. Генри Мэйхью неоднократно упоминал об этом в своих интервью с представителями

лондонской бедноты. Нищий, похожий на работающего человека, в изношенной, но пристойной одежде, обычно собирал гораздо больше денег, чем нищий, одетый в лохмотья. Люди были готовы понять и поддержать человека, переживающего временные трудности, но попрошайка, не имеющий даже приличной одежды, никак не мог рассчитывать на уважение.

Часто одна и та же одежда совершенно по-разному воспринималась на разных людях. Например, если отчаянно бедной женщине отдавали в качестве благотворительного жеста превосходное модное платье и она носила его, несмотря на то что у нее не было подходящих к нему туфель и чулок, мало кто счел бы такой наряд респектабельным. Скорее он наводил викторианцев на мысли о проституции, поэтому, получив модное платье, было разумно продать его и купить на вырученные деньги дешевый комплект одежды. В таком костюме можно было с успехом искать работу или постоянное жилье.

Еще хуже, по мнению многих, была одежда работных домов. Она более-менее защищала от холода, но имела на себе неизгладимую печать стыда. Каждый союз работных домов мог выбирать униформу по собственному усмотрению. В большинстве случаев она примерно соответствовала общему стилю одежды рабочего класса своего периода, с некоторым налетом старомодности. Ливерпульский союз в 1843 году рекомендовал выдавать взрослым женщинам по две небеленые ситцевые сорочки, одну фланелевую нижнюю юбку, серую юбку из льна и шерсти, два жакета (их называли блузами — устаревшее название даже для того времени) из прочного набивного ситца в синий и белый горох, а также ситцевый платок лилового и белого цвета, два фартука, две пары черных шерстяных чулок и пару туфель. Поскольку все носили одно и то же, униформу работного дома мгновенно узнавали в любом

месте. Ее шили из самых дешевых тканей, и, поскольку верхнюю часть тела закрывали только хлопковые вещи, она была не особенно теплой. Имея две сорочки, две блузы и две пары чулок, женщины могли носить одну вещь, пока другая была в стирке, и сохранять приличную чистоту. Но униформа не предусматривала никакой дополнительной одежды для разных времен года, и тем более она не предполагала никакой индивидуальности. Женщины в работных домах сами изготавливали для себя одежду, и можно было предположить, что им разрешали подогнать ее по фигуре, но в действительности это было запрещено — руководство предпочитало сохранять стандартные размеры, чтобы вещи оставались взаимозаменяемыми. В сущности, женщина в работном доме не имела собственной одежды — она носила то, что ей выдавали после еженедельной стирки. В некоторых работных домах униформа почти не обновлялась на протяжении всей истории заведения и со временем становилась все более анахроничной и все больше бросалась в глаза посторонним. На фотографии работного дома Сент-Панкрас в Лондоне, сделанной во время обеда в 1900 году, сотни обездоленных женщин сидят на лавках в мешковатых платьях по моде 1850-х годов.

Ощущения от одежды

Я изготавливала и носила самую разную викторианскую женскую одежду; страдала в множестве корсетов и осыпала проклятиями не одну швейную машинку; шила вручную целые костюмы в разных стилях до середины XIX века; настойчиво добивалась своего от швейных машинок с ручным и ножным приводом при изготовлении одежды более позднего периода. Я изучала разные способы расставки корсета и приемы обработки конского волоса и провела не один час, подрубая края носовых платков. Все эти занятия доставляли мне много удовольствия, отнимали прорву вре-

мени и вызывали большой интерес. Ни один источник не помог бы мне лучше понять и оценить письменные свидетельства того времени. Изготовление одежды многому меня научило, но и ношение одежды тоже дало мне очень много.

Все было бы иначе, если бы я носила имитацию или театральные костюмы, созданные в наши дни из современных материалов с использованием современных технических средств. Костюмы, продающиеся в магазинах реквизита (даже лучших в мире), изготовлены с учетом потребностей актеров кино и театра. Некоторые из этих костюмов очень красивы и близко воспроизводят исторические образцы, но большинство представляют собой лишь грубое подобие. Некоторые сшиты из тканей, очень похожих на ткани своего периода, большинство — из дешевого и доступного материала. Поскольку в театре нередко приходится быстро переодеваться из одного костюма в другой, все театральные костюмы, к какому бы веку они номинально ни относились, обычно застегиваются на молнии и липучки. И чаще всего под эти костюмы надевают современное нижнее белье. Разумеется, в этом нет ничего плохого. Но это означает, что большинство театральных костюмов ощущаются на теле совсем не так, как ощущалась бы оригинальная одежда, и не представляют большой ценности в качестве инструмента исследования. Если вы хотите знать, каково на самом деле носить викторианскую одежду, вы должны подойти к делу добросовестно, то есть подобрать правильные ткани, раскроить детали, используя соответствующие периоду техники кройки (притом что они часто менялись), использовать правильную нить для шитья, правильные инструменты и правильные приемы работы (они также регулярно менялись). Кроме того, что вы должны носить все слои одежды — не только те из них, которые непосредственно видны окружающим. Это непросто, но это дает совершенно иные ощущения и помогает многое понять.

Каждый комплект правильной исторической одежды, которую я носила, — а их было несколько, и не только викторианского периода, — влиял на то, как я двигалась. Каждый костюм меняет манеру держаться — сидеть, стоять и ходить. Кроме того, он меняет ваш образ действий. В одежде разных эпох одни движения могут казаться легкими и удобными, а другие неловкими и неестественными. Я обнаружила, что использую для одной и той же работы или действия совершенно разные методы и приемы, в зависимости от того, какая на мне одежда. Возьмем, например, работу серпом. Я убирала злаковое поле серпом в платье 1620-х годов, убирала остатки по краям (новейшая жатка-сноповязалка, запряженная лошадьми, не захватывала области рядом с изгородью) в одежде 1870-х годов и расчищала заросший участок в одежде 2010-х годов. Как выяснилось, в костюме самого раннего периода выполнять эту работу удобнее, если встать, поставив одну ногу перед другой и сильно согнув в колене ту, что впереди. После этого я опиралась на согнутое колено левым локтем, поддерживая свой вес и разгружая спину. Я продвигалась по полю с серпом в правой руке, сначала отделяя несколько стеблей изогнутым лезвием, затем собирала их за верхушки левой рукой, которой опиралась о колено, и резким быстрым движением срезала их. Попытавшись проделать то же самое в одежде 1870-х годов, я выяснила, что она начинает давить и впиваться в тело, но если перенести центр тяжести ближе к середине и опереться на корсет, то можно наклониться вперед и работать более уверенно, расслабив мышцы спины и пользуясь поддержкой, которую дают упругие стальные вставки. Одежда 2010-х годов требовала другого подхода: я оставила попытки работать стоя и передвигалась по земле на коленях. Различия проявляются в самых разных действиях. Обычно мы не задумываемся об этом, поскольку мода, как правило, меняется

медленно, и мы все постепенно адаптируемся к ней, почти не замечая, как одежда влияет на поведение.

За шестьдесят с лишним лет правления королевы Виктории мода, разумеется, успела несколько раз измениться, и ощущения от одежды менялись вместе с ней. Кроме того, ощущения были разными в разных социальных классах. Влачившие жалкое существование обитательницы работных домов вряд ли представляли, как чувствует себя женщина в бальном платье, а женщины из среднего класса не знали, какие ощущения испытывают работницы шахт, носившие брюки.

Самое очевидное обобщающее наблюдение, которое можно сделать о викторианской женской одежде, — она была многослойной. Богатые или бедные, в 1839 году или в 1901 году, викторианские женщины носили на себе огромное количество одежды. И как правило, все слои имели хлопковую основу. Шелковые платья и большинство шерстяных шили на хлопковой подкладке. Хлопковая ткань шла на платья, рубашки, панталоны, корсеты, накорсетные сорочки, чулки и юбки. Помимо этого, в ходу было множество других тканей, но хлопок, несомненно, занимал главенствующее положение в гардеробе большинства женщин. Даже с учетом одной или двух фланелевых нижних юбок — а это был самый распространенный способ появления шерсти в женском гардеробе — хорошо стирающийся хлопок был очень важен. Многослойность позволяла сохранять тепло, не увеличивая объем, и создавать полностью заменяемый слой одежды между кожей и не поддающимся стирке корсетом.

Такое положение сохранялось в течение всего викторианского периода. Хлопок был дешевой тканью — он стоил примерно в три раза меньше хорошей шерсти и почти в 10 раз меньше шелка, — хотя цены на хлопок тоже были неодинаковыми. Вместо хлопка можно было исполь-

зовать лен, но это опять же было намного дороже. Кроме дешевизны хлопок выгодно отличался разнообразием расцветок и рисунков. Техника печати на ткани с помощью гравированных металлических валиков появилась в конце XVIII века, и благодаря ей самым простым людям стали доступны яркие цвета и разнообразные рисунки, в том числе всевозможные цветочные узоры. Разные виды рисунка на ткани могли одинаково быстро входить в моду и устаревать, но даже у представителей рабочего класса появилась возможность купить модную вещь. Хлопок давал викторианским женщинам возможность выбора. Даже людям с весьма ограниченным бюджетом был доступен широкий и привлекательный ассортимент цветов и рисунков.

Еще одной общей чертой периода был облегающий лиф. С годами рукава и юбки радикально меняли размер и форму, но верхняя часть женского платья по-прежнему очень плотно прилегала к телу, даже там, где не было корсета. Одежда не тянулась и имела очень мало припуска. Некоторые движения вызывали сильное натяжение ткани под мышками и вокруг шеи. В результате — я могу подтвердить это на собственном опыте — вы быстро отучались оборачиваться, чтобы выполнить то или иное действие, и запоминали, что поднимать руки над головой не слишком удобно. Покрой викторианского лифа побуждал вас подставить табурет, чтобы дотянуться до нужной вам верхней полки, или встать и развернуться всем телом, вместо того чтобы оборачиваться, сидя на стуле.

Большие юбки тоже были одной из характерных примет Викторианской эпохи, и, хотя их размеры и форма периодически менялись, на них в любом случае уходило очень много ткани. Многие викторианские дома, особенно ближе к концу эпохи, были загромождены, но, взглянув немного внимательнее, вы могли заметить, что весь этот хаос располагался выше уровня талии. Все,

что находилось ниже, рано или поздно опрокидывалось. В викторианской Британии не было низких кофейных столиков — столы и подставки были высокими и, таким образом, выводили большинство предметов домашнего обихода из опасной зоны.

Поскольку женщины носили тесно прилегающие лифы и пышные юбки, им было хорошо знакомо еще одно ощущение: когда снизу жарко, а сверху холодно. Не случайно многие женщины постоянно кутались в шали. Сшитые на заказ деловые костюмы, появившиеся в самом конце 1890-х годов, были единственным реальным исключением из этого правила — у них поверх лифа или блузки был жакет, сшитый по аналогии с мужской одеждой из твида и других шерстяных тканей. Поносив лично несколько сохранившихся костюмов, я вполне могу понять, почему они стали так популярны среди тех, кто мог их себе позволить: они действительно намного теплее.

В условиях XXI века викторианская одежда может показаться громоздкой и неуклюжей, но мой личный опыт показывает, что в обстановке того времени она полностью целесообразна. При отсутствии центрального отопления и лишних предметов мебели ниже уровня талии те проблемы, которые викторианская одежда создает в современной обстановке, просто исчезают. Если мне придется заниматься викторианскими делами, например таскать ведра с углем или прореживать поле репы, я предпочту многослойную одежду и буду благодарна корсету за поддержку спины. Представляя викторианскую женщину, зашнуровывающую корсет, затягивающую подвязки и застегивающую пуговицы на платье, я думаю, что она одевается в полном соответствии полному тяжелой работы дню, который ее ждет.

3
Посещение уборной

Когда с мытьем и одеванием было покончено, наступала очередь похода в уборную.

УБОРНАЯ

Уборная, как правило, располагалась в дальнем конце двора или сада, как можно дальше от дома, поэтому ее посещали уже после того, как потрудились одеться.

Традиционно уборная состояла из ямы — по сути хранилища для компоста, — над которой было возведено некое легкое укрытие с деревянными стенами, наклонной крышей и дверью. Дверь сверху и снизу не доходила до косяка на несколько дюймов, что способствовало циркуляции воздуха, а значит, позволяло хорошо проветривать уборную. Если постройка закрывалась слишком плотно, в ней быстро возникал неприятный запах.

Внутри было деревянное сиденье, напоминающее поставленный на землю перевернутый ящик. Сидеть на нем было относительно комфортно даже в самую морозную погоду (современное пластмассовое сиденье в таких слу-

чаях намного холоднее). В лучших из подобных сооружений стены и потолки регулярно белили, полы и сиденья ежедневно тщательно вычищали, и в них был хороший запас туалетной бумаги или нарезанной на квадраты газеты, а также ваза со свежими цветами.

Большинство уборных были вполне гигиеничными и нормально функционировали до тех пор, пока для естественного разложения отходов вдали от людей и источников водоснабжения оставалось достаточно времени и места. Конечно, помогало и то, что с отходами обходились по принципу компостной кучи, добавляя к ним равное количество волокнистых абсорбирующих материалов, таких как солома, опавшие листья, древесная стружка, мятая бумага и сухая земля. В некоторых районах рядом с уборной находился свинарник, и, чтобы отходы разлагались быстрее, к ним добавляли свиной навоз и грязную солому.

Вдали от городов уборными долго продолжали пользоваться даже в XX веке, поскольку это было гигиеничное и дешевое решение. Таким образом, для сельских викторианцев оно оставалось практически вне конкуренции.

Но как только число людей, пользующихся уборной, превышало ее возможности, яма быстро переполнялась. Если у вас был свободный участок земли, проблему можно было быстро решить. Вы выкапывали немного дальше новую яму и переносили постройку на новое место. Землю, извлеченную из новой ямы, можно было использовать для того, чтобы засыпать старую яму, содержимое которой затем продолжало спокойно разлагаться. Настоящие сложности возникали в густонаселенных областях, где у людей не было садов и земельных участков, отделяющих уборные от жилых домов и систем водоснабжения.

Пытаясь решить эту проблему, лондонские власти требовали, чтобы люди регулярно вычищали ямы под уборными (так называемые выгребные ямы). Когда уборная

заполнялась, отходы выкапывали и вывозили из города в сельскую местность и сваливали в огромные компостные кучи, а затем, когда они уже не представляли опасности, разбрасывали по полям. По крайней мере, так все выглядело в теории. В каждом городском приходе были свои уличные сборщики мусора и официальные ассенизаторы, которые следили за чистотой в местах общественного пользования. Их повозки громыхали по улицам ночью, чтобы доставить поменьше неудобств. Местные законы требовали, чтобы хозяева частных домов регулярно нанимали специалистов для очистки своих домов и вывоза мусора. Увы, не все проявляли должную сознательность, и в судах довольно часто рассматривали дела, связанные с переполненными уборными, которые доставляли неприятности соседям.

По мере роста городов и увеличения плотности населения росли и проблемы. Потеки и лужи из переполненных и непригодных для выполнения своей задачи уборных особенно часто встречались в бедных районах, где люди с трудом могли позволить себе регулярный вывоз отходов. Недобросовестные домовладельцы тоже не горели желанием тратить деньги на свою собственность в трущобах. Совместное использование удобств только усугубляло проблему. Опрос, проведенный в Сандерленде в 1840-х годах, показал, что здесь одна уборная приходилась в среднем на 76 человек, в то время как в Вустере, согласно записям, одной уборной пользовались 15 семей. Журналист Генри Мэйхью часто писал о жизни лондонских бедняков. Его репортажи служили для современников призывом к действию, а его наблюдения отражали жизнь в городах и поселках по всей Британии. Однажды ночью он сопровождал повозку ассенизаторов, которые занимались своим делом — опустошали выгребные ямы, — и делали это почти так же, как их предшественники в последние триста лет. Их основным инструментом была специальная лопата на

длинной ручке, с помощью которой они перекладывали экскременты в большие деревянные ведра. Затем ведра надевали на ручки лопат или на особый шест и переносили, взявшись за два конца, в стоящую на улице телегу. Мэйхью назвал запах «буквально тошнотворным». Если очищаемая уборная находилась в ухоженном дворе с прямым выходом на улицу, то операцию можно было провести, не доставляя особых неудобств жильцам и хозяевам. Но в бедных и многолюдных районах экскременты чаще приходилось переносить прямо через дома людей, нередко среди ночи. В викторианский период ассенизаторы брали около одного шиллинга за одну уборную — не слишком большой доход для них, однако существенный расход для рабочего класса. Выгребные ямы были обычно маленькими. Мэйхью пишет, что большинство городских выгребных ям были выложены изнутри кирпичом и вмещали около 0,75 кубического метра нечистот. Однако многие ямы не были выложены кирпичом, либо кирпичи не были скреплены между собой известковым раствором. Некоторые люди оставляли дно ямы голым, чтобы жидкое вещество могло беспрепятственно впитываться в почву — ночные ассенизаторы уносили только твердые отходы, все остальное уходило в землю. Жители подвалов порой обнаруживали, что эти жидкости просачиваются к ним.

В крупнейших городах, в частности в Лондоне, почва насыщалась человеческими отходами до такой степени, что они начинали просачиваться сквозь землю и загрязнять грунтовые воды, питающие колодцы. Даже люди, верившие в теорию миазмов, считали это крайне неприятным, однако связь между загрязненными грунтовыми водами и вспышками заболеваний обнаружили только в 1830–1840-х годах. Вода из этих колодцев была чистой на вид и ничем не пахла. Первыми признаки опасности разглядели первопроходцы эпидемиологии и микробной теории.

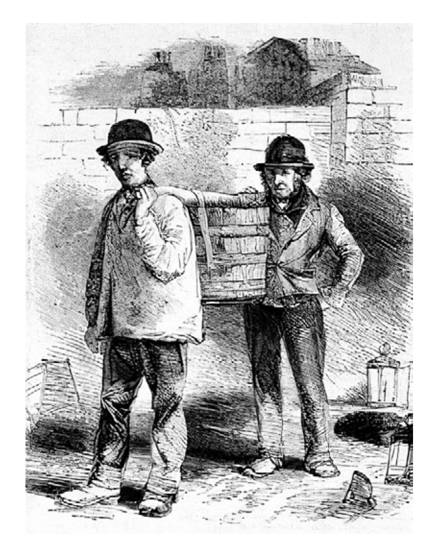

Рис. 38. Ассенизаторы за работой, 1861 г.

В 1849 году в лондонском Сити проверили более 15 тысяч домов. Результаты оказались неутешительными. В 21 доме в качестве выгребной ямы использовался погреб, в 30 домах выгребные ямы переливались через край, 223 выгребные ямы оказались заполненными. Около пяти тысяч ям оценили как представляющие опасность или находящиеся в антисанитарном состоянии. Таким образом, из всех проинспектированных домов около трети имели серьезные проблемы с человеческими отходами. Решение было найдено в бесперебойной подаче водопроводной воды. Считалось, что смывание отходов из тех мест, где люди живут и работают, создаст более здоровую обстановку. Но если частные предприниматели в ранневикторианских городах и поселках смогли достаточно оперативно обеспечить городских жителей водопроводной водой (хотя и не полностью), желающих взять на себя расходы, необходимые для сооружения водостоков и канализации для водоотведения, было совсем немного.

Поскольку частное предпринимательство явно не справлялось с задачей, правительство вынуждено было принять меры со своей стороны, и в 1848 году оно запретило строить дома без канализации, соединенной с общественными канализационными системами. Тогда под общественными канализационными системами обычно подразумевались местные реки. Сэр Джон Саймон, в то время инспектор здравоохранения лондонского Сити, заключил в отчете, который должен был повлиять на принятие этого закона: «Часть Сити стоит на выкопанном под ним выгребном городе». Будучи в то время сторонником теории миазмов, он стремился убрать отходы из людских домов, но почти не думал о том, что будет с этими отходами дальше. Его великая дренажная инициатива первоначально имела успех — проблема ушла из частных домов в Темзу. Возникшая в предыдущее десятилетие проблема загрязнения почвы утратила остроту, однако добиться этого удалось ценой загрязнения водных путей. Понадобилось пережить Великое зловоние 1858 года, когда исходящий от реки тошнотворный запах

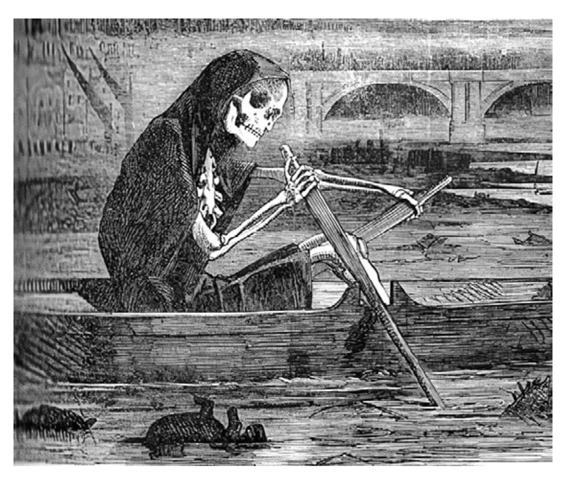

Рис. 39. Великое зловоние 1858 г., из журнала Punch

заставлял занавешивать окна парламента тканью, пропитанной раствором хлорной извести, чтобы политики наконец признали: проблему необходимо решать.

Обширные инженерные сооружения, возведенные в следующие несколько десятилетий для борьбы со сточными водами, не только эффективно справились со своей задачей и помогли избавить от холеры и брюшного тифа Лондон, а затем и другие последовавшие его примеру города, — они до сих пор остаются основополагающим элементом действующей системы. Разветвленная сеть облицованных кирпичом сточных труб и канализационных коллекторов собирала отходы и направляла их не в ручьи и реки, а на крупные очистные сооружения, где их подвергали фильтрации и очистке, чтобы затем вернуть чистую воду обратно в речную систему.

ВАТЕРКЛОЗЕТ

В 1851 году, за семь лет до Великого зловония, внимание публики привлекли уборные с водопроводом, или ватерклозеты. Первые общественные ватерклозеты открылись в этом году на Флит-стрит. Их также продемонстрировали на Всемирной выставке в туалетных комнатах Хрустального дворца — именно там большинство людей смогли увидеть ватерклозеты впервые. Впрочем, в 1851 году это изобретение нельзя было назвать совершенно новым. Первая схема смывного унитаза (с изображением маленькой рыбки, плавающей в цистерне) появилась еще в Елизаветинскую эпоху. Изобретенное писателем сэром Джоном Харрингтоном в 1590-х годах (во всяком случае, так он сам утверждал) приспособление — далекий предок современного унитаза — вывело на новый уровень старую монастырскую традицию размещать уборные над неболь-

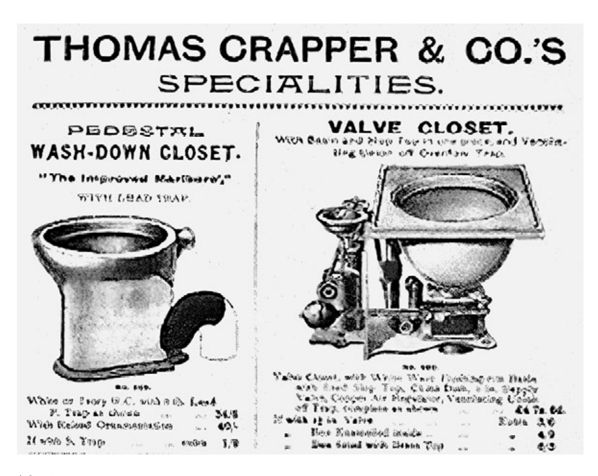

Рис. 40. Два основных типа ватерклозета: со смывом и с клапаном

шим потоком проточной воды. В лондонских кадастровых описях XVI и XVII веков упоминается, что в ряде домов имелись уборные, где отходы регулярно смывались дождевой водой, которая накапливалась в резервуарах, а затем уходила в сточные желоба. В конце XVIII века возник ряд технических улучшений. Были опробованы разные виды клапанов и разные формы чаши и ободка унитаза, позволявшие оптимально направлять поток воды. Усовершенствование продолжалось в течение всего XIX века — в это время на рынке одновременно появлялось множество конкурирующих дизайнов. Они не только отличались с технической точки зрения, но и предназначались для нужд разных социальных групп. Например, некоторые виды простых ватерклозетов из дешевых материалов производили для слуг и обитателей казенных домов — считалось, что они не способны разобраться с более дорогими моделями, оснащенными механическими клапанами.

Несмотря на все преимущества быстрого удаления отходов, у первых пользователей ватерклозетов все же возникали затруднения. Многие из устройств просто смы-

вали отходы в старые выгребные ямы, а некоторые даже направляли их в уличные канавы. Еще одной проблемой было отсутствие изогнутой S-образной трубы. В первых унитазах содержимое выливалось из чаши с помощью разнообразных регулирующих клапанов или поддонов, после чего поток воды очищал чашу и поддон, смывая остатки в сливную трубу, которая шла прямо от унитаза к канализационным трубам. Без S-образной трубы все испарения и запахи из канализации легко поднимались обратно и попадали в дома. Учитывая, что миазматическая теория болезней до сих пор имела весьма широкое распространение, это вызвало огромное беспокойство, не говоря уже о неприятных запахах. Так что новые унитазы считались гораздо менее гигиеничными, чем старые домики в глубине сада — последние, даже грязные и переполненные, находились, по крайней мере, снаружи на свежем воздухе, а не испускали свои вредоносные испарения день и ночь в стенах жилого дома.

Я регулярно пользуюсь одной из первых моделей викторианского туалета, когда работаю в Хэддон-холле в Дербишире. Даже с S-образной трубой, не дающей зловонию от канализации подниматься обратно, туалет сохраняет неприятный запах, независимо от того, насколько тщательно вы пытаетесь поддерживать в нем чистоту. Викторианцы тоже сталкивались с этой проблемой, на что в 1877 году указывал Самуэль Стивенс Хеллиер в книге «Водопровод и санитарные условия в домах» (The Plumber and Sanitary Houses): эта конструкция не давала никакой возможности очистить нижнюю часть поддона. Поток воды просто не доставал до него, а чтобы почистить унитаз вручную, необходимо было полностью его демонтировать. В целом викторианские туалеты требуют гораздо больше внимания для поддержания чистоты, чем их современные аналоги.

Системы смыва постепенно совершенствовались, поток воды стал намного мощнее и уже мог более надежно удалять отходы, а закрепленные на петлях поддоны сменились системой полного смыва, которая остается стандартом и в XXI веке: вода выталкивается под ободок, омывая целиком всю поверхность чаши унитаза, и сила напора этой воды уносит отходы вниз по трубе. В 1870-х годах началось победное шествие ватерклозета. Как только первоначальные проблемы были решены, ватерклозеты в городах стали обязательными. Для привлечения клиентов новые железнодорожные компании даже упоминали в своей рекламе о наличии ватерклозетов на станциях. Во многих районах железнодорожные станции стали первыми общественными зданиями, где были установлены ватерклозеты. Это удобство не только производило впечатление на клиентов, но и привлекало местных жителей, заинтересованных сантехнической новинкой.

СУХОЙ КЛОЗЕТ И ТУАЛЕТ С ВЫНОСНЫМ ВЕДРОМ

Однако за пределами крупных городов новомодные туалеты оставались в меньшинстве. Водопроводная вода для жителей сельской местности была роскошью; чтобы получить к ней регулярный доступ, многим пришлось ждать наступления XX века. Установить в сельской местности ватерклозет можно было лишь в том случае, если находился способ наполнять резервуар, и, хотя в некоторых крупных загородных домах этого действительно удавалось добиться (ценой немалых усилий), такие примеры оставались редким исключением. Но характерный для этого столетия повышенный интерес к санитарным вопросам не обошел стороной и сельского жителя, который нашел

для себя другое решение — земляной клозет. Он работал по принципу сухого компостирования, и его задачей было уменьшить запах и сделать отходы безопасными. Для быстрого превращения человеческих фекалий в компост следовало использовать богатый бактериями верхний слой почвы. Если эти две субстанции хорошо перемешивали, обеспечивали достаточной вентиляцией и содержали в сухом месте, процесс компостирования проходил настолько успешно, что одну и ту же землю вполне можно было повторно использовать несколько раз. В 1860 году эту систему, в значительной степени основанную на устройстве традиционной уборной, запатентовал преподобный Генри Моул. Люди давно привыкли засыпать уборные землей, чтобы ускорить процесс компостирования и уменьшить запах, а нововведение Моула состояло в том, чтобы использовать сухую землю: тогда ее можно будет использовать повторно. Вместе с несколькими другими компаниями он приступил к созданию удобных в использовании земляных клозетов. Самым популярным и долгоживущим оказалось автономное переносное приспособление. Оно

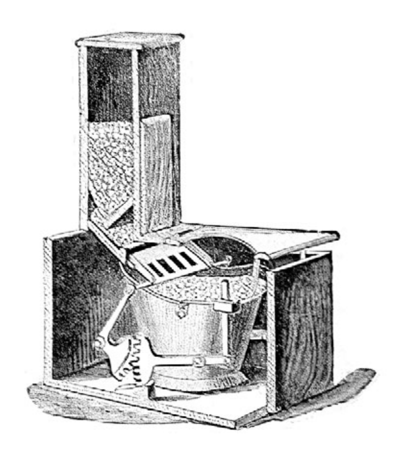

Рис. 41. Земляной клозет

было выполнено в форме кресла-туалета с отверстием в сиденье, под которым стояло ведро. Сзади к креслу была присоединена емкость с землей. Когда вы тянули за рычаг, некоторое количество земли высыпалось из нее в ведро, прикрывая фекалии. Ведро регулярно опорожняли в месте, напоминающем дровяной сарай, где происходило компостирование. Для сельских жителей это был шаг вперед по сравнению с простой уборной.

В городах и в крупных образованиях найти достаточное количество земли было нелегко. Альтернативой могла послужить зола. Почти во всех домах топили углем, и золы у большинства викторианцев было в избытке. В Манчестере, Рочдейле, Бернли и во многих городах центральных графств Британии переняли эту технологию и ввели в обиход туалет с выносным ведром, очень похожий на сельский туалет. Ведра регулярно собирали для опорожнения, а в некоторых местах перед возвращением дезинфицировали или возвращали со слоем сухого абсорбирующего материала для повышения эффективности. В тех областях, где их использование было организовано в рамках хорошо регламентированной общественной инициативы, было отмечено существенное изменение медицинской статистики. В одном только Рочдейле уровень смертности снизился с 27 % в 1870 году до 21 % в 1878 году.

ТУАЛЕТНАЯ БУМАГА

Ватерклозеты в викторианской Британии не были совершенно новым изобретением — скорее они наконец получили широкое распространение. То же можно сказать и о туалетной бумаге. О дешевых публикациях в XVII веке говорили, будто они годятся только для того, чтобы подтирать ими зад. Очевидно, люди уже тогда использовали

печатные материалы в качестве туалетной бумаги. Большую часть Викторианской эпохи именно газеты служили вспомогательным средством гигиены. Также в дело шли рекламные объявления, бумажные пакеты и старые конверты — их разрезали на квадраты и проделывали в одном углу отверстие, чтобы нанизать на веревку. В основном викторианцы пользовались именно такой самодельной туалетной бумагой. Идея потратить деньги на то, что вы затем отправите в выгребную яму или канализационную трубу, казалась просто нелепой. Однако по мере распространения новых сведений о микробах люди сочли вполне разумным, что материал, который используют для удаления с тела переносящих заболевания фекалий, должен быть пропитан каким-нибудь средством, убивающим микробы. Самая первая туалетная бумага промышленного производства была пропитана лекарственными веществами — и так было положено начало новой индустрии.

Лидером в этой области была Америка, первый бренд там был запущен в 1857 году. The British Perforated Paper Company начала производство в Англии в 1880 году — ее продукцию можно было купить в пачках по 100 или 500 листов. Производители подчеркивали не столько комфорт и удобство использования, сколько медицинские свойства своей продукции, стремясь сделать ее необходимой составляющей здорового образа жизни.

Лекарственные вещества, которыми пропитывали бумагу, делали ее жесткой и блестящей, очень похожей на кальку. Такую туалетную бумагу продолжали покупать для школ еще в 1970-х и даже 1980-х годах и действительно нередко использовали в классах вместо кальки — разумеется, при условии, что это была новая, чистая упаковка. Мягкая и впитывающая туалетная бумага появилась только в конце XX века.

4
Забота о внешнем виде

До завтрака, вернувшись в спальню, мужчины и женщины продолжали утренние процедуры и в преддверии нового дня приводили в порядок волосы (в том числе бороды), лицо и руки. Это могло быть как пятнадцатисекундное свидание с расческой, так и начало сложного личного ритуала красоты. У женщин процесс мог быть особенно долгим, и в женской спальне на видном месте обычно стояло множество косметических средств и инструментов.

ЖЕНЩИНЫ: РУКИ И НОГТИ

Руки и ногти занимали особое место, когда речь шла о женской красоте. Большинство женщин выполняли тяжелую и трудную работу, как в доме, так и вне его, и это оставляло несмываемые следы на ладонях и пальцах. Руки женщин, черневших жаровни, драивших уборные и вручную стиравших горы белья, покрывались мозолями, ногти ломались, на коже появлялись глубоко въевшиеся пятна. От постоянного контакта с холодной водой руки краснели, нередко развивался артрит, от которого опухали суставы и дефор-

мировались пальцы. У многих руки были запачканы по локоть, поскольку большую часть дня женщины проводили за грязной работой. Мягкие, лилейно-белые ручки с идеально ухоженными ногтями говорили о праздности. (Конечно, есть исключения: меня иногда обвиняют в том, что я не слишком усердно работаю, потому что для человека, занятого физическим трудом, у меня слишком длинные ногти. Извините, ребята, я просто вытащила счастливый билет в генетической лотерее. Во всем остальном во мне нет ничего особенного, но ногти мне достались просто отличные, невероятно крепкие и здоровые.) Следуя той же логике, по мягкой светлой коже и тонким пальцам без пятен и шрамов можно было опознать настоящую леди. Заметить по рукам, что женщина состоятельна, удавалось, если они были безукоризненно чистыми, со здоровой кожей и не обкусанными ногтями.

Разумеется, ногти, как и все остальное, находились под влиянием моды, и леди следовало точно знать, как должны

Рис. 42. Мытье полов мешало сохранять руки в идеальном состоянии

выглядеть ее руки, какую форму придавать ногтям, нужно ли их полировать, и так далее. «Настольная книга леди» (The Lady's Everyday Book) помогала решить некоторые из этих сложных задач: «Они должны быть овальными, прозрачными, без пятен и неровностей какого-либо рода. Полулунная складка, или белый полукруг, должна быть полностью развита. Кутикула, формирующая видимые очертания ногтя у его корня, должна быть тонкой и хорошо очерченной, при правильном уходе она напоминает по форме половинку лесного ореха». Леди садилась за туалетный столик с парой маленьких маникюрных ножниц, миской теплой воды, половинкой лимона, пилочкой и кожаной подушечкой для полировки ногтей. Сначала она на несколько минут опускала кончики пальцев в теплую воду, чтобы смягчить ногти, затем протирала их лимоном, чтобы очистить и отбелить. После нескольких минут обработки лимоном она снова погружала пальцы в воду. Затем она обрезала ногти, придавая им форму идеального овала, не слишком длинно, чтобы под ними не скапливалась грязь, но и не слишком коротко, поскольку от этого пальцы выглядели грубыми. Затем в дело пускали пилочку для ногтей. Она служила не только для закругления срезанных краев, но и для стачивания неровностей на поверхности ногтя. Концом пилочки можно было отодвинуть полукруг кожи у основания ногтя и удалить некрасивые лохмотья кожи. Затем ногти полировали с помощью кожаной подушечки: считалось, что лучших результатов можно добиться, если уделять этому занятию пять минут в день для каждой руки. Одни женщины в этот момент втирали в ногти немного крема для рук, а другие считали, что результат будет гораздо лучше, если в течение нескольких секунд помассировать ими кожу головы и, таким образом, использовать для ухода кожное сало. Привычку грызть ногти широко осуждали как уродующую, белые отметины на ногтях считались некрасивыми —

от них можно было избавиться с помощью полировки или регулярных компрессов из винного спирта и камфары.

Состояние самих рук можно было улучшить, используя отбеливатели и кремы для кожи. Лимоны спасали леди от веснушек, красных пятен и бородавок. Ежедневное протирание лица и рук, а также ногтей ломтиком лимона считалось неотъемлемой частью утреннего ритуала красоты. После этого обычно применяли лосьоны из миндаля и розовой воды, которые делали руки мягкими и нежными. Если вы были в том неудачном положении, когда вам приходилось выполнять какую-то работу по дому, прежде чем во второй половине дня принять на себя роль леди (да, время от времени женские журналы допускали, что у их читательниц дела могут обстоять именно так), то вам особенно пригодились бы кремы, приготовленные из розовой воды, овсяных хлопьев и топленого свиного жира — они успокаивали и увлажняли кожу, пострадавшую от слишком близкого знакомства с водой и грубым мылом.

Для большинства женщин, разумеется, обо всем этом не было и речи. Их руки копали картошку, пололи репу, собирали уголь и отмывали чужие ночные горшки. Свиной жир, если его удавалось достать, помогал залечить обморожения и ссадины — но это было лучшее, на что они могли надеяться.

ЖЕНЩИНЫ: ВОЛОСЫ

В 1837 году, когда королева Виктория взошла на престол, молодые модницы делили волосы на пробор по центру и поперек от уха до уха через макушку. Все волосы сзади гладко зачесывали и собирали в высокий тугой узел. Волосы спереди, разделенные на две части, оставались по обе стороны лица перед ушами. Эти пряди закручивали пет-

лями назад, помещая их концы в пучок на затылке. Кроме того, носили локоны, которые просто спускались на щеки.

Большое влияние на эту прическу оказал капор. Капор надевали каждый раз, когда женщина выходила на улицу. Делать прическу, которую в любой момент мог испортить постоянно снимаемый и надеваемый капор, было просто непрактично, поэтому волосы на затылке без лишних затей стягивали в узел. Однако пряди по краям лица оставались в обрамлении капора. Их можно было заплетать, носить распущенными или убирать в сеточки, а также закручивать, выпрямлять или завивать в локоны. Косы могли быть разной толщины и в разном количестве, их укладывали вокруг головы или складывали петлей.

Не случайно в журнале The Ladies' Cabinet, изданном в 1839 году, из двадцати с лишним модных картинок только на одной изображена женщина без капора или другого головного убора. Этому единственному исключению удалось оживить привычный строгий стиль с узлом на затылке

Рис. 43. Прическа, 1839 г. Волосы гладко разделены по центру и от уха до уха и собраны в узел высоко на затылке. Такую прическу часто дополняли сложными деталями около ушей

(обычно, как правило, прикрытым капором), украсив узел парой ниспадающих локонов и более привычными завитками около ушей по обе стороны лица. На модных картинках 1839 года также можно увидеть недолго просуществовавший вариант, где центральный пробор сменился двумя отдельными проборами, V-образно расходящимися от середины лба назад.

Тем, кто вместо того, чтобы возиться со сложными прическами, зарабатывал на кусок хлеба, вполне хватало простого пробора по центру и высокого узла, прикрытого капором — отделке головного убора эти женщины уделяли больше внимания, чем укладке волос. Я укладывала волосы в разных викторианских стилях, соответствующих разным историческим периодам, и эта прическа — одна из самых простых в исполнении и одна из самых надежных: она редко распускается и почти не требует корректировки в течение дня.

В течение следующих пятнадцати лет увлечение прическами с обрамляющими лицо волосами сошло у женщин на нет. В 1852 году волосы разделяли лишь на центральный пробор и стягивали в узел посередине затылка. Волосы гладко причесывали так, чтобы они полностью закрывали уши, затем убирали назад и закрепляли узлом. На первое место вышла гладкость. Тем, у кого волосы вились от природы, приходилось нелегко. Локоны возле ушей иногда еще можно было увидеть на вечерних мероприятиях, но показывать сами уши определенно стало немодным — все прически полностью их закрывали. К началу 1850-х годов капоры уже почти не носили, а те, что остались, стали меньше и несколько отодвинулись от лица. Капоры такого фасона всю жизнь носила королева Виктория, не принимая модные изменения, которым следовало ее окружение.

Еще через пять лет все снова изменилось. Узел на затылке спустился ниже и оказался на шее, а кудри верну-

Рис. 44. Капор, 1850 г.

лись. В моду вошло изобилие пышных, густых, вьющихся волос, свободно собранных сзади, форма прически стала мягкой, округлой. Теперь трудные времена наступили для женщин с прямыми и тонкими волосами: только многочасовая завивка щипцами и использование большого количества средств для волос придавали им нужный вид. Капор стал еще меньше и незаметнее. Этот стиль существовал в течение следующих двенадцати лет или около того. Сеточки и повязки, которые начиная с 1860 года использовали для укладки узла сзади, сделали прически такого рода относительно несложными для тех, у кого были хорошие густые волосы, и позволили не слишком обеспеченным женщинам укладывать волосы так же, как их состоятельные сестры. Ханна Каллуик (женщина, работавшая служанкой, – мы уже упоминали о ней) на нескольких фотографиях, сделанных в 1860-х годах, изображена именно с такой прической с сетчатой повязкой на волосах. Я тоже

выполняла множество работ по дому, зачесав волосы на уши и собрав их сзади. Я носила эту прическу с маленькой шапочкой вместо повязки и обнаружила, что это тоже вполне удобно. Боковые пряди около лица могли растрепаться и выбиться из-под сетки, но их можно было контролировать с помощью небольшого количества фиксатуара, о котором подробнее поговорим позже.

Около 1870 года узел снова носят выше, а уши «выходят из затворничества». Зачесанные вверх и назад без всякого пробора волосы укладывают на затылке в как можно более объемный узел. Чем больше волос, тем лучше: длинные пышные косы неплотно наматывали по кругу, закалывали декоративными гребнями и украшали цветами. Основной задачей было создать внушительное сооружение в задней части головы, оставляя линию шеи полностью открытой. Как у знаменитой статуи египетской царицы Нефертити, пышность приподнятых и уложенных сзади волос должна была подчеркивать длинную открытую шею.

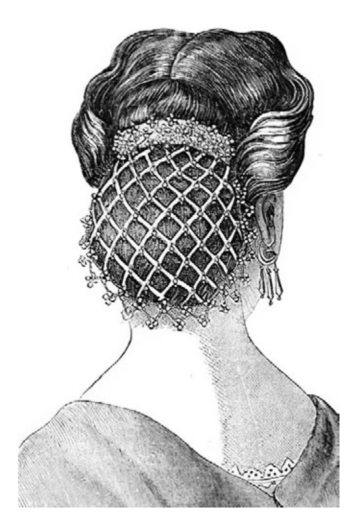

Рис. 45. 1863 г. Узел стали носить ниже, ближе к шее

Рис. 46. 1875 г.: важную роль в создании модной прически играл объем

Такую прическу сложно было сохранять, занимаясь полезной деятельностью, — если вы будете двигаться слишком энергично, она, скорее всего, рассыплется. Поэтому женщины из рабочего класса оказались исключены из числа тех, кто мог следовать новой моде, что, вполне вероятно, было сделано вовсе не случайно. Кроме того, подобная прическа требовала хороших, густых волос. Состоятельным женщинам приходилось использовать шиньоны, чтобы достичь желаемого результата. Этот стиль заставил окончательно расстаться с капором. Верх взяли шляпки, которые можно было пристроить поверх затейливой прически. Что касается шляп, эта черта нового стиля вполне отвечала возможностям простых женщин, и шляпы получили широкое распространение в их среде. Капоры безнадежно устарели — шляпы стали хитом.

Узел продолжал подниматься — к 1880-м годам многие женщины носили его почти на макушке, впрочем, ближе к задней части головы, чем к передней. Некоторые отре-

зали довольно длинную челку, которую аккуратно подворачивали и укладывали спереди, чтобы придать этой части прически больше объема и сделать тем самым ее более интересной, чем когда все волосы убраны назад. Перемещение узла наверх сделало прическу гораздо более стабильной, и в конце 1880-х и 1890-х годах ее можно было увидеть на головах у достаточно активных женщин. Школьные учительницы и горничные получили возможность снова присоединиться к параду мод. Лично мне очень нравится носить эту прическу — ее можно быстро сделать утром, и она намного устойчивее, чем пышные укладки 1880-х годов, — но все же довольно сложно долго сохранять ее в аккуратном виде в течение дня, особенно на свежем воздухе.

Накладные волосы

Сложные объемные прически Викторианской эпохи, особенно во второй половине, создали устойчивый спрос на накладные волосы. В конце концов, очень немногие женщины были от природы наделены таким количеством волос, которое можно было увидеть в рекламе или на модных картинках. Те, у кого волосы были слишком тонкими, слишком редкими или даже нормальными, покупали шиньоны любых цветов, размеров и форм. Можно было купить целые накладные узлы волос, уже уложенные в новейшем стиле, также продавались косы, которыми можно было обвивать собственный узел на затылке. Отдельные локоны, пришитые к небольшим кусочкам тесьмы подходящего цвета, можно было использовать для увеличения объема, также встречались уже завитые локоны на заколках, которые можно было закрепить в любом месте по своему желанию. Шиньоны почти всегда соответствовали новейшим веяниям — производители пристально следили за законодателями мод и предлагали очень похожие копии уже через несколько дней после появления новой при-

чески. Актрисы были одновременно и самыми активными покупательницами накладных волос, и обладательницами новых причесок.

Бедные и нуждающиеся могли продавать собственные волосы. За них давали хорошую цену, особенно если волосы были модного оттенка. Производителей париков и шиньонов интересовали только очень длинные волосы, поскольку после сортировки и придания нужной формы волосы неизменно теряли часть длины. Труднее всего было достать светлые волосы, рыжие же не пользовались особенным спросом. Известны случаи, когда неразборчивые в средствах владельцы похоронных бюро продавали волосы с трупов — это было одной из причин, почему многие представители рабочего класса предпочитали похороны в открытых гробах. Однако полностью удовлетворить существующий спрос за счет бедняков, добровольно или нет снабжавших сырьем рынок накладных волос, было нельзя. В результате в империи развернулась хорошо развитая тор-

Рис. 47. Реклама накладных волос, 1902 г. Торговля волосами переживала период расцвета

говля волосами, особенно волосами из Индии, которые, согласно общему мнению, больше напоминали европейские волосы, чем волосы жителей других стран. Источники происхождения волос в Индии были не более (и, вероятно, даже менее) приемлемыми с точки зрения этики, чем на родине. Когда волосы прибывали в Англию, их обесцвечивали и сортировали, а затем продавали парикмахерам из небольших мастерских, главным образом лондонских. После чего волосы попадали в прическу светской дамы.

Мытье головы

В начале XIX века мытье головы было задачей не для слабых духом, к тому же оно противоречило широко распространенному оздоровительному совету, согласно которому волосы следовало расчесывать щеткой или расческой дважды в день, чтобы удалить грязь. Расчесывание распределяло естественное кожное сало и «флюиды» по всей длине волос, улучшая их состояние. Большинство женщин, перед тем как приступить к этой процедуре, накрывали плечи тканью, поверх которой укладывали распущенные волосы. Это не давало щетке или расческе цепляться за застежки и отделку на одежде, а также предохраняло одежду от грязных частичек, которые падали с волос. Помимо прочего, это давало четкое представление о том, что именно удаляли с головы и волос. (Я рекомендую вам попробовать этот способ после того, как вы проведете день на свежем воздухе. Даже если вымыть голову тем же утром, вы наверняка обнаружите много удивительного.) Одно из преимуществ этого метода заключалось в том, что, если вам не повезло подхватить вшей, вы, по крайней мере, могли быстро это обнаружить и принять меры.

Однако время шло, и с развитием научных представлений о природе кожи и дыхательной функции пор привычка мыть волосы водой получила более широкое рас-

пространение. The Englishwoman's Domestic Magazine в июне 1853 года отмечал: «Убеждение, будто мытье головы вызывает насморк или головную боль и вредит волосам, ошибочно, поскольку нанесение воды на кожу — это наиболее естественный и эффективный способ ее очистки. Он способствует раскрытию пор, через которые должен выделяться пот, и обеспечивает здоровое состояние кожи». Вероятно, из-за длины волос женщины больше мужчин стремились очистить их от жира, хотя сходство волос с тканью также могло побудить их провести аналогию между мытьем головы и стиркой.

С 1840-х годов расчесывание волос больше не считалось эффективным способом очищения, хотя его по-прежнему считали полезным. Оно приобрело новую функцию: говорили, что расчесывание помогает увлажнить волосы, обезжиренные после мытья. Расчесывать волосы рекомендовали не меньше пяти минут по утрам и вечерам, чтобы стимулировать естественную выработку кожного сала и распределить его по волосам, «дабы снабдить их питанием и придать жизненной силы».

Для мытья волос рекомендовали ряд средств, большинство из которых были относительно простыми. Особенной популярностью пользовалась розмариновая вода. В самом простом случае вам требовалось лишь сорвать небольшой пучок травы, положить его в миску и залить кипятком. Когда вода остывала, ее процеживали, и средство было готово к использованию. Этот древний народный рецепт, впервые появившийся в книгах XVI – XVII веков, указывает на то, что, по крайней мере, некоторые женщины время от времени мыли волосы даже в те столетия, когда мытье было в целом не распространено. Розмариновая вода имела преимущество перед обычной водой, поскольку обладала слегка вяжущим свойством, а значит, удаляла больше жира.

Таз с теплой водой ставили на умывальник (или на кухонный стол, если у вас не было отдельного умывальника), а на шею клали полотенце, чтобы вода не стекала вниз и не мочила одежду. Затем женщина наклонялась вперед, опускала голову в таз и лила на затылок воду из кружки. Мытье волос с мылом было относительно новой идеей и требовало определенной осторожности. Многие имевшиеся сорта мыла были довольно грубыми, с большим содержанием щелочи, и могли не только сделать волосы сухими и ломкими, но и вызвать раздражение кожи головы. Кроме того, мыло обесцвечивало волосы. Тем, кто от природы имел жирные волосы, оно помогало лучше — тех, у кого были сухие волосы, могли подстерегать неприятности. Многие женщины обнаружили, что обесцвечивающий эффект мыла выражается не столько в осветлении волос, сколько в том, что они приобретают зеленоватый оттенок. Считалось, что лучше всего мыть волосы мягкой дождевой водой, но важнее было правильно выбрать мыло и умеренно его использовать. После мытья волосам требовалась дополнительная помощь в виде помады или масла для волос, чтобы они снова стали гладкими и блестящими, и, наконец, их нужно было тщательно расчесать щеткой, чтобы распределить средства по всей длине до самых кончиков. «Что касается волос, следует избегать слишком частого мытья. Ежедневное мытье делает волосы сухими и ломкими. Достаточно одного раза в неделю», — рекомендовал доктор Робертсон, и этот совет сохранял свою силу на протяжении всего следующего столетия.

Укладка волос

В викторианской Британии укладка волос оставалась частным делом. Мужчины могли отправиться в парикмахерскую, чтобы подстричь и причесать волосы и бороду, но

женщины укладывали волосы самостоятельно (или поручали это горничной) в домашней обстановке.

Держать прическу в порядке было непросто. Аккуратная, гладко причесанная головка без единого выбившегося волоска, высоко ценившаяся в течение всего викторианского периода, оставалась для подавляющего большинства женщин недостижимым идеалом, если только они не прибегали к вспомогательным средствам в виде различных смесей, эликсиров и лосьонов. Даже те, кому была противна мысль о любых проявлениях суетности и тщеславия, смирялись с необходимостью, по крайней мере, выглядеть опрятно. Доктор Пай Чевасс в своем сочинении «Советы для жен» (Advice to Wives) замечал: «Некоторые говорят, что у женщины нет совершенно никакой возможности держать волосы в порядке, если только она не применит для этого специальное средство. Разгладить волосы можно, нанеся на них старой зубной щеткой немного ароматизированного касторового масла или масла какао». В викторианский период такие средства обычно готовили дома, поэтому в журналах, адресованных женщинам, всегда можно было найти их рецепты. Средства для укладки носили общее название фиксатуар, от них произошел современный лак для волос. (Если вы нальете викторианский фиксатуар в современную бутылочку с распылителем, вам будет очень трудно заметить разницу.)

Средства для укладки делали из целого ряда ингредиентов. В одних случаях в качестве фиксирующего вещества выступал крахмал, в других — различные смолы. К ним добавляли отдушку, краситель и консервант. Все эти ингредиенты до сих пор встречаются в лаках для волос. The Young Ladies' Journal приводит типичный рецепт: «Трагакант (смола, которую также используют при изготовлении кондитерской глазури) — 2,6 г; вода — 0,25 л; разведенный спирт (изготавливается смешиванием равных частей рек-

тифицированного спирта и воды) — 85 г; розовый эфир (сегодня мы назвали бы это эфирным маслом розы) — 10 капель». Если это средство не подходило, журнал предлагал аналогичный рецепт, в котором вместо трагаканта был гуммиарабик (смола, которую в наше время используют в пищевой промышленности, а также при производстве средств для волос). Я приготовила и опробовала оба рецепта и не могу сказать, какой из них мне понравился больше. Гуммиарабик, по ощущениям, держит лучше, но его труднее вычистить. Оба средства обладают длительным действием (по моему опыту, они держатся большую часть дня) и напоминают современную продукцию с пометкой «максимально стойкая фиксация». Еще в одном рецепте предлагалось смешать рисовый крахмал сначала с ректифицированным спиртом, который послужит консервантом, а затем с какими-нибудь духами. Я опробовала также и этот рецепт — средство очень легко готовится и наносится. Оно фиксирует волосы не так прочно, как смолы, но легко вычесывается. На моих волосах это средство было прозрачным, но, когда я начала удалять его расческой, оно рассыпалось, как белая пыль. Я была приятно удивлена, выяснив, что оно забирает вместе с собой всю грязь и жир с волос. Тщательное расчесывание после использования этого фиксатуара оставляет волосы в очень хорошем состоянии. В то время как фиксатуары на основе смолы накапливаются в волосах и, чтобы избавиться от них, требуется тщательно промыть голову теплой водой, с крахмальным фиксатуаром вы можете очень долго обходиться без мытья. В основе одного из самых необычных рецептов лежит желеобразное вещество, полученное из мха, которое также используют в медицине для обработки ран. Сфагнум кипятят в воде примерно час, пока вода не загустеет, затем жидкость процеживают и смешивают с небольшим количеством спирта, который действует как

консервант. Я не опробовала этот рецепт, но не вижу причин, по которым прозрачный липкий гель, легко смывающийся водой, не справится с задачей.

Масла для волос представляли собой нечто среднее между кондиционером и лосьоном для непослушных волос, и их приготовление также не требовало большого труда. В большинстве случаев роль основы играло оливковое масло с добавлением ароматизатора и иногда красителя. Помады для волос были ближе к современному воску для укладки — они таяли на пальцах, облегчая нанесение, и помогали удерживать на месте мелкие локоны и непослушные пряди. По сути, они состояли из топленых животных жиров и восков, смешанных друг с другом и ароматизированных. Рецептов помады для волос существовало такое же великое множество, как и рецептов фиксатуара, — для приятного запаха в них могли добавлять масло лаванды, масло лимона, бергамот и розовое масло, но были также пряные смеси, например с корицей и мускатным орехом, и травяные — скажем, с розмарином и тимьяном, — и даже дорогие композиции с ароматом мирры. Жир мог быть любым, от свиного сала и нутряного жира до бараньего или оленьего жира. Воск обычно называли просто «белым», но он мог быть сделан из пчелиного воска, парафина или стеарина (полученного из китов). У многих женщин была своя любимая смесь — та, которая делала волосы особенно послушными или имела привлекательную цену или самый приятный запах. Многообразие рецептов подсказывает, что выбор аромата для волос был таким же важным личным делом, как и выбор прически. Я предпочитаю восковую помаду для волос, приготовленную по одному из самых простых рецептов: из топленого свиного сала и пчелиного воска, ароматизированных тимьяном. Я использую ее очень экономно на коротких, непослушных прядях волос, которые иначе невозможно аккуратно уложить.

Окрашивание и удаление волос

Окрашивание волос доставляло много хлопот. Любой человек, заглянувший в женские журналы за советом по этому вопросу, очень скоро наткнулся бы на череду ужасных историй о полной потере волос. Краска для волос — и это признавали даже самые воодушевленные ее сторонницы — обладала довольно непредсказуемым действием. В сущности, вы могли по-настоящему покрасить волосы только в один цвет — черный, но, если вам было не занимать отваги, вы могли попытаться обесцветить их с помощью аммиака и квасцов. В XIX веке и ту и другую процедуру предлагали также профессиональные парикмахеры. В любом случае главной целью окрашивания волос было не изменение их оттенка, а избавление от седины. Но применяемые в процессе окрашивания химические вещества были агрессивны, и несчастные случаи происходили довольно часто.

Поскольку публика демонстрировала достаточный интерес к краске для волос, некоторые фирмы производили и продавали готовые средства для окрашивания на дому. В 1840–1850-х годах основой этой продукции служило вещество под названием «уникальный порошок». На самом деле это была смесь гашеной извести и литарга (окись свинца — природная минеральная форма свинца, в настоящее время запрещенная для использования в красках для волос), которые можно было дешево купить в любой аптеке или лавке фармацевта.

«Уникальный порошок», напротив, стоил достаточно дорого. Купленный порошок следовало смешать с кипятком, чтобы получить густую пасту, по консистенции напоминающую горчицу, и аккуратно нанести на волосы, стараясь при этом не касаться кожи головы. Эту процедуру часто проводили поздно вечером, и женщина, красившая волосы дома, перед тем как лечь в постель, укутывала голову старым полотенцем. Утром она вымывала и вычесы-

вала из волос порошок. Если удача была на ее стороне, она становилась обладательницей темных, блестящих волос.

Следующий шаг вперед в технологии окрашивания волос был сделан в 1860-е годы и разделил процесс между двумя отдельными бутылочками с жидкостью. В первой содержались гидросульфат аммония, раствор поташа[1] и дистиллированная вода — эту смесь аккуратно наносили на волосы зубной щеткой и оставляли на 15–20 минут. Во второй бутылочке был нитрат серебра и также дистиллированная вода — эту смесь распределяли по волосам щеткой или расческой. Считалось, что новые средства дают лучшие результаты по сравнению с предшественниками, но после их использования волосы тоже могли стать жесткими и неестественно темными. В целом эти средства были и правда безопаснее, чем прежняя краска на основе свинца, хотя тоже могли вызвать химические ожоги кожи головы.

Еще одной опасной операцией было удаление нежелательных волос. С начала века на рынке было представлено несколько средств, якобы способных навсегда уничтожить нежелательные волосы или хотя бы сэкономить вам время и избавить от боли при выщипывании. В основе этих средств лежали едкие вещества, такие как гидроксид натрия, способные растворить волос. Опасность заключалась в том, что при соприкосновении с кожей они могли спровоцировать серьезные ожоги. Также в ходу были не менее опасные пасты из квасцов. Иногда эти средства давали неожиданный результат: при тщательном соблюдении всех предосторожностей вы могли одновременно удалить волосы и сделать себе нечто вроде современного химического пилинга, но только если вам удавалось правильно рассчитать нужное количество средства. Взяв его чуть больше, чем нужно, вы

[1] Поташ — вещество со щелочными свойствами в виде белого зернистого порошка, получаемого из древесной или травяной золы.

наносили болезненные ожоги. Другие смеси, доставлявшие меньше неприятностей, были, по сути, неэффективными, хотя это не мешало людям тратить на них деньги в надежде, что они все же подействуют. Даже выщипывание волос могло иметь свои недостатки, поскольку после него поры часто оставались расширенными и воспаленными и в них могла попасть инфекция. Викторианские женщины стремились избавиться главным образом от лишних волос на лице. Основной мишенью были брови, хотя некоторые женщины, как и сегодня, переживали из-за небольших усиков. Поэтому препараты, которые смягчали и обесцвечивали волосы, пользовались большим успехом. В основном они представляли собой различные пасты на основе лимонного сока, розовой воды и миндаля, которые накладывали на лицо на всю ночь с помощью масок и пластырей.

В последние пять лет правления королевы Виктории богатые женщины могли позволить себе новую процедуру — удаление нежелательных волос с помощью электрического тока. Тонкую иглу вводили в корень каждого волоса, прямо в фолликул, и пропускали вдоль иглы слабый разряд электрического тока. Этот способ уничтожения лишних волос существует до сих пор, но, разумеется, викторианская женщина не могла воспользоваться им дома во время своего утреннего ритуала красоты. Такая косметическая процедура требовала неоднократного посещения профессионального врача, и к ней могли прибегнуть только очень обеспеченные женщины.

ЖЕНЩИНЫ: КОСМЕТИКА

Далее в ходе утреннего ритуала викторианской женщине предстояло решить, будет ли она наносить макияж. Викторианская косметика транслировала сложный комплекс

социальных сообщений. «Ни одна тема, связанная с женским туалетом, не рождает такого разнообразия мнений, как искусственные румяна и помады», — считал автор «Настольной книги леди». Общество, как правило, соглашалось с тем, что женщине следует стремиться быть привлекательной. Снова и снова звучали предупреждения, призывавшие женщин «не распускать себя». Чтобы успешно исполнять данную свыше роль хранительницы домашнего очага, женщина должна была заботиться о своей физической привлекательности, тем самым поощряя мужа оставаться в кругу семьи и хранить ей верность. Уделяя внимание своей внешности, женщина не только удерживала супруга от аморального поведения — она наполняла радостью и воодушевлением сердца всех мужчин, которым доводилось бывать в ее обществе.

Такое же давление испытывали на себе и женщины, придерживавшиеся строгих религиозных взглядов, хотя в их случае на первый план выходили опрятность, простота и чистота. Даже журналы The Quiver, предназначенный для нонконформистской религиозной аудитории, и The Sunday at Home, ориентированный на прихожан англиканской церкви, печатали очерки о женской внешности и призывали женщин своей красотой вдохнуть религиозное чувство в неподатливые мужские сердца.

По мнению некоторых викторианцев, единственными заслуживающими доверия источниками женской красоты и чистоты могли считаться чистая вода, здоровый образ жизни и умение довольствоваться тем, что имеешь. Этого мнения твердо придерживалась миссис Джемисон. В письме, опубликованном в The Girls' Own Paper, она писала: «Утром [следует] умываться чистой водой, в течение дня воздерживаться от порывов страстей, особенно зависти, которая придает коже землистый оттенок». Кроме того, миссис Джемисон считала, что предотвратить появ-

ление прыщей помогает легкая диета, а ежедневная прогулка придает щекам замечательный румянец, привычка вставать на рассвете делает губы ярко-алыми, а «стремление угождать зажигает огонь в [женских] глазах». Вместе с тем миссис Джемисон перечисляла, что может пагубно отразиться на внешности: девушке не следовало поздно ложиться спать, играть в карты, читать романы при свечах и напускать на себя угрюмый вид. Другие викторианцы высказывались по этому вопросу не так горячо, но в принципе все более или менее соглашались с миссис Джемисон.

Кроме того, беспокойство вызвал и потенциальный вред, который косметика могла нанести здоровью. Как выразился один комментатор, «загримированная кожа очевидно не способна к нормальному потоотделению». Если кожа могла дышать и выводить из организма вредные вещества, все, что могло закупорить поры, представляло опасность. В то время, когда набирала обороты кампания в поддержку мытья с водой, закрывать поры на лице представлялось довольно глупым. По мнению сестры милосердия Флоренс Найтингейл, закрытые поры кожи приводили к медленному отравлению организма. Возникшее позднее представление о том, что поры могут впитать любое вещество, попавшее на поверхность кожи, только усиливало предубеждение против косметики.

Таким образом, использование косметики имело ряд негативных коннотаций. Женщины, которые пользовались косметикой, подвергали свое здоровье опасности и выглядели несовременно, так как продолжали держаться за устаревшие обычаи. Небогатые женщины не могли позволить себе вообще никакой косметики, но, как ни парадоксально, это неожиданно возвышало их в глазах общества. Девушка с мельницы каждый день умывалась холодной водой, как и леди из роскошного особняка, и могла точно так же не сомневаться в своей привлекательности. Популярные ли-

тературные произведения воспевали трудящихся сельских девушек как образец чистой красоты. Газеты и журналы пестрели изображениями юных молочниц и пастушек. Отказ от косметики выражал демократические тенденции.

Некоторым женщинам не нравилось, что макияж в каком-то смысле подразумевает обман. В попытках казаться не такой, как на самом деле, чувствовалась некоторая нечестность и, пожалуй, даже дурновкусие. Одна женщина замечала:

> ...Мы нарушаем законы природы, когда стремимся скрыть с помощью грима следы, оставленные на нашем лице безжалостным временем, когда прикрываем фальшивыми волосами собственные волосы, с возрастом побелевшие и истончившиеся, когда подбиваем платье, чтобы скрыть одно плечо, стоящее выше другого. Делать все это — не только дурной тон, это положительно идет вразрез с принципом честности. Это дурно, поскольку все подобные ухищрения противоречат законам природы.

Кроме того, многим не давал покоя вопрос морали. Не станет ли этот маленький обман предвестником других обманов? Можно ли доверять женщине, которая раскрашивает себя яркими красками? Широко распространилось убеждение, будто косметикой активно пользуются проститутки, хотя журналисты и другие авторы нередко с удивлением отмечали, как мало на самом деле этот стереотип соответствует действительности.

Однако утром женщина все же могла воспользоваться некоторыми косметическими средствами, которые она сама считала не столько эстетическими, сколько оздоровительными. Многие считали веснушки дефектом — образцовая красавица должна была иметь чистую и светлую кожу,

поэтому веснушки воспринимались как изъян наравне с пятнами и прыщами. В начале столетия многие аптекари и фармацевты готовили для продажи косметические средства, а к концу викторианского периода к этим продуктам присоединился ряд национальных брендов. Большинство из них стоили дешево и были рассчитаны на молодых женщин с небольшими средствами. Они вряд ли оказались бы по карману горничной, но девушка из среднего класса, например дочь служащего, вполне могла купить пару кремов для лица. Не меньшей популярностью пользовались кремы домашнего приготовления, состоявшие обычно из тех же ингредиентов, что и средства, которые продавали в аптеке. Рецепт 1858 года от пятен на лице советовал смешать розовую воду и сульфат цинка. Полученным лосьоном следовало протирать лицо перед нанесением увлажняющего кольдкрема. Эти ингредиенты до сих пор встречаются в составе современных продуктов для проблемной кожи.

Кремы для рук и лица тоже могли считаться оздоровительными средствами — они защищали кожу от разрушительного воздействия погоды и залечивали повреждения, вызванные мылом, водой и жаром огня. На протяжении всего периода и те и другие средства можно было купить или приготовить в домашних условиях. Традиционные ингредиенты вызывали меньше подозрений, поэтому в основе многих средств лежали доработанные старинные рецепты, которыми пользовались еще мамы и бабушки викторианских женщин. Чаще всего в домашней косметике присутствовали розовая вода и миндаль, а также бузинная вода, насыщенная натуральным глицерином (и до сих пор являющаяся основным компонентом некоторых современных увлажняющих средств). Бузинную воду, особенно самодельную, я готова рекомендовать от всего сердца. Возьмите большую охапку свежих цветов бузины и положите в миску, залейте кувшином горячей воды и оставьте

на одну-две минуты. Далее умойтесь этой водой, используя цветы в качестве скраба. Натуральный глицерин делает кожу превосходно мягкой и шелковистой. Смеси из розовой воды и миндаля также довольно эффективны. Еще одним традиционным ингредиентом кремов для лица был сахар, кроме того, использовали лаванду, овсяные хлопья и лимон. Но я не очень люблю средства с сахаром — на мой взгляд, они дают ощущение стянутости.

Пудра, кольдкрем и декоративная косметика

Если верить викторианским рекламным объявлениям, «ни один туалетный столик не может обойтись без гигроскопичной пудры, которая не только подсушивает кожу, но и придает гладкость, скрывая несовершенства». В большинстве случаев пудра состояла из ароматизированного и иногда подкрашенного крахмала — того самого похожего на тонкий порошок талька вещества, которое в викторианский период использовали для ухода за бельем. Чтобы придать пудре стойкий аромат, в нее часто добавляли ирисовый корень (измельченный клубень определенного сорта ириса). Цвет, если пудра была цветной, давал один из многочисленных природных красителей. Домашнее производство пудры обходилось недорого, если только вам нужна была неароматизированная смесь, кроме того, женщина всегда могла просто позаимствовать горсть крахмала из коробки, предназначенной для стирки.

Обычный крахмал использовали в качестве пудры из-за белого цвета, который мог осветлить лицо и помочь женщине добиться желанной бледности. Готовить дома цветные пудры было сложнее, но в продаже имелись уже готовые нескольких оттенков. Чаще других встречалась розовая пудра, поскольку ее можно было использовать и как румяна. Некоторые относили пудру к декоративной косметике, но простота состава и дешевизна в большинстве слу-

чаев все же позволяли ей сойти за оздоровительное средство. Основные возражения против пудры были связаны с тем, что она закупоривает поры, но осуждения по всем остальным пунктам ей удалось избежать. Так что цветная пудра позволяла желающим оживить лицо румянцем, не признаваясь при этом даже самим себе, что они красятся.

Понятие «кольдкрем» в XXI веке почти вышло из употребления, хотя многие люди пользуются этим продуктом и сегодня (два самых известных современных бренда — Nivea и Pond's). Почти любое увлажняющее средство, обладающее густой, а не жидкой консистенцией, можно назвать кольдкремом, а продукт, который мы сегодня называем тональной основой, представляет собой, по сути, кольдкрем, смешанный с цветной пудрой для лица. Викторианская женщина, которая наносила на лицо кольдкрем, а затем равномерно посыпала лицо пудрой, выглядела подобно женщине XXI века, которая нанесла тональную основу или консилер.

Что касается макияжа глаз, ни одна викторианская женщина никогда не использовала тени для век — с этим пришлось подождать до эпохи первых немых фильмов, — но могла подвести брови углем, бузиной или жженой гвоздикой. Также рекомендовали щеточкой наносить раствор железного купороса, предварительно смочив брови отваром чернильных орешков (эти небольшие круглые наросты появляются на дубовых листьях в тех местах, где кормятся дубовые орехотворки). Кроме того, чтобы придать бровям нужную форму, их можно было выщипать (и в этом случае никто точно не заподозрил бы вас в использовании грима). Некоторые женщины регулярно подстригали крошечными ножницами ресницы, ошибочно полагая, что это заставит их расти быстрее и сделает более пышными.

Если вы все же были готовы рискнуть и перейти в стан «красящихся», вам стоило помнить об опасности, о которой предупреждал автор «Настольной книги леди»: «Са-

мые вредные виды красок те, в которых преобладают минеральные вещества и металлы. Следует внимательно относиться к составу таких средств, особенно если они куплены в готовом виде. Никакое средство подобного рода не следует использовать, не зная, из каких ингредиентов оно состоит». Большая часть представленной на рынке косметики по-прежнему содержала в качестве основного красящего ингредиента свинцовый сурик и свинцовые белила, а в некоторые краски, как и во времена королевы Елизаветы I, добавляли ртуть. Это были очень опасные вещества, они могли впитываться в кожу, а при использовании в качестве губной помады женщина проглатывала их. Мы не имеем однозначных данных о смерти в результате отравления косметикой — диагностические методы того времени еще не позволяли это определить, — но такая косметика вряд ли благотворно влияла на здоровье. Однако ядовитые свойства этих ингредиентов были хорошо известны в викторианской Британии, поэтому в целом более безопасной признавали домашнюю декоративную косметику, в составе которой вы могли быть твердо уверены. Безопасные пигменты получали из растений, имеющих красящие свойства. В разных рецептах рекомендовали использовать бразильское дерево, алканну (английское растение, которое многие считают обыкновенным сорняком) и свеклу, смешивая их с мелом. Еще одной органической альтернативой служил кармин — молотые кошенильные червецы (до недавнего времени это вещество употребляли в качестве пищевого красителя). Создав подходящий безопасный пигмент, женщина могла затем выбрать, каким образом ей будет удобнее его использовать.

Чтобы приготовить цветную пудру, следовало взять очень тонко истолченный французский мел или тальк. Толченых кошенильных червецов или мелко нарезанный корень алканны замачивали на ночь в небольшом количе-

стве воды, затем жидкость процеживали и соединяли с мелом или тальком. После тщательного перемешивания полученную пасту распределяли тонким слоем на листах бумаги и оставляли для просушки. Как только окрашенный мел или тальк полностью высыхал, его осторожно разламывали и возвращали ему порошкообразную форму. Немного этого цветного порошка насыпали в тонкий хлопковый мешочек, плотно завязывали и слегка похлопывали им по лицу.

Если вы хотели получить цветную помаду (ее текстура напоминала современную губную помаду), следовало смешать тщательно измельченных кошенильных червецов с животным жиром и большим количеством белого воска. Масло какао повышало скорость впитывания. Такие помады наносили пальцами, втирая их в щеки и губы. Это была, несомненно, самая простая разновидность декоративной косметики для домашнего производства.

Одной из самых удобных в использовании форм декоративной косметики, к тому же позволявшей добиться наиболее естественного вида, считались *rouge en crepe*. Сначала из жуков или растений добывали концентрированный сок, затем его добавляли в воду. Небольшие кусочки

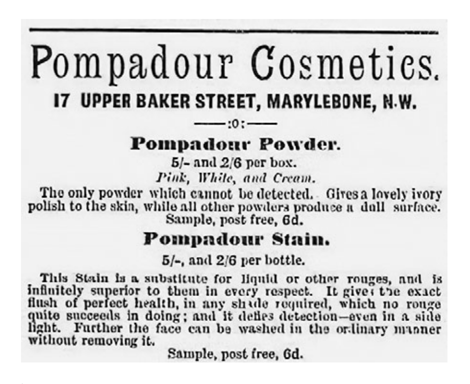

Рис. 48. Реклама косметики. В конце Викторианской эпохи появлялись все новые бренды

кисеи или марли погружали в этот раствор, а затем сушили. Натирая кожу окрашенным кусочком ткани, цвет переносили на лицо.

Я готовила викторианские косметические помады, и мне удалось получить шесть разных оттенков, используя в качестве красителей корень алканны, кошениль и бразильское дерево. Я также экспериментировала со смешиванием разных видов жира и воска. Все помады оказались достаточно эффективными: они придавали цвет, довольно аккуратно ложились на кожу и обладали удовлетворительной стойкостью.

Наносить макияж с помощью этих викторианских средств было само по себе искусством — слишком велик был риск неверно оценить силу ингредиентов и получить смесь, которая обладала высокой токсичностью или могла превратить лицо в клоунскую маску. Сколько женщин пользовалось такой декоративной косметикой, неизвестно. Мало кто признавался в этом вслух, даже если для друзей и родственников это было абсолютно очевидно. У нас нет никаких данных о продажах в викторианский период, но известно, что некоторые бренды можно было приобрести в аптеке или, если вы не хотели афишировать покупку, заказать по почте, и число таких брендов, видимо, выросло к концу века. Журналы и сборники советов продолжали печатать информацию о них даже в те периоды, когда пропагандировали отказ от косметики.

ПАРФЮМЕРИЯ: ДЛЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Перед тем как приступить к дневным делам, оставался последний штрих — духи.

Духи считались модным аксессуаром. Как и сегодня, ароматы становились модными и выходили из моды с ог-

ромной скоростью. Когда королева Виктория взошла на трон, преобладающим или, во всяком случае, одним из самых широко рекламируемых ароматов был одеколон. В «Книге ароматов» (Book of Perfumes) господина Риммеля говорится, что основу одеколона составляет тончайшая смесь цветков апельсинового дерева сладких и горьких сортов, соединенных с маслами, отжатыми из кожуры. Это был давно зарекомендовавший себя аромат, впервые полученный и ставший популярным еще в XVIII веке. Масла изготавливали на юге Франции и в Италии, но смесь была доведена до совершенства в немецком городе Кельне. Изначально душиться одеколоном предпочитали мужчины (по некоторым сведениям, Бо Браммел и Бо Нэш, два знаменитых законодателя мужской моды, обливались им, не зная меры), но в третьем десятилетии XIX века в Англии им пользовались и мужчины, и женщины. Его наносили на носовые платки и перчатки, а также на тело — острый, чистый аромат пробивался через все остальные запахи.

Одеколон был дешевле, чем настоящие духи. Настоящие духи состоят из эфирных масел, создающих характерный аромат. Одеколон же разбавляли дистиллированной водой. Из-за этого он получил название «туалетная вода» (то есть ароматическая вода для личной гигиены). Мужчины использовали его во время утреннего туалета самыми разными способами: как средство после бритья или как духи, нанося пару капель за ушами. Разбавленная форма и, как следствие, более низкая цена одеколона означали, что этот аромат был доступен большему количеству людей, а те, у кого было достаточно средств, могли его не экономить. Он продавался во всех мужских парикмахерских и в аптеках и был доступен (с натяжкой) даже обеспеченным ремесленникам, если они использовали его умеренно. Поскольку одеколон производят и в наши дни, вы легко можете получить представление об аромате 1840-х годов.

Характерным запахом середины века были масла бергамота и лимона, которые иногда использовали по отдельности, но чаще вместе. Этой смесью ароматизировали почти все — от кремов для рук и помад для волос до подушечек для булавок. Аромат считался скорее женским, мужчины пользовались им редко, и в целом потребление духов мужчинами с 1850-х годов резко сократилось. Одним из главных достоинств аромата была его доступность. Оба масла продавались по разумной цене в виде натуральных растительных масляных вытяжек, а в синтезированном виде они были даже дешевле. Их можно было купить в аптеке. Модный аромат середины столетия был доступен еще большему количеству людей, чем одеколон. Даже

Рис. 49. Парфюмерная реклама. Несколько парфюмерных брендов активно продавались по обе стороны Атлантики

в доме рабочего, до тех пор пока глава семьи имел постоянный заработок, могли позволить себе флакон лимонного и бергамотового масла. Этот запах отлично подходил для домашней косметики. Эфирные масла хорошо сочетались с животными жирами в мазях и пастах, которые женщины готовили самостоятельно.

Сегодня, чтобы узнать, на что были похожи эти запахи, нужно всего лишь зайти в отдел ароматерапии магазина здорового питания, где вы без труда сможете приобрести эти масла. Но будьте осторожны и не переусердствуйте — викторианские духи использовали весьма умеренно.

В 1880 году бергамот и лимон начали терять свою привлекательность. Они казались старомодными и примитивными по сравнению с тяжелыми и сложными новыми ароматами — мускусом и амброй, пачули, пряностями и другими дорогостоящими ингредиентами. В 1890-х годах в мире высокой моды уже не было моноароматов, духи изготавливали не из одного-двух компонентов, а из восьми-двенадцати. Их продавали крошечными порциями в изящных, обильно украшенных флаконах, и они служили наглядным подтверждением богатства. Парфюмерия снова стала прерогативой богатых.

Между тем среди дешевой продукции на массовом рынке решительно возобладало лавандовое масло. Конец века был эпохой двух запахов — элита благоухала экзотическими мускусными композициями, в то время как

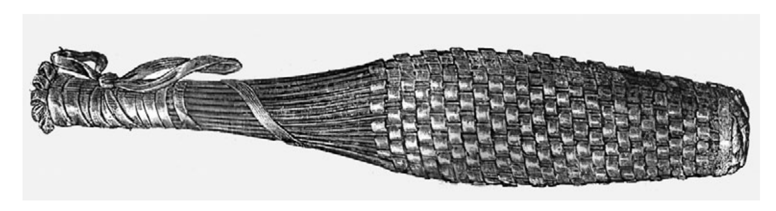

Рис. 50. Лаванда, перевязанная лентой. The Young Ladies' Journal, 1866 г.

все остальное общество утопало в ароматах лавандового масла, лавандовой воды, лавандового мыла, лавандовых попурри и саше из лаванды. Спрос вызвал к жизни новую индустрию, сырье для промышленного производства поставляли специализированные производители из Англии и Франции. Почти все девушки в поздневикторианский период умели делать саше из лаванды, собранной в собственном саду. Для этого нужно взять небольшой пучок лаванды, плотно перевязать его чуть ниже соцветий хлопковой нитью или тесьмой, согнуть стебли в обратном направлении, чтобы спрятать под ними соцветия, и переплести стебли длинной лентой, а в конце перевязать бантом. Я сама научилась этому, когда была еще девочкой, и, в свою очередь, научила этому свою дочь.

Некоторые викторианцы считали, что духи, независимо от их запаха, в принципе не заслуживают внимания: «Всякая нужда в дорогих духах, раньше позволявших скрыть нечистоплотность, отпала в наше время, когда мыло стало одним из первейших признаков цивилизации». В действительности же продажи парфюмерии, наоборот, резко возросли благодаря ее широкой доступности. Химия преобразила мир запахов. В начале правления королевы Виктории подавляющее большинство ароматов получали из природных источников — чаще всего это были вытяжки из растений и немногочисленные компоненты животного происхождения. Они стоили дорого, поскольку для производства эфирных масел требовалось очень много сырья. Но со временем химикам удалось синтезировать множество разнообразных ароматов из самых, казалось бы, бесперспективных источников. Каменноугольная смола и ее производные породили изумительное многообразие запахов. Из нее можно было получить масло груши, яблока, миндаля и ананаса, а также феноменально популярное лимонное масло. Искусственные ароматы были значительно

дешевле, чем ароматы растительного происхождения. Новые химические соединения демократизировали парфюмерию, распространяя ее все дальше и дальше по социальной лестнице, пока в 1870-х годах душистое мыло не начали покупать даже горничные. В свою очередь, именно эта демократизация привела к тому, что в конце века возникла мода на сложные, тяжелые и гораздо более дорогие ароматы. Мода обратилась к запахам, которые никому не удавалось синтезировать, тем самым снова сделав их недоступными для прислуги.

МУЖЧИНЫ: ВОЛОСЫ И БОРОДА

Мужчинам, разумеется, не приходилось решать по утрам спорный вопрос о макияже, но им нужно было уделить внимание волосам и бороде. Длинные волосы, по крайней мере сзади, у викторианских мужчин никогда не считались модными. В течение всего периода мужские прически не опускались ниже воротника. Однако существовало огромное множество вариантов укладки волос — они могли быть гладкими и смазанными маслом или пышными и непослушными. С растительностью на лице тоже поступали по-разному — начиная от чисто выбритого лица до окладистой густой бороды.

В 1837 году в прическе модного молодого человека сохранялось нечто наполеоновское с примесью поэта-романтика. Волосы зачесывали от макушки вперед, без пробора. В результате они обрамляли лицо не прямой линией, а россыпью мягких локонов и отдельных прядей. Чтобы получить их, многим мужчинам приходилось прибегать к средствам для укладки волос (мы рассмотрим их позже в этой главе). Эти средства, напоминающие сегодняшние гели для волос, позволяли держать волосы в порядке.

Лицо в тот период было чисто выбрито, за исключением небольших бакенбард, которые спускались вниз от висков и заканчивались в точке прикрепления челюсти. Этот затейливый стиль говорил о принадлежности к цивилизованному обществу и вместе с тем содержал в себе намек на необузданность.

В следующие несколько лет бакенбарды стали длиннее и пышнее. Молодой принц Альберт, прибывший для женитьбы на Виктории, носил именно такие бакенбарды. Он был счастливым обладателем вьющихся от природы волос, поэтому его шевелюра и бакенбарды имели роскошный вид. Удлиненные бакенбарды носили прежде всего те, кто хотел придать себе более солидный вид. Денди XVIII века был чисто выбрит. Растительность на лице наглядно свидетельствовала о намерении викторианцев отвергнуть женоподобное легкомыслие, ассоциировавшееся с прошлым. После многих десятилетий отсутствия на лицах мужчин появились усы.

Рис. 51. Бакенбарды «баранья отбивная», 1850 г.

Затем в моду вошел косой пробор, заметно изменивший внешний вид мужчины. Красивыми волосами теперь считались густые, темные и волнистые. Разделенные сбоку, они ниспадали вниз, а не зачесывались вперед. Кудри вокруг лица приветствовались, и некоторые мужчины оставляли челку и волосы на макушке чуть длиннее, чтобы создать подходящий мягкий объем. На портретах королевской семьи 1850-х годов принц Альберт изображен с идеальной мужской стрижкой, которая оставалась в моде еще несколько лет.

Разглядывая изображения мужчин 1850-х годов всех классов, вы без труда заметите одно из главных изменений — появление узкой бороды-каймы. Бакенбарды спустились вниз по лицу и соединились под подбородком. Однако это была не полная борода. Область под нижней губой выбривали, оставляя тонкую горизонтальную полоску в нижней части подбородка. Это был культовый стиль середины Викторианской эпохи, пользовавшийся

Рис. 52. Узкая борода-кайма, 1850 г.

широкой международной популярностью — такую бороду носили и Изамбард Кингдом Брюнель, и Авраам Линкольн. Она хорошо сочеталась с усами, но только если усы были маленькими и аккуратно подстриженными. Этот стиль безоговорочно свидетельствовал о мужественности — мужчины, выбравшие его, были полны сил и имели физическую возможность отрастить бороду, — но вместе с тем он показывал, что они достаточно цивилизованны и умеют следить за собой, в частности аккуратно и чисто бриться. Как все по-настоящему успешные стили, этот удерживал свои позиции очень долго. Он преобладал в 1850-х и 1860-х годах, но, даже когда мода изменилась, некоторые мужчины продолжали носить такую бороду вплоть до конца столетия — ее последними приверженцами были рыбаки в эдвардианский период (то есть около шестидесяти лет спустя).

В конце 1860-х годов все чаще мужчины отдавали предпочтение чисто выбритому лицу, нередко с небольшими

Рис. 53. Окладистая борода, 1870 г.

усами. Это были представители самого молодого поколения, обычно неженатые и совершенно не стремившиеся произвести впечатление толковых и значительных людей. Чопорные джентльмены с узкой бородой вершили политику, а гладко выбритая молодежь просто наслаждалась жизнью.

В 1870-х годах мужчины позволили себе стать более волосатыми. На 1874–1875 годы пришелся пик дикого стиля с косматой бородой, огромными нестрижеными усами и обильной, вьющейся и слегка неопрятной растительностью на голове. Впрочем, так выглядели далеко не все — это была эпоха величайшего разнообразия. Многие продолжали носить усы, узкую бороду, бакенбарды или просто гладко бриться. Однако новым трендом десятилетия все же стала густая окладистая борода. Если узкая борода свидетельствовала о том, что ее носитель педантично бреется, пышная борода создавала образ почтенной мужественности. Она пользовалась популярностью среди интеллектуалов, а также рабочих, занятых физическим трудом, хотя у каждой из этих групп были собственные, очень разные причины создавать вокруг себя ауру гипертрофированной маскулинности. Не исключено, что Чарлз Дарвин носил прекрасную густую бороду именно для того, чтобы подчеркнуть свой авторитет как исследователя.

Ближе к концу столетия облик пламенного Дарвина и ему подобных несколько поблек. Многие мужчины еще носили полную бороду, но теперь это чаще была короткая и элегантно подстриженная борода в стиле принца Эдуарда (будущего Эдуарда VII). В моду вошло чисто выбритое лицо с маленькими усиками аккуратной формы. Волосы тоже стали заметно короче и прямее, чем были на протяжении столетия. Роскошные кудри и волны исчезли. Эдвардианский мужчина в целом носил намного меньше волос, чем поколения его викторианских предшественников.

Лысина

Облысение, как и в наши дни, становилось проклятием многих мужчин на склоне жизни. Причины его возникновения и способы лечения были популярной темой для обсуждения. Существовало множество гипотез, объясняющих, почему одни мужчины теряют волосы, а другие нет, почему у большинства мужчин это происходит в последние годы жизни, а у некоторых процесс может начаться уже в подростковом возрасте.

Проблеме облысения уделяли внимание лишь немногие ученые, а значит, тем, кто искал информацию по ней, приходилось обращаться и к более ранним работам об облысении. Наиболее влиятельной и широко цитируемой из них был «Практический и философский трактат о волосах» (Practical and Philosophical Treatise upon the Hair) Александра Роулинсона, выпущенный в 1816 году, и его же «Очерк о волосах» (Essay upon the Hair), опубликованный несколькими годами ранее. Роулинсон усматривал причину облысения в потоотделении: по его мнению, именно это могло объяснить, почему мужчины подвержены облысению гораздо больше женщин. «Обыкновенно облысение возникает в результате повышенной физической активности, провоцирующей усиленное потоотделение... Пот ослабляет корни, кислота перекрывает доступ влаги внутрь волоса, что приводит к его потере». В качестве лечения Роулинсон рекомендовал наносить на волосы тонкий слой макассарового масла, чтобы восполнить недостаток «влаги», а также регулярно стричься. Роулинсон полагал, что стрижка раз в две недели оживляет волосы. Бритье же, по его мнению, только делало волосы грубее, поэтому прибегать к бритью головы ни в коем случае не следовало. Тщательная регулярная стрижка, впрочем, должна была ускорить рост волос, не влияя на их текстуру. К середине столетия исследования природы кожи и воло-

сяных фолликулов убедительно доказали, что рост происходит глубоко в фолликуле и стрижка не может ускорить рост. Но ошибочные представления оказались вполне живучими и долгое время существовали даже в XX веке — моя мать тоже рекомендовала мне в детстве стричься чаще, чтобы волосы росли быстрее.

Массаж головы с использованием масла до конца столетия оставался самым распространенным способом борьбы почти со всеми проблемами волос, включая облысение. Роулинсон пропагандировал легкое масло, которое он сам производил и продавал, но в состав других рецептов могли входить более тяжелые ингредиенты, в том числе топленое свиное сало или говяжий костный мозг. Большинство средств для волос были слегка окрашены и ароматизированы. Я сама готовила масло для волос по одному несложному рецепту того периода. Я взяла немного оливкового масла, добавила нарезанный корень алканны и довела смесь до кипения. Она стала ярко-красной. Я процедила масло, удалив корень, и для аромата добавила несколько капель масла бергамота. Небольшое количество масла, нанесенное на кончики пальцев, хорошо впитывается в волосы во время массажа головы и делает их блестящими и более послушными. Но если взять слишком много масла, волосы быстро станут жирными. Главный секрет при использовании масла для волос вместо шампуня заключается в тщательном расчесывании. Однако если перед мужчиной стояла проблема облысения, он, наоборот, пытался покрыть волосы, особенно у корней, тонкой пленкой масла, чтобы защитить их от собственного пота.

Более густые средства легче втирались в кожу головы. Я процитирую типичный рецепт, в состав которого входил «магический ингредиент» — настойка кантариды.

«Помада против облысения. Говяжий костный мозг, выдержанный в нескольких водах, перетопленный и про-

цеженный,— 230 г; настойка кантариды (приготовленная путем настаивания в течение недели 1,8 г толченых кантарид в 28 г спирта) — 28 г; масло бергамота — 12 капель».

Человеком, ответственным за популярность «магического ингредиента», был Эразм Уилсон. Кантарида, также известная как шпанская мушка, — изумрудно-зеленое насекомое, которое широко использовали в медицине для удаления бородавок, как противовоспалительное средство, а также как афродизиак. Уилсон продавал готовые средства от облысения и публиковал рецепты средств для домашнего изготовления, что повлияло на широкое распространение его идей, даже если имя автора не называли. Его компрессы следовало «использовать один или два раза в день в течение продолжительного времени», но, если кожа головы начинала воспаляться, их применение «следовало временно прекратить или использовать с большими промежутками». Другие бренды, такие как Dupuytren и Cazenaze, последовали его примеру и начали выпускать помады для волос на основе кантариды. Хорошо известный лекарственный ингредиент, входивший в состав различных успокаивающих мазей, казался многим мужчинам вполне подходящим средством от облысения. Он был, безусловно, популярен и присутствовал во многих видах продукции.

Примерно в 1850 году появилось еще одно объяснение причин облысения: согласно новой гипотезе, оно могло быть вызвано недостаточным поступлением крови к волосяным фолликулам. Эта версия постепенно укоренялась в умах, и к 1901 году на нее чаще всего ссылались в публикациях, и она пользовалась наибольшей поддержкой со стороны медицины. Если приток крови к коже головы способствовал росту волос, то для решения проблемы необходимо было регулярно проводить массаж головы, носить не слишком тесные шляпы, принимать холодные

ванны, употреблять в пищу больше мяса и выполнять физические упражнения. По мнению тех, кто придерживался этой гипотезы, втирание в волосы масляных препаратов было кощунством. Публичные нападки на коммерческие средства от облысения были нередки. Однако новое объяснение так и не смогло полностью вытеснить старую гипотезу о роли потоотделения в облысении. Антиперспирационное лобби продолжало действовать, и, хотя сторонники этой версии тоже рекомендовали носить свободные шляпы и делать прохладные компрессы, в остальном они больше полагались на легкую диету и умеренные физические нагрузки, советовали не допускать умственного перенапряжения и пользоваться хорошим маслом или помадой для волос.

Еще одна возникшая в конце столетия теория гласила, что выпадение волос спровоцировано деятельностью микробов, обитающих на коже головы. Представители медицины не поддерживали это предположение, но оно сразу нашло отклик у публики. В самом деле, если наука убедительно доказала, что почти все беды в жизни вызваны микробами, почему они не могут вызвать и облысение? Сторонники этой теории продвигали собственные средства против облысения с добавлением различных дезинфицирующих веществ, а также плотно прилегающие головные уборы, новые расчески и шампуни.

Уход за волосами

В 1816 году мужчины не мыли волосы водой. Роулинсон утверждал: «Чистота необходима волосам так же, как и любой другой части тела», — но в начале века мытье волос, как и мытье тела, не входило в число обязательных гигиенических процедур. Роулинсон имел в виду очищение волос с помощью расчески или щетки. Особенно тщательно работать расческой он советовал тем, кто наносит на во-

лосы пудру (как это продолжали делать многие пожилые джентльмены в первом десятилетии XIX века). Кроме того, он рекомендовал использовать для очищения макассаровое масло — по его словам, оно предотвращало спутывание, помогало расчесывать волосы и питало их корни.

Я и несколько моих друзей пробовали держать волосы в порядке без воды и шампуня. Как выяснилось, личный опыт может сильно разниться: у одних это не вызывало никаких затруднений, другие быстро возвращались к современным средствам. Регулярное мытье волос стимулирует выработку кожного сала кожей головы, и чем чаще вы используете шампунь или мыло, тем быстрее волосы снова становятся жирными. Как только вы перестаете использовать шампуни и мыло, волосы постепенно приходят в норму. Но если вы вообще ничего не делаете для их очищения, они превращаются в зловонные «дреды» (запах от них действительно кошмарный). Частое и тщательное расчесывание волос щеткой и гребнем совершенно меняет дело. Особенно полезно расчесывать волосы щеткой из натуральной щетины. Вот только очищать такую щетку необходимо ежедневно.

Пыль, грязь и жир механически удаляются в процессе расчесывания, и, хотя это может показаться нелогичным, ежедневно смазывая волосы свежим маслом, вы действительно облегчаете этот процесс. Дополнительная смазка придает подвижность — и перхоть, грязь и кожное сало легче соскальзывают по волосам. Немытые, но хорошо расчесанные волосы не приобретают неприятный запах, кроме того, они не становятся ломкими, не пушатся, не растрепываются и не секутся. Насколько жирными они становятся, по-видимому, зависит от индивидуальных особенностей каждого человека. Я в конце концов выбрала для себя средний вариант, который кажется мне наиболее подходящим: я мою волосы шампунем раз в несколько недель,

а раз в неделю просто ополаскиваю их водой. За все остальное отвечает тщательное расчесывание. Но хочу также отметить, что викторианские прически намного удобнее делать из слегка жирных волос, поэтому, когда я провожу достаточно много времени в Викторианской эпохе, я без всяких сожалений полностью отказываюсь от шампуня.

В 1840-х годах мужчины постепенно начали мыть волосы водой, взяв пример с женщин, которые первыми признали эту процедуру. В большинстве случаев, конечно, это означало, что мужчина просто ополаскивал голову холодной водой, чтобы смыть пыль и грязь. Некоторые были готовы рискнуть и помыть голову с мылом, хотя оно могло вызывать раздражение на коже головы.

Вымыв волосы, большинство мужчин предпочитали нанести на них свежее масло для волос, чтобы создать глянцевый, насыщенный блеск и предотвратить ломкость. Легкие масляные смеси втирали в корни до полного впитывания. Смеси использовали понемногу, поскольку целью было кондиционировать волосы, а не сделать их жирными. Густые помады для волос предназначались скорее для укладки. Среди рецептов таких средств попадались и довольно экзотические, например: «Смешайте 57 г медвежьего жира, 14 г меда, 1,8 г лауданума, 5,4 г порошка лечебной полыни, 5,4 г перуанского бальзама, 2,7 г жженого корня камыша и небольшое количество масла сладкого миндаля».

Снадобье, приготовленное по этому рецепту, должно было выглядеть и действовать точно так же, как современные средства для волос. Мне не удалось в точности воспроизвести этот рецепт — достать медвежий жир в наши дни не так-то просто, не говоря уже о том, что это неэтично (да, имелся в виду именно жир медведя), кроме того, никто не продал бы мне лауданум (спиртовую настойку опия). Но я придумала похожий вариант, заменив эти ингредиенты

свиным жиром и водкой. В результате я получила бледную желеобразную мазь с легким цветочным ароматом.

Небольшую порцию средства рекомендовали нанести на пальцы и использовать как моделирующий воск, чтобы уложить непослушные волосы и придать форму отдельным прядям. Точно так же можно было ухаживать за усами. В некоторые средства добавляли краситель: «черная помада для бровей, усов и проч.», описанная в «Общей книге аптекарских рецептов» (Druggist's General Receipt Book) Гарри Бизли, служила для придания определенной формы усам и бровям и помогала скрыть седые волосы. Цветной воск для усов имел еще одно название — маскара. Маскара по-прежнему широко доступна, хотя сейчас ею пользуются не мужчины, а женщины — как тушью для ресниц.

В 1870-х годах во многих аптеках был представлен широкий ассортимент рассчитанных на любой кошелек мужских средств для волос в привлекательной упаковке, подчеркнуто отличающей их от аналогичной женской продукции. Одним из самых долгоживущих была мазь Гоуленда. В 1816 году, когда Джейн Остен писала «Доводы рассудка» (Persuasion) и вложила в уста тщеславного отца своей героини, сэра Уолтера Эллиота, рекомендацию мази Гоуленда, продукт был давно известен. В 1850 году его по-прежнему широко рекламировали в газете London Illustrated News. Когда средства для волос начали массово выпускать для продажи, их главными покупателями стали мужчины, поэтому первые выпуски продукции были преимущественно ориентированы на мужскую аудиторию.

Обеспеченные горожане решали все свои проблемы с укладкой и бритьем регулярными визитами к парикмахеру. Богатый, следящий за модой мужчина мог посещать это заведение дважды в день, доводя свою внешность до желаемой степени совершенства. Самым эффективным считалось утреннее бритье, поскольку ра-

стительность на лице в это время суток была особенно мягкой и податливой. Однако вечернее бритье позволяло мужчине наилучшим образом выглядеть во время званого ужина. Парикмахеры хорошо знали своих клиентов и старались закупать новейшие средства для ухода, от масла для волос, изготовленного из равных частей миндального и оливкового масла и ароматизированного бергамотом и апельсином, которое делало волосы блестящими и послушными, до лавровишневой воды — лосьона на спиртовой основе с ароматом лаврового листа, масла лайма и гвоздики, который использовали как средство после бритья (его до сих пор можно найти в продаже, особенно в Америке).

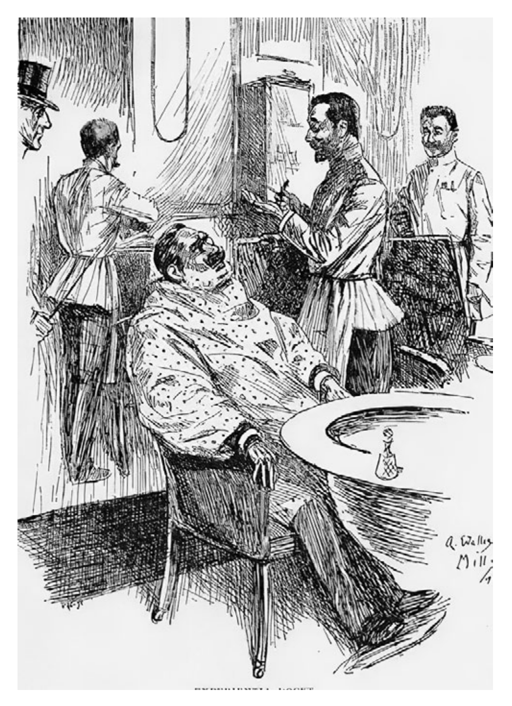

Рис. 54. У парикмахера, 1900 г.

Поход к парикмахеру был своего рода ритуалом. Клиент удобно устраивался в кресле, а парикмахер в это время выкладывал все необходимые принадлежности: масла для волос, разные виды мыла, бритвы и точильные ремни (гибкие полоски кожи или холста, которые использовали для заточки бритвы). Затем он брал полотенце, ловким жестом разворачивал его и укрывал им клиента, чтобы уберечь его одежду. Далее появлялась миска с дымящейся горячей водой. Некоторые утверждали, что для бритья лучше подходит холодная вода, но большинство парикмахеров использовали горячую воду, и клиенты ждали именно этого. В дорогих парикмахерских лицо клиента тщательно умывали водой с мягким мылом, а затем так же тщательно ополаскивали и высушивали. После этого появлялась новая миска с горячей водой, и парикмахер начинал готовить пену из специального мыла для бритья. Ее взбивали в специальной чашке помазком из барсучьего волоса. Для защиты лица от едкой мыльной пены в кожу втирали легкое масло, благодаря которому вдобавок пена лучше держалась на коже. Затем мыльную пену из чашки наносили помазком на лицо и щедро распределяли по всей области, которую предстояло побрить. После этого парикмахер брался за бритву и готовил ее к работе.

Кожаный точильный ремень вынимали из коробки и прикрепляли одним концом к крюку на стене. После проверяли, чтобы на ремне не было порезов или царапин и чтобы точильная паста (смесь абразивного порошка с жиром) была распределена по нему ровным гладким слоем. Затем парикмахер начинал аккуратно и умело править бритву, проводя ею вдоль ремня, отчего край лезвия приобретал идеальную остроту. Это был момент профессиональной гордости: движения парикмахера были широкими, плавными, даже театральными. Многие в качестве завершающего штриха несколько раз проводили

бритвой не по ремню, а по собственной ладони — считалось, что это придает лезвию особую остроту. Бритву использовали опасную, ее делали из стали (но не из нержавеющей стали). У самых хороших бритв были ручки из слоновой кости естественного бледного цвета или черненые. У дешевой бритвы ручка была костяная, иногда из черепахового панциря. Обычно парикмахер начинал бритье с самой сложной области под носом и вокруг верхней губы — конечно, если джентльмен не носил усы. Бритву держали между большим, указательным и средним пальцами, так что лезвие лежало параллельно большому пальцу. Второй рукой парикмахер осторожно оттягивал кожу, которую предстояло побрить, чтобы она была туго

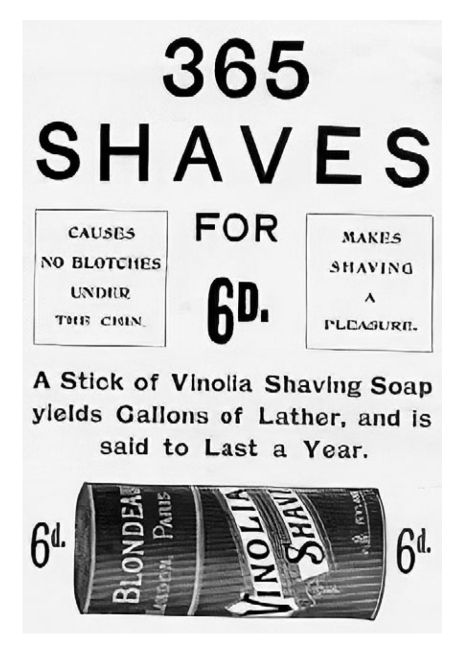

Рис. 55. Согласно рекламе этого недорогого товара для представителей рабочего класса, средство не вызывает раздражения кожи и дискомфорт при бритье и его хватит на год использования

натянута под лезвием. Опытный парикмахер заканчивал процесс бритья примерно за 30 секунд, после чего ополаскивал и сушил лицо клиента. Затем клиенту предлагали на выбор несколько средств после бритья, таких как одеколон или лавровишневая вода, чтобы закрыть поры, смягчить раздражение и придать коже приятный аромат. Полное бритье, включающее использование всех перечисленных средств и все процедуры, в хорошем заведении могло обойтись джентльмену в шесть пенсов. Поэтому ежедневные визиты в парикмахерскую были слишком дороги даже для представителей среднего класса. Обслуживание в более скромном заведении, где не предлагали ничего, кроме простого мыла для бритья, могло стоить один пенс. Но даже при такой цене для большинства мужчин из рабочего класса поход в парикмахерскую оставался чем-то вроде баловства.

Обычным зрелищем по утрам в небогатых домах были мужчины, бреющиеся перед умывальником в спальне или на кухне. При себе у них была опасная бритва, помазок, кусок специального мыла, миска холодной воды и поставленное вертикально зеркало. Немного горячей воды делало этот ритуал более легким и приятным (мыло лучше пенилось, а волоски становились мягче), а немного купленного в аптеке средства после бритья добавляло модный штрих в повседневную жизнь тех, кто мог себе это позволить. Подстригать бороду было гораздо проще, чем бриться, и все же в Викторианскую эпоху множество мужчин из рабочего класса соглашались терпеть холодную воду и опасную бритву, чтобы придать себе желаемый вид.

5
Утренняя гимнастика

К середине столетия гимнастика заняла прочное место в утреннем распорядке многих мужчин. Приседания, растяжка, махи руками, бой с тенью и бег на месте каждое утро в течение 10–20 минут считались хорошим способом начать день, поскольку все это улучшало кровообращение во всем теле и в мозге. Для тех, кому этого было недостаточно, в крупных городах существовали гимнастические залы с широким выбором спортивных снарядов, сопровождаемых инструкцией. Большинство из снарядов предназначалось обеспеченным молодым людям, но со временем гимнастические объекты стали доступны и тем, у кого было не так много свободных денег. Еще в 1868 году в Ламбетских общественных купальнях в Лондоне зимой осушали главные бассейны, чтобы превратить их в гимнастические площадки (см. цветную илл. 23). Посещение их стоило столько же, сколько плавание в бассейне. В 1881 году рекламные плакаты купален сообщали, что в них есть «всевозможные приспособления для оздоровительных упражнений любых видов, хорошая дорожка для бега, ходьбы и т.д.».

Там были параллельные брусья, боксерский ринг, перекладина, раскачивающиеся трапеции, гимнастические

гири, площадка для фехтования и беговая дорожка. Плата за сеанс составляла 3 пенса, то есть была достаточно низкой, чтобы предложением могли воспользоваться состоятельные представители рабочего класса, и в то же время достаточно высокой, чтобы обеспечить соблюдение порядка и не отпугнуть представителей среднего класса, опасающихся столкнуться с шумным и грубым поведением.

Гимнастические объекты под открытым небом, появившиеся сначала в Примроуз-хилл в Лондоне и Пил-парк в Солфорде, положили начало демократизации спортивных занятий. В 1858 году на свободном участке на Смитдаун-роуд в Ливерпуле были установлены разноуровневые брусья, параллельные брусья, качели и балансиры, которыми могли совершенно бесплатно пользоваться в гимнастических целях взрослые мужчины. В течение следующих пяти лет в Ливерпуле открыли еще три бесплатные игровые площадки. Красивое мужское тело становилось все более мускулистым.

Гораздо больше сомнений вызывала гимнастика для девушек. Считалось, что развивающийся женский организм подвержен всевозможным расстройствам и даже умеренная активность способна вызвать в нем необратимые нарушения. Многие боялись, что это лишит девушку возможности в дальнейшем выполнять свою первостепенную жизненную задачу — вынашивать детей. Издавна устоявшиеся традиционные представления подпитывала древнегреческая теория, согласно которой матка способна свободно перемещаться в пределах туловища. Хотя анатомические исследования XIX века с определенностью продемонстрировали ранневикторианским докторам, что матка на самом деле прочно прикреплена к своему месту связками, чрезмерная подвижность женщины все же вызывала у медиков некоторое беспокойство. Выкидыши обычно относили на счет падений и резких

движений, кроме того, считалось, что стабильное формирование и рост матки и связанных с ней органов под угрозой, если молодая девушка беззаботно носится сломя голову. Многие родители верили, что позволять дочерям висеть на деревьях или ходить колесом по двору — непростительная безответственность с их стороны, способная в долгосрочной перспективе оказать пагубное влияние на девичье здоровье. Особенно важным этот вопрос был для девушки на пороге и в процессе полового созревания, когда репродуктивные органы приобретали взрослое строение и форму.

Как только девочки выходили из ясельного возраста, их приучали вести себя смирно, играть в тихие игры, уделять больше внимания рукоделию, книгам и другим не требующим напряжения занятиям. Их братья могли бегать с палками, лазать по деревьям и нырять с берега в пруд, и это всячески поощрялось, но девочек звали в дом, как только игры становились слишком шумными. Родители специально старались сделать так, чтобы дочери играли и проводили время иначе, чем сыновья. Мальчикам следовало быть энергичными, чтобы вырасти сильными и мужественными, но девочкам, которые вели себя так же, грозила опасность лишиться женских признаков. Очевидно, родителям из среднего класса было легче соблюдать эти принципы в воспитании, чем родителям из рабочего класса (девочки из рабочих семей обычно выполняли в своем или чужом доме немало тяжелой бытовой работы, и к ним было трудно относиться иначе, чем к мальчикам), но, несмотря на это, в большинстве семей все же старались внимательно следить за тем, чем заняты их дочери.

Но одновременно с традиционными тревогами, регламентировавшими жизнь девушек, возникали и новые опасения, подводившие к мысли о том, что девушкам все-таки следует двигаться чаще, что им нужно не меньше, а *больше*

физической активности. Многие специалисты, наблюдающие за населением, были в ужасе от того, сколько слабых и вялых женщин они видели. Но были и те, кого тревожило существенное (как они полагали) количество женщин, которые оставались бездетными, даже будучи замужем. Создавалось впечатление, что женское население Британии не способно полноценно исполнять свои обязанности. Слишком многие молодые женщины были узкогрудыми, чрезмерно худыми, бледными и слабыми. Интерес к гимнастике и спорту, а также забота о физическом развитии мужчин привели к тому, что вскоре заговорили и о необходимости заниматься физическим развитием девушек. Но, разумеется, они не могли выполнять такие же упражнения, как мужчины и мальчики, — это считалось слишком опасным. Требовались особые упражнения, которые позволили бы девушкам укрепить здоровье, развить мышцы и стать бодрее, не подвергая риску репродуктивную систему и не испортив фигуру.

В 1860-х годах доктор Пай Чевасс и многие другие врачи в один голос рекомендовали ходить пешком. *Много* ходить пешком. Имелась в виду не спортивная ходьба по пересеченной местности или другие столь же изнурительные виды активности, а ежедневные прогулки продолжительностью около часа, особенно по утрам, когда организм особенно бодр. Двигаться следовало плавно и достаточно энергично, чтобы согреться, но не настолько энергично, чтобы вспотеть. Регулярные прогулки под открытым небом на свежем воздухе, считал доктор Чевасс, оказывают общеукрепляющее действие на весь организм, при этом не давая непомерной нагрузки на репродуктивные органы. В качестве лекарства от бесплодия он рекомендовал чередовать прогулки и ванны (которые следовало принимать, сидя в холодной воде высотой в несколько сантиметров). Доктора Чевасса особенно беспокоили данные одного

опроса, зафиксировавшего, что каждая восьмая замужняя женщина остается бездетной. По его мнению, причиной тому был нездоровый образ жизни женщин, особенно молодых и незамужних. Он считал, что девушке не следует выходить замуж, если она не обладает крепким здоровьем и не готова выполнять обязанности, связанные с продолжением рода и воспитанием детей. А лучшим способом привести здоровье в порядок были, по мнению доктора Чевасса и многих его коллег, правильно подобранные неутомительные, но регулярные упражнения.

Ценность пеших прогулок заключалась в том, что они не подразумевали излишне энергичных движений. Грудь расширялась благодаря свежему воздуху, руки и ноги укреплялись, но область живота оставалась в состоянии покоя. Кроме того, прогулки ровно ничего не стоили и не требовали специальной одежды, оборудования или особого места. Гулять на свежем воздухе мог кто угодно, даже самые бедные люди. Пешая прогулка ни в коей мере не противоречила приличиям, а если вы несли в руках корзину или сверток, никто даже не догадался бы, что вы совершаете моцион, — скорее окружающие предположили бы, что вы выполняете какое-то поручение.

Обеспеченных девочек из среднего класса каждый день выводили на прогулку гувернантки, а рекламные проспекты немногочисленных существовавших тогда школ для девушек из среднего класса отдельно упоминали послеобеденные прогулки, чтобы привлечь внимание родителей потенциальных учениц. Учителя воскресных школ, просвещенные работодатели и многие другие люди, поддерживавшие девушек из низших слоев общества, с одинаковым пылом внушали своим подопечным мысль о пользе прогулок. Даже в работных домах и тюрьмах считали, что девушкам и женщинам необходимо гулять на свежем воздухе, пусть даже по кругу в мрачном дворе.

В качестве равноценной замены обычной гимнастике девушкам предлагали калистенику. Систематические упражнения в шведском стиле, которыми увлекались мужчины, — раскачивание на перекладинах, прыжки через гимнастического коня и т.п. — считались совершенно неподходящими для девушек. Такие упражнения требовали слишком большой активности, что было небезопасно для женщин, к тому же их было невозможно выполнять в скромной женской одежде. Но к началу 1880-х годов возник и начал распространяться модифицированный комплекс упражнений специально для девушек. (Упражнения вполне подходили и для мальчиков, но упражнений для мальчиков и без того существовало достаточно, а для девочек это был один из очень немногих вариантов.) Калистеника была сосредоточена, в частности, на движениях рук и плеч, при этом туловище оставалось почти неподвижным. В «Руководстве по ведению домашнего хозяйства» Касселла (Cassell's Household Guide) можно найти несколько хорошо иллюстрированных разделов, где подробно описан весь комплекс физических упражнений, пригодных для выполнения в домашней обстановке. Это руководство, а также отрывки из него, публиковавшиеся в журналах, познакомили многих девушек из среднего класса с физической культурой и дали им шанс заняться ею.

Несмотря на крайне серьезный тон статей, на самом деле эта гимнастика выглядит так, будто вы решили потанцевать по комнате в нижнем белье. Рекомендованная для выполнения упражнений специальная одежда состояла из пары шаровар длиной до щиколоток, свободной сорочки (никакого корсета) и короткой юбки до колен — все из белой хлопковой ткани, — а также «прелестного цветного кушака», повязанного вокруг талии. Очаровательный и женственный костюм должен был помочь девушкам преодолеть сомнения, если они опасались, что будут выгля-

деть странно. Вероятно, делу помогало и то, что этот комплект одежды продвигали как специальный костюм для гимнастики. Впрочем, если у вас не было денег на особый гимнастический костюм, вы могли поступить проще — в уединении собственной спальни снять повседневную одежду и корсет и повязать на талии пояс (см. цветную илл. 20).

Эти упражнения рекомендовали девушкам в первую очередь потому, что они расширяли грудную клетку, то есть главным образом легкие. Недоедание, загрязнение воздуха и бесконечные часы за рукоделием пагубно влияли на дыхательную систему девушки. Поэтому приоритет был отдан упражнениям, которые увеличивали легкие и укрепляли грудные мышцы. Многие надеялись, что такие упражнения не только помогут исправить осанку и компенсировать малоподвижный образ жизни, но и сделают легкие более здоровыми, а значит, повысят устойчивость девушек к инфекционным заболеваниям легких, таким как туберкулез.

Мы с моей дочерью пробовали заниматься викторианской гимнастикой и получили разные результаты. Лично мне упражнения показались смехотворно простыми. Стоя посреди комнаты и выполняя махи руками, я не чувствовала никакой спортивной нагрузки. Я даже не вспотела. Но у моей дочери возникли совершенно другие ощущения. Через несколько минут после начала упражнения она пожаловалась на то, что у нее заболели руки и плечи, а на следующий день она двигалась более скованно и продолжала жаловаться на дискомфорт. Я думаю, причина в мытье полов и копании грядок. В моей жизни, особенно в моей викторианской жизни, эти занятия занимают значимое место. Я бы не сказала, что нахожусь в хорошей физической форме, — я знаю, что моя физическая форма оставляет желать лучшего, — но я много мыла, стирала и рабо-

тала в саду, а это хорошо нагружает мышцы плеч и рук. Моя дочь не делала ничего подобного, ее жизнь в то время была намного ближе к жизни викторианской девушки из среднего класса. Возможно, она проводила не так много времени с иголкой в руках — хотя я с гордостью могу сказать, что она умеет шить, — но она тратила сопоставимое количество часов на выполнение письменных заданий и работу за компьютером. В современной жизни молодые люди нередко подолгу сидят неподвижно, ссутулившись и выполняя много мелких, повторяющихся движений. Так что, возможно, я была не права, посмеиваясь над упражнениями, которые предлагают вам встать в исподнем посреди спальни и размахивать руками. Возможно, викторианские разработчики калистеники были правы: девушкам полезно совершать руками и плечами более энергичные свободные движения. Это убирает напряжение в плечах и шее, укрепляет мышцы, способствует обретению правильной здоровой осанки, снижает возможность травм, вызванных хроническим напряжением. Если уделять калистенике достаточно внимания, она может быть хорошим, хотя и довольно мягким комплексом аэробных упражнений, стимулирующих кровообращение и более глубокое дыхание.

Серьезный плюс калистеники заключался в том, что ею можно было заниматься уединенно. Учитывая общую озабоченность вопросами благопристойности, упражнения, которые можно было выполнять без свидетелей, становились доступными для всех, кто имел в своем распоряжении какое-то обособленное место. Девушки из среднего класса, которые не могли допустить, чтобы их заподозрили в каких-то сомнительных занятиях в полуодетом виде, вполне могли заниматься калистеникой. Картинки с упражнениями стали предшественниками видеозаписей для домашних тренировок.

Между тем многие девушки из рабочего класса занимались калистеникой независимо от того, хотели они этого или нет. Благопристойность и целесообразность калистеники широко поддерживали реформаторы в области здравоохранения, и в последние два десятилетия XIX века их советам неукоснительно следовало руководство и попечители большинства учреждений. Школы, где обучали детей бедняков, проявляли самый большой энтузиазм. Девушек можно было выстроить рядами во дворе и без всяких дополнительных затрат провести гимнастическую зарядку. Эти уроки физкультуры должны были приучить их к здоровому образу жизни и обеспечить равномерное развитие всего организма, особенно легких. Многие надеялись, что здоровые девушки из рабочего класса через несколько лет превратятся в эффективных и умелых фабричных работниц. Но, что еще важнее, они станут здоровыми матерями будущих поколений здоровых рабочих. Некоторые работодатели видели в гимнастике финансовую выгоду. На фабрике в Борнвилле на окраине Бирмингема проводили обязательные занятия по калистенике для всех работниц младше 18 лет (значительная часть рабочего персонала фабрики состояла из девушек в возрасте от 11 до 18). Для занятий отвели специальную площадку под открытым небом, и каждая девушка должна была в свое рабочее время еженедельно посещать по два получасовых занятия. Может быть, во время этих занятий девушкам было холодно и скучно, однако гимнастика действительно приносила некоторую пользу здоровью, даже если не могла защитить от туберкулеза, как надеялись ее самые восторженные сторонники.

6

Завтрак

Время завтрака в Викторианскую эпоху, как и в наши дни, менялось в зависимости от режима работы членов семьи. Фабричные рабочие начинали трудовой день в семь или восемь часов утра и торопливо съедали свой завтрак, перед тем как выйти из дома. Если до работы было недалеко, вся семья могла собраться за столом и насладиться горячим общим завтраком. Фермеры и сельские рабочие обычно уходили из дома на рассвете и возвращались на кухню через несколько часов тяжелого труда. Домашняя прислуга тоже завтракала не сразу — слуги могли поесть только после того, как переделают все утренние дела и подадут завтрак хозяевам.

У семьи Уиджер из рабочего класса, жившей в городе Ситон в Южном Девоне в самом конце викторианского периода, завтрак всегда проходил в суматохе. Распоряжалась всем, разумеется, миссис Уиджер: она готовила еду для своих пятерых детей, мужа-рыбака и квартиранта, который и оставил после себя записки об их распорядке дня. По описанию квартиранта, главным местом в доме была кухня. Там стоял стол, несколько деревянных стульев (все сломанные) и одно кресло. Стену с одной стороны зани-

мал большой деревянный посудный шкаф, заполненный всякой всячиной: там были горшки с рыболовными крючками, надколотая фарфоровая посуда, открытки, мотки бечевки, приколотая к картонке кружевная бабочка (мать миссис Уиджер была кружевницей), пакет с печеньем на верхней полке, куда не могли дотянуться дети, жестянка чайных листьев и несколько банок джема. Под потолком были протянуты веревки, на которых постоянно сохли, сменяя друг друга, рыбацкие свитера, нижнее белье всей семьи и небольшие рыболовные сети.

Но в кухонном хозяйстве миссис Уиджер имелись лучшие удобства и приспособления из тех, на которые могла рассчитывать семья викторианского рабочего. Кроме сковороды и формы для выпечки в ее распоряжении был большой коричневый эмалированный чайник и две кастрюли среднего размера. Разномастная кухонная посуда приобреталась постепенно в течение многих лет. Многие предметы, надтреснутые или даже расколотые на две части, продолжали нести свою службу. Одна разбитая почти идеально пополам тарелка особенно ценилась, поскольку играла незаменимую роль в приготовлении картофельного пюре. В камине стояла небольшая кухонная жаровня, соединенная с дымовой трубой. С одной стороны у жаровни была духовка (но котла для нагрева воды с другой стороны, в отличие от некоторых более дорогих моделей, не было). В нише стены рядом с дымоходом находился встроенный шкаф, в котором миссис Уиджер хранила уголь. Для экономии места сверху она кое-как пристраивала сковородку.

В домах работающих людей Викторианской эпохи завтрак обычно состоял из ломтя хлеба или миски овсяной каши и чашки чая. Кашу чаще ели на севере Англии, где основной сельскохозяйственной культурой был овес, хлеб — на юге. Многие запивали кашу или хлеб кружкой

пива. Пиво было традиционным напитком Британии, и в мире маргинального выживания оно обеспечивало не только ценные калории, но и ряд минералов и витаминов, которые иначе не поступали в рацион большинства. Но благодаря усилиям Движения за трезвый образ жизни все больше людей отказывалось от алкоголя, и главным утренним напитком постепенно стал чай. По той же причине выросла популярность кофе и какао.

Преимущество завтрака, состоящего из хлеба и пива, заключалось в том, что его не нужно было готовить. Не нужно было разжигать огонь, а значит, просыпаться раньше, чтобы его развести, и потом следить, чтобы он не погас. Для тех, чей день начинался очень рано, и тех, кто не мог вернуться домой, чтобы поесть позднее утром, это был самый разумный вариант. Но если для завтрака требовалось вскипятить воду или что-то приготовить, приходилось разжигать жаровню.

Чаще всего встречались жаровни двух видов, обе были рассчитаны на угольное топливо. Каменный уголь уже широко использовали в больших и малых городах — разветвленная сеть каналов и железных дорог позволяла доставлять его по всей стране. Добычу угля облегчали паровые двигатели — насосные системы на паровой тяге предотвращали затопление шахт, паровые лебедки поднимали уголь и людей на поверхность. Вплоть до 1860-х годов и еще много лет после этого в домах преобладали открытые жаровни старого типа. Уголь сгорал на железной решетке, по бокам которой располагались один или несколько простых железных ящиков (см. цветную илл. 5). Дым уходил прямо в дымоход. Новейшая закрытая жаровня, кухонный очаг, получившая популярность в период Всемирной выставки, сначала распределяла дым внутри себя, чтобы максимально эффективно использовать выделяемое тепло. Сделанный из тяжелых чугунных пластин основательный

черный кухонный очаг сразу бросался в глаза в помещении. В середине у него обычно располагалась угольная топка глубиной около 30 см. Дно топки образовывала решетка из железных прутьев с широкими промежутками. Пепел и зола падали через них в поддон, который можно было вынимать и вытряхивать. Свежий воздух поступал в топку через прутья и через переднюю решетку, которую можно было открывать и закрывать, регулируя приток кислорода к огню. В большинстве домашних жаровен по одну сторону от топки располагалась духовка, а по другую — бак для кипячения воды. Сверху все это было накрыто железной варочной поверхностью. Духовка нагревалась непосредственно от чугунной топки. В кухонном очаге дополнительный нагрев обеспечивали вытяжные трубы, по которым проходили горячий дым и газообразные продукты горения. Конечной целью вытяжных труб было направить дым и газы вверх по узкой встроенной трубе. В идеале хороший кухонный очаг полностью выводил дым из помещения (см. цветную илл. 6).

К концу столетия кухонный очаг прочно утвердился в домах викторианцев. Именно эта модель стояла у Уиджеров. Я готовила на старых и новых викторианских жаровнях. Обеим нужно время, чтобы разогреться, обе требуют одинаковых усилий при чистке, и за обеими нужно внимательно следить, чтобы заставить их работать с полной отдачей. В каком-то смысле старая открытая жаровня удобнее. Ею проще пользоваться, и с ней меньше шансов, что что-то пойдет не так. В ней вы готовите прямо на открытом огне, а это значит, что по утрам вы можете разогреть еду намного быстрее. Чайник можно поставить на открытый огонь почти сразу после того, как вы его разведете, и уже через пять минут чайник начнет кипеть. Если вы хотите приготовить что-нибудь на завтрак, лучше выбирать блюда, которые можно готовить на открытом огне, чтобы

не ждать, пока вся жаровня прогреется до нужной температуры. Возможно, именно так и появился традиционный английский завтрак. Чтобы сварить в ранний утренний час пару яиц пашот или поджарить тосты, не требовалось много времени. Однако если вы собрались бы сварить или испечь нечто более основательное, то, скорее всего, вы очень проголодались бы к тому времени, когда все было бы готово. Не было никакого смысла пытаться испечь что-нибудь с утра. Выпечкой занимались днем — и эта традиция сохранилась во многих семьях, — потому что к этому времени духовка успевала достаточно разогреться.

Слуги, которые готовили для хозяев еду на открытой жаровне, сначала должны были вытряхнуть остывший вчерашний пепел, энергично обмести жаровню жесткой щеткой, чтобы удалить со всех поверхностей пригоревшую пищу и золу, и начернить ее (натереть поверхность жирной графитовой смесью). Это была грязная работа, но иначе грязь в течение дня распространилась бы на все кастрюли и сковородки, одежду и фартуки. Далее нужно было развести огонь. Процесс готовки в закрытом кухонном очаге был почти таким же, но в этом случае приходилось чистить больше деталей — вытяжные трубы быстро забивались, если из них регулярно не удаляли сажу. Даже тонкий слой сажи уменьшал теплопроводность, поэтому пользоваться грязным очагом было намного сложнее. Покончив со всем этим, вы могли наполнить водой чайник. Но вам все равно пришлось бы ждать около 45 минут, пока он закипит, и еще час, пока вся жаровня нагрелась бы до температуры, подходящей для готовки.

Распорядок дня в доме Уиджеров позволял им повседневную роскошь — чашку чая рано утром. Как только семья просыпалась, на еще теплые со вчерашнего дня угли бросали клочок бумаги, горсть щепок и пару кусков каменного угля — и вскоре в жаровне снова появлялся огонь.

В большинстве случаев нужно было еще одну-две минуты осторожно дуть на тлеющие угли. Но, даже если угли совсем погасли, благодаря сохранившемуся теплу разжечь огонь было несложно. Затем кипятили чайник, и взрослые члены семьи на несколько минут уходили с чашкой чая и печеньем обратно в постель. Немногим позже, когда мужчины отправлялись на работу, а дети в школу, миссис Уиджер вычищала жаровню и обметала вытяжные трубы. Огонь в кухонном очаге продолжал гореть весь день, обеспечивая хозяйку теплом и горячей водой и давая возможность приготовить еду на обед и ужин.

Почти все городские жители готовили на угольных жаровнях и кухонных очагах, но оставалось еще довольно много людей, которые не пользовались ни тем ни другим. В отдаленных сельских районах уголь не всегда был самым дешевым и доступным топливом. В Девоне и Корнуолле продолжали топить дровами. В Южном Уэльсе уголь был дешев, но на холмах Сноудонии по-прежнему предпочитали дерево и разные виды утесника, а в Ирландии и на Шотландском высокогорье основным источником топлива служил торф. Каждый вид топлива требовал особого печного оборудования и влиял на ассортимент доступных для приготовления блюд. Многое из того, что мы считаем особенностями региональной кухни, обусловлено именно свойствами топлива и связанных с ним способов приготовления. Например, овсяную кашу и овсяные лепешки лучше всего готовить на умеренном тлеющем огне, который как раз дает горящий торф (он же придает готовым блюдам характерный копченый аромат). На ярком и жарком угольном огне вы получите кастрюлю с подгоревшим дном и гору обугленных крошек. Пожалуй, можно считать счастливым совпадением то, что залежи торфа сосредоточены как раз в тех областях Британии, где почвы и климат слишком бедны и суровы для выращивания любых других зерновых культур, кроме овса.

Викторианской кухарке приходилось на практике приспосабливаться к особенностям топлива и имеющейся в ее распоряжении утвари — я говорю «кухарка», потому что готовкой в подавляющем большинстве случаев занимались именно женщины. Число профессиональных поваров-мужчин даже в крупных хозяйствах было невелико. Со временем, по мере роста уровня жизни, завтрак рабочего класса, к счастью, стал более разнообразным и полезным. По словам социального реформатора Сибома Раунтри, в 1900 году завтрак семьи йоркширского рабочего с пятью детьми в течение недели состоял из хлеба, бекона (но его хватало только для главы семьи, который получал по ломтику каждый день) и кофе. Сливочное масло было доступно как лакомство один раз в неделю, а вытопленный из мяса жир выдавали порциями в течение трех дней. Время от времени на столе появлялось какао, которое повсеместно и вполне справедливо считалось полезным и придающим сил напитком. Если его готовили с молоком, оно значительно увеличивало пищевую ценность ежедневного рациона. Те, у кого было немного больше денег (как, например, у железнодорожного служащего, чья заработная плата в два с лишним раза превышала зарплату простого рабочего), могли позволить себе более широкий выбор блюд на завтрак. В течение недели они могли рассчитывать на яйца, сосиски, пирог и более существенную порцию сливочного масла — однако женщины и дети в семье опять же питались менее разнообразно, чем мужчина, зарабатывающий деньги.

Ханна Каллуик записывает в своем дневнике, что ее обычный завтрак состоял из хлеба, какао и чая и она съедала его уже после того, как подавала завтрак семье своего работодателя (то есть готовила, накрывала на стол, а затем убирала посуду). Завтрак, предназначенный для хозяев, сильно отличался от ее собственного. В него входили

не только большие порции повседневных продуктов, таких как бекон и яйца, но и копченая треска, тосты, мармелад и небольшие булочки, которые Ханна пекла с вечера.

Посетители роскошных загородных усадеб могли рассчитывать на еще более разнообразное меню к завтраку. В меню 1865 года для компании из 10–12 человек перечислены говяжьи ребра, маринованные устрицы, креветки, редис, чибисы, *oeufs cocottes* (яйца кокот), порция лосося *au bleu*, байоннская ветчина, черная икра, рыбные крокеты, жареные овечьи почки, пирожки с курицей, палтус под майонезом, пирог с голубями, рагу из баранины под белым соусом и жареное филе макрели. Подобное меню, безусловно, предполагало, что за стол садятся не с самого утра. Даже если слуги вставали в пять, чтобы вычистить и разжечь жаровни, им пришлось бы очень сильно потрудиться, чтобы успеть приготовить столько разных блюд к десяти.

Но, несмотря на эти примеры изобилия и достатка, самым распространенным чувством в викторианские времена оставался голод. Он всегда был где-то неподалеку. От голода умирали редко (за исключением ряда печально известных случаев), но хроническая нехватка пищи была

Рис. 56. Какао – популярный напиток для завтрака

вполне обычным явлением. Очень многие люди просыпались с чувством голода и проводили свой рабочий день — и большую часть своей трудовой жизни — в состоянии более или менее постоянного недоедания. Об этом свидетельствует художественная литература, газеты, личные воспоминания, расследования социальных реформаторов, судебные протоколы и документы о приеме в работные дома. Неудивительно, что это накладывало на внешность и здоровье людей неизгладимый отпечаток.

Давайте на минуту отвлечемся от нашего викторианского распорядка дня, чтобы изучить голод и его причины. Он, как ничто другое, определял ход повседневной жизни каждого человека.

ГОЛОД

В начале викторианского периода продовольствия не хватало во всей Европе. Ситуацию усугубили несколько волн картофельного фитофтороза, одна за другой прокатившиеся по всему континенту. Согласно подсчетам, в 1845 году потеряли около трети урожая картофеля, в 1846 году эта цифра выросла до трех четвертей. Картофель богат витамином С и обеспечивает больше калорий на квадратный метр, чем любая другая продовольственная культура, что изначально повышает его ценность для питания населения, но в этом есть свои подводные камни. В частности, в Ирландии картофель стал монокультурой. Согласно оценкам, до фитофторных волн от картофеля зависела треть населения Ирландии: он составлял более 80 % общего рациона людей, и некоторые ели его на завтрак, обед и ужин. Эксплуатационные формы землевладения оставляли все меньше свободной земли для аренды под фермы, и для огромного количества семей средством

к существованию служили участки площадью 6000 м^2 (1,5 акра) и работа по договору. Ни один другой регион в Европе не зависел от урожая так сильно, и, если в других странах количество вызванных голодом смертей выросло до 100 тысяч, в Ирландии, по большинству оценок, оно превысило отметку миллион.

Когда в Ирландии не хватало продовольствия в 1780-х годах, британское правительство в Вестминстере запретило экспорт из страны продуктов питания, чтобы гарантировать наполнение рынка и последующее снижение цен. Но в 1840-х годах, когда сотни тысяч людей погибли от голода и еще сотни тысяч страдали от истощения и болезней, ирландские продукты продолжали отправлять за море, главным образом в Англию. Ужасающие сообщения поступали в Лондон, но очень немногие стоящие у власти были готовы им верить — большинство усматривало в них лишь намеренное сгущение красок и дешевый драматизм. Все больше и больше голосов присоединялось к крикам о помощи, но власти были непоколебимы. Политическая элита твердо верила в свободный рынок и его способность приспосабливаться к экономическим колебаниям. Вмешательство, считали они, только ухудшит ситуацию — бесплатные раздачи продуктов спровоцируют зависимость и подорвут предпринимательскую деятельность. По сути, в это отчаянное время государственное снабжение фактически прекратилось. Между тем, как писал Уильям Эдвард Форстер, целые общины превращались «в ходячие скелеты — мужчины отмечены ужасной печатью голода, дети плачут от боли, женщины в некоторых домах так ослабели, что не могут подняться на ноги». Целые семьи находили мертвыми на полу в пустых хижинах. Трупы мужчин, женщин и детей лежали вдоль дорог. В работных домах и больницах ослабевшие, изможденные люди толпами гибли от лихорадки.

Рис. 57. Картофельный голод в Ирландии, 1847 г.

Экономика Шотландского высокогорья также опиралась на картофель, но, к счастью, там погибло гораздо меньше людей. И все же нищета и голод вынудили 1,7 миллиона шотландцев эмигрировать. Два отчаянных исхода из далеких от средоточия власти регионов остались шрамом на лице Британии. Ужас голода 1840-х годов с несоразмерной тяжестью лег на Ирландию и Шотландское высокогорье, но и остальные районы Британии тоже почувствовали на себе его дыхание.

Количество пищи и ее разнообразие зависело от того, в каком регионе Англии жить. В 1844 году, до начала фитофторных волн, Фридрих Энгельс описал рацион рабочих из северных промышленных городов Англии: «Мы обнаружили, что животная пища у них сокращена до небольшого ломтика бекона, добавленного в картофель. Южнее нет даже этого — там едят только хлеб, сыр, овсяную кашу и картофель». Другой автор, А. Комб, в своем трактате о пищеварении утверждал, что бедняки в северных городах питались исключительно кашей и картофелем. Хотя этот рацион вряд ли можно назвать богатым, включение в него овса все же означало, что у этих людей появлялось больше шансов усто-

ять против голода во времена картофельного неурожая. В низменных районах Шотландии и в самых северных точках Англии основой рациона служили овес и молоко, дополненные разнообразными корнеплодами. В других местах овощи были рабочим не по карману и появлялись на столе крайне редко. Таким образом, несмотря на почти полное отсутствие мяса и рыбы, рацион рабочих в Северной Англии все же обеспечивал разумный баланс питательных веществ.

Однако рацион сельских рабочих на юге Англии был скудным. Люди выживали даже не на каше и картошке, а на одном только гораздо менее питательном хлебе. При всех своих недостатках рацион северного фабричного рабочего все же больше способствовал укреплению организма, чем рацион южного сельского жителя, особенно если тот отказывался от пива, которым раньше запивал хлеб, а нищета и привычка пить чай постепенно выводили пиво из привычного потребления сельского рабочего. В начале правления королевы Виктории южная сельская семья съедала в день одну буханку хлеба весом около 500 г. По сравнению с этим даже рацион, предусмотренный Законом о бедных для трудоспособных мужчин на четыре дня в неделю выглядел почти привлекательно, хотя состоял лишь из 850 мл жидкой овсяной каши, 540 г хлеба и 100 г сыра. Постоянный голод был обычным явлением. В 1865 году Джозеф Терри написал мемуары, в которых оглядывался на свое детство, прошедшее в довикторианские времена: «Я не смог бы описать, даже если бы желал этого всем сердцем, что мне пришлось перенести из-за недостаточного питания... Порой у меня во рту целыми днями не было ни крошки. Иногда я питался одной только репой, надерганной в полях, или какими-нибудь дикими плодами и кореньями, которые удавалось добыть». Такие воспоминания оставались с людьми навсегда.

В 1860-е годы цены на продукты упали, а заработная плата несколько повысилась. Эдвард Смит в 1864 году отметил это улучшение, упомянув, что многие сельские рабочие теперь могут внести изменения в рацион, состоящий из одного только хлеба, и раз в неделю насладиться горячей пищей. Кроме того, он упомянул, что фабричные рабочие в Ланкашире теперь едят не только хлеб, но также овсянку, бекон, сливочное масло (в небольших количествах), патоку, чай и кофе. Неудивительно, что так много семей перебиралось из деревень в промышленно развитые города. Какими бы ужасными ни были тамошние условия жизни, полный желудок есть полный желудок. Британская промышленность продолжала активно развиваться, и люди были готовы вытерпеть многое, в том числе болезни и раннюю смерть, чтобы поесть досыта.

Большинство британцев стали питаться лучше, однако некоторые группы населения оставались в тупике, куда их загнали экономические превратности эпохи. Мать профсоюзной активистки Элис Фоули вспоминала, как в детстве чуть не умерла от голода, когда Гражданская война в Америке оборвала поставки хлопка и оставила ланкаширских ткачей без работы. Она живо помнила мучительную боль в животе и унижение бесплатных суповых кухонь. Несмотря на то что она, как и многие другие, отчаянно нуждалась в пище, она терпеть не могла бесплатный суп. Взглянув на рецепты, подготовленные филантропами из среднего класса, легко понять причину. В большинстве случаев этот суп состоял из простой воды с исчезающе малым количеством питательных веществ. В рецепте «Полезного супа миссис Битон для благотворительных целей» рекомендовалось взять 1,8 кг говяжьих обрезков, 1,8 кг перловой крупы, около 3,6 кг лука и немного пряных трав, чтобы приготовить 45 л супа.

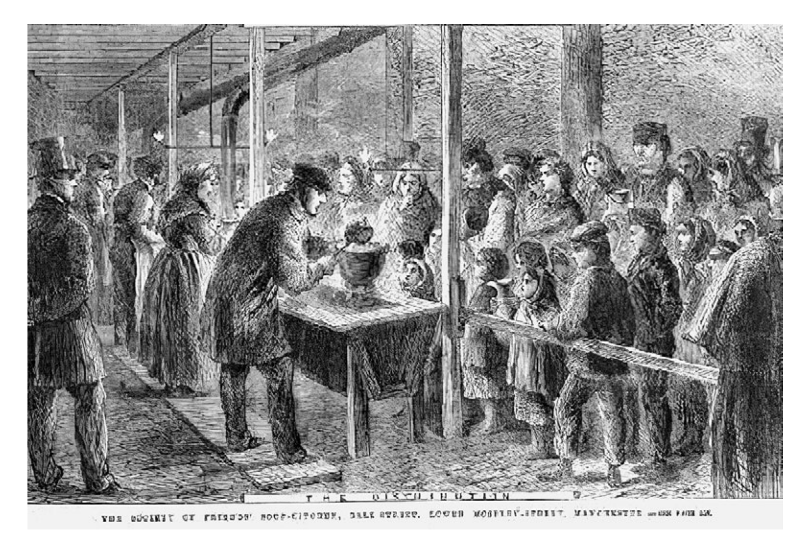

Рис. 58. Суповые кухни, 1862 г.

В 1890-х годах семьи, в которых был взрослый работающий мужчина, уже могли рассчитывать на регулярное питание. Однако всякий раз, когда в семье возникали проблемы — болезнь или утрата кормильца, безработица, — ее выживание оказывалось на волоске. Джек Ланниган жил в Солфорде, когда умер его отец. Мать пыталась обеспечить их с братом, принимая заказы на стирку белья, но этого было недостаточно. Чтобы семья могла выжить и оставаться вместе, мальчики выпрашивали еду. Джек вспоминал: «Рабочие выходили на улицу с плетеными корзинками, в которых носили обед, и, услышав наши голоса: “У вас не найдется немного хлеба, мистер?”, отдавали нам то, что у них оставалось». Еще одним источником пищи были лавки, торгующие горячей едой: мальчики ходили от одной такой лавки к другой и спрашивали, не отдадут ли им остатки теста из кадок.

Элис Фоули, которая жила в Болтоне примерно в то же время, описала обычный рацион семьи из рабочего

класса: «В основном молоко, каша, картофель и бутерброды из хлеба с патокой, по выходным немного мяса». По сравнению с рационом 1840-х или даже 1860-х годов это было большим улучшением — раньше такая еда была доступна только обеспеченным семьям квалифицированных рабочих. Однако молоко, о котором вспоминает Элис Фоули, покупали далеко не во всех семьях — это говорило скорее о том, что родители заботились о здоровье дочери. Польза молока для детей к тому времени была точно установлена, хотя научные причины этого оставались в целом неизвестными.

Как напоминает опыт Джека Ланнигана, голод оставался приметой викторианской жизни. Исследование, проведенное в 1892 году в Бетнал-Грин, одном из самых бедных приходов Британии, показало, что питание детей в этом регионе и тогда еще состояло почти исключительно из хлеба. Более 80 % этих детей ели хлеб 17 раз в неделю (всего за неделю их кормили 21 раз).

Воздействие голода на организм

Воздействие голода, систематического недоедания и нехватки витаминов трудно переоценить. Муки голода ужасны, пустой желудок раздут, вас постоянно терзает тошнота. Очень немногие в современном британском обществе испытывали нечто подобное дольше одного дня. О том, что такое голодный обморок, мы знаем из книг, а не по собственному опыту. Некоторое представление об этих ощущениях нам может дать строгая диета, но, очевидно, существует огромная психологическая разница между тем, когда вы обходитесь без еды по собственному выбору и когда это происходит вынужденно, без всякой надежды на улучшение ситуации. У нас тоже может возникнуть зацикленность на еде, если нам, например, приходится приспосабливаться к диете с низким содержанием

жира. Наши мысли и слова снова и снова возвращаются к еде, вытесняя все желания. Многие викторианцы думали о еде почти постоянно и не могли ничего с этим поделать — им оставалось только беспомощно наблюдать, как голод разрушает их семьи. Каждый спазм в животе, казалось, длился вечно, голод не давал заснуть и тем более сосредоточиться. Утверждать, будто люди в викторианский период привыкли есть меньше или что они просто не знали другой жизни, некорректно.

Я напоминаю себе об этом всякий раз, когда задумываюсь об историческом опыте Викторианской эпохи, потому что в его основе лежит голод. Скелеты людей викторианской Британии отмечены следами голода. Средний рост мужчины, осужденного за преступление в Лондоне между 1869 и 1872 годами, составлял 166 см. Это на 9 см меньше среднего роста жителя Лондона в XXI веке. Точно так же средний рост женщины, осужденной за преступление в тот же период, составлял 153 см — на 6,5 см меньше среднего показателя в XXI веке. Эти люди были даже ниже ростом, чем представители предыдущих эпох: раскопки показали, что жители средневекового Лондона были на 5 см выше своих викторианских потомков. Возможно, цифры дополнительно искажает тот факт, что люди, осужденные за преступления в викторианский период, происходили в основном из беднейших слоев населения. Но все же они говорят нам о том, что продолжительное систематическое недоедание присутствовало в повседневной жизни очень многих людей.

Викторианские комментаторы тоже писали о разнице в росте среди своих современников, причем многие отмечали, насколько представители рабочего класса в любом возрасте ниже представителей высших классов. Несколько газетных и журнальных статей указывают, что разница в росте между двенадцатилетним учащимся

Итона и двенадцатилетним мальчиком из лондонского Ист-Энда составляла 10 см. Нужно очень много голодать, чтобы прийти к такому итогу.

Даже когда пищи хватало, чтобы избавиться от худших мук голода, ее было недостаточно, чтобы предотвратить болезни и изъяны развития. Цинга (ее вызывает нехватка витамина C) и рахит (дефицит витамина D, который приводит к размягчению и деформации костей) наблюдались по всей стране. Картофельный голод 1840-х годов привел к росту заболеваемости цингой среди бедняков — самым тяжелым положение было в Ирландии, но и на севере Англии дела обстояли немногим лучше. Для защиты от цинги необходимо хотя бы изредка употреблять свежую зелень (ведь она содержит витамин C), но жители больших и малых городов просто не имели доступа к такой пище. У них не было огородов, где они могли бы выращивать что-то сами, а цены на зелень в городах были значительно выше, чем на крахмалистую пищу, которая намного лучше помогала человеку почувствовать себя сытым.

Везде, где существовало многоотраслевое сельское хозяйство, — в Уэльсе, в долинах Шотландии и в некоторых районах Северной и Западной Англии — оставалась возможность выращивать рядом с домом овощи, которые могли дать организму необходимые витамины. Но на юго-востоке и в центральных графствах, где выращивали зерновые культуры, сельские жители имели в своем распоряжении гораздо меньше свободной земли. Все до последнего клочка было занято главным аграрным бизнесом региона.

В Medical Gazette за 1871 год сообщалось, что рахит выявлен примерно у трети населения крупных и малых промышленных городов. При здоровом образе жизни основными источниками витамина D служат солнечный свет и животные жиры. Без них кости размягчаются и де-

формируются. Пища викторианских бедняков редко включала животные жиры, а жители промышленных городов, накрытых тяжелым смогом, страдали от систематической нехватки солнечного света. Сельские жители, по крайней мере, получали много естественного света, даже если потребляли меньше животных жиров, чем горожане.

В 1889 году Блэнд Саттон опубликовал результаты своего знаменитого эксперимента в Лондонском зоопарке. Пытаясь вырастить в неволе львят, Зоологическое общество столкнулось с серьезными трудностями — попытки раз за разом оканчивались неудачей, у детенышей развивался сильный рахит, и они погибали. За предыдущие пятьдесят лет были проведены исследования, которые указывали на то, что рахит не инфекционное заболевание, а диетическая проблема и решить ее можно за счет животных жиров и кальция. По совету Саттона зоопарк расширил рацион львят, до этого состоявший только из постного мяса, добавив к нему толченые кости, молоко и масло печени трески. Через три месяца все признаки рахита исчезли, детеныши стали сильными и здоровыми. Сенсационные результаты широко освещали в прессе. Масло печени трески, или рыбий жир, быстро стало популярным лекарством, его давали детям для улучшения здоровья в школах, больницах, приютах и в родных семьях. Рыбий жир стал первой в истории пищевой добавкой.

Хотя сильнее всего голод свирепствовал среди бедняков, его щупальца доставали и более обеспеченные слои общества. Элизабет Гаскелл в биографии Шарлотты Бронте пишет, что в детстве сестер Бронте держали в состоянии непреходящего голода. В ответ на просьбы дать еще еды дети получали высокопарные нотации о плотских желаниях, изнеженности и жадности. Содержание детей (особенно девочек) впроголодь проходило красной нитью через всю викторианскую воспитательную прак-

Рис. 59. Здоровые львята в Лондонском зоопарке, 1887 г.

тику. Считалось, что голод тренирует силу воли, учит самоотверженности и помогает взрастить более нравственную личность. От девочек в особенности ожидали умения подавлять аппетит усилием мысли.

Воспоминания о жизни в пансионах для девочек и для мальчиков показывают, что и здесь еды постоянно не хватало. Алан Милн, который учился в Вестминстерском колледже в 1890-х годах, вспоминал, что «испытывал неумеренную тягу к еде»: «Я лежал без сна каждую ночь, думая о еде. Я засыпал, и мне снилась еда. За все мои годы в Вестминстере я ни разу не чувствовал себя сытым». Страх перед «животными страстями» часто побуждал родителей из среднего и высшего класса ограничивать питание детей. Ребенка могли отправить в постель без ужина не только в наказание за плохое поведение — некоторые родители считали это действенной мерой, помогающей ребенку

поменьше думать о шалостях. Мистер Бамбл, смотритель приюта в романе Чарлза Диккенса «Оливер Твист», приходит в ужас при мысли о том, чтобы дать приютским детям мясо — по его мнению, такая пища приведет к бунтам и беспорядкам. Сходные опасения в викторианский период высказывали и начальники тюрем.

Сила и настойчивость обращенных к обеспеченным родителям советов, призывавших кормить детей простой пищей (под которой викторианцы подразумевали углеводы), привели к тому, что питание детей из среднего и высшего класса оказалось гораздо ближе к рациону их бедных соотечественников, чем позволяло предположить финансовое положение семьи. Детскую пищу готовили и подавали отдельно от взрослой, и ее содержание и количество можно было контролировать. В число рекомендованных для детей продуктов и блюд входили хлеб с джемом, пудинги на пару (такие как «пятнистый Дик» или «джем роли-поли»), молоко и молочные пудинги (в том числе рисовый пудинг, макаронный пудинг, пудинг из тапиоки и пудинг из саго) и иногда немного вареного мяса и рыбы. Фруктов, а также жиров и овощей в рационе большинства детей заметно не хватало.

Перед тем как высказать свою роковую просьбу «Я хочу еще», Оливер Твист и другие мальчики из приюта «на протяжении трех месяцев терпели муки, медленно умирая от недоедания». Благотворительные работные дома и приюты существовали за счет государства, в них нуждающимся давали кров и пищу, которые они оплачивали своим трудом, но в тот период («Оливер Твист» был опубликован в 1838 году) эта пища была действительно ужасной, и здесь Диккенс нисколько не преувеличивал. Незнание того, какие питательные вещества нужны организму, вкупе со стремлением к экономии и убежденностью в том, что обитатели богадельни должны жить еще хуже, чем обычные

бедняки, приводило к тому, что питание в благотворительных заведениях едва обеспечивало необходимый для выживания минимум. Проведенный в XXI веке анализ рациона работных домов показал, что он давал на 20 % меньше того количества калорий, которое сегодня считается абсолютным минимумом, и что в нем наблюдался серьезный дефицит ряда минералов и витаминов. Медленная голодная смерть также становилась уделом многих заключенных в тюрьмах. В тюрьме викторианские заключенные заметно теряли в весе, притом что на момент вынесения приговора они, как правило, уже страдали от истощения. Люди буквально угасали. Некоторые реформаторы пытались привлечь внимание к этой проблеме и призывали снабжать заключенных более качественной и разнообразной пищей, но власти в 1840-х годах, по-видимому, считали угасание в тюрьме прямым следствием заточения, естественным результатом пребывания в неволе, никак не связанным с режимом питания. Кроме того, если бы тюрьма получила репутацию места, где прилично кормят, то люди наверняка начали бы совершать больше преступлений, стараясь туда попасть. Так или иначе, голодный паек в казенных учреждениях был непосредственно связан с тем, как ужасна была пища бедняков.

7
Главное дело дня

ДОРОГА НА РАБОТУ

Рабочий день, долгий или короткий, для большинства людей в викторианский период начинался с дороги к месту работы и заканчивался дорогой обратно. Домашняя прислуга была единственной группой, избавленной от тягот ежедневного путешествия. В 1830-е годы еще оставалось довольно много людей, работавших на дому, но их количество стремительно сокращалось. Небольшие семейные мастерские уступали место фабричному производству, мелкие фермерские хозяйства утрачивали экономическую целесообразность. Ходить на работу становилась нормой как в городах, так и в сельской местности. Долгие изнурительные рабочие смены заставляли большинство семей селиться как можно ближе к месту работы главного добытчика, даже перенаселенные грязные дома были предпочтительнее лишнего часа пешком в конце шестнадцатичасового рабочего дня. Впрочем, некоторым все же приходилось ежедневно преодолевать пешком существенные расстояния, например если им удавалось найти лишь временную работу, ради которой не стоило затевать переезд, или если

арендная плата даже за комнату в трущобах была для них слишком высока. Словом, викторианцам приходилось жонглировать деньгами, временем, удобством, возможностями трудоустройства и нуждами семьи точно так же, как это делают современные жители пригородов, ежедневно добирающиеся на работу общественным транспортом.

Состоятельные люди при желании могли проделать путь до места, где решали деловые вопросы, верхом или в карете, но вряд ли это доставляло им большое удовольствие. Романы конца XVIII — начала XIX века, от Джейн Остен до Чарлза Диккенса и Энтони Троллопа, ясно показывают, что джентльмены из высшего общества обычно занимались делами с десяти часов утра до четырех часов дня. Это не значило, что клерки, адвокаты и агенты, с которыми они совещались, работали только в эти часы (для них рабочий день начинался в восемь утра и заканчивался в семь вечера), — но это был единственный удобный временной промежуток с учетом того, что джентльменам, предположительно, приходилось преодолевать некоторое расстояние до города. Этот распорядок был так широко распространен, что от него зависели даже часы работы банков.

Когда на трон взошла королева Виктория, положение постепенно начало меняться. Первые железнодорожные линии и конные омнибусы предлагали регулярные поездки туда и обратно для тех, кто мог себе это позволить. На тот момент владельцы поездов и омнибусов не были заинтересованы в перевозке пассажиров из рабочего класса — услуга предназначалась для обеспеченных людей и представителей среднего класса, расписание и маршруты составляли специально с учетом их потребностей. Поезда и омнибусы доставляли джентльменов в лондонский Сити, а также в деловые и коммерческие районы всех крупных городов к десяти часам — началу рабочего дня.

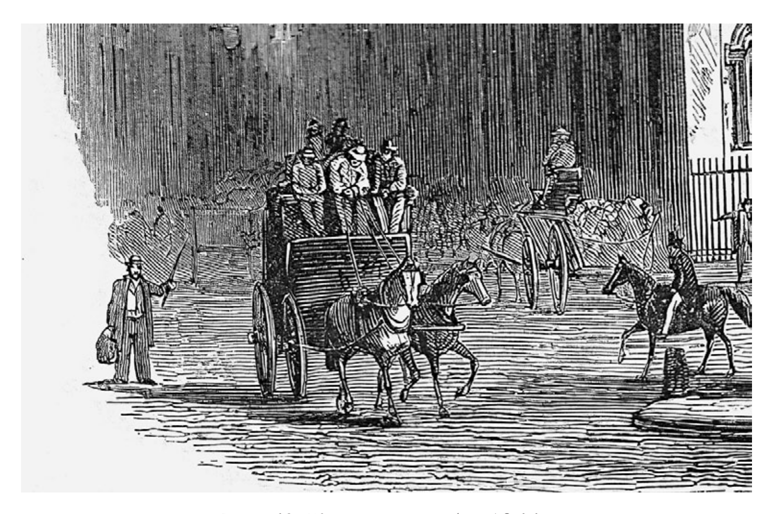

Рис. 60. Конный омнибус, 1866 г.

Но, хотя эти виды транспорта и были рассчитаны на средний класс, назвать их комфортными нельзя. Поначалу в поездах и омнибусах не было ни отопления, ни освещения – впрочем, этих удобств не имели и их старые конкуренты, конные дилижансы. Сиденья были узкими, а отсутствие подвески превращало поездки в мучительное испытание.

Запряженный лошадьми омнибус представлял собой по сути усовершенствованную телегу или медленный дилижанс (см. цветную илл. 15). Размеры и дизайн у омнибусов были разными, но большинство из них имело около 3,6 м в длину и около 1,8 м в ширину. Внутри по обе стороны тянулись две скамьи для пассажиров. У омнибусов была крыша, и посередине на крыше были установлены еще две скамьи, на которых можно было сидеть спиной к центру; по краю крыши шли низкие перила, страховавшие от падения. Поднимались на крышу по трапу в задней части омнибуса. В большинстве транспортных компаний считали, что омнибусы способны перевозить 20 пасса-

жиров внутри и еще 16 наверху. Один писатель в начале 1850-х годов счел нужным предостеречь потенциальных пассажиров и дать им следующие советы:

> Поднимаясь на крышу омнибуса или спускаясь с нее, делайте это спокойно и неторопливо. Ступайте сначала левой ногой, затем правой, затем снова левой и так далее. Никогда не снимайте с места одну ногу, пока не убедитесь, что надежно поставили другую. Находясь на крыше или на ближайшем к водителю сиденье, держитесь за поручень — в противном случае внезапный рывок лошадей или скачок на ухабе может выбросить вас на дорогу.

Первые омнибусы были в высшей степени ненадежными, поэтому такие советы действительно имели смысл.

Если вы ждали от поездки острых ощущений, конный омнибус был именно тем, что вам нужно. С крыши омнибуса даже дорожные заторы выглядели как приключение. Лошади в потоке транспорта вели себя непредсказуемо, поэтому имело смысл крепко держаться за поручень. Но, если необходимость всю дорогу сосредоточенно цепляться за перила или лазать вверх и вниз по лестнице не вызывала у пассажира (часто это касалось женщин в длинных юбках и без панталон) большого восторга, можно было втиснуться внутрь. Это тоже требовало определенной ловкости, поскольку внутреннее пространство омнибуса было крайне невелико — на каждого пассажира приходилась примерно половина сиденья современного пригородного поезда:

> Существует своего рода молчаливый договор, согласно которому последний входящий пассажир должен пройти в конец омнибуса — попытки занять место

> посередине будут восприняты как акт агрессии. Если вы видите перед собой несколько свободных мест, не занимайте то, которое ближе всего к водителю, или самое дальнее — в первом случае о ваши ноги будут спотыкаться все входящие и выходящие пассажиры, во втором вам будет трудно сообщить кондуктору, когда вы желаете выйти.

Так же, как сегодня в поезде лондонского метро во время часа пик, несоблюдение этикета в омнибусе вызывало осуждающие взгляды и резкие комментарии. Кондуктор стоял на небольшой подножке снаружи задней части омнибуса (места, чтобы встать внутри, не было), помогая пассажирам заходить и выходить, беря плату за проезд и выкрикивая названия остановок.

В поездах были свои трудности и неудобства, а также свой этикет. Многим британцам в наше время, вероятно, доводилось путешествовать на паровозе по старым железнодорожным веткам. Но, поскольку Британские железные дороги активно эксплуатировали паровые поезда вплоть до 1950-х и 1960-х годов, большинство сохранившихся и отреставрированных составов относятся к концу эпохи пара, а не к ее началу. Локомотив и вагоны парового поезда, на котором можно прокатиться в наши дни, были выпущены в 1930-х годах, а не в 1830-х и дают представление о том, как выглядело путешествие по железной дороге после 100 лет усовершенствований и технического прогресса. На путешественника ранневикторианского периода поездка производила совершенно иное впечатление. Пассажирские вагоны тогда имели короткую колесную базу, подвески у них не было, из-за этого вагоны постоянно подпрыгивали и резко дергались. В них не было коридора, поэтому, войдя в одну дверь или купе, вы оказывались запертыми там до конца поездки. Если вам

хотелось перекусить или выпить или воспользоваться туалетом, вы должны были сойти с поезда на станции вместе с остальными пассажирами и постараться сделать все свои дела как можно быстрее.

Поезда стояли на станциях, по современным меркам, достаточно долго, кроме того, в те времена вы вполне могли догнать уже тронувшийся поезд и запрыгнуть в него на ходу. Тем не менее следовало проявлять бдительность — было известно немало случаев, когда пассажиры опаздывали на поезд, дожидаясь, пока в вокзальной чайной им подадут горячие напитки. Поезда двигались довольно медленно. Скорость 161 км/ч была мечтой будущего — большую часть XIX века средняя скорость поезда не превышала 50 км/ч.

Рис. 61. Поезда в 1850 г. не отличались комфортом и имели минимум удобств

Железнодорожные вагоны считались довольно грязным местом, поскольку через плохо подогнанные окна внутрь нередко проникали сажа и зола. Пассажирам второго класса советовали брать с собой в дальние поездки «воздушную подушку» — сиденья с обивкой имелись только в вагонах первого класса. По словам Бенджамина Гудвина и его сына Альберта, вспоминавших поездки вторым классом на работу в 1890-х годах, прогулка длиной 3 км в конце путешествия становилась для них долгожданным облегчением.

Рис. 62/63. Вагоны первого и второго класса в 1880 г. Обстановка в вагоне стала приятнее

Кроме того, пассажиров сбивало с толку новейшее изобретение — расписание поездов. В XXI веке концепция отправления транспорта в заранее установленное время, а также обязанность пассажира находиться в нужном месте в нужное время воспринимается как должное. Но в 1830, 1840 и 1850-х годах для большинства людей это было неслыханной вещью. Инструкции и советы для путешественников нередко начинались с напоминания об этом основополагающем факте. «Первое, что следует сделать человеку, собирающемуся совершить путешествие по железной дороге, — точно определить по расписанию время отправления поезда», — писали в одном из таких руководств в 1854 году. Первый общегосударственный сборник расписаний поездов был напечатан только в 1839 году, и, поскольку тогда существовало множество независимых железнодорожных компаний, отнюдь не стремившихся уступать пассажиров конкурентам, вокруг этих расписаний возникало немало путаницы. В 1900 году действовало 160 независимых железнодорожных компаний, а «Путеводитель Брэдшоу» (Bradshaw Guide), в котором были приведены все их расписания, насчитывал больше тысячи страниц. Разные компании назначали разные тарифы за проезд, часто не отличавшиеся последовательностью даже в пределах одной линии. Пассажир из Крауч-Энда в 1884 году написал в местную газету письмо (и подписал его псевдонимом «Тот, кого надули»), в котором отмечал, что за шестиминутную поездку в Милдмей-парк на поезде Северной лондонской железной дороги он заплатит столько же (10 пенсов), сколько человек, который едет на Брод-стрит, хотя это расстояние вдвое больше. Кроме того, если бы он ехал от Крауч-Энда до Финсбери-парка поездом Великой северной железной дороги, а это такое же расстояние, как до Милдмей-парка, поездка обошлась бы ему всего в 4 пенса.

Однако, несмотря на все эти трудности, поезда были все же дешевле, быстрее и в целом удобнее, чем все ранее существовавшие транспортные средства. Клерки из низов среднего класса и конторские служащие обрели благодаря им свободу и получили возможность, подобно более обеспеченным коллегам, подыскивать себе жилье дальше от места работы.

В 1868 году Ливерпуль стал первым городом, на улицах которого появились конные трамваи. Трамваи были намного безопаснее омнибусов и могли перевозить вдвое больше людей с удвоенной скоростью. Другие города вскоре последовали примеру Ливерпуля. Трамваи были устойчивее и гораздо основательнее омнибусов — на верхнюю палубу у них вела узкая лестница, а не трап. В 1890-х годах лошадей сменило электричество, и с этого момента трамваи стали по-настоящему доступными рабочему классу. Линии удлинили и протянули до бедных районов городов, ввели специальные тарифы для рабочих.

Тем временем в Лондоне в 1863 году в буре общественного резонанса родилась первая в мире подземная железная дорога. Далеко не все встретили ее положительными отзывами. Газета The Times высказывалась весьма неодобрительно и не стеснялась в выражениях, предсказывая новому предприятию сначала технические неполадки, а затем коммерческий провал, поскольку, разумеется, никто не пожелает путешествовать через населенные крысами туннели, где сквозь стены просачиваются канализационные воды, а под сводами витают ядовитые газы из центрального газопровода. Однако The Times ошиблась: в первую неделю после открытия подземной железной дороги ею воспользовались 40 тысяч человек, и число пассажиров продолжало быстро расти: поезда шли с интервалом 15 минут от Паддингтона до Фарингдон-стрит и обратно через Юстон и Кингс-Кросс.

Изначально метро было задумано как «атмосферная» железная дорога — приводить поезда в движение должен был сжатый воздух. Но невозможность полностью герметизировать туннели привела к тому, что первый подземный транспорт было решено перевести на старые паровые технологии. Так что в течение первых 25 лет своей работы подземные поезда передвигались в клубах дыма и пара, который затем уходил в разбросанные по всему городу вентиляционные шахты. Электричество в метро начали использовать на несколько лет позже, чем в случае с трамваями, — в 1890 году. Одновременно с этим появилось множество новых и более дешевых способов строительства глубоких линий метро и ряд экономных тарифов. В 1900 году была открыта Центральная линия с круглыми туннелями и фиксированной платой за проезд — два пенса (в рекламе линию называли «двухпенсовой трубой»). Центральная линия сразу обрела популярность, она перевозила огромное количество рабочих и служащих в центральные районы Лондона и обратно. Наземные транспортные службы Лондона в 1882 году ежедневно выпускали около 25 700 билетов для рабочих. К концу столетия самые обеспеченные и занятые представители рабочего и среднего класса окончательно привыкли к печалям и радостям ежедневных поездок. Многие получили возможность искать заработок на более обширной территории. Также появился некоторый выбор места проживания, что позволило если не всем, то хотя бы некоторым рабочим найти для себя более приличное жилье. Официально сократившийся рабочий день оставлял чуть больше времени и сил для ежедневных поездок. Впрочем, укороченные часы работы и более продолжительное время поездки обычно уравновешивали друг друга, так что в итоге многие викторианцы, увы, проводили дома с семьей так же мало времени, как и раньше.

Многие рабочие по-прежнему имели слишком низкие или слишком нерегулярные заработки, чтобы воспользоваться транспортом, но даже те, кто мог и позволял себе поездки, в дороге обычно страдали от тесноты и холода. Жалобы на толчею в поездах и на платформах, на очереди в билетные кассы, завышенные цены, отмены и задержки поездов звучали постоянно.

Билеты нужно было покупать в день поездки, и они были действительны только для поездов одной железнодорожной компании. Любому желающему пересесть по дороге на другой поезд приходилось покупать новый билет на каждой пересадке. Самым удобным местом в вагоне считалось расположенное в углу, вперед спиной по ходу поезда. В этом положении вам в лицо попадало меньше всего пепла и дыма, кроме того, во время движения здесь не так сильно ощущались толчки и тряска. Многим пассажирам во время ежедневных поездок на работу приходилось стоять от начала до конца пути. Переполненные вагоны приносили железнодорожной компании гораздо больше прибыли, и владельцы не видели финансовых причин увеличивать их количество.

Эти спартанские тенденции нашли отражение и в обустройстве железнодорожных станций, где поначалу не было даже самых простых удобств — навесов от дождя, фонарей или знаков, сообщающих о направлении, в котором движутся поезда. В обязанности носильщиков входило как можно громче и отчетливее объявлять о прибытии поезда, его пункте назначения и остановках. Кроме того, носильщики должны были выкрикивать название станции, к которой подходил поезд. Долгие годы никому не приходило в голову, что можно завести на платформе такую простую вещь, как указатель с названием станции. И неудивительно, что за шумом двигателя и хлопаньем

дверей человеческий голос, сообщающий эту крайне важную информацию, мог легко затеряться.

Со временем ситуация на железных дорогах начала улучшаться. Было построено больше линий и запущено больше поездов, так что в 1880 году в Британии было в четыре раза больше железнодорожных станций, чем сегодня. Множество небольших городских и пригородных станций давали рабочим возможность добраться до крупных производственных центров — железные дороги обслуживали и одновременно делали более привлекательными огромные новые жилые зоны. Поначалу новые районы были ориентированы в основном на обеспеченных рабочих, и это отражала цена билетов. Но в конце века стоимость проезда упала, и рабочие пригороды выросли. Цена билета имела принципиальное значение — даже самое незначительное повышение тарифов заставляло многих рабочих отказываться от поездок по железной дороге. В более развитых городских районах количество пассажиров трамваев и омнибусов заметно возрастало, когда железные дороги поднимали плату за проезд на полпенса.

В 1870-х и 1880-х годах освещение на станциях обеспечивали газовые фонари «рыбий хвост» (пламя в них действительно формой напоминало рыбий хвост). Поначалу они были очень тусклыми, но все же это было лучше, чем полная темнота. В 1890-х годах их постепенно сменили электрические фонари. Многие люди впервые познакомились с электрическим освещением и ватерклозетом на ближайшей железнодорожной станции задолго до того, как эти удобства появились у них дома. The English Illustrated Magazine оставил живое описание станции 1890-х годов, позволяющее прочувствовать настроение того времени: «Стоя ночью под мостом, в том месте, где заканчиваются ступеньки, спу-

скающиеся от станции Бишоп-роуд, вы смотрите вдаль, и вашим глазам открывается в высшей степени впечатляющий и необыкновенный вид. Высоко в воздухе мерцают два огромных электрических огня, венчающие две призрачные пирамиды света, вокруг них клубится пар проходящих мимо поездов, а внизу в темноте то и дело со свистом проносятся и расплываются бесчисленные цветные огни».

ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОЗДУХА

Выйдя на улицу, чтобы отправиться в путь — пешком, поездом, трамваем или омнибусом, — рабочий вступал в бой с атмосферой. Сегодня мы воспринимаем как должное относительную чистоту воздуха, которым дышим, но викторианская Британия страдала от колоссального загрязнения. Миллионы домашних угольных жаровен, фабричные трубы и проходящие мимо паровые локомотивы загрязняли воздух дымом и сажей. Огромное количество промышленных предприятий выбрасывало в атмосферу множество химических веществ, большинство из которых отличалось высокой токсичностью. Особенно плохо дела обстояли в гончарных поселках Стаффордшира, где воздух, насыщенный выбросами обжиговых печей, приобретал отчетливый коричнево-жёлтый оттенок. Вдобавок этот воздух был очень едким — в сырую туманную погоду люди жаловались, что от него щиплет изнутри рот и нос. Продолжительность жизни в таких местах была заметно короче, чем в других районах.

Не меньше проблем создавали лондонские густые туманы, получившие название «гороховый суп». С годами угольных жаровен в городе становилось все больше и положение постепенно ухудшалось. В каком-то смысле люди

воспринимали туман как должное: таков уж Лондон, и нет смысла поднимать из-за этого лишний шум. Но туман был вовсе не безобиден. Лондон расположен на естественной низменности, и при определенных погодных условиях над ним возникает нечто вроде атмосферной крышки, под которой накапливается городской воздух и дым. Не имея возможности рассеиваться, воздух становится все плотнее, и концентрация загрязняющих веществ возрастает. В худшие дни можно было протянуть перед собой руку и не увидеть собственных пальцев. О том, что навстречу кто-то идет, вы догадывались по звуку — прохожие кашляли на ходу. Посыльному приходилось звать на помощь мальчика-проводника, который шел вдоль бордюра, держа одной рукой поводья лошади, и на каждом шагу стучал о бордюр ногой, невидимой в тумане. Добравшись до перекрестка, они замедляли ход, пока мальчик соображал, куда идти дальше, и искал бордюр на другой стороне. На улицах ориентировались похожим образом — подсчитывая перекрестки или фонарные столбы. Весь город тащился, едва переставляя ноги. Выходя на улицу, люди закрывали рот и нос шарфом — кроме этого незамысловатого фильтра они мало чем могли себе помочь. Несмотря на советы медиков, предупреждавших, что людям со слабой грудью в такое время следует оставаться в помещении, большинству все же приходилось выходить из дома, чтобы по мере сил заработать себе на жизнь. Уличные воры и грабители могли действовать почти безнаказанно: они бесследно исчезали буквально в паре шагов от места преступления — это было еще одной опасностью смога.

Несмотря на размах проблемы, смог и способы борьбы с ним почти не привлекали внимания широкой публики. Судя по всему, общественность, в том числе медицинские круги, воспринимали загрязнение воздуха как одно из

неизбежных явлений жизни. С этим ничего нельзя было поделать, разве что уехать из города — что, впрочем, не всегда могли себе позволить даже богатые люди. Нередко в книгах о садоводстве можно было отыскать больше сведений о влиянии смога на жизнь в городах (в частности, в Лондоне), чем в сборниках оздоровительных советов. Это объяснялось тем, что из-за сильнейшего загрязнения воздуха огромное количество растений в Лондоне просто не выживало. Всякий раз, когда устанавливалась сырая погода или шел дождь, вода смешивалась с витающими в воздухе загрязнениями, создавая вредные соединения, в том числе серную кислоту. Другие загрязнения оседали на растения, а также почву и людей прямо из воздуха. Выдержать этот токсичный коктейль могла лишь горстка самых выносливых видов. Главной задачей лондонских садовников был поиск видов, способных развиваться в таких условиях. До сих пор в лондонской растительной жизни доминируют платановые деревья и рододендроны — наследие тогдашней полубесплодной эпохи. Чуть дальше в пригородах дела обстояли уже не так плохо — там прекрасно чувствовали себя розы, поскольку кислотный дождь убивал грибковые заболевания, поражавшие их в других местах.

Людям приходилось проводить всю свою жизнь там, где не выдерживали даже растения. Респираторные заболевания были неотлучными спутниками викторианской жизни: плохое качество воздуха усугубляло такие болезни, как туберкулез (уносивший сотни тысяч человеческих жизней, пока в XX веке не появились антибиотики), пневмония, бронхит и астма. Даже в ясный день в воздухе иногда плавали хлопья сажи, похожие на черный снег, — они оседали на всех поверхностях, оставляли липкий, жирный слой на волосах и одежде, на стенах зданий и листьях растений, а если в доме были открыты окна, то и внутри

комнат. В жилых домах свою порцию сажи производили кухонные очаги и камины, но в городах и поселках воздух снаружи был даже плотнее, чем внутри.

ЗДОРОВЬЕ И БЕЗОПАСНОСТЬ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Добравшись до работы, вы сталкивались с целым рядом новых опасностей. Викторианское рабочее место отнюдь не отличалось здоровой обстановкой или безопасностью — и это одинаково касалось как тех, кто работал в поле, так и тех, кто не разгибался над прядильной машиной на одной из фабрик Ланкашира или драил полы в господской усадьбе. Открытый огонь и незащищенные механизмы были обычным явлением, воздух наполняли дым, испарения и пыль различной степени вредности. Лошади шарахались, переворачивая телеги, экипажи и механические устройства, ядовитые вещества использовали повсеместно, переноска неподъемных тяжестей считалась нормой, а защитные каски еще не вошли в повседневный обиход. Джеймс Брэди, вспоминая о безвременной кончине своего отца, жившего в Викторианскую эпоху, замечал: «В те дни никому как будто не было до этого дела».

К смертям и травмам на работе относились в основном с фатализмом. Несчастные случаи просто имели место, и, хотя это было печально и часто трагично для тех, кого они касались непосредственно, с этим приходилось мириться. Работа, которую признавали опасной, могла принести некоторую финансовую выгоду, хотя и была связана с повышенным риском. Горное дело было особенно ненадежным занятием, что непосредственно отражалось на средней заработной плате. Уровень жизни в шахтерских общинах, например в долинах Южного Уэльса, на уголь-

ных месторождениях Ноттингемшира или в поселках графства Дарем, был заметно выше, чем в общинах сельских или фабричных рабочих — до тех пор, пока там была работа. Был ли на самом деле у мужчин, женщин и детей выбор между более и менее опасной работой, часто зависело от семейных обстоятельств. Необходимость кормить лишний рот, оплачивать счета от врача или поддерживать родственника, который не мог найти работу, заставляла людей действовать вопреки своим желаниям. Даже с учетом тогдашних менее развитых медицинских представлений было широко известно, что некоторые виды работы опаснее остальных. На железных дорогах чаще всего погибали сцепщики, которые соединяли и отцепляли грузовые вагоны. Требование увеличить скорость работы приводило к тому, что они проскакивали прямо между движущимися вагонами, на ходу соединяя и разъединяя тяжелые замки — это называлось «сцепка на лету». За такую работу платили немного, но она была регулярной, в отличие от большинства эпизодических и сезонных работ, для многих служивших единственной альтернативой.

Смертельную опасность представляла пыль, которую выбрасывали в атмосферу прядильные и ткацкие станки. Работа на ткацких мануфактурах провоцировала респираторные заболевания. Прямая связь между пылью и ухудшением здоровья рабочих не вызывала сомнений, и наиболее сострадательные и нравственные владельцы фабрик пытались обеспечить на производстве вентиляцию. К сожалению, для того чтобы прясть и ткать хлопок, необходима теплая и влажная среда, а значит, большинство владельцев держало окна цехов закрытыми. Кроме того, установка вентиляторов и вентиляционных шахт обходилась дорого, и многим компаниям это было не по карману, даже если у руководства и возникало такое желание. В романе Элизабет Гаскелл «Север и Юг», опубликован-

ном в 1855 году, изображена молодая женщина, с трудом делающая последние вдохи легкими, забитыми хлопковой пылью. Когда у нее появились первые симптомы, она вместе со своей семьей пыталась перейти на фабрику с улучшенной вентиляцией. Но было уже слишком поздно. О том, что такая работа опасна, в викторианский период хорошо знали и широко обсуждали.

То, что работа, особенно работа, которую выполняли самые бедные люди, наносит большой ущерб здоровью, считалось почти в порядке вещей. Многие из тех, кто писал о своей жизни, упоминают о травмах на рабочем месте почти небрежно — они огорчали, но в целом считались неизбежными. Отец Джеймса Брэди в молодости работал в литейной мастерской и изготавливал железные скобы, которыми подбивали подошвы деревянных башмаков для рабочих. Его сын, рассказывая о том, как наблюдал за умелой работой отца, упоминает, что каждый рабочий день заканчивался одинаковым ритуалом: «Он смазывал тонким слоем целебной мази обожженные ладони и руки и, готовый идти домой, опускал закатанные рукава рубашки». Кейт Тейлор получала ожоги из-за того, что хозяйка пыталась закалить ее для дальнейшей трудовой жизни. Кейт было 13 лет, она работала помощницей в маслобойне на ферме. Кейт вспоминала о хозяйке так: «Если она замечала, что я вздрагиваю, когда вынимаю простерилизованную посуду из кипящей воды, она совала мою руку целиком в воду, говоря, что только так можно к этому приучиться». У многих женщин зрение было испорчено долгими часами шитья и другой мелкой работы при очень плохом освещении. Особенно пагубным воздействием на зрение славилась штамповка игольных ушек. Каждый подготовленный отрезок проволоки следовало аккуратно выровнять вручную и нанести удар точно по центру иглы. Викторианские швейные иглы были примерно в два раза

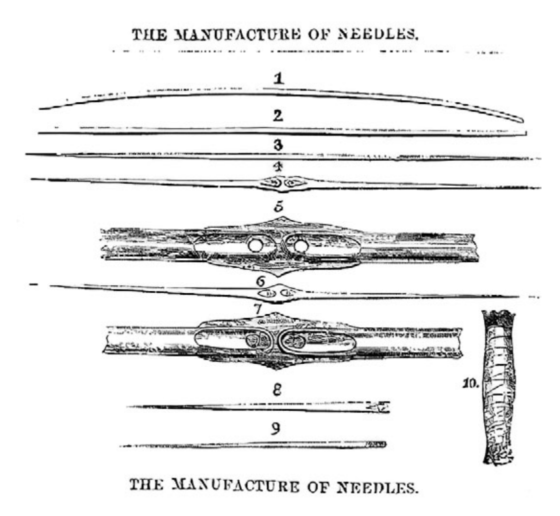

Рис. 64. Производство игл, 1853 г.

тоньше современных — иголка диаметром 0,25 мм даже не считалась особенно тонкой. Я сама, имея почти стопроцентное зрение, едва могу разглядеть ушко такой иголки, не говоря уже о том, чтобы направить удар, который разделит ее идеально пополам.

В Ноттингемшире зрение молодой женщины, скорее всего, было бы испорчено на кружевном производстве. Машинное кружево нуждалось в ручной доработке — начиная с того, что приходилось исправлять мелкие разрывы, дырочки и пропущенные в процессе производства петли, и заканчивая добавлением элементов, с которыми не могла справиться машина. Ежедневные 12—14 часов такой работы при плохом освещении непоправимо портили зрение. Те, кто стоял за станками, нередко страдали глухотой. У ткачей, работающих на механических станках ткацко-прядильных мануфактур, слух почти неизменно снижался к 30 с лишним годам. В городах, где было много работы такого рода, возникла форма безмолвной речи с подчеркну-

той артикуляцией, облегчающей чтение по губам. Работа в литейной мастерской, кузнице и на металлургическом производстве тоже способствовала потере слуха. Если человек постоянно говорил громким голосом, это почти наверняка означало, что он плохо слышит.

Условия труда в сельской местности были ненамного лучше. Работа под открытым небом при любой погоде могла быть не менее изнурительной, чем работа на фабрике, — особенно для детей. Джордж Мокфорд вспоминал, что его «ноги и руки покрывались цыпками, которые вскоре превращались в открытые раны». Но работу нужно было продолжать — что касается Джорджа, он должен был выгружать репу из зимнего хранилища под огромной насыпью из земли и соломы. Пневмония, бронхит и артрит следовали по пятам за сельскими рабочими на протяжении всей жизни.

Несчастные случаи происходили повсюду: ассенизационные повозки переворачивались и погребали под собой людей, топоры соскальзывали, грузы срывались, молотильные машины, отделявшие зерна от стеблей, калечили и убивали. Механические молоты, печи для обжига становились причиной переломов, удушья и ожогов. Очень опасной была работа в литейных мастерских в промышленных центрах. Люди тонули, запутавшись в рыболовных сетях, и падали за борт во время кораблекрушений. Под землей случались обвалы и взрывы. Викторианские механизмы были массивными и тяжелыми, а их режущие части, заборники и воронки были открыты. Они часто заедали — для бесперебойной работы им нужно было постоянное внимание, поэтому людям приходилось быстро проникать туда, орудуя между движущимися частями, смазывать здесь, очищать от пыли и грязи там, регулировать винты и рычаги. Устройства на водяной или паровой тяге было невозможно быстро остановить, а те, в которых за-

прягали лошадей, могли выйти из строя из-за того, что животные испугались. Разумеется, механизмы не были изначально предназначены для того, чтобы причинять вред или убивать, и, если число потерь среди обслуживающего персонала становилось слишком велико, их эксплуатация становилась неэкономичной. Но представления о том, какое число потерь следует считать слишком высоким, нередко менялось под влиянием экономической необходимости и человеческой алчности.

По большому счету здоровый и крепкий, здравомыслящий взрослый человек может управлять викторианской техникой без особых проблем. У меня была возможность поработать с некоторыми видами викторианских механизмов и устройств, и в целом все они работали очень хорошо, хотя мне довелось пережить и несколько опасных ситуаций. Однажды я перевозила в запряженной лошадью повозке с опрокидывающимся кузовом чуть больше тонны угля. Когда я поворачивала в переулке, со стороны вала выскочил кролик. Лошадь — пусть она останется безымянной — слегка дернулась вправо, в результате колесо попало в большую выбоину, и меня выбросило с повозки прямо под колеса. Мне едва удалось откатиться в сторону, иначе повозка вместе с тонной угля проехала бы прямо по мне. Примерно через год я видела своими глазами, как еще одна лошадь понесла во время вспашки пастбища. Когда лошадь развернулась и бросилась бежать, плуг вырвался из рук моего коллеги, оторвался от земли и просвистел в воздухе на высоте его головы. Коллега успел отпрыгнуть в сторону и, к счастью, никто не пострадал, а лошадь быстро успокоилась. Так же страшно выглядел потерявший управление паровой каток, который я видела несколько лет назад, — люди в ужасе разбегались перед ним в разные стороны, а он успел раздавить несколько барьеров и столов для пикника, прежде чем наконец оста-

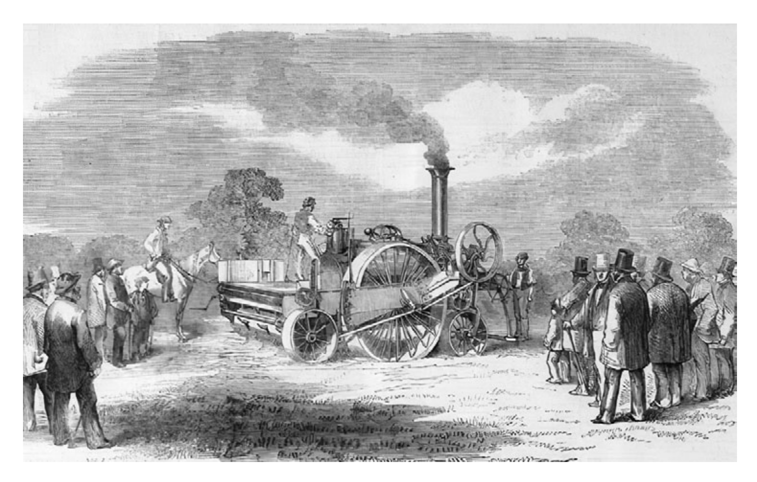

Рис. 65. Сельскохозяйственная техника: одна из первых жаток-сноповязалок, 1857 г.

новился. Признавая опасность современного транспорта, легко забыть, что транспортные средства и двигательные устройства Викторианской эпохи были куда опаснее, чем их современные эквиваленты, которые намного лучше слушаются человека.

Но угрозу для здоровья и безопасности представляли не только лошади и паровые машины. Еще одному моему коллеге во время работы в кузнице в глазное яблоко дважды попадали металлические щепки. Кроме этого, он сломал несколько пальцев, когда ловил овец и переносил тяжелое оборудование. Частью повседневной жизни многих домашних хозяек были едкие и токсичные вещества — я сама неоднократно радовалась тому, что под рукой оказалось достаточно воды, чтобы быстро избавиться от едких брызг и потеков. Более того, однажды я подожгла себя, когда работала перед кухонной жаровней. Из-за многочисленных юбок я оставалась в полном неведении о том, что горю, пока мне не указали. Я смогла довольно быстро сбить пламя с помощью остальных юбок, и ситуация раз-

решилась, не причинив большого вреда, за исключением того, что одежду пришлось штопать и накладывать на нее заплаты. Записи коронеров показывают, что загоревшаяся одежда становилась причиной гибели многих женщин.

Разница между несчастным случаем и настоящей трагедией нередко определялась тем, в каком состоянии человек находился во время происшествия. У большинства работающих викторианцев имелся богатый практический опыт, но вместе с тем далеко не все они были здоровыми, физически крепкими или хотя бы взрослыми. Сверхурочная работа и недостаточное питание могли ослабить бдительность и замедлить реакцию. Часто встречаются сообщения о том, что люди засыпали у своих станков. Даже сегодня количество несчастных случаев возрастает к концу смен. В викторианские времена долгие смены могли быть действительно очень долгими. Прачка, опрошенная в 1895 году одной из новых фабричных инспекторш, сообщила, что на этой неделе уже отработала без перерыва 42 часа. Законы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, изначально касались только детей и только в определенных отраслях, но со временем они распространились и на другие группы работников. В 1850 году рабочая неделя составляла в среднем около 60–65 часов, затем в 1870-х годах владельцы фабрик один за другим согласились еще больше сократить рабочее время. Тред-юнионы и другие профсоюзные организации долгое время безуспешно боролись за 10-часовой рабочий день, но в начале 1870-х годов их позиции усилились, и 54–56-часовая рабочая неделя стала стандартом для целого ряда отраслей. Многие работодатели, чтобы компенсировать сокращение рабочих часов, требовали выполнять производственные задачи быстрее и продуктивнее. Перерывы на обед сокращали, машины запускали на высокой скорости, больше внимания уделяли оптимизации процессов.

Дополнительный час вечером и свободная суббота после полудня были большим благом для многих работающих мужчин и юношей. Отец Альберта Гудвина, безусловно, считал именно так, когда говорил сыну: «Конечно, нужно было чем-то занять свободное время, ведь работа на фабрике шла только с семи утра до шести вечера, с перерывом в полчаса на завтрак и час на обед, и с семи утра до часу дня в субботу». Однако эти дополнительные часы досуга предназначались в основном для мужчин и мальчиков, поскольку действие законов и влияние профсоюзов, как правило, распространялось только в тех отраслях и на тех предприятиях, где рабочую силу традиционно составляли мужчины. Очень многие люди — в основном женщины, но не только они — работали на нерегламентированных предприятиях, где продолжительность рабочего дня могла резко меняться в зависимости от сезона или колебаний спроса в отрасли.

Лондонские швейные мастерские славились тем, что заставляли работниц трудиться несколько недель подряд по 20 часов в сутки — на пике социального сезона богатым дамам из светского общества требовалось множество нарядов, сшитых по самой последней моде, для череды балов и общественных мероприятий. Домашнее хозяйство, где в основном было занято большинство работающих женщин, не имело абсолютно никаких временных ограничений; работницы, которым платили за единицу готовой продукции, точно так же были вынуждены трудиться по многу часов подряд. Это не только повышало риск несчастных случаев, но и продлевало срок пребывания в нездоровой рабочей обстановке. Работница, восемь часов в день подвергавшаяся воздействию фосфора на спичечной фабрике, сильно рисковала, но все же находилась в лучшем положении, чем женщина, которая проводила на той же фабрике 18 часов в день. Опасность для здоровья представляло и просто переутомление. Кейт Тейлор не сомнева-

лась, что ее тринадцатилетняя сестра Марджери осталась бы жива, «если бы ей не пришлось работать не покладая рук на эту спесивую хозяйку магазина». Она с большой горечью фиксирует обстоятельства мучительной работы. Переутомление ослабляло иммунитет и не оставляло людям сил для борьбы с болезнями. В целом викторианцы придерживались принципа «от усердной работы еще никто не умер», однако многие из них на собственном опыте убедились, что это не так.

Кое-где предпринимали попытки не просто сократить рабочие часы, но и позаботиться о здоровье и безопасности работников. Некоторые работодатели стремились улучшить условия труда и следили за тем, чтобы в производственных помещениях было хорошее освещение и вентиляция, устанавливали ватерклозеты, обустраивали душевые, иногда открывали буфеты. В крайне редких случаях даже заводили детские сады для детей рабочих — например, в Лондоне на улице Блекинден в Северном Кенсингтоне ежедневно с восьми утра до десяти вечера присматривали за 25 детьми. Порт-Санлайт в районе Виррал и Борнвилл на окраине Бирмингема — образцовые рабочие поселки, построенные промышленниками специально для рабочих в соответствии с передовыми на тот момент рекомендациями в области здравоохранения. Нормы и требования на производстве и даже сама архитектура зданий были разработаны не только с целью повышения эффективности и прибыльности предприятия, но и с учетом безопасности и сохранения здоровья людей. В Борнвилле кроме обязательных гимнастических упражнений для работниц младше 18 лет были приняты правила соблюдения порядка в душевых и запрет на алкоголь. Там строго следили за чистотой окон и вентиляционных шахт и даже ограничивали вес переносимых тяжестей.

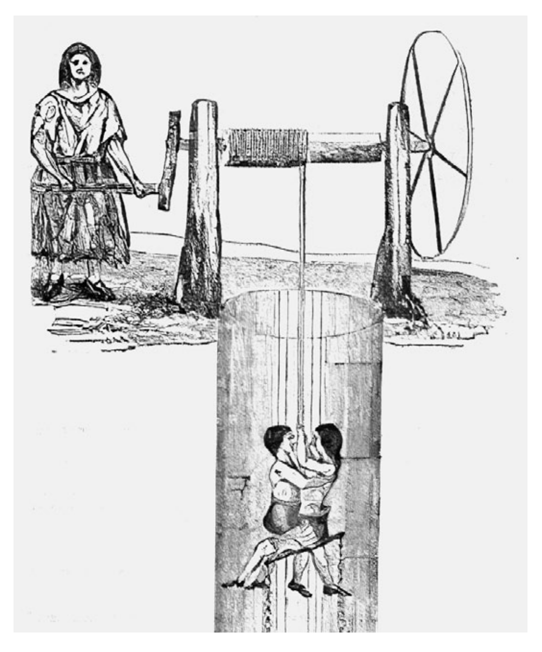

Рис. 66. Спуск детей в угольную шахту, 1842 г.

Но такие сознательные работодатели были, к сожалению, в меньшинстве. Однако сходный интерес, усердие и озабоченность проявляли многие состоятельные викторианцы, не владевшие фабриками, и постепенно под давлением общественности были приняты законы, заставившие работодателей обеспечить хотя бы минимальные меры охраны здоровья и безопасности работников. Еще до начала правления королевы Виктории существовали законы, регулировавшие эксплуатацию детского труда на текстильных мануфактурах. В 1838 году в результате ужасного наводнения на угольной шахте Хускар возле Барнсли погибло 26 детей, оказавшихся в ловушке под землей. Сразу после коронации королева Виктория в числе прочих распоряжений отдала приказ о расследовании этого инцидента. Составленный по итогам расследования отчет был

снабжен карандашными рисунками, на которых совсем маленькие дети открывали и закрывали заслонки шахт, а дети чуть постарше вытаскивали на поверхность ящики с углем. Отчет вызвал бурный общественный отклик, который привел не только к тому, что работу детей и женщин под землей законодательно ограничили, но и к тому, что были приняты более широкие меры безопасности для тех, кто продолжал работать в шахтах. Регламент безопасности постепенно распространялся из угольных шахт и текстильных мануфактур на другие предприятия, а законы учитывали все больше факторов риска. В 1844 году закон впервые потребовал устанавливать защиту на некоторые виды механизмов, в 1891 году эти правила были ужесточены. В 1862 году многих работодателей в законном порядке обязали обеспечить надлежащую вентиляцию для удаления пыли, вредных газов и других примесей, образующихся в процессе производства. Безопасность на шахтах тоже постепенно повышалась, и в 1855 году появился закон, требовавший огораживать все неиспользуемые шахты,

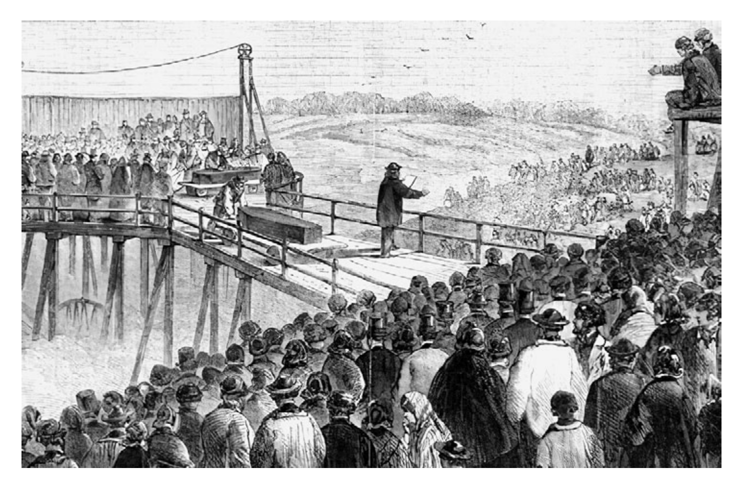

Рис. 67. Похороны после несчастного случая на угольной шахте, 1872 г.

устанавливать датчики и предохранительные клапаны на всех паровых двигателях и оснащать тормозами и индикаторами все подъемные механизмы. С 1872 года обязательным стало использование безопасных рудничных ламп, что снизило риск возникновения пожаров под землей. Таким образом, опасность викторианской трудовой жизни сама форсировала возникновение и развитие культуры охраны здоровья и безопасности на рабочем месте.

ДЕТСКИЙ ТРУД

Даже в конце столетия, когда образование стало обязательным и бесплатным для всех, множество викторианских детей тратило на работу гораздо больше времени, чем на учебу. Дети работали во всех областях сельского хозяйства, горного дела, промышленного производства и бытового обслуживания — очень немногие профессиональные области оставались для них закрытыми. Большинство занималось так называемой детской работой, но некоторые брали на себя и взрослые роли. Те, кто был занят неполный рабочий день, могли посвящать часть своего времени учебе: работа, которая требовала внимания только по вечерам или рано утром, позволяла посещать школу. Однако многие дети, помимо прочего, выполняли большое количество работы по дому и присматривали за младшими братьями и сестрами.

Случалось, что дети начинали полноценную трудовую деятельность уже с пяти лет, а позволить себе роскошь не наниматься на работу могли очень немногие викторианские дети старше 12 лет. Во многих семьях, относящих себя к среднему классу, сыновья начинали работать с полной занятостью вскоре после того, как им исполнялось 12 лет, хотя чаще это была работа в какой-нибудь конторе,

а не под открытым небом. Мальчик-посыльный Викторианской эпохи был *действительно* мальчиком. Он наполнял чернильницы, приносил уголь для жаровни, доставлял папки и передавал служебные записки, подметал полы и отправлял по почте письма.

В начале правления королевы Виктории ни законодательные акты, ни социальное давление почти не ограничивали детский труд. Закон о фабриках 1833 года запрещал трудоустройство лиц, не достигших девяти лет, и ограничивал рабочий день для детей в возрасте от 9 до 13 лет восемью часами, а для детей в возрасте от 14 до 18 лет — двенадцатью часами. Однако закон распространялся только на тех, кто работал на текстильных мануфактурах, а инспекция на производстве бывала редко. Штрафы для работодателей, нарушивших закон, тоже были незначительными. Публика в целом привыкла к детскому труду и воспринимала его как данность. Мало кто из викторианцев испытывал сомнения по поводу найма подростков или отправки собственных детей на работу. Первая волна промышленной революции создала новый спрос на детский труд в период повышенного экономического давления, когда несколько лишних пенсов в семейном бюджете могли обеспечить разницу между выживанием и голодом.

Первые машины, пришедшие на смену ручным прялкам и ручным ткацким станкам, представляли собой довольно грубые устройства, которым для бесперебойной работы требовалась помощь нескольких человек. Работа была несложной, однако приходилось постоянно ходить около станка взад и вперед, завязывая оборвавшиеся нити, вставляя карты в нужные места, убирая пух и загружая новые бобины — без этого весь мощный механизм вскоре засорялся и останавливался. Труд взрослых был довольно дорог, и его не хватало. Детский труд не только стоил дешево — это был почти не освоенный ресурс. Владельцы набирав-

ших обороты северных ткацких мануфактур вскоре обнаружили, что для обслуживания ткацких станков выгоднее привозить мальчиков и девочек с юга, в основном детей-сирот и обитателей работных домов. Но, даже если работа была несложной, она продолжалась по многу часов подряд и представляла немалую опасность для здоровья. Пыль, витавшая в воздухе ткацких мануфактур, достигала максимальной концентрации внизу, под станками — именно там, где сидели, сгорбившись, самые юные работники, ожидавшие, когда порвется очередная нить, и выметавшие из-под станка горы отходов. Дети занимали меньше места, что позволяло владельцам мануфактур ставить в цеха больше ткацких станков и другого оборудования, оставляя между ними минимум свободного пространства. При этом станки работали без перерывов, что грозило зазевавшимся детям и подросткам травмами или увечьями.

Ткацкие мануфактуры ненасытно поглощали детский труд, и именно здесь сторонний наблюдатель мог обнаружить максимальную концентрацию работающих детей. С 1835 по 1850 год половине всех работников британских ткацких мануфактур было меньше 18 лет. Этот наглядный факт привлекал такое внимание общественности, какого не привлекало ни одно другое производство, поэтому неудивительно, что первый закон, касающийся детского труда, был направлен именно на ткацко-прядильные фабрики.

Если сегодня вы хотите узнать, какой могла быть жизнь детей на ткацкой мануфактуре в начале XIX века, посетите Куорри Бэнк Милл в Стиале. Сейчас ею управляет Национальный фонд, и он сделал неплохую попытку представить производство, каким оно было в дни своей работы. Конечно, то, что вы увидите, будет чище, тише и безопаснее, чем реальность XIX века, — Национальный фонд, в конце концов, обязан заботиться о вашем здоровье и безопасности, — но мануфактура все же одно из лучших действующих

примеров тогдашних условий жизни рабочих. Фабрика в Стиале была одним из самых просвещенных и благополучных предприятий своего времени: обстановка и часы работы, школьное образование и качество жизни здесь находились на гораздо более высоком уровне, чем того требовал закон. Но, несмотря на эти прогрессивные новшества, повседневные реалии — ночи в общежитии и рабочие дни среди какофонии механизмов — все же оставались достаточно суровыми.

Дело было не только в том, что с распространением индустриализации появилось больше работы, подходящей для маленьких рук, но и в том, что семьям теперь сильнее нужны были деньги. Во многих отраслях традиционного производства появление новых машин снижало заработную плату взрослых рабочих. Так, великое множество ткачей, работавших на ручных ткацких станках, теперь было вынуждено конкурировать с ткацкими станками на водяной и паровой тяге. Заработки падали, семьям приходилось искать новые средства к существованию, и они все чаще призывали на помощь своих детей младшего возраста. Из-за голода, с одной стороны, и доступностью работы — с другой, детский труд стремительно набирал обороты.

Пожалуй, самая высокая концентрация работающих детей в одном месте наблюдалась на текстильных мануфактурах, однако большинство работающих детей в ранней викторианской Британии были заняты в сельском хозяйстве. В 1801 году 66 % населения Англии проживало в сельской местности. В 1851 году, когда численность населения удвоилась, в сельских общинах по-прежнему проживало 46 % населения. Даже в 1911 году, когда население снова увеличилось примерно вдвое, 21 % продолжал жить за пределами больших и маленьких городов. Эти семьи обычно занимались обработкой земли, и здесь хватало ра-

боты для детей практически любого возраста — они могли трудиться самостоятельно, получая отдельную плату, или помогать родителям, увеличивая выручку своих матерей и отцов. Спрос на детский труд особенно повышался во время сбора урожая, и традиционное расписание британских школьных каникул до сих пор отражает этот факт. Собирать срезанные колосья, вязать снопы, складывать их в копны, подбирать оставшиеся после первой уборки колосья и увозить урожай с поля — все это была работа для женщин и детей. Подобный труд требовался при уборке гороха и картофеля, хмеля и льна. Прополку полей по-прежнему выполняли в основном вручную, и маленькие руки были здесь эффективны и обходились недорого. Традиционной работой для мальчиков считалось отпугивание ворон и рубка дров, а также чистка конюшен, подметание дворов и обустройство навозных куч. Девочки обычно собирали срезанные колосья, связывали их в снопы, подбирали остатки урожая и помогали с дойкой. В каждом регионе страны детскими считались свои виды сельскохозяйственных работ — от выпаса овец до обдирания коры с ивовых прутьев, из которых потом плели корзины. Мальчиков и девочек, которые не получали платы, но помогали своим родителям сводить концы с концами, также отправляли собирать хворост, рубить дрова, носить воду, собирать с живых изгородей плоды (для людей и для животных), работать в огороде или на земельном участке. Кроме того, мальчики и девочки помогали в домашнем хозяйстве и ухаживали за младшими детьми.

Отпугивание ворон нередко становилось первой работой сельского мальчика. Уильяму Арнольду было шесть лет и два месяца, когда его впервые отправили на поле. Это было в конце февраля или в начале марта. «Я не думаю, что когда-нибудь забуду эти длинные и голодные дни», — написал он в своих воспоминаниях. Он должен

был в одиночестве стоять целый день под открытым небом, набрав кучу мелких камней, чтобы бросать их в птиц, которые садились на поле и пытались выклевать семена, посеянные в распаханную землю. Рабочий день начинался еще до рассвета и продолжался до заката, без перерыва, во время которого можно было бы на время уйти под крышу, и без всякой компании, посреди ледяного поля. Когда ростки проклюнулись сквозь землю, Арнольду поручили пасти овец. Во время сбора урожая он помогал родителям: жал ячмень и водил под уздцы лошадь, тащившую за собой повозку, от поля к амбару и обратно. Когда стало холодать, его назначили ответственным за 40 свиней, а в середине зимы он присоединился к бригаде пахарей.

Для Джозефа Эшби, родившегося в 1859 году, отпугивание ворон тоже стало первой работой, но он приступил к ней только в девять лет и трудился не целый день. Работать с полной занятостью на ферме он начал, когда ему исполнилось 11. Джордж Маллард, родившийся в 1835 году, в девять лет уже работал полный день — он пугал ворон, рубил дрова и копал картошку, и так, пока не вырос. Никто из этих детей, спустя годы написавших воспоминания, не думал, что в их трудовой деятельности было что-то необычное. Для многих сельских ребят эпизодическая и частичная занятость уступала место регулярной трудовой деятельности в возрасте примерно 12 лет, когда они на год переселялись из родных домов на фермы. Работа на ферме с постоянным проживанием в доме хозяина на условиях годового контракта постепенно исчезала на юге Англии, но на севере страны и в долинах Шотландии так жили почти все работающие сельские дети. Для некоторых это было отчаянно одинокое время, кроме того, обычным явлением было дурное обращение с детьми. Джесси Шервингтон, родившийся в 1840 году, вспоминал, что его регулярно били почти на каждой работе: «Я знаю,

о чем говорю, и я не думаю, что мне просто не везло с местом работы: дурное обращение с мальчиками, которые направляли лошадь во время пахоты, было общим правилом». Роджера Лэнгдона избивал пахарь, с которым ему пришлось провести пять лет — просьбы о помощи, обращенные к хозяину-фермеру и к собственным родителям, не принесли ничего, кроме повторных побоев от того же пахаря. Некоторые, наоборот, находили в семьях работодателей и среди товарищей по работе доброту и поддержку. Джордж Бикерс (возраст неизвестен) был нищим сиротой, учеником фермера. Приходская комиссия по надзору за бедняками заплатила небольшую сумму местному фермеру, чтобы тот научил мальчика своему ремеслу и тем самым избавил комиссию от необходимости опекать его. Можно было предположить, что одинокий и не имеющий друзей ребенок имел больше шансов столкнуться с жестокостью и дурным обращением, чем дети, за которых могла заступиться семья, но Бикерсу повезло — он получил от фермера не только хорошую трудовую подготовку, но и эмоциональную поддержку.

В центральных графствах и почти везде на юге Англии, где работа в фермерских хозяйствах осталась в прошлом, многие дети работали в бригадах. Бригады возглавляли лица, которые отыскивали работу для групп сельских рабочих и руководили ими. Направляя своих работников с одной фермы на другую, они снабжали фермеров неквалифицированной рабочей силой, необходимой для выращивания и уборки полевых культур. Дети выигрывали от совместной работы в составе группы и могли возвращаться домой почти каждую ночь, когда бригада находилась на незначительном расстоянии от дома, но жизнь бригадного рабочего не обходилась без трудностей. Начальники бригады задавали темп работы. Джозеф Белл вспоминал, как бригадир шел за мальчиками «со сложенной вдвое

провощенной веревкой, и горе тому мальчишке, который распрямлял спину раньше, чем доходил до конца поля».

Работать при любой погоде под открытым небом было нелегко, а если вспомнить о неподходящей одежде и скудном питании, то мальчику, который трудился в поле, нередко приходилось даже тяжелее, чем тому, который работал на фабрике.

Пока детский труд в сельском хозяйстве нимало не смущал общественность, а детей на текстильных мануфактурах едва начали защищать первые законы, основное внимание было приковано к угольным рудникам. В 1841 году Королевская комиссия по труду несовершеннолетних в шахтах и на производствах рассказала широкой общественности об условиях работы, которые все время ухудшались. Шахтеры получали оплату в зависимости от того, сколько угля доставляли на поверхность. Взрослому человеку было невыгодно отвлекаться от добычи угля и тащить его наверх или прерывать работу, чтобы убрать с дороги мешающие камни и сложить крепежные стойки. Стремясь заработать больше денег, мужчина звал на помощь жену и детей — они вывозили уголь из шахты и возвращались обратно, пока мужчина продолжал добычу. Под землей было жарко, и, как правило, очень влажно, и, поскольку никто не хотел портить свою немногочисленную хорошую одежду, люди работали в темноте в полураздетом виде. Самих шахтеров это не беспокоило, но общественность, узнав об этом, была скандализирована. Женщины и девушки могут подвергнуться домогательствам, нравы придут в упадок! Одними поруганными представлениями о женской стыдливости и хрупкости дело не ограничилось — до слуха публики дошли душераздирающие рассказы о самых юных работниках шахт. Стало известно, что дети в возрасте не более пяти лет сидят в полном одиночестве в темноте по 12 часов подряд просто для того, чтобы открывать и за-

крывать заслонки, проветривая шахту и пропуская тех, кто вытаскивал наверх уголь и возвращался обратно. В течение года был принят Закон о шахтах: он категорически запрещал работать под землей женщинам и девочкам, а также запрещал спускаться в шахты мальчикам в возрасте до девяти лет.

Конечно, ситуация изменилась не сразу. Организованные инспекции на шахтах стали проводить только с 1850 года. Тем более что принятый закон касался только угольных шахт — другие виды горного промысла были регламентированы не раньше 1860 года. Но в целом начиная с 1842 года из детей в викторианских шахтах работали преимущественно мальчики. Один мальчик, начавший работать под землей в возрасте девяти лет в 1849 году, оставил отчет о своей ранней трудовой жизни. Мы не знаем его имени, поскольку он называл себя «профсоюзным одиночкой». Сначала он исполнял обязанности помощника (харриера) при пожилом шахтере, который работал медленнее остальных. Помощник должен был работать в том же темпе, что и шахтер, расчищая рабочую зону по мере того, как шахтер вырубал (или выкапывал) материал. Медленно продвигающийся шахтер делал работу харриера вполне сносной. В следующем году, работая в паре с гораздо более сильным и быстрым мужчиной, мальчик был вынужден вытаскивать наверх по 22 партии угля в день — 450 м до поверхности и столько же обратно. «Мне, десятилетнему мальчишке, приходилось тогда трудновато», — сухо замечает он.

Эдвард Раймер также начал работать под землей в возрасте девяти лет. Он вспоминал, как в свою первую смену, сидя у заслонки в кромешной темноте, долго и горько плакал от страха. Фред Боутон писал: «На меня надевали ремень шириной около 15 сантиметров с отверстием, в которое я мог просунуть голову, затем цепляли за крюк лоток

или ящик с углем, и моя работа заключалась в том, чтобы тащить его за собой, отталкиваясь руками и пальцами ног. Я не мог встать во весь рост, потому что туннель в некоторых местах был высотой около метра. Единственный свет исходил от прилепленной сбоку свечи». О пагубном воздействии такой работы на детский организм без обиняков высказался в парламенте лорд Шефтсбери, процитировав слова молодого Роберта Норта: «Я спустился в шахту, когда мне было семь лет. Когда я тащил на себе обвязку с цепью, у меня лопалась кожа и текла кровь... Если мы жаловались, нас били. Иногда я таскал уголь до тех пор, пока мои ноги не начинали болеть так, что я не знал, что с собой делать».

Со временем минимальный возраст в регулируемых отраслях промышленности начал увеличиваться. В 1872 году минимальный возраст для мальчиков составлял 10 лет, и, пока им не исполнилось 12, им разрешалось работать только неполный рабочий день, при этом вторую половину дня должно было занимать обязательное обучение в школе. В 1878 году аналогичные ограничения были наложены на ряд мануфактур, где установили минимальный возраст 10 лет и неполный рабочий день для всех детей в возрасте от 10 до 14 лет. В 1891 году минимальный возраст вырос до 11 лет. К концу столетия дети обычно не начинали полноценно работать, пока им не исполнялось 11 или 12 лет, — так же, как это было 200 лет назад, в начале XVIII века, до того как ранняя индустриальная экспансия затянула в свои сети самых юных. Однако все это по-прежнему касалось только регулируемых отраслей промышленности — многие дети продолжали работать на предприятиях, на которые законодательство не распространялось. Если один работодатель отказывал вам, потому что вы были еще слишком молоды, оставалось много других, которые были вполне готовы взять на работу ре-

бенка. Кроме того, нередко дети и их родители считали, что им действительно нужна работа, независимо от возраста и ее условий (см. цветную илл. 16).

Мальчик-подросток мог зарабатывать вполне серьезные деньги. Приблизительно с 11 лет мальчикам случалось приносить домой больше денег, чем могли заработать их матери, а к 16—17 годам даже больше, чем могли заработать отцы. В Викторианскую эпоху работа женщин неизменно оплачивалась плохо. Даже там, где она не отличалась от мужской, женщины получали половину или две трети тех денег, которые платили их отцам, мужьям и братьям. Во многих случаях работа была организована таким образом, что мужчины и женщины выполняли слегка отличающиеся задачи, что позволяло оправдать неравную оплату труда, но в целом даже самые опытные и трудолюбивые девушки и женщины находились в крайне невыгодном финансовом положении. Замужним женщинам приходилось совмещать оплачиваемую работу с домашними делами, а у матерей к тому же были обязанности, связанные с рождением и воспитанием детей. Мать мальчика не могла уделять все свое время работе, которая в любом случае принесла бы ей две трети тех денег, которые зарабатывал ее муж. Нерегулярный режим загонял ее в ловушку плохо оплачиваемых женских работ, лишая возможности конкурировать даже с заработками дочери. Эти экономические факты обусловливали жизнь детей. До 11 лет детская заработная плата была настолько низкой (большую часть столетия она составляла два шиллинга в неделю), что мальчикам имело смысл ограничиться неполной и временной работой, уделяя больше внимания домашним делам и присмотру за младшими братьями и сестрами. Их помощь освобождала мать для оплачиваемого труда, который, по крайней мере, приносил больше денег, чем труд семилетнего или восьмилетнего мальчика. Но когда мальчику ис-

полнялось 11 или 12 лет, ему становилось выгоднее работать полный рабочий день. Если взрослый мужчина в то время приносил домой около 14–16 шиллингов в неделю, его одиннадцатилетний сын мог при удачном стечении обстоятельств заработать 6 шиллингов. В 15 лет юноша мог приносить домой от 10 до 12 шиллингов в неделю. Его мать брала на себя все его прежние обязанности по дому, отказываясь от собственной оплачиваемой работы. Эта стратегия приносила семье максимально возможный доход. Многие семьи рабочего класса зависели от заработков детей в той же мере, что и от заработка взрослых. Мальчики (которым платили намного лучше, чем девочкам того же возраста) были в семье работниками второго эшелона, и семья, в которой работали несколько сыновей, могла, в случае необходимости, обходиться без взрослого мужчины-кормильца.

Заработанные деньги мальчик почти всегда без исключения передавал матери, которая давала ему небольшую сумму на карманные расходы, а остальное использовала в интересах семьи. Зарабатывающий сын почти всегда улучшал рацион других детей в семье, и работающие подростки это прекрасно понимали. Почти все мужчины, писавшие о своем детстве, упоминали о чувстве гордости и удовлетворения, которое они испытывали, когда наконец могли вручить матери достойный заработок. Мальчики чувствовали себя мужчинами. Зарабатывая на пропитание и облегчая жизнь своих матерей, братьев и сестер, мальчики получали от семьи уважение, и их собственное питание улучшалось, поскольку теперь они, как и их отцы, занимали привилегированное положение. В работающих семьях по всей Британии первым и досыта всегда кормили добытчика. Любой случайно появившийся в доме кусочек мяса или рыбы доставался ему, самые большие порции и максимальное разнообразие пищи были его прерогати-

вой, поскольку его здоровье и выносливость имели первостепенное значение, если семья собиралась и дальше жить на деньги, которые он зарабатывает.

Таким образом, работа давала мальчикам и юношам статус, возможность получать больше еды и некоторое количество карманных денег. Но вместе с тем она приносила истощение и риск непоправимого увечья. В замкнутом круге из непосильной работы и нищеты одна из главных причин, почему мальчик в позднеподростковом возрасте мог зарабатывать больше своего отца, заключалась в том, что мужчина, достигший 40 лет, часто имел пошатнувшееся здоровье и был слишком измотан собственной трудовой жизнью, начатой в юном возрасте. Опасность излишней нагрузки на детский организм была хорошо известна, и законодатели и близкие взрослые в равной мере пытались защитить детей от непосильной работы. Мать Уилла Торна решила, что работа на кирпичном заводе для него слишком тяжела – она «медленно убивала его» и «делала горбатым». За эту работу хорошо платили, а семья очень нуждалась в деньгах, но работа сводилась, в сущности, к бесконечному подъему и переноске тяжестей. Молодые рабочие на кирпичном заводе должны были доставлять глину в цех, где изготавливали кирпичи, и перетаскивать кирпичи к печам для обжига и обратно. Весь груз они носили в корзинах и мешках, взваленных на спину, по неровной поверхности, выдерживая дым и обжигающий жар печей, насквозь мокрые от сочащейся на ходу из сырой глины влаги. Семья Торн решила перетерпеть несколько голодных лет, найдя для юного Уилла менее обременительную – но и менее прибыльную – работу.

8

Снова дома

НОЧНЫЕ ГОРШКИ

Большинство женщин и девушек в викторианской Британии начинали свою дневную работу с уборки ночных горшков и оставшихся с прошлой ночи отстойных ведер. Большинство мужчин пользовались возможностью уклониться от этого грязного дела.

Вплоть до XXI века ночные горшки были повседневной частью британской жизни. Хотя сегодня сама мысль о них может показаться нам неприятной, до появления домашних туалетов и электрического освещения горшки были неизбежной необходимостью викторианской жизни. Чаще всего встречались фаянсовые ночные горшки, покрытые глазурью изнутри и снаружи, простые и функциональные, или красиво расписанные. Были даже забавные горшки с изображением внутри животного или человека, в которое нужно было целиться, справляя нужду. В Средние века существовали горшки разных форм и размеров, предназначенные для мужчин и для женщин, но викторианские горшки отличались примечательным единообразием: это была приземистая

круглая посудина с широким ободком и ручкой сбоку. Для больных и прикованных к постели инвалидов существовал целый ряд емкостей в виде бутылок или «уток», устройство которых различалось в зависимости от пола использовавшего их человека.

Ночной горшок был одним из основных предметов домашнего обихода, его можно было найти даже у людей, не имевших почти никаких пожитков. Ночным горшком обзаводились даже те, кто не имел кровати, под которую его можно было поставить, и спал на куче тряпья. До того как в домах появилось электрическое освещение, людям приходилось пробираться через весь дом в кромешной темноте, чтобы выйти во двор или в сад и при свете звезд найти темную уборную — не самая простая и нередко даже опасная задача. Детям, пожилым и больным людям было еще труднее. Даже в конце века, когда у обеспеченных городских жителей появились домашние ватерклозеты, горшок был необходим. Все с детства привыкали к ночным горшкам и отлично знали, как ими пользоваться.

Несколько практических экспериментов быстро помогают осознать, как важно соблюдать правила пользования горшком. Вот мои советы:

- Всегда держите горшок в одном и том же месте, *под* предметом мебели или прямо у стены в углу спальни. Вы должны быть в состоянии без труда найти его в темноте, даже если ничего не видите или плохо соображаете спросонок. При этом очень важно не только найти горшок, но и не споткнуться об него — особенно об чужой, возможно, уже полный горшок.

- Заведите собственный горшок. Пользоваться горшком совместно с другими людьми опасно. Откуда вам знать, что общий горшок пуст? Общий горшок — это

потенциально полный горшок, и вы вряд ли обрадуетесь, обнаружив это в темноте, когда вам захочется облегчиться.

- Приспособьте для своего горшка крышку и используйте ее по назначению.

Разумеется, по утрам кто-то должен был опорожнять горшки. Их выливали в уборной и как можно скорее мыли, а затем ставили обратно на отведенное место. Флоренс Найтингейл настаивала на том, что горшки следует относить в уборную по одному и мыть на улице, но в большинстве домов их выливали в отстойное ведро, чтобы сократить количество походов на улицу и обратно. Как правило, это были обычные ведра, которые использовали для единственной цели, но встречались ведра особой модели, накрытые вогнутой крышкой с отверстием в центре диаметром около 7,5 см. Конструкция крышки не только обеспечивала защиту от брызг, но и не позволяла содержимому расплескиваться, когда ведро переносили из комнаты в комнату или от кровати к кровати, собирая отходы. Мисс Найтингейл возражала против этого способа: перемещение отходов одного больного к кровати другого противоречило всем ее гигиеническим представлениям.

В культовой книге о ведении домашнего хозяйства миссис Битон рекомендовала ежедневно опорожнять все ночные горшки сразу после того, как горничная подаст завтрак и распахнет окна в спальнях. Опорожнение ночных горшков было частью общего распорядка, в который входило также мытье кувшинов и тазов после утреннего умывания. Следует иметь в виду, что у здоровых людей содержимое ночного горшка обычно ограничивалось только мочой. Затем миссис Битон, избегая таких вуль-

гарных выражений, как «ночной горшок», деликатно описывала процесс их опорожнения в отстойное ведро: «Все содержимое следует слить в общее ведро, налить немного кипятка в те сосуды, которые этого требуют, и оставить их на минуту. Если этого недостаточно, в воду следует добавить каплю скипидара». Идеальная горничная должна была вылить, вымыть и высушить тазы и кувшины, которые использовали для утреннего мытья, а затем унести отстойное ведро, опорожнить его и тоже вымыть. Я достаточно поднаторела в выполнении этой работы. Прежде чем выливать в отстойное ведро содержимое ночного горшка, следует убедиться, что в ведре есть немного воды. Благодаря этому ведро меньше пачкается. После того как вы вынесете ведро в уборную, остается лишь вымыть само ведро — это куда более легкая работа.

В больших усадьбах и идущих в ногу со временем заведениях в конце столетия помои отправляли не в уборную, а в санитарную комнату, где имелся хороший сток и большой запас чистой воды для мытья. Превосходная санитарная комната есть в Лангайдрок-хаусе в Корнуолле. В доме, построенном в конце 1880-х годов по последнему слову викторианского дизайна, оборудовано несколько внутренних ватерклозетов, которые, впрочем, в то время избегали посещать по ночам, поскольку они находились в конце коридоров со спальнями. Из соображений удобства и деликатности члены семьи и гости продолжали пользоваться в своих спальнях ночными горшками. Санитарная комната в Лангайдрок-хаусе настоящее чудо — в ней есть несколько раковин особой конструкции с кранами и сливной бачок. В эту комнату можно было принести отстойное ведро, поднять решетку над сливом, выплеснуть содержимое ведра и потянуть за цепь бачка, чтобы быстро смыть отходы. Затем можно было опустить решетку обратно на сливное отверстие, поставить на нее ведро, ко-

торое оказывалось таким образом непосредственно под кранами, и без труда его отмыть.

Проводив всех добытчиков на работу и опорожнив все ночные горшки, хозяйка дома (вместе с прислугой, если она была) могла наконец позаботиться о нуждах младших членов семьи.

УХОД ЗА ДЕТЬМИ

Задолго до того, как взрослые привыкли мыть все тело водой, ежедневное мытье рекомендовали для малышей. В своей книге «Советы молодым мужчинам и (кстати) молодым женщинам» (Advice to Young Men and (Incidentally) to Young Women), написанной на заре викторианского периода, Уильям Коббетт настаивал на том, что купание младенцев — важная обязанность родителей. Вода в ванне, по словам более позднего автора, должна иметь температуру около 32 °С: «Если в доме нет термометра для ванны, няня может проверить температуру, погрузив голый локоть в воду и убедившись, что она не слишком горяча... Купать ребенка следует хотя бы раз в день».

По мере того как ребенок рос, ежедневную ванну постепенно делали прохладнее. Коббетт считал, что это укрепляет здоровье и позволяет ребенку стать сильнее. Впрочем, Коббетт признавал, что маленькие дети терпеть не могут мыться, и предлагал родителям громко петь во время купания, чтобы заглушить крики и постепенно приучить ребенка к происходящему.

Купание младенца приносило одинаковую пользу и в бедных, и в богатых семьях. Для этого годился любой таз, много воды не требовалось, а ребенок, которого ежедневно обмывали, испытывал меньше неудобств и меньше плакал. Чтобы добиться нужного результата,

Рис. 68. Купание малыша, 1859 г.

не обязательно было набирать полную ванну — в большинстве случаев было вполне достаточно поместить ребенка на одну-две минуты в воду глубиной около 3 см.

Кроме предполагаемой закалки организма, мытье было важно еще и потому, что помогало избежать опрелостей. Опрелости возникали очень быстро, разъедали кожу ребенка и делали его капризным. Невнимательность приводила к тому, что легкое раздражение превращалось в серьезную проблему, поскольку поврежденная кожа непосредственно контактировала с фекалиями и инфекцией. Лучшим способом предупредить неприятности была безупречная чистота, а для этого требовалось часто менять подгузники, тщательно вытирать младенца, ежедневно купать его и применять защитный крем (или крем под подгузник) — словом, использовать все те же способы ухода

за детьми, которыми мы пользуемся в наши дни. Разве что тогда подгузники делали из ткани и их приходилось стирать. В 1837 году подгузники делали из хлопка редкого переплетения или из тонких льняных салфеток (отсюда американское название подгузников *diapers* и британское *nappies*). Салфеточное полотно имело особое хорошо впитывающее плетение с рисунком из мелких ромбов на поверхности, и его использовали везде, где требовался легко стирающийся материал, которым можно было вытирать разнообразные жидкости. Махровая ткань для полотенец и подгузников вошла в обиход не раньше начала XX века. Салфетки для подгузников были большими — около 85 см^2, — их складывали несколькими способами в зависимости от возраста ребенка. Для новорожденных использовали один способ сложения, для ребенка, достигшего трех месяцев, — другой, для девятимесячного — третий. Разные способы сложения предназначались для мальчиков и девочек — самая толстая, и, следовательно, самая впитывающая часть подгузника располагалась в том месте, где ребенок каждого пола имел больше шансов его намочить. Чтобы подгузник держался на месте, его аккуратно закалывали обычными большими булавками, стараясь направить острие как можно дальше от тела ребенка. Однако изобретение в 1849 году безопасных английских булавок стало большим благом для всего младенческого населения. У разумной родительницы также имелось несколько чехлов для подгузников, дополнительно защищающих от протекания. Чехлы делали из материалов, дававших надежду если не на непромокаемость, то хотя бы на некоторую водостойкость. Для этой цели хорошо подходил лощеный хлопок плотного переплетения, отличавшийся, кроме того, относительной мягкостью. Некоторые матери пользовались клеенкой, которая лучше удерживала влагу, но она была не слишком удобной для ребенка.

Грязные подгузники нужно было стирать, поэтому ведро для подгузников занимало центральное место в большинстве домашних хозяйств, независимо от того, на какой социальной ступени они находились. Сначала грязный подгузник слегка прополаскивали в ночном горшке, чтобы избавиться от самых серьезных загрязнений, которые затем можно было вынести в уборную, потом подгузник замачивали в ведре с холодной водой. Чтобы ускорить процесс, в воду добавляли горсть соли или, ближе к концу столетия, дезинфицирующего средства. Ведро снова накрывали крышкой, чтобы не выпускать дурной запах. Когда приходило время стирать подгузники, грязную воду выливали, а подгузники прополаскивали. Замачивание в сочетании с полосканием удаляло приблизительно 95 % загрязнений и делало подгузник достаточно чистым, чтобы его можно было стирать обычным способом. Подгузники были среди первых предметов одежды, которые начали стирать посредством кипячения, поскольку еще до появления микробной теории люди ясно видели связь между фекалиями и болезнями. Миссис Битон, как и многие другие авторитеты того времени, рекомендовала выдерживать подгузники в активно кипящей воде в течение получаса.

В самых бедных семьях возня с подгузниками требовала слишком больших затрат. Не имея лишнего времени (каждый член семьи в возрасте старше 10 лет уже работал с полной занятостью) и крайне мало ресурсов, они ограничивались тем, что клали в колыбель кусок клеенки и горсть соломы или другого одноразового впитывающего материала. Затем голого ниже пояса ребенка укладывали прямо в колыбель. Это значительно сокращало количество необходимого ребенку белья и объемы стирки. Если в колыбели лежал хороший слой соломы, ребенок практически не соприкасался с загрязнениями и имел меньше шансов на появление опрелостей. Представителей сред-

него класса, посещавших такие дома, эта практика нередко шокировала, но у отчаянно бедных матерей, в сущности, не оставалось выбора. Кто стал бы покупать запасы подгузников, когда семье было почти нечего есть?

Большую часть столетия кремом под подгузник для богатых и бедных детей служило сало. Тонкий слой сала, нанесенный на чистую сухую кожу, становился барьером для мочи и предотвращал кожные раздражения. Богатая мать могла приготовить или купить ароматизированный крем, наподобие собственного крема для рук, хотя основным ингредиентом в любом случае в нем было простое сало. В лекарственные кремы обычно добавляли оксид цинка, но их не часто использовали для опрелостей. В богатых домах иногда пользовались еще одним усовершенствованным средством — подсушивающими присыпками после купания. Их делали из талька или крахмала, и они тоже напоминали туалетные средства, которыми пользовалась хозяйка дома. Правда, для младенцев обычно использовали средства без запаха.

Одежда младенцев

Вымыв ребенка, мать приступала к сложной процедуре его одевания. Несмотря на то что старый обычай пеленания новорожденных почти исчез к началу XIX века, детская одежда, если сравнивать ее с современными стандартами, по-прежнему оставалась многообразной и сложной.

Одним из пережитков пеленания, сохранившимся во всех слоях общества, была обвязка. Ее называли по-разному, в том числе бандаж, валик, повязка и т.п., но по сути это была простая полоса ткани, обычно около 90 см в длину и 10 см в ширину. Ткань обматывали вокруг грудной клетки и живота младенца. Большинство викторианских авторов рекомендовали брать для обвязки шерстяную фланелевую ткань, но некоторые сохранившиеся до

наших дней образцы сделаны из хлопка или льна, что говорит о том, что были и более дешевые разновидности. Это был самый первый предмет одежды ребенка, который оставался его нательным бельем в течение нескольких месяцев. Сразу после рождения ребенка обмывали, перевязывали пуповину, сверху клали небольшую ватную подушечку (или иногда монетку) и наматывали обвязку. Свободный конец обвязки закалывали булавкой или подшивали ниткой, чтобы он держался на месте. Некоторые матери, боясь, что ребенок уколется о булавку, пришивали к обвязке тесемки. Обычно обвязку наматывали вокруг новорожденного ребенка достаточно плотно, чтобы дать ему тепло и поддержку — старые представления о том, что дети рождаются с мягкими костями, все еще сохранялись. Кроме того, плотное обвязывание должно было помочь быстрому заживлению пупочной ранки и формированию выраженной пупочной впадины, что считалось тогда здоровым и красивым.

Одежда младенцев была на удивление бесклассовой и бесполой. Шахтеры и аристократы начинали жизнь в совершенно одинаковых нарядах. Можно предположить, что качество и цена тканей, из которых шили одежду для младенцев, сильно различались, но форма и фасон сохраняли почти универсальное единообразие.

Прочно закрепив обвязку, на младенца надевали подгузник, а сверху на него — отдельный более или менее непромокаемый чехол. Затем шла очередь распашонки. Распашонки для младенцев обыкновенно шили из самого мягкого хлопка или льна, который удавалось достать. Форма у распашонки была подчеркнуто простой, рукава цельнокроеные, швов избегали, ведь они натирали нежную кожу. В идеале, когда ребенок становился немного старше, он переходил на теплые фланелевые рубашечки, но для новорожденных они считались слишком грубыми.

Многие матери изготавливали детское белье собственными руками, однако в 1880-х годах в продаже были и готовые комплекты. Впрочем, почти полное отсутствие рекламы одежды для младенцев, в отличие от рекламы одежды и белья для детей старшего возраста, указывает на то, что это был не слишком популярный товар. Шитье приданого для ребенка оставалось одним из традиционных занятий во время беременности. К счастью, одежда для этого возраста не успевала прийти в негодность и могла послужить по очереди всем детям в семье. Много детской одежды передавали из одной семьи в другую, когда женщина чувствовала, что для нее с деторождением покончено. Это, безусловно, помогало облегчить бремя шитья.

Поскольку детскую одежду приходилось часто стирать, матери требовался большой запас чистых вещей. Авторы «Руководства по ведению домашнего хозяйства Касселла» полагали, что новорожденному достаточно иметь 12 руба-

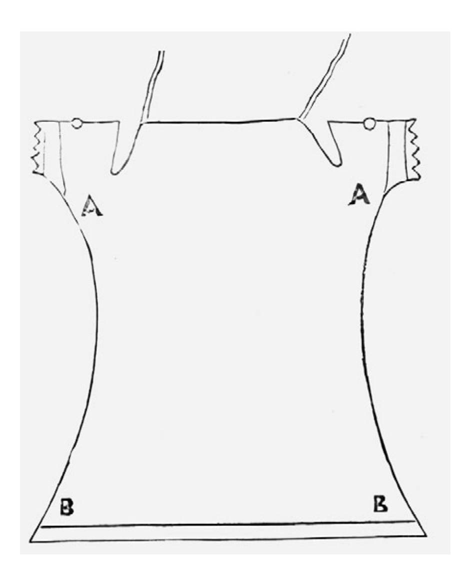

Рис. 69. Первый слой: распашонка для новорожденного ребенка

шек — шесть для дневного времени и шесть для ночного, а также 24 подгузника и четыре чехла для подгузников. Одна из причин, почему одежду для новорожденных так часто шили дома, заключалась в отличии ручных швов от машинных. Машинные швы считались слишком грубыми для младенцев, и шитье детского приданого наглядно демонстрировало мастерство викторианской матери — проложенные ее руками швы были мельче, ровнее и аккуратнее тех, которые делала машина.

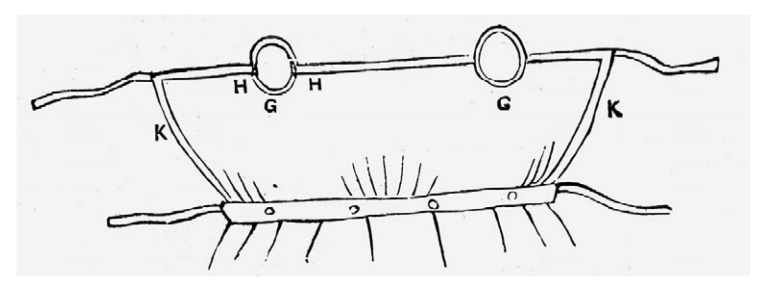

Рис. 70. Второй слой: барракот, который надевали поверх рубашки

Поверх рубашки надевали платьице (барракот, барроу или уиттл — название зависело от области) из теплой фланели. Лиф барракота представлял собой простую полосу ткани шириной около 13 см. Снизу к нему пришивали длинную юбку со складками на талии, чтобы придать ей пышность. Юбка была примерно на 15 см длиннее тела самого ребенка. Сверху к лифу пришивали хлопковые тесемки, служившие плечевыми лямками, еще несколько тесемок позволяли закрепить лиф на теле ребенка. У барракота не было рукавов, и на этой стадии одевания руки ребенка все еще оставались совершенно голыми. Однако удлиненная юбка обеспечивала тепло для ног и ступней. Барракот (как и рубашки) мог быть дневным и ночным, чтобы дети не оставались в одной и той же одежде слиш-

ком долго. Единственное различие заключалось в том, что дневной барракот иногда украшали отделкой. Простой покрой нижней рубашки позволял сделать на ней дополнительную складку и заправить ее под верхний край лифа, чтобы с шеей ребенка соприкасался не жесткий колючий фланелевый материал, а гладкий и мягкий хлопок.

Чтобы у младенца не мерзла голова, надевали чепчик — это было особенно важно до того времени, пока не вырастут волосы. Нижний чепчик носили в помещении и ночью, и днем, однако для выхода на улицу его было недостаточно. «Застудить голову» ребенку ничего не стоило, особенно учитывая холод и вечные сквозняки в викторианских домах. Самые заботливые матери выбирали для нижнего чепчика фланелевую ткань, которую к тому же весьма кстати рекомендовали в качестве профилактического средства от корочек на голове (жирный восковой секрет, который появляется у многих детей на волосистой части головы в течение первых нескольких месяцев жизни).

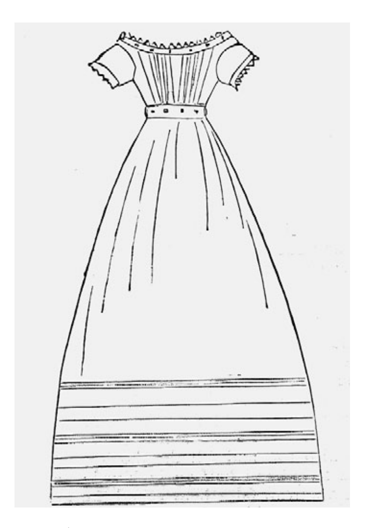

Рис. 71. Третий слой: петтикот

Когда все эти слои оказывались на своих местах, на малыша, наконец, надевали петтикот. Обычно петтикот шили из хлопка, предпочтительно из белого, хотя небеленый был дешевле. У этого предмета тоже не было рукавов, но была длинная, присборенная на талии юбка. Петтикот украшали отделкой чаще, чем барракот, поскольку его подол обычно оставался на виду, когда ребенок был полностью одет. Низ отделывали фестонами, кружевом и крошечными оборками, а верх чаще всего оставляли гладким, чтобы на нем хорошо сидел следующий, последний слой одежды.

Наконец сверху на рубашку, барракот и петтикот надевали платье. Для новорожденных детей его тоже шили из белого хлопка, часто очень тонкого и легкого, если семья могла себе это позволить. По форме оно почти не отличалось от петтикота, но обычно имело гораздо больше отделки и украшений. Детское платьице нередко сверху донизу было покрыто оборками, вышивкой и кружевами.

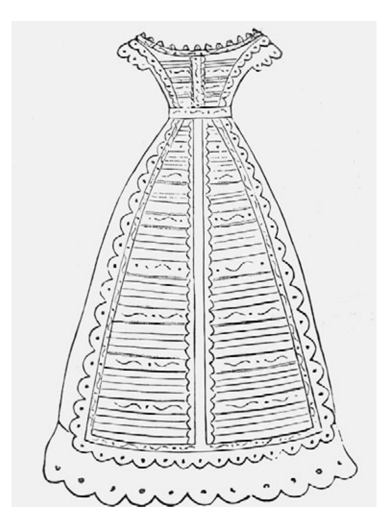

Рис. 72. Четвертый слой: платьице

У него был низкий вырез, рукавов не было. Таким образом, несмотря на многослойность одежды, викторианские младенцы представали перед миром с голыми руками и шеями и нередко имели на себе меньше теплой одежды, чем их родители, — из шерстяной ткани шили только барракот, все остальное было сделано из тонких и легких хлопковых тканей.

Вера в пользу пеленания сменилась опасениями по поводу излишнего укутывания и ограничения движения младенцев. Как это часто случается при развенчании издавна укоренившейся идеи или привычки, люди бросились в другую крайность. Стремясь убедить родителей отказаться от пеленания, публицисты XVIII века пропагандировали теорию закаливания, которое должно было укрепить детей и помочь им бороться с болезнями. Физические упражнения помогут сформировать здоровую мускулатуру, а природные стихии приучат детей спокойно переносить холод. Считалось, что холод способствует бодрости и общему укреплению организма.

В 1850 году увлечение родителей этими идеями уже вызывало тревогу у профессиональных медиков. Доктор Булл писал: «К сожалению, в обществе господствует мнение, будто хрупкий ребенок от природы обладает немалой способностью вырабатывать тепло и сопротивляться холоду, и эта широко распространенная ошибка не раз приводила к самым печальным последствиям». Он говорил о том, что современная детская одежда, обнажающая руки, плечи и шею, «губительна для здоровья» и способствует возникновению таких болезней, как круп и воспаление легких. Вместе с тем он решительно отмежевывался от старых традиций пеленания и не советовал излишне кутать ребенка. При этом он не только выражал обеспокоенность тем, что младенцев одевают слишком холодно, но и предостерегал против слишком жаркой одежды, поскольку это

ослабляло организм. Столь противоречивые сообщения сбивали с толку, но в целом, несмотря на выступления врачей, викторианских детей обычно оставляли дрожать от холода.

К счастью, хотя бы при выходе на улицу дети получали достаточную защиту от непогоды в виде накидки и второго чепчика. Накидку шили из шерстяной ткани, один длинный слой с запасом закрывал ноги, а второй, более короткий, доходил до колен. Таким образом, руки и все остальные части тела младенца были укрыты двумя слоями теплой шерстяной ткани. Некоторые матери снимали с ребенка накидку сразу же, как только входили с ним в помещение, но многие оставляли ее на ребенке, особенно когда по дому гулял январский холод. Накидка приносила в гардероб ребенка немного цвета — она могла быть кремового, серого или (очень редко) красного цвета. Викторианских маленьких мальчиков одевали во все белое, так же как викторианских девочек. Белый не только служил символом чистоты и невинности, он считался самым подходящим цветом для детей, поскольку на нем была сразу видна грязь. Это умозаключение может показаться странным человеку XXI века, однако здесь была своя логика: белый цвет помогал поддерживать чистоту, что, безусловно, имело огромное значение для здоровья ребенка.

С практической точки зрения белую одежду можно было сколько угодно стирать с мылом, энергично тереть и кипятить. Красители викторианского периода выдерживали определенное количество стирок, после чего линяли и выцветали. Цветная одежда на ребенке очень быстро пришла бы в негодность, что вынуждало родителей не слишком часто ее стирать. Что касается красного, этот цвет ассоциировался с красным одеяльцем, в которое веками было принято заворачивать спеленутого ребенка. Поэтому красный занимал особое место в сердцах

людей и считался самым подходящим цветом для уличной одежды ребенка. Розовому и голубому цвету еще только предстояло обрести привычную для нас культурную роль. Возможно, популярности красной фланелевой накидке добавило то, что она великолепно сочеталась с белыми платьицами малыша. И все же красный был не самым распространенным цветом — эта честь досталась кремовой шерсти. До наших дней дошло множество детских накидок кремового цвета, нередко с краями, обшитыми белой хлопковой или шелковой лентой.

После девяти месяцев

Примерно в девять месяцев одежда ребенка начинала меняться. Прежде всего менялась ее длина. Длинная одежда для новорожденных с большим запасом закрывала ноги — в 1840 году она могла быть на 90 см длиннее тела младенца. (К 1880-м годам она редко превышала рост ребенка больше чем на 30 см, однако его ноги все же были хорошо укутаны в несколько слоев ткани — барракот, петтикот и платьице.) Переход на короткую одежду примерно совпадал с периодом, когда ребенок учился сидеть, а затем ползать без посторонней помощи. Волочащаяся материя могла помешать младенцу, поэтому теперь ему требовалась одежда длиной до щиколоток. Матери обычно советовали не поддаваться соблазну просто укоротить подол имеющейся вещи, поскольку существовал вполне реальный шанс, что через год она пригодится еще одному новорожденному. В долгосрочной перспективе было намного экономнее оставить длинную одежду на потом и подготовить новый, более короткий комплект. Также в этом возрасте в одежде мальчиков и девочек появлялись первые отличия.

Вплоть до девятимесячного возраста единственная разница в одежде мальчиков и девочек заключалось в способе складывания подгузника, но с этого момента в сарториаль-

ном отношении оба пола постепенно начинали двигаться в разные стороны. Это был долгий процесс, состоявший из множества небольших изменений, которые в конечном итоге приводили к полному разделению костюма на мужской и женский. Современному человеку было бы трудно уловить эти различия. В девять месяцев они ограничивались лишь небольшим расклешением юбки и изменением стиля отделки — у мальчиков она была немного заметнее и чаще состояла из нашитых на одежду галунов, в то время как платьица девочек обычно украшали кружевом. Верхнее платье для обоих полов одинаково отделывали оборками и складками. В остальном гендерная дифференциация одежды в этом возрасте оставалась почти незаметной.

Когда детскую одежду укорачивали до щиколоток, ноги ребенка становились гораздо более открытыми, и именно в этом возрасте дети, независимо от пола, начинали носить носки и чулки. Можно было купить также обувь, но большинство родителей предпочитали этого не делать из опасения, что обувь деформирует растущую стопу (эти вполне обоснованные опасения продолжают существовать в некоторых кругах до сих пор).

Еще одной важной переменой в этот период был отказ от обвязки, на смену которой приходил детский лиф. Его тоже чаще всего шили дома, с виду он напоминал миниатюрный мягкий корсет, и его носили дети обоих полов. Из прочной ткани, холщовой или джинсовой, выкраивали две полосы шириной 13 см и длиной 56 см. По верхнему краю вырезали два неглубоких полумесяца — подмышечные проймы. Затем обе полосы сшивали друг с другом и прокладывали по всей длине ряд вертикальных швов, образующих кулиски, в которые затем продевали прочный шнур или веревку. Прочно закрепленные вертикальные шнуры делали лиф жестче — это была мягкая детская версия корсета из китового уса. Затем к лифу пришивали

тесемки, образующие плечевые лямки, и еще несколько тесемок, служивших завязками. Получившийся предмет одежды не был жестким и твердым — он был намного податливее, чем, например, обернутый вокруг туловища кусок картона. Его нельзя было затянуть туже, и с его помощью невозможно было регулировать талию ребенка, однако это был предмет одежды, гораздо более неудобный, чем те, к которым привыкли дети XXI века. Но, по мнению викторианцев, он давал ребенку необходимую поддержку.

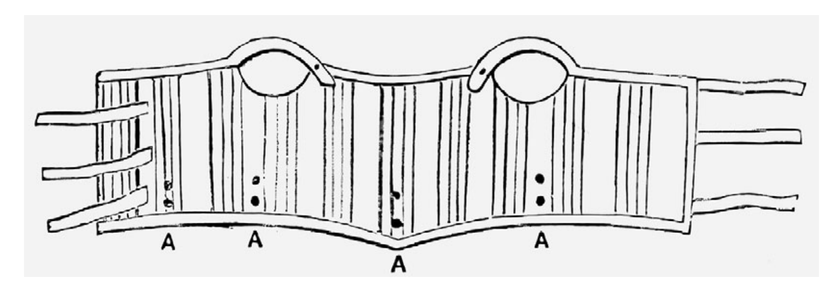

Рис. 73. Лиф для подросшего ребенка

В возрасте двух лет моя дочь весьма активно потребовала себе собственный корсет. Она успела привыкнуть к тому, что корсет ношу я, и хотела быть похожей на взрослых. Разумеется, я не горела желанием затягивать двухлетнюю девочку в настоящий корсет, поэтому сшила ей детский лиф. Она обожала его. Лиф совершенно точно не мешал ей двигаться — как ребенок, способный вполне ясно изложить свои соображения по любому вопросу, она сразу сообщила бы, если бы он доставлял ей дискомфорт. Наоборот, она носила его очень часто и даже ходила в нем в детский сад, хотя многие другие вещи — например, любая одежда с резинкой на талии — вызывали у нее протест. Но на детский лиф она никогда не жаловалась.

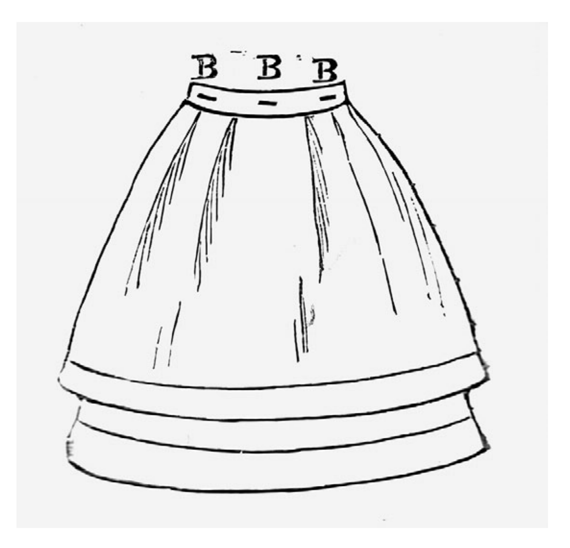

Рис. 74. Нижняя юбка поверх детского лифа

Как только ребенок начинал вставать, всю одежду длиной до щиколотки быстро подшивали, убирая лишнюю длину в ряды горизонтальных складок и поднимая подол, чтобы малыш не спотыкался. По мере того как он становился более уверенным и независимым, подол поднимался все выше и в конце концов останавливался немного ниже колен. Теперь можно было не беспокоиться, что бегающий по всему дому ребенок запутается в платьице. Однако при этом малыш делался менее защищенным, так что короткие юбки дополняли новой вещью — длинными панталонами. Это были простые тонкие хлопковые штаны длиной до щиколотки, больше всего похожие на современные пижамные штаны. Панталоны определяли внешний вид малыша в начале и середине XIX века: все дети носили платья с коротким рукавом и длиной чуть ниже колена, а из-под платья выглядывали хлопковые панталоны. И мальчики, и девочки ходили с непокрытой головой — чепчики исчезали из гардероба примерно в то

время, когда ребенок начинал ходить. Копна вьющихся волос обеспечивала нужное для головы тепло и (что, возможно, было важнее) придавала ребенку очень милый вид. Назвав малыша прелестным, вы делали комплимент, даже если речь шла о мальчике, — все соглашались, что малыши должны быть очаровательными, их задача — радовать родительские глаза и сердца.

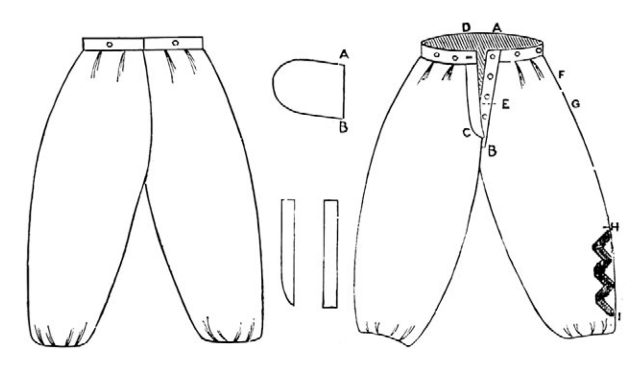

Рис. 75. Панталоны, закрывающие ноги

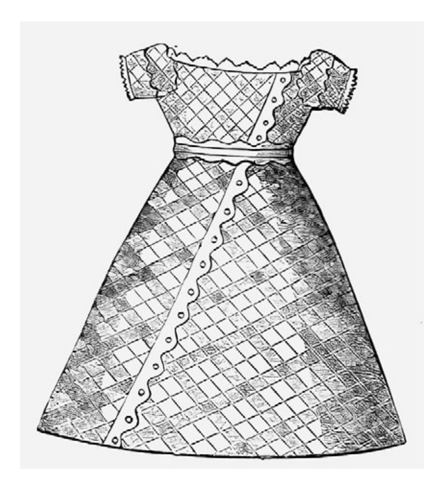

Рис. 76. Платье, завершающее наряд

Немногочисленным младенцам, появившимся на свет в стенах тюрьмы, выдавали комплект одежды, удивительно похожий на тот, который рекомендовали завести для новорожденного родителям из среднего класса. В него входили фланелевая обвязка, легкий чепчик, распашонка и подгузники, а также фланелевый петтикот, байковое платьице и даже верхнее платье и шаль из байки и ситца. Байка, в отличие от фланели, была не шерстяной тканью, а толстой хлопковой, с мягким начесом. Она была теплее, чем простые хлопковые ткани, которые считали подходящими для детской одежды в среднем классе, но не такой теплой, как настоящая фланель. Так или иначе, ребенок, родившийся в тюрьме, в результате оказывался одетым теплее многих своих собратьев из других социальных классов (хотя можно предположить, что его одежда была совершенно лишена рюшей, оборок, вышивки и кружева).

В одежде ребенка из рабочего класса, растущего не в стенах казенного дома, байка тоже занимала важное место — она стоила в два с лишним раза дешевле фланели, и ее было намного легче стирать. Также использовали пике — еще один вид хлопковой ткани с начесом, хотя и более низкого качества. Но главная проблема матерей и детей из рабочего класса заключалась в *количестве* одежды и остальных детских принадлежностей. Дело было не только в тепле — чем меньше у ребенка было сменной одежды, тем грязнее она становилась, это было негигиенично и неизбежно отражалось на здоровье. Младенца, на время вынутого из колыбели, можно было в крайнем случае просто завернуть в шаль, но как только он начинал передвигаться самостоятельно, ему все же нужно было найти какую-то одежду. Частные благотворители и фонды пытались восполнить нехватку с помощью вещевых пожертвований, но нельзя сказать, что их усилия помогали изменить ситуацию: в результате очень многие дети были

одеты в неподходящую по размеру и сильно изношенную одежду. Проблему усугубляло и то, что ткани в то время не отличались эластичностью. Подобрать одежду, которая не врезалась бы ребенку в тело и не оказалась бы чересчур велика, было трудно, особенно если мать могла рассчитывать только на вещи, отданные другими людьми или купленные задешево на вторичном рынке. Судя по всему, большинство родителей предпочитали предусмотрительно ошибиться в сторону большего размера и посильнее закутать ребенка, чтобы уберечь его от холода. Обычным зрелищем были малыши, едва выглядывающие из огромного кокона одежды, который не давал им свободно двигаться.

Одежда для детей постарше

Вымыв и одев младенца, мать могла заняться старшими детьми — помочь им одеться и при необходимости начать шить для них новую одежду.

В самом конце викторианского периода некоторые матери из рабочего класса записывали распорядок своих ежедневных дел для проводивших исследования социальных реформаторов. У миссис О. (имен не называли, чтобы позаботиться о тайне частной жизни) было двое маленьких детей. В 7:30, когда муж уходил на работу, она одевала дочь, а в 8:30, после того как они с дочерью позавтракали, мыла и одевала младенца. В 11 часов, переделав часть неотложных дел по дому, она садилась шить платье для своей дочери. Уделив около часа шитью, она начинала готовить еду на день.

Если в семье было несколько детей, их подъем, мытье и одевание составляли немалую часть ежедневного распорядка. Никаких застежек-молний и липучек (их изобрели только в 1948 году) еще не существовало — приходилось застегивать детям пуговицы и завязывать тесемки, по-

скольку для маленьких пальцев эта работа была пока слишком сложной. Двухлетний мальчик, получивший комплект эластичной, надевающейся через голову одежды XXI века, вероятно, сделал бы достаточно успешную попытку одеться без посторонней помощи и был бы полностью готов через пять минут. Сегодняшний двухлетний мальчик, столкнувшись с викторианским комплектом одежды, оказался бы в тупике. Даже с помощью взрослых процесс одевания, скорее всего, занял бы у него не меньше 15 минут. Поскольку одежда не тянулась, было намного сложнее, например, попасть руками в рукава. Трудности с пуговицами и завязками усугублялись тем, что на ребенка, как в раннем детстве, продолжали надевать несколько слоев одежды для защиты от холода. Кроме детского лифа он носил фуфайку, рубашку и нижние панталоны. Кроме того, на него надевали еще одни панталоны, петтикот и пелисс (платье или тунику), а также носки, обувь, пальто и шляпу.

Рис. 77. Модный костюм для мальчика, 1850 г.

Рис. 78. Никербокеры, 1875 г.

В викторианские времена наряд двухлетнего мальчика почти не отличался от наряда двухлетней девочки, но чем старше становились дети, тем отчетливее делалась разница в одежде. Платья девочек удлинялись, отделка и фасоны постепенно приближались к взрослым. В семь или восемь лет на смену детскому лифу приходил корсет. В период полового созревания девочки выглядели как миниатюрные женщины — от матерей их отличали только прически, чуть более короткие юбки и преимущественно светлые оттенки в одежде.

Впрочем, одежда для мальчиков, очевидно, менялась в зависимости от возраста. Появлялись панталоны из более тяжелой ткани, на смену оборкам и кружевам приходили мелкие складки и галуны, так что теперь этот предмет одежды напоминал не столько пижамные штаны, сколько брюки длиной три четверти. Нижние юбки и платьица у мальчиков оставались более свободными в талии, чем у девочек, а их подол заканчивался примерно на дюйм выше колена. В 1840-х и 1850-х годах мальчики носили комплект из пелисса и панталон до тех пор, пока им не исполнялось шесть или семь лет. В 1840 году Фредерику Хобли было шесть, и спустя годы в автобиографии, написанной для своей семьи, он вспоминал свой новый наряд, надетый для ежегодного школьного праздника: «На мне был новый пелисс темно-зеленого цвета с облегающим верхом и пышной юбкой в мелкую складку — это было до того, как я начал носить брюки». Прошло больше года, прежде чем Фредерик полностью перешел на брюки: «Я хорошо помню, когда впервые — "запрыгнул в штаны", то есть впервые надел брюки — они доходили до щиколоток, но все же выглядели довольно короткими». К этому времени ему было почти восемь лет.

С начала 1860-х годов появился новый вид одежды для промежуточного этапа — никербокеры. В возрасте примерно трех или четырех лет мальчик переставал носить младенческие юбки и надевал свои первые короткие брюки. Юбки были удобны для смены подгузников и облегчали процесс приучения к горшку. Также они были полезны в первые годы, когда дети учились ходить, — жесткая тяжеловесная ткань викторианских брюк стесняла движения и была слишком неудобной для этого этапа. Но, как только мальчик осваивал оба навыка, для него наступала пора переходить на никербокеры. Их без труда можно было сшить дома, они требовали лишь приблизи-

тельной подгонки, а их мешковатый фасон обеспечивал достаточный запас на вырост. Никербокеры обычно подпоясывали ремнем, а ниже колена неплотно завязывали тесемками. Между поясом и коленями они сидели очень свободно и формой напоминали пару бельевых панталон, которые мальчик носил под ними.

Никербокеры составляли нижнюю часть голландского костюма. Хотя они не имели ничего общего с юбками младенцев, детей постарше и девочек, они также не были похожи и на одежду взрослых мужчин. Куртка голландского костюма больше походила на тунику — бесформенная и без воротника, длиной до бедра. В основном голландские костюмы для мальчиков шили из прочной шерсти или фустиана; твид, теплый и крепкий, также пользовался популярностью среди людей, которые могли его себе позволить. Голландский костюм позволял мальчику свободно двигаться: детский лиф оставался в прошлом, его заменяла нижняя рубашка из фланели, надетая под верхнюю рубашку. Это была отличная одежда для мальчиков — в ней Фредерик Хобли и все остальные ребята могли лазать по деревьям, скатываться в канавы, играть в крикет и вволю проказничать. Примерно с 4 до 10 лет мальчиков одевали для активного образа жизни, без церемоний и строгостей, ожидавших их в старшем возрасте.

Мальчиков в числе первых начали одевать на рынке готовой одежды. Вероятно, отчасти это было связано с тем, что матери из среднего класса приходили в ужас от цен у портных, но и производители сыграли здесь немалую роль. Голландский костюм, который вошел в моду в середине века, прекрасно подходил для массового производства. Он отличался простым фасоном и свободной посадкой, и его можно было выпускать всего в нескольких размерах. Модные тенденции обозначали с помощью отделки. Это позволяло производителю год за годом вы-

пускать один и тот же базовый фасон, используя разные ткани и периодически меняя отделку и цвета, чтобы повысить продажи. Матери, хорошо осознающие, как важно иметь запас на вырост, были очень довольны приблизительными размерами готовой одежды и ее низкой ценой. Многие вздохнули с облегчением, избавившись от необходимости самостоятельно шить одежду для сыновей.

Кроме того, в готовой одежде присутствовала некоторая нарядность — элементы военной формы, национальных и исторических костюмов. В 1880-х и 1890-х годах мать могла прийти в магазин готовой одежды для мальчиков или просмотреть каталог и выбрать для сына один из следующих вариантов: матросский костюм (из белой парусины с нашитыми синими лентами, имитирующий флотскую униформу), шотландский костюм с килтом, костюм маленького лорда Фаунтлероя (наподобие того, который носил герой популярной книги — бархатный голландский костюм с большим кружевным воротником), тирольский костюм (с брюками, похожими на ледерхозен[1], и маленькой шляпой с пером), норфолкский костюм (твидовый пиджак и никербокеры — такую одежду носили сельские джентльмены, собравшиеся пострелять тетеревов), гусарский костюм (с плетеными шнурами на груди, напоминающими о прусской военной униформе), американский костюм (костюм ковбоя) и множество вариаций на каждую из этих тем. Шотландский костюм обычно носили самые маленькие. Матросский костюм, впервые появившийся вскоре после 1856 года, когда для принца Эдуарда была изготовлена миниатюрная форма морского офицера, могли носить дольше, примерно до 9 или 10 лет. В норфолкский костюм особенно любили одевать мальчиков раннего подросткового возраста.

[1] Ледерхозен — короткие кожаные штаны.

Рис. 79. Мальчик в матросском костюме, 1850 г.

Огромная популярность готовой одежды для мальчиков позволила этому сегменту рынка процветать и экспериментировать с более сложными технологиями. Производители одежды для мальчиков были лидерами индустрии, и их новые разработки позволили со временем еще больше снизить цены. Изучая викторианские каталоги готовой одежды, мы видим, что цены на костюмы для мальчиков постепенно снижались. В 1870-х годах самые дешевые костюмы стоили 8 шиллингов 6 пенсов, а в 1890-х годах в большинстве сохранившихся рекламных каталогов можно найти костюмы примерно за половину этой цены. Даже для самых прилежных и ограниченных в средствах матерей домашнее шитье постепенно утрачивало свои преимущества. В последние годы столетия,

в эпоху, когда заработная плата взрослого мужчины на неквалифицированной работе составляла около 20 шиллингов, эти цены давали семьям рабочего класса уникальную возможность покупать для мальчиков новую готовую одежду. Фотографии мальчиков, поступающих в заведения доктора Барнардо, наглядно демонстрируют, какую одежду носили мальчики из беднейших семей в 1880-х и 1890-х годах. Около трети одеты в матросский костюм, еще треть — в пиджачную пару. Норфолкские куртки можно увидеть примерно на 10 % мальчиков, а гринвичские костюмы — примерно на 20 %. Очевидно, что даже семьи, нуждавшиеся в благотворительной помощи, старались хотя бы отчасти обеспечить мальчиков модной одеждой, и мальчики в целом носили одежду, соответствующую их возрасту, хотя нередко поношенную и плохо сидящую.

Детское питание

Одетого ребенка нужно было накормить. В 1830 году Уильям Коббетт в своих «Советах молодым мужчинам и (кстати) молодым женщинам» пространно и пылко обратился к матерям, призывая их кормить детей грудью. По его мнению, только биологическая мать могла дать новорожденному младенцу всю необходимую ему любовь и заботу. Но, в отличие от наших дней, когда выбор стоит между грудным вскармливанием и молочной смесью из бутылочки, в начале правления королевы Виктории спорили в основном о том, *какая* женщина должна кормить ребенка грудью. Если у родной матери было недостаточно молока, то помощь другой женщины — ее называли кормилицей — давала ребенку больше шансов на выживание.

Среди людей, которые могли позволить себе нанять кормилицу, эта практика была давно известна — иногда к услугам кормилицы прибегали, даже если у матери хватало собственного молока. Если ребенка кормила другая

женщина, женщина из состоятельного сословия могла вскоре после рождения очередного ребенка вернуться к исполнению своих домашних и светских обязанностей. Противоречия между общественными ожиданиями, которые требовали от женщины играть роль жены и хозяйки дома, и стремлением сделать все возможное для появившегося на свет ребенка, существовали в богатых семьях многие сотни лет.

Для бедняков не было возможности платить кормилице, а значит, детей приходилось выкармливать самостоятельно. Однако постоянное недоедание лишало многих женщин возможности обеспечивать младенцев питательным молоком, а необходимость работать только усугубляла проблему. Когда женщине уже приходилось кормить четыре или пять голодных ртов, потребность в заработке многократно возрастала, и женщина искала компромиссные варианты. Одни матери призывали на помощь родственниц и подруг, которые могли и были готовы кормить грудью, другие кормили грудью сами, когда выпадала такая возможность, а в остальное время ребенка выкармливали с ложки или из бутылочки те люди, которые за ним присматривали.

Многим матерям приходилось целиком переходить на второй вариант из описанных. В правление королевы Виктории он становился все более популярным, а помощь кормилицы отходила на второй план. Кроме грудного молока детей иногда кормили размоченным в воде хлебом. Неудивительно, что дети, чей рацион полностью состоял из малопитательного хлеба и воды, жили очень недолго. Однако для тех, кто получал такую пищу в промежутках между редкими прикладываниями к груди, это был все же достаточно разумный вариант. Если переход на хлеб и воду происходил спустя хотя бы шесть недель после рождения, шансы ребенка на выживание значительно возрастали.

Рис. 80. Мать с малышом на руках и девочка постарше, 1875 г.

Если семья имела больше средств, хлеб могли размачивать не водой, а молоком — именно это обычно рекомендовали врачи. В идеале нужно было взять ослиное молоко, но его мало кто мог себе позволить. Можно было использовать овечье и козье, но их тоже было не так легко достать. Самым распространенным вариантом оставалось, конечно, коровье молоко.

В 1830-х и 1840-х годах кормление нередко выглядело следующим образом: родитель или опекун наливал несколько капель молока в чайную ложку и подносил ее к губам младенца, пытаясь перелить молоко в рот, пока ребенок пытался сосать ложку (именно так кормили Пипа из романа Чарлза Диккенса «Большие надежды»). Лучше всего кормить детей получалось, если окунуть палец в молоко и им направить жидкость из ложки в рот малышу: детям было гораздо легче сосать круглый палец, чем край ложки.

В первые несколько недель жизни ребенка молоко разводили пополам с водой и добавляли в него сахар. В сельской местности было больше шансов достать качественное молоко, хотя туберкулез нередко встречался даже в ухоженных стадах. В городах шансов получить чистое молоко от здоровых коров было куда меньше. Люди, продававшие молоко в городе, часто разбавляли и подкрашивали его, стремясь увеличить свою скудную прибыль. Городское молоко могло более чем наполовину состоять из воды и, кроме того, изначально содержало меньше жиров, поскольку городские стада содержались в худших условиях и получали худший корм. Некачественная смесь молока и воды обычно приобретала голубоватый оттенок, который продавцы стремились нейтрализовать, добавляя в молоко различные красители, от мела до квасцов, чтобы оно выглядело как полезное сельское молоко.

Медики советовали кипятить молоко, прежде чем давать детям, — считалось, что так оно легче усваивается. Многие маленькие дети с трудом переваривали коровье молоко (а тем более содержащиеся в нем посторонние примеси). В наши дни врачи не рекомендуют давать младенцам коровье молоко — в таком юном возрасте требованиям пищеварительной системы человека намного лучше отвечает овечье и козье. Викторианские представления о том, что ребенку легче переварить кипяченое коровье молоко, были ошибочными, хотя кипячение все же помогало убивать множество бактерий. К сожалению, оно одновременно уничтожало и большую часть питательной ценности продукта. И, хотя молоко давало ребенку больше шансов на выживание, чем просто хлеб с водой, оно все же не было идеальным питанием.

Специально для людей, имевших в своем распоряжении больше денег, стали продавать детское питание промышленного производства, а также стеклянные буты-

лочки для кормления. Большинство этих новых продуктов состояли из пшеничной муки, воды и сахара — из этих ингредиентов готовили хрустящее твердое печенье, которое затем измельчали в порошок. Мать должна была смешать этот порошок с водой, кипятить около 10 минут и дать ему остыть, а затем процедить, смешать с коровьим молоком и добавить еще немного сахара. С практической точки зрения эти порошки были очень похожи на прикорм из хлеба и воды, который давали детям беднейшие матери. Матерям, которые хотели самостоятельно приготовить дома искусственное детское питание, советовали попробовать саго (крахмалистая крупа) или маранту (еще одно крахмалистое растительное вещество, на этот раз из корня растения, которое часто добавляли в викторианские десерты). Саго разваривали в кашицу, процеживали и смешивали с молоком и сахаром, с корнем маранты поступали примерно так же. Оба этих продукта не давали почти ничего, кроме крахмала, и к ним тоже добавляли молоко и сахар.

К концу столетия были проведены научные исследования, которые показали, как сильно искусственное детское питание отличается по составу от грудного молока. Ведущие бренды отказались от выпуска простого печенья из муки и воды, как это было 1850-х и 1860-х годах, но даже их улучшенные смеси решительно не оправдывали ожиданий. Исследования, если оценивать их по современным стандартам, были выполнены на примитивном уровне, однако они позволили обнаружить, что в грудном молоке одна часть азотистого вещества приходится на три части неазотистого вещества, и одна часть азота приходится на каждые 13 частей углерода. (На языке современной науки это азотистое вещество называется жирами и белками.) Польза этих цифр лишь в том, что их сравнение с результатами аналогичного анализа детского питания от ведущих брендов в 1890-х годах показало: ни одно из них не со-

ответствует этим пропорциям и содержит слишком много крахмала и слишком мало жиров. И хотя никто пока еще не знал, что такое витамины и какова их роль в здоровом питании, эти ранние попытки анализа уже показали, что искусственное детское питание не справляется со своей задачей и не может заменить грудное молоко.

Дети, получавшие подобную пищу, могли выжить и действительно выживали, и, если их кормили достаточно, они как будто становились полнее, однако их здоровье было иллюзией. Крахмалистая диета позволяла детям набирать вес, но без жирных кислот, белков, витаминов и минералов, присутствующих в грудном молоке (и в лучших современных смесях для искусственного питания), формирование костей и развитие мозга не происходило должным образом. Главной проблемой для этих детей были рахит и цинга. Обычно люди могли распознать искусственно вскормленного ребенка по одутловатому виду, слабости и вялости. Несмотря на упитанность, такие дети позже начинали ходить и болели гораздо чаще, чем дети, находившиеся на грудном вскармливании.

В 1870 году появилась еще одна разновидность детского питания — сгущенное (концентрированное) молоко. Поначалу это казалось большим шагом вперед. Это был чистый и надежный источник молока, лишенный типичных для свежего рыночного молока недостатков — добавленной воды и посторонних веществ. Кроме того, оно стоило совсем недорого, поэтому многие бедняки охотно покупали такое молоко для своих детей. Увы, дешевые бренды производили его из заранее обезжиренного молока с добавлением большого количества сахара, поэтому основные жиры и жизненно важные витамины A и D по-прежнему отсутствовали в рационе ребенка, что все так же влекло за собой рахит.

Недостатки детского питания были связаны не только с его составом, но и со способами его употребления. Про-

цесс кормления младенца из ложки был мучительно медленным и неэффективным — гораздо больше молока при этом проливалось мимо, чем попадало в рот ребенку. Многие дети в результате долгих и раздражающе бесплодных кормлений оставались голодными. Бутылочка с соской казалась намного более подходящим вариантом. Стеклянные бутылочки, появившиеся как раз в Викторианскую эпоху, объявили настоящим достижением, поскольку, в отличие от прежних глиняных бутылочек, они позволяли сразу оценить их чистоту изнутри. Вплоть до 1856 года соски, которые прикрепляли к бутылочке, изготавливали из самых разных материалов, но в целом лучшей считалась соска из вымени телки. Вымя кипятили, пока оно не становилось мягким, а затем привязывали тонким шнурком к горлышку бутылки. Также для этой цели могли использовать кусочек мягкой замши или сложенный в несколько раз льняной лоскут с вложенной внутрь небольшой конической губкой. В соске делали несколько проколов, чтобы позволить молоку свободно вытекать. Появление резиновой соски в 1850-х годах постепенно вытеснило эти приспособления, однако телячье вымя фигурировало в рекомендациях еще в 1860-х годах.

Опасность всех этих приспособлений заключалась в невозможности стерилизовать их. То, что бутылочка и соска должны быть чистыми, не вызывало сомнений, но в течение многих лет люди объясняли это тем, что остатки кислого молока могут вызвать у ребенка желудочно-кишечное расстройство и диарею. Предположение, безусловно, справедливое, и диарея действительно унесла немало детских жизней, но викторианцы не знали, что, если бутылка и соска *выглядят* чистыми, этого еще недостаточно. Так что бутылочки были опаснее кормления с ложки. Ребенок, которого кормили с ложки, заглатывал меньше пищи, чем ребенок, которого кормили из бутылочки, однако буты-

лочка имела намного больше шансов превратиться в рассадник микробов. Когда в 1860-х годах микробная теория получила официальное признание, в продаже появилась масса дезинфицирующих средств, и люди стали понимать, что детскую бутылочку необходимо не только мыть горячей мыльной водой, но и обдавать кипятком. Вероятно, эти знания спасли жизнь многим детям, хотя дезинфицирующие средства, которые использовали в то время, не подходили для приема внутрь даже в остаточных количествах.

Для находящегося на грудном вскармливании большинства знакомство с опасностями викторианского детского питания откладывалось на несколько месяцев. Продолжительность грудного вскармливания в разных случаях могла сильно разниться. Как переломный момент воспринималось появление зубов. Пока у ребенка не было зубов, лучшей пищей для него считалось исключительно молоко, хотя матери, обеспокоенные тем, что ребенок не наедается досыта, с четырех месяцев начинали давать ему кроме своего молока хлебную кашицу, саго, маранту и покупное детское питание на основе крахмала. С появлением зубов в меню детей среднего класса вводили говяжий и куриный бульон, загущенный вареным рисом, а через месяц или два — яйца всмятку и простые мягкие пудинги. Разнообразные молочные пудинги — от рисового до панакотты — широко рекомендовали как подходящее питание для детей в возрасте от 9 до 12 месяцев.

Однако давать детям фрукты и овощи не советовали. Многие боялись, что фрукты могут вызвать у малышей диарею. Укоренившийся страх был основан на практических наблюдениях: слишком большая порция фруктов действительно могла вызвать кишечное расстройство. В то время еще не понимали разницы между простым расстройством пищеварения и диареей, вызванной бактериями. Но, поскольку диарею считали убийцей детей, ведь она уносила

тысячи детских жизней, мало кто из родителей рисковал, предлагая ребенку продукт, способный повлечь смертоносную болезнь, — по крайней мере до тех пор, пока первые годы жизни, когда ребенок особенно уязвим, не останутся далеко позади. Поэтому фруктам не было места в детской. Что касается овощей, то они, за исключением картофеля, содержали, по мнению викторианцев, слишком мало питательных веществ, и поэтому их редко включали в детский рацион. Даже такой восторженный поклонник растительной пищи, как доктор Аллинсон, ведущий газетной колонки и вегетарианец, писал: «Только когда ребенку исполнится два года и только если он совершенно здоров и крепок, ему можно съедать за ужином овощи и немного простого пудинга».

Вместо этого детям старались давать самую полезную и питательную, по их мнению, пищу. В целом родителям советовали придерживаться простого рациона, который не содержал фруктов и овощей и допускал лишь немного мяса, рыбы и жиров. В результате питание ребенка состояло в основном из крахмала и углеводов, слегка оживленных небольшим количеством сахара. В возрасте от 9 до 12 месяцев значительная часть детей переставала питаться грудным молоком и присоединялась к своим менее удачливым собратьям, находившимся на постоянной крахмалистой диете. Традиции, финансовые затруднения и рекомендации врачей способствовали тому, что маленьких детей из всех слоев общества кормили почти исключительно углеводами. Дети, находившиеся на грудном вскармливании, могли хотя бы в самом начале жизни получать полный набор необходимых организму витаминов и минералов, поэтому у них в запасе было несколько месяцев здорового развития, прежде чем они вступали в пору безотрадного детства. Тем, в чьей жизни крахмал появился раньше, часто предстояла тяжелая борьба за свое здоровье.

Дети и лекарства

Викторианским младенцам нередко давали наркотические лекарственные средства. Часто дневное кормление предполагало дозу лекарства, и если дети в сельской местности, где было не так много аптек, имели мало шансов превратиться в наркоманов, то в больших и малых городах новорожденных и детей ясельного возраста родители щедро кормили собственноручно купленными препаратами. Популярными наркотическими средствами для самых маленьких были вода от колик, помогавшая при болях в желудке, и успокаивающие сиропы, также существовали препараты, помогавшие при прорезывании зубов. Злоупотребление лекарственными препаратами делало младенцев сонливыми и способствовало развитию зависимости.

Проблема была не нова. В 1834 году доктор Бейкер подготовил для фабричной комиссии доклад о практике, сложившейся на многих текстильных мануфактурах. По его наблюдениям, вынужденные работать матери систематически давали своим детям опиаты, такие как «Кордиал Годфри» (Godfrey's Cordial; вполне уважаемое лекарство на основе чистого опия) или неразбавленный лауданум (сильнодействующая смесь спирта и морфина), чтобы весь день, пока она работает, ребенок спокойно спал (см. цветную илл. 17). Заработки были такими скудными, что работать приходилось всей семье, и женщина, отдающая слишком много времени уходу за младенцем, рисковала жизнью остальных детей — обычная семья с четырьмя истощенными детьми после появления пятого могла столкнуться с угрозой настоящего голода. Необходимость жертвовать благополучием одного ради благополучия целой семьи толкала матерей на крайние меры.

Свободное употребление лекарственных средств приобрело масштабы эпидемии, нараставшей в течение некоторого времени и продолжавшей существовать до конца

XIX века. Дети, которым давали лекарства, больше спали и меньше плакали, но вместе с тем опиаты подавляли аппетит, и именно то, что дети начинали меньше есть, нередко приводило к их преждевременной смерти. В наши дни взрослых наркоманов легко узнать по неестественной худобе — для детей постоянное недоедание легко могло оказаться фатальным. Одурманенные наркотиками дети, когда их прикладывали к груди, отказывались сосать ее. Худые и иссохшие, они тихо угасали. Один комментатор того времени считал, что как минимум треть всех младенческих смертей в промышленном Манчестере связана с употреблением лекарственных средств. Недоедание встречалось повсеместно: истощенные ослабленные дети с расширенными зрачками и лицами маленьких старичков были распространенным зрелищем. Чаще всего люди видели в таком состоянии детей бедняков. Причиной хронического недоедания и голода могла быть как простая нехватка пищи, так и потеря аппетита в результате приема опиатов или сочетание обоих факторов.

Еще одной опасностью для одурманенного ребенка была передозировка. Препараты, купленные в аптеке, обладали разной силой действия. Анализ показал, что один протестированный в Манчестере образец «Кордиала Годфри» содержит половину грана опия, в то время как другой образец в идентичной бутылке содержал четыре грана. Количество лекарства, которое давали детям, также могло быть неодинаковым. Кроме того, опиаты имели свойство оседать на дне бутылки, что делало последние несколько доз намного более сильными — иногда смертельно опасными.

«Кордиал Годфри» был далеко не единственным детским препаратом на основе опиатов. Еще одним очень популярным средством была «Детская микстура Аткинсона» (Atkinson’s Infants Preservative), от нее не отставали

«Успокаивающее средство Далби», «Утешающий сироп миссис Уинслоу» и «“Тихий ребенок” Стрита». Названия продуктов давали ясное представление об их назначении и главном коммерчески привлекательном свойстве: они могли одурманить младенца и заставить его вести себя тихо. Впрочем, реклама «Детской микстуры Аткинсона», которая, как и все остальные средства, состояла из смеси опиатов, предпочитала не заострять внимание на том, что лекарство способно успокоить ребенка, – скорее его представляли как общеукрепляющее оздоровительное средство; ребенок, которому давали этот препарат, должен был вырасти «большим и сильным». Реклама утверждала, что, не давая ребенку «Детскую микстуру Аткинсона», вы фактически подвергаете его жизнь опасности. Этот подход, безусловно, работал – многие небогатые молодые матери сообщали исследователям, что пользовались этим препаратом с целью приободрить ребенка, когда он выглядел изможденным или нездоровым.

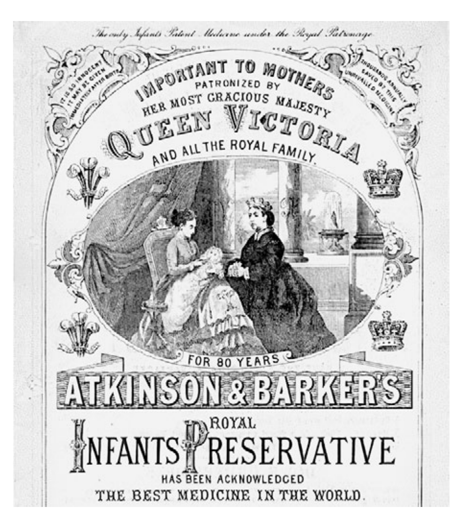

Рис. 81. «Детская микстура» – опиумный «тоник» для младенцев, 1872 г.

Опиаты присутствовали во многих оздоровительных «тониках» для взрослых, рекомендованных для лечения широкого спектра заболеваний, в том числе депрессии, апатии и, как ни парадоксально, потери аппетита. Вероятно, многие обеспокоенные родители считали, что подобное тонизирующее средство будет полезно и больному ребенку. «Детская микстура Аткинсона» с изображенным на этикетке прелестным, словно херувим, упитанным и веселым младенцем должна была казаться им идеальным средством. Тем более что на бутылочке не было списка ингредиентов. Со временем, когда опасения по поводу действия опиатов получили в обществе более широкое распространение, реклама «Детской микстуры Аткинсона» изменилась — теперь производитель утверждал, что продает натуральный препарат на основе трав (в отличие от торгующих опиатами конкурентов). На самом же деле средство по-прежнему состояло из мела и лауданума.

Многие любящие, обеспокоенные и стесненные в средствах родители давали своим детям наркотические лекарственные средства из лучших побуждений, стремясь успокоить малышей и облегчить их страдания. Другие родители давали детям те же лекарства, считая, что это сделает их крепче и здоровее — они не ставили перед собой цель успокоить ребенка и даже, наоборот, сознательно пытались избегать опиумных препаратов. Увы, и тех и других бессовестно обманывала реклама.

Дети из обеспеченных семей были точно так же не защищены от злоупотребления и наркотической зависимости. В домах людей, принадлежащих к высшему классу, для повседневного ухода за детьми обычно нанимали нянек — нередко это были молодые девушки из менее обеспеченных слоев общества, разделявшие общее убеждение в эффективности патентованных успокаивающих сиропов. Матери из среднего и высшего класса относились к ре-

кламе фармацевтических компаний так же доверчиво, как их малообеспеченные матери, и точно так же использовали эту продукцию, хотя имели гораздо больше возможностей ознакомиться с литературой, предостерегающей о последствиях чрезмерного увлечения подобными лекарствами. И все же эти препараты пользовались в обществе удивительной поддержкой. В своей «Книге о ведении домашнего хозяйства» миссис Битон рекомендует давать «Успокаивающее средство Далби» (Dalby's Calmative) при диарее. Всего за несколько лет до этого доктор Булл опубликовал весьма влиятельные «Советы матерям» (Hints to Mothers), где посвятил целый раздел опасности опиатов для детей и перечислил немало случаев гибели младенцев из-за употребления таких препаратов. «Успокаивающее средство Далби» он упоминает как второе по популярности после «Кордиала Годфри» и при этом «одно из самых губительных». И все же в конце главы доктор Булл высказывается довольно осторожно и не призывает с проклятиями отказаться от употребления. Проблема, по его словам, заключается в том, что назначением лекарств занимаются женщины, ведущие домашнее хозяйство, а не квалифицированные врачи. Он настаивал на том, что это вполне достойные и полезные лекарства, просто женщины не имеют нужной подготовки, чтобы правильно рассчитать дозу. Вряд ли это была та отповедь, которой действительно заслуживали недобросовестные создатели рекламы.

Кроме опиатов многим детям также давали слабительные средства — ассортимент был на редкость разнообразен. В книгах об уходе за младенцами неизменно присутствовал обширный раздел, посвященный очистке детского кишечника. Врачи выражали обеспокоенность тем, что женщины назначают слабительные слишком часто и в слишком жесткой форме, что вредит здоровью

ребенка. Однако, изучая сегодня предписанный этими же докторами список рекомендуемых ингредиентов и периодичность их приема, невольно задаешься вопросом, как детям вообще удавалось выжить при назначенном врачом режиме приема слабительных средств, не говоря уже о предположительно более суровом режиме, который устанавливали матери. Любое легкое недомогание (даже понос!) прежде всего начинали лечить слабительным. Любое изменение запаха или внешнего вида фекалий ребенка сигнализировало о том, что ему необходимо принять еще одну порцию лекарства. При болях в животе или хотя бы подозрении на боли в животе ребенок снова получал лекарство. Считалось, что даже при прорезывании зубов требуется регулярная очистка кишечника. Даже капризный характер ребенка иногда трактовали как еще один признак того, что ему нужно слабительное средство. Медицинская теория, придававшая большое значение регулярному опорожнению кишечника, как для взрослых, так и (в особенности) для младенцев и детей младшего возраста, по-видимому, имела в общественном сознании особенный вес. Одно из основных представлений о здоровье в Викторианскую эпоху заключалось в том, что организм может исцелить себя, только если оперативно освободить его от ядов, отходов и вредных болезнетворных субстанций. С этим были связаны и настойчивые призывы Флоренс Найтингейл мыться водой и носить легкую, дышащую одежду — это способствовало удалению вредных веществ, которые выделялись, как она полагала, через кожу. Считалось также, что немалой целебной силой обладает свежий воздух, который развеивает собравшийся вокруг тела загрязненный воздух, состоящий из испорченного зараженного дыхания самого больного и других людей. И если кожа и дыхание позволяли выводить из организма вредные газообразные отходы, то

различные слабительные средства позволяли быстро избавляться от твердых отходов. Все это составляло основу детоксикации и здорового образа жизни.

Обеспокоенным родителям, стремящимся сделать все возможное для своих детей, предлагали большой выбор слабительных средств. В самых простых случаях использовали традиционные средства — ревень, чернослив и чай из стручков сенны составляли постоянную часть детского рациона. Аналогичные результаты можно было получить, принимая один раз в день ложку оливкового или льняного масла. В середине XIX века их по большей части вытеснило касторовое масло, которое было дешевле и эффективнее, а также толченый корень ялапы (ипомеи плющевидной), обладавший еще более сильным действием. Все эти средства можно было свободно купить у аптекарей в чистом виде или в виде готовых смесей, либо приготовить лекарство по собственному рецепту. Патентованные слабительные лекарства чаще всего делали на основе каломели — ртутного препарата, обладающего гораздо более выраженным действием, чем все перечисленные. Его агрессивность во многих смыслах и была причиной его популярности — вы сразу видели, что лекарство работает! Было принято считать, что чем неприятнее лекарство, тем больше пользы оно приносит. В этом случае науке XXI века остается только в ужасе закрыть глаза — каломель могла нанести непоправимый ущерб желудку и слизистой оболочке кишечника, однако викторианские врачи регулярно назначали ее младенцам, и она присутствовала в большинстве слабительных средств для детей.

Если различные порошки, пилюли и отвары не работали, всегда можно было прибегнуть к промыванию толстой кишки. Самым простым слабительным была теплая вода, но для младенцев врачи также рекомендовали ячменную воду, молоко и даже овсяную болтушку как достаточно

мягкие средства. Большой шприц заполняли жидкостью и соединяли с трубкой, которую смазывали салом. Затем жидкость медленно вводили в анус на 5 см. Когда шприц удаляли, ребенок должен был некоторое время спокойно полежать, пока содержимое кишечника не выйдет наружу. Учитывая хрупкое телосложение младенцев, трубку для них делали из резины (в клизмах для взрослых она была изготовлена из слоновой кости). Такой аппарат для домашнего использования продавался в большинстве аптек, и на рынке было представлено несколько известных брендов. Во многих домах среднего класса считали такое приобретение необходимым, хотя для рабочих оно было слишком дорогим.

Подобные злоупотребления лекарствами и наркотическими средствами в детском возрасте могут показаться современному человеку насилием, но мы не должны забывать, как сильно викторианские родители боялись за здоровье своих отпрысков. Многие из них уже успели потерять нескольких детей в раннем возрасте, а новорожденные были полностью беззащитны перед множеством смертельно опасных инфекционных заболеваний, подстерегающих на каждом шагу. Неудивительно, что родители постоянно испытывали огромную тревогу и при малейших признаках неприятностей бросались к домашней аптечке. И когда ребенок заболевал, соблазн перепробовать все средства, способные хоть как-то помочь, был слишком велик.

В конечном счете, вполне вероятно, что многие дети умирали от побочных эффектов лекарств, а у многих других здоровье в долгосрочной перспективе оказывалось подорвано, несмотря на то что им удавалось пережить отдельные кризисы. Разница между младенцем из обеспеченной семьи, находившимся под наблюдением домашнего врача, и младенцем из бедной семьи, чьи родители

довольствовались покупкой дешевых патентованных лекарств у аптекаря, была совсем невелика. И врачи, и родители давали детям одни и те же лекарства, и, хотя врачи утверждали, что они лучше умеют определять безопасную дозу — что, вероятно, в целом соответствовало истине, — даже в конце столетия медицинские представления в этой области оставались весьма расплывчатыми. Дети в богатых семьях могли выиграть от более внимательного отношения к дозировке лекарств, однако их родители сводили эту вероятность на нет, поскольку имели больше финансовых возможностей и могли давать детям лекарства чаще и в больших количествах, что было не менее опасно. Бедняки тоже полагались на сомнительные патентованные средства, но у них, по крайней мере, не хватало денег, чтобы делать из них смертоносные коктейли.

Пожалуй, самые благоприятные условия для младенцев складывались в домах верхушки рабочего класса, где глава семьи был квалифицированным мастером, имевшим постоянный доход, а его жена могла оставаться дома, даже если старшие дети тоже ходили на работу, и в домах беднейших представителей среднего класса, где, опять же, женщина занималась хозяйством, но семья имела слишком мало денег на врачей и лекарства. В таких домах вряд ли часто встречались успокаивающие средства с опиатами. Домашняя аптечка не отличалась богатством ассортимента, а имеющиеся лекарства не выдавали щедрой рукой, а, наоборот, старались растянуть. Если мать оставалась дома, ей не было нужды часами держать ребенка в наркотическом ступоре, и о младенце заботилась именно она, а не няня, нередко даже не достигшая подросткового возраста, или братья и сестры, пока еще слишком маленькие для полноценной работы. Что бы ни готовила жизнь этим детям в дальнейшем, это было не самое плохое начало.

9
Обед

Послеполуденный прием пищи называли ланчем или обедом. Название зависело главным образом от того, к какому социальному слою принадлежала семья, а кроме того, было продиктовано значением этой еды в распорядке дня. В семьях рабочего класса обычно говорили «обед», и, если мужчина мог к этому часу вернуться домой с работы, для семьи обед был основным приемом пищи. Он, как правило, состоял из пудинга с нутряным салом или картофеля, подливы и небольшой порции мяса (хотя бы для главы семьи, зарабатывавшего деньги). Однако со временем этот обычай утратил силу, и его придерживалось все меньше и меньше викторианских семей.

Многие мужчины и мальчики работали слишком далеко от дома и не успевали вернуться в полдень, поэтому их обед обычно состоял из того, что они могли захватить с собой на работу. В большинстве случаев это был просто кусок хлеба, но в более благополучные времена с собой брали подходящие для этих целей традиционные местные блюда, например клангер — продолговатую булочку из муки, нутряного сала и воды, с начинкой из нескольких полосок бекона с одного конца и джема с другого конца.

Работники ферм в Бедфордшире могли рассчитывать, что обед в поле им принесут их дети. Согласно семейной легенде, мой прадедушка ежедневно ходил через поля в Хартфордшире на стройку в Летчуорт-Гарден-Сити с эмалированным ведерком, в котором лежал обед для его отца. В ведерко, выстеленное для сохранения тепла соломой, ставили форму с пудингом из почек и мяса или мясным рагу с клецками и сверху плотно обвязывали его тряпкой, чтобы отец-каменщик мог поесть горячей еды в середине дня. Рабочие корнуолльских оловянных рудников, как известно, брали на работу пирожки-пастис (когда могли себе это позволить). Завернутые в обычные носовые платки, пирожки, как и клангеры, было легко брать с собой и есть без всякой посуды или столовых приборов. Такая еда была сытной и питательной, а также практичной.

Поскольку многие мужчины обедали на работе, в домах рабочего класса за обеденный стол чаще садились только женщины с детьми. Здесь гораздо реже можно было увидеть мясо — их обед обычно состоял из вареного картофеля или простой выпечки на нутряном сале, также на обед подавали немного соуса или подливы. Начиная с середины века вкус этих скучных блюд несколько разнообразили покупные магазинные соусы, такие как вустерский соус, английский коричневый соус и различные грибные кетчупы.

Воскресный день, разумеется, был исключением. Один день в неделю вся семья могла собраться за столом для традиционной послеполуденной трапезы. Для воскресного обеда покупали и готовили лучшие продукты — главное место среди них занимал, по возможности, хороший кусок мяса. Фирменным блюдом миссис Уиджер был «печеный обед». Она смешивала хлебные крошки, петрушку и нарезанный лук с небольшим количеством жира, соскобленного со сковороды. Все это отправлялось в блюдце,

которое ставили в центр глубокой формы для выпечки. Затем вокруг блюдца плотным слоем укладывали очищенные картофелины, а сверху клали небольшой кусок мяса (обычно говядины). После этого форму ставили сверху на кухонный очаг там, где было горячее всего. В форму осторожно наливали теплой воды из чайника так, чтобы она доходила до краев блюдца и начинала пропитывать хлебную смесь. Как только вода в форме закипала, блюдо переносили в духовку, где оно продолжало запекаться еще несколько часов.

Когда обед был готов, кусок мяса клали на тарелку и нарезали. Оставшуюся еду, в том числе картофель и подливу (полученную из смеси хлебных крошек, воды и мясного сока), просто ставили на стол, чтобы каждый мог взять себе порцию. Подачу слегка облагораживала лишь свернутая газета под сковородой, которая не давала испачкать столешницу или выжечь на ней пятно — никаких скатертей или салфеток у Уиджеров не было.

В семьях, принадлежащих к среднему классу, послеполуденный прием пищи обычно называли ланчем, но и там наблюдалась такая же гендерная сегрегация. Мужчины, работавшие в конторе, не приходили обедать домой и даже не делали перерыв на ланч во время работы. Утром они плотно завтракали вместе с семьей, в рабочие часы ограничивались чаем и печеньем и ужинали, только вернувшись домой вечером. Фрэнсис Килверт, хотя он не был ни клерком, ни рабочим, тоже придерживался этой традиции среднего класса. Он был священником в Клиро в Уэльсе и, отправляясь навестить своих прихожан, всегда брал с собой подобие ланча — горсть печенья, яблоко и флягу с вином.

Оставшиеся дома женщины и дети обедали холодными остатками той еды, которая была приготовлена накануне вечером, иногда добавляя к ним одно или два про-

стых и быстрых блюда. В кулинарной книге Анны Боумен 1867 года говорится, что ланч мог состоять из «холодного мяса всех видов, дичи, птицы, ветчины, зельца, паштетов, жареного или печеного мяса, супа, котлет, картофельного пюре и даже пудинга — также на столе могут быть эль, портвейн или вино». Даже если далеко не во всех домах среднего класса регулярно подавали все перечисленные блюда, там, по крайней мере, наслаждались разнообразным меню. Рагу и рубленое мясо, представлявшие собой, по сути, разогретые остатки еды в каком-нибудь соусе, считались классическими обеденными блюдами. В рецепте рубленого мяса по-нормандски от 1845 года Элайза Эктон советует взять два десятка небольших луковиц-шалота, очистить и обжарить на сливочном масле до золотистого цвета. Добавить в сковороду столовую ложку муки, перемешать и подогревать еще несколько минут, после чего влить полчашки красного вина и чашку говяжьего бульона, чтобы получить густую подливу. Затем добавить в соус соль, перец и немного лимонного сока (удачный штрих, подчеркивающий вкус). Держать на медленном огне до полной готовности лука. Тем временем уже готовую холодную говядину нарезают ломтиками и укладывают в кастрюлю. Когда соус будет готов, им поливают мясо и оставляют блюдо на полчаса, чтобы оно впитало аромат. Затем его осторожно прогревают на кухонном очаге (не доводя до кипения, поскольку это может сделать мясо жестким) и подают на стол.

Ханна Каллуик в некотором смысле пересекла ту границу, которая отделяла обед от ланча. Статус верной служанки позволял ей питаться более основательно, чем большинство замужних женщин из рабочего класса. На обед она обычно ела мясо, а 3 марта 1863 года в дневниковой записи отметила, что отобедала после полудня бараньей отбивной с пивом. Ханна, как и все слуги, работала

ежедневно с раннего утра до поздней ночи, но такое питание выгодно отличало ее положение от положения многих других представителей ее социального слоя. В своем дневнике она с удовольствием отмечала, что весит около 70 кг — этот здоровый вес можно было набрать, только регулярно потребляя мясо.

Необычным было и то, что Ханна в своих заметках по-разному называла послеполуденный прием пищи. Если речь шла о ней самой, она всегда обозначала его как обед, если дело касалось ее хозяев и их гостей — как ланч. Однако в этом была своя логика, поскольку она отвечала за приготовление еды не только для себя и прочих слуг, но и для семьи, и это были два разных события с двумя разными меню (и, соответственно, разными названиями). «На ланч пришли две дамы. Я приготовила все для них, а также наш обед», — сообщает запись в ее дневнике.

Ланчи людей, принадлежащих к высшему классу, в викторианский период были исключительно изысканными мероприятиями, объединявшими мужчин и женщин в ожидании гораздо более позднего ужина. Впрочем, даже в самых роскошных домах за ланчем царила неформальная атмосфера. Например, ланч для группы джентльменов во время охоты мог состоять из горячих блюд и быть вполне изысканным, но его часто подавали наподобие современного «шведского стола». Пироги с дичью подавали вместе с паштетами, супом и консервированным мясом. Холодное жареное мясо приносили одновременно с горячим рубленым мясом со сливочными и винными соусами. В роли овощей выступали артишоки, спаржа или горох, политый горячим сливочным маслом, а маринованные огурцы и сыры сопровождали булочки с тмином, шампанское, кларет и херес. В отличие от вечернего ужина, который, как мы увидим позже, требовал украшения стола и соблюдения правил сервировки, ланч был устроен про-

сто: дамы не должны были уходить в конце, а места за столом распределялись не так строго. К ланчу не нужно было специально одеваться, приглашения на ланч значили в социальном смысле гораздо меньше и, как следствие, допускали более свободное взаимодействие между представителями разных классов. Для сравнения: ужины, которые давал принц Эдуард в Сандрингем-хаусе в Норфолке, представляли собой многочасовые мероприятия с 12 переменами блюд, а меню ланча для охотничьей партии могло состоять всего из шести блюд, которые приносили с кухни в ящиках с сеном и ставили на козлы прямо на улице, если погода была хорошая, или в одном из многочисленных охотничьих домиков, если было сыро. В конце эпохи в меню декабрьского ланча (написанного, как тогда было принято, по-французски) входили легкий суп из дичи, вареная баранина по-шотландски, жареная куропатка, цветная капуста с голландским соусом, шоколадное суфле и блюдо тушеных фруктов.

10
Дневная работа продолжается

СТИРКА

Стирка была, пожалуй, самой ненавистной работой для всех викторианских женщин. Любая женщина, способная заплатить за то, чтобы стиркой вместо нее занимался кто-то другой, пользовалась этой возможностью. Стирка была сопряжена с тяжелым физическим трудом и полностью нарушала привычный распорядок дня (см. цветную илл. 1).

В 1837 году котел для нагрева воды по-прежнему оставался редкой роскошью. В большинстве домов воду для стирки грели на огне или на кухонной жаровне, в чайниках или кастрюлях. Естественно, это мешало готовить еду в течение дня и, кроме того, заставляло экономно использовать ресурсы. Стирка была масштабным мероприятием, требовавшим очень много тепловой энергии, много свободного места и еще больше времени. Поэтому стирку необходимо было запланировать заранее, позаботившись о том, чтобы все поели, освободив нужное место и посуду и временно отложив все остальные дела.

Перед началом стирки женщина просматривала белье, проверяя, нет ли на ткани прорех и потертостей. Процесс

стирки был настолько интенсивным, что любая маленькая дырочка могла быстро превратиться в огромную дыру, поэтому все, что требовало починки, немедленно чинили. Затем вещи сортировали по степени загрязнения и по типу ткани. Шерстяная одежда требовала более бережного отношения, чем хлопковая и льняная, а некоторые виды хлопка выдерживали более жесткую стирку и отжимание, чем другие. Ошибки на этом этапе могли дорого обойтись.

Рассортированное и заштопанное белье замачивали. Стирка хорошо замоченной одежды требовала намного меньше усилий: уличная грязь растворялась в воде, другие пятна в результате длительного замачивания становились слабее — насыщенные водой волокна ткани разбухали, сбрасывая с себя большую часть загрязнений. Во многих семьях замачиванием белья занимались по субботам. Корыта для стирки снимали и начисто протирали, затем ставили в углу кухни (или судомойни, если она была в доме),

Рис. 82. Починка и маркировка белья в образцовой коммерческой прачечной, 1884 г.

чтобы они не мешались под ногами, и наполняли водой, которую приносили в ведрах из колонки, колодца или местного ручья. Прежде чем класть белье, в воде могли развести горсть стиральной соды.

К утру понедельника белье достаточно отмокало, и можно было приступать непосредственно к стирке. В течение дня всей семье приходилось довольствоваться холодными остатками воскресного обеда, поскольку жаровню использовали для нагрева воды. Трудовой день и так начинался рано, а когда предстояло выполнить столько работы, многие женщины поднимались на несколько часов раньше обычного (еще одна причина, по которой стирка была непопулярна). В жаровне разводили огонь, все имеющиеся в хозяйстве кастрюли и чайники наполняли водой и не без труда доставляли на кухню. Все предварительно замоченное белье как можно тщательнее отжимали. После этого нужно было избавиться от грязной воды. В большинстве домов ее снова переливали в ведра и выносили на улицу в канаву или сточную яму (участок земли, засыпанный щебнем или прикрытый решеткой, где вода могла впитаться в почву, не создавая грязных луж) — домов с внутренней канализацией было очень мало. К этому времени самый маленький чайник достаточно прогревался или даже начинал закипать, и воду из него можно было использовать, чтобы превратить мыло в пену (в холодной воде мыло не действовало). В теплой воде с небольшим количеством мыла застирывали воротники, манжеты и все то, что особенно пачкалось от жира и пота. Если в доме имелась достаточно большая кастрюля, после первичного застирывания одежду примерно полчаса кипятили на жаровне. Впрочем, обычно это было нецелесообразно — во всяком случае, для больших вещей, таких как простыни, — поэтому большие вещи чаще складывали в корыто и заливали горячей водой.

Затем белье начинали отбивать или встряхивать. Здесь действовал тот же принцип, что и в современной стиральной машине, — одежду очищали путем энергичного взбалтывания в воде. Современная стиральная машина делает это, вращая одежду в барабане, так что вещи непрерывно ударяются друг о друга и о стенки барабана, благодаря чему вода проходит сквозь волокна тканей. В результате грязь отстает от поверхности одежды. В средневековой Британии для этого колотили мокрое белье большой палкой, по форме очень похожей на крикетную биту. В викторианской Британии белье перемешивали и колотили в корыте с помощью мешалки (dolly), которая выглядела как маленький трехногий табурет на длинной ручке, или колотушки (posser), напоминавшей большой колокол, тоже на длинной ручке. И мешалка, и колотушка позволяли женщине бить и энергично перемешивать одежду стоя, не наклоняясь к ванне. Опираясь на собственный опыт, я могу подтвердить, что это тяжелая работа, но все же не такая тяжелая, как стоять на коленях на полу, уже мокром от разлитой воды, и стирать одежду руками.

Как правило, получаса такой усердной «стирки» хватало, чтобы избавиться от грязи. После каждую вещь отжимали. Обычно хозяйка делала это вручную, а затем аккуратно выносила всю грязную воду и вместо нее наливала в корыто чистую воду, чтобы прополоскать одежду. За этим следовало второе отжимание, и корыто снова наполняли чистой водой. Теперь в воду добавляли немного синьки, которая делала вещи ярче (аналогичный синий краситель можно найти в современных моющих средствах). В викторианские времена синька была особенно нужна при стирке, чтобы нейтрализовать желтоватые пятна, оставленные мылом. Однако если синьку недостаточно тщательно разводили в воде, на белье могли появиться голубые разводы.

Процесс отжимания значительно упрощался, если семья могла приобрести отжимный каток для белья. Он предназначался для выжимания воды из влажного белья на каждом этапе стирки: между замачиванием и собственно стиркой, между стиркой и полосканием, между полосканием и полосканием в синьке, между полосканием в синьке и развешиванием на веревки. Каток состоял из двух деревянных роликов, соединенных пружиной, которая позволяла им раздвигаться, когда между ними проходило белье. Благодаря пружине ролики могли пропускать ткань разной толщины. Каток, безусловно, значительно облегчал процесс стирки, поскольку с его помощью вещи можно было отжать намного тщательнее, чем вручную, и при их перемещении из одного корыта в другое выплескивалось намного меньше воды. Кроме того, при работе с катком меньше страдали руки. И наконец, каток нередко сокращал количество полосканий, поскольку намного эффективнее отжимал из ткани мыльную воду.

В начале столетия каток был отдельным от каландра приспособлением. Этим последним разглаживали и придавали блеск сухому или слегка влажному белью. Первоначально каландр был размером с двуспальную кровать, а делали его из дерева. Он был полезен, поскольку снижал потребность в глажке. В прачечных больших загородных домов служанки крутили рукоять каландра, и огромный деревянный ящик, утяжеленный камнями, опускался на аккуратно сложенные простыни и скатерти, разглаживая неровности и придавая поверхности белья блеск. К концу столетия каландр превратился из огромного деревянного пресса в железную раму с двумя валиками, но, в отличие от катка, его валики были сделаны из резины, а зазор между ними чаще регулировался не пружиной, а винтом. В целом давление в каландре было намного выше, чем в катке, и с пальцами, случайно попавшими между валиками, можно было сразу попрощаться.

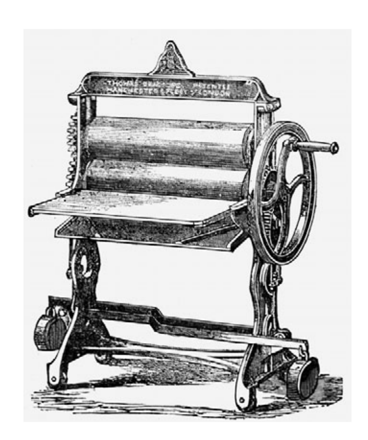

Рис. 83. Каландр

В начале правления королевы Виктории отжимные катки и каландры встречались в домашнем хозяйстве так же редко, как и нагревательные котлы. В 1860-х и 1870-х годах отжимный каток стал очень походить на каландр, а в конце столетия появились комбинированные модели. Постепенно получив более широкое распространение, они приобрели статус инструмента самообслуживания. Женщина из рабочего класса, которой удалось приобрести отжимный каток или каландр (особенно последний), могла за определенную плату сдавать его в аренду соседкам или увеличить свой заработок, начав принимать заказы на стирку. Бессчетному количеству женщин в тяжелые времена вручали каландр вместо любой другой помощи. Журнал Punch высмеивал эту традицию в карикатуре, посвященной вопиющим нарушениям правил безопасности в железнодорожных компаниях. На гравюре изображены двое мужчин, перегоняющие маневровые составы на товарной станции и обсуждающие недавнюю гибель на рабочем месте их бывшего коллеги. В ироничных выражениях они отзываются о щедрости компании, презентовавшей вдове покойного каландр вместо страховых выплат.

Архивы частных благотворительных организаций и комиссий по надзору за бедняками подтверждают, что такие подарки были обычным явлением. Одна женщина из Норфолка вспоминала, как в детстве работала с каландром, помогая матери: «Мы помогали маме зарабатывать нам всем на жизнь. Это была тяжелая работа. Поначалу мы даже не доставали до ручки, когда она поднималась наверх, и привязывали к ней шарф, за который было удобнее поворачивать ручку по кругу. Когда мы выросли и стали выше, мы уже могли поворачивать колесо без него». В 1890-х годах они вместе с сестрой работали на каландре каждый вечер, когда возвращались из школы, а по утрам, перед началом занятий, разносили чистое белье клиентам. Газета The Pall Mall в 1894 году замечала: «По-видимому, существует некая неразрывная связь между вдовством и стиркой, страданиями и каландрами».

Но вернемся к распорядку стирки. После того как партию белья пропускали через отжимный каток или каландр, дело было практически сделано — оставалось только развесить белье на просушку. Увы, в редком хозяйстве требовалось постирать за один раз только одну партию белья — в большинстве случаев их набиралось четыре или пять. Поэтому имело смысл начинать с самых деликатных и самых чистых вещей и постепенно переходить к более грубым и грязным. Это позволяло повторно использовать воду, вместо того чтобы четыре раза заново наполнять корыто для каждой новой партии. Женские чепчики, кружевные салфетки и другие тонкие и изящные вещи (если вам повезло их иметь) стирали в первую очередь, рубашки, панталоны и ночные сорочки — во вторую. За ними следовали скатерти, простыни и наволочки (как правило, по количеству партий) и наконец наступала очередь фартуков, кухонных полотенец, гигиенических салфеток и подгузников.

Если у вас были вещи из шерсти — а у большинства людей они были, поскольку нижнюю рубашку или нижнюю юбку из фланели имел почти каждый, — их следовало стирать иначе: от горячей воды и трения ткань могла испортиться или дать сильную усадку. Неправильно постиранная викторианская фланель может уменьшиться в размерах более чем вдвое — я убедилась в этом на собственном опыте. Шерстяные вещи обычно не замачивали — их клали в кастрюлю с чистой холодной водой и ставили на огонь. В воду натирали мыло и кастрюлю медленно нагревали до умеренно горячей температуры. После этого кастрюлю снимали с огня, давали немного остыть и вручную осторожно взбалтывали шерстяные вещи в теплой мыльной воде — мешалка и колотушка были для них слишком грубыми. Когда вода становилась чуть теплой, можно было слить с шерстяных вещей воду и переложить их в другую емкость с водой для полоскания, где их снова осторожно перемешивали и слегка выжимали (каландр и отжимный каток для шерстяных вещей также не использовали).

Рис. 84. Стирка в доме рабочего, 1887 г.

Я испытала на себе все радости и неудобства викторианской стирки, поскольку уделяла ей очень много времени в своей карьере, и могу с полной уверенностью заявить — это действительно очень тяжелая работа. День, потраченный на стирку, совершенно выматывает, и неудивительно, что многие женщины того времени упоминали в дневниках, что в день стирки чаще обычного возникали ссоры. Трудно сказать, что было более утомительным — перемешивать белье в корыте или ходить туда и обратно с ведрами воды, но в совокупности эти задачи оставляли женщину совершенно без сил. Лично мне не доставлял особенного неудобства густой пар, наполнявший кухню, словно туман, однако я тяжело переносила постоянные перепады температуры, когда после работы в помещении с кипящими кастрюлями приходилось выходить на холодную улицу с ведрами воды. (Даже в викторианские времена это считалось вредным для здоровья.) Чтобы управляться с тяжелыми корытами для стирки и с тяжелым мокрым бельем, требовалась большая физическая сила. По словам Кейт Мэри Эдвардс, «чтобы поднять большое деревянное корыто, нужно быть сильной, как мужчина... даже если в корыте нет мокрой одежды».

Трудно представить всю эту суматоху даже в обстановке просторной современной кухни, не говоря уже об однокомнатном викторианском доме. Испускающие пар кастрюли и чайники кипели весь день напролет, повсюду стояли корыта и тазы, мокрое белье, с которого капала вода, перекладывали туда и обратно, а о чистоте пола, по которому ходили взад-вперед с ведрами чистой и грязной воды и углем для жаровни, и речи не шло.

Движение за общественные купальни началось с того, что одна женщина из Ливерпуля во время вспышки холеры предложила соседкам пользоваться своим котлом для стирки белья. Ей принадлежал единственный нагрева-

тельный котел на улице, и без него всем было бы намного труднее поддерживать чистоту, служившую единственной доступной им мерой профилактики болезни. Котел для нагрева воды имел несколько важных преимуществ. Прежде всего, он позволял вынести стирку из пространства, где готовили пищу, — котел обычно располагался в пристройке или в подвале, вдали от кухни, что не только освобождало жаровню от бесконечных кастрюль и чайников, но и позволяло заниматься таким мокрым и хлопотным делом подальше от основного жилого пространства. Котел был также относительно дешев в эксплуатации, поскольку в его небольшой топке можно было сжигать отходы и дешевое топливо — ему не требовался такой же качественный «домашний» уголь, как для кухонной жаровни. Кроме того, он значительно превосходил размерами любые кастрюли и чайники и позволял нагревать сразу много воды. Но самое главное, котел идеально подходил для кипячения белья. В 1836 году, в разгар вспышки холеры, люди еще не знали, почему с научной точки зрения кипячение белья делает его безопасным и прекращает распространение инфекции, но они, во всяком случае, точно знали, что это работает. Позднее микробная теория объяснила, почему важно стерилизовать все вещи, контактировавшие с инфекцией. В эпоху, когда люди сражались не только с холерой, но и с сыпным и брюшным тифом и множеством других заболеваний, кипячение простыней, полотенец и нижнего белья давало шанс уберечь свое здоровье. В начале XX века нагревательные котлы устанавливали даже в домах, предназначенных для беднейших слоев населения. В 1850-х и 1860-х годах те, у кого не было нагревательного котла дома, могли использовать котел в общественной купальне, но спрос на эту услугу значительно снизился к концу столетия, поскольку у большинства людей появились собственные домашние котлы.

В более-менее обеспеченных домах стиркой занималась не сама хозяйка дома, а слуги. Там, где доходы были не так велики, для выполнения этой работы, или хотя бы ее части, приходила специально нанятая женщина. Прачки-поденщицы обычно занимались непосредственно стиркой, они не гладили и не крахмалили белье. Там, где денег хватало, чтобы содержать штат прислуги, часть могла заниматься только стиркой, особенно в тех домах, где к стирке предъявляли высокие требования. Чем выше человек поднимался по социальной лестнице, тем дороже и изысканнее становились его одежда и предметы домашнего обихода. Нижнее и постельное белье украшали рюши и кружева, простой хлопок и шерсть уступали место шелку, бархату и мехам, появлялось больше вышивки и разнообразной отделки. При этом социальное положение требовало, чтобы даже самое вычурное белье соответствовало самым высоким стандартам: его следовало туго накрахмалить, идеально отутюжить, гофрировать (сделать мелкие складки с помощью горячего утюга).

В домах и поместьях высшего класса под прачечную могли отвести сразу несколько комнат, в которых трудился отдельный штат прислуги с собственной строго соблюдаемой иерархией. Одна из таких хорошо сохранившихся прачечных находится в Эрддиге в Северном Уэльсе, в доме, которым в настоящее время управляет Национальный фонд. Большая часть оригинального оборудования полностью исправна. Кроме котлов, раковин и корыт в прачечной есть огромный каландр с деревянным ящиком, гладильная комната и сушильный шкаф с большими напольными вешалками на роликах, которые можно задвигать в обогреваемую сушильную камеру и выдвигать обратно. Прислуга в таких домах хорошо знала свое дело и могла с первого взгляда определить, из атласа или сатина сшита нижняя юбка хозяйки, изменит ли краситель цвет под горячим утю-

гом (а некоторые красители после глажки бесповоротно утрачивали цвет) и убережет ли капля аммиака одежду от линьки при замачивании или для этого понадобится после прополоскать ее с уксусом. Следует помнить, что викторианские ткани и красители существенно отличались от современных и были намного дороже. Одни фиолетовые и лиловые красители могли поблекнуть, если вы использовали вместе с мылом стиральную соду, другие фиолетовые красители становились только ярче, если вы добавляли соду при последнем полоскании. Выстиранное с мылом черное и темно-синее белье делалось неприглядно серым, но смесь тертого картофеля и аммиака позволяла добиться идеальной чистоты и при этом полностью сохранить цвет. Ткани с фактурной поверхностью слишком легко было испортить или, по крайней мере, существенно изменить их вид, и многие предметы одежды нуждались в дополнительной защите и требовали разных приемов при стирке.

Креп, самая распространенная траурная ткань, после стирки в воде мог превратиться в обычный шелковый газ. Чтобы освежить его рельефную текстуру, креп нужно было отпарить, а в случае сильного загрязнения почистить щеткой, побрызгать спиртом и аккуратно завернуть в газету до тех пор, пока спирт не испарится. Бархат тоже можно было привести в порядок только с помощью отпаривания и бережной умелой чистки щеткой. Кружево следовало аккуратно уложить на белую ткань, свернуть, перевязать сверток белой хлопковой тесемкой, а затем осторожно постирать. Это предотвращало растягивание и деформацию кружева в процессе стирки и защищало его от затяжек и разрывов.

Некоторые вещества, встречавшиеся в оборудованных по последнему слову техники викторианских прачечных, отличались высокой токсичностью или просто были небезопасны: хлороформ добавляли, чтобы сделать вещи ярче после стирки, ацетат свинца служил закрепителем

для нестойких красителей, с той же целью применяли и серную кислоту. Для домашней сухой чистки использовали целый ряд растворителей, самым безобидным из которых был спирт, в частности джин, который широко рекомендовали из-за его дешевизны и прозрачного цвета. Кроме того, сухую одежду можно было почистить щеткой. В наши дни мало кто знает, как чистить одежду щеткой, но для любой ткани с ворсом, а также для шерстяных тканей это один из самых подходящих и действенных способов. Прежде всего нужно выбрать для работы правильную щетку, щетина которой соответствует прочности и упругости материала, который вы собираетесь почистить. Шелковистое сукно высококачественного уличного пальто лучше всего чистить щеткой с короткой и жесткой щетиной. Бархату требуется щетка с очень мягкой, но упругой щетиной, которая не протирает ткань, но слегка проникает в нее, удаляя загрязнения. Способ чистки также выбирают в зависимости от ткани, типа загрязнения и общей формы одежды. В больших домах сухой чисткой одежды занимались чаще всего не служанки из прачечной, а горничные и камердинеры. В небольших домах чисткой нередко занимались сами владельцы одежды. Чистка собственного сюртука и брюк была одной из немногих домашних обязанностей, которые соглашался взять на себя викторианский мужчина из среднего класса.

Независимо от того, заботился мужчина о своем сюртуке самостоятельно или за него это делал камердинер, одежду сначала нужно было повесить на деревянные козлы и осторожно поколотить по ней небольшим прутом или тростью. Женский хлыстик для верховой езды считался лучшим инструментом для выбивания пыли. Желательно было не наносить слишком сильные удары, чтобы не оторвать пуговицы. Для качественной чистки нужны были две одежные щетки — жесткая и мягкая. Первую следовало использовать

только для удаления присохшей уличной грязи, вторая была нужна, чтобы избавиться от волосков, пуха и пыли: она не повреждала ворс сюртука так, как это делала жесткая щетка. Выбитый сюртук раскладывали на столе воротником влево (если вы правша), чтобы движения щетки были направлены по всей длине одежды сверху вниз. Сначала чистили внутреннюю часть воротника, затем спину и рукава. Щетка двигалась по направлению ворса ткани, от плеч до подола. После этого обрабатывали лацканы и, наконец, внешнюю сторону воротника, который затем поднимали и таким же образом чистили с изнанки. Эта процедура могла полностью преобразить унылый, поношенный наряд.

Мой коллега однажды решил произвести подобную операцию, но для начала, следуя викторианским инструкциям, натер ткань трубочной глиной. Он собирался почистить свой пиджак, в котором девять месяцев занимался тяжелым сельскохозяйственным трудом. Я знаю, что поначалу он отнесся к этому методу с недоверием, но результат его совершенно потряс. Я много лет чистила подобным образом разные виды одежды и могу сказать, что после хорошей чистки щеткой и проветривания на улице в солнечную погоду (в вывернутом наизнанку виде) пальто и шерстяные пиджаки становятся чище и пахнут приятнее, чем после большинства современных химчисток.

В домах среднего и рабочего класса стирку устраивали в среднем один раз в неделю, хотя после дня стирки еще несколько дней обычно уходило на крахмаление и глажку чистого белья. В больших домах могли стирать гораздо реже. В XVII – XVIII веках некоторые из чистого снобизма предпочитали устраивать очень редкие и, как следствие, грандиозные сеансы стирки вместо небольших и регулярных – не потому, что меньше заботились о чистоте, а потому, что у них было больше одежды. Если человек располагал всего тремя комплектами нижнего белья, очевидно, ему приходилось ча-

сто стирать, чтобы всегда иметь чистую смену. Но если у вас был огромный запас одежды, дни стирки могли отстоять друг от друга намного дальше. Хвастаясь, что вы стираете белье всего четыре раза в год, вы сообщали окружающим, что всем вашим домочадцам хватает сменной одежды на три месяца. Конечно, некоторые предметы, такие как подгузники и гигиенические прокладки, следовало стирать вскоре после использования, но простыни, полотенца и рубашки можно было откладывать на потом. Так что некоторые аристократические семьи устраивали прачечную только в одном из принадлежавших им домов и отправляли туда все свое грязное белье, независимо от того, где в это время жили сами, твердо уверенные в том, что имеющегося чистого белья им вполне хватит до возвращения следующей партии из стирки. На другом конце социальной иерархии находились те, кто с трудом сводил концы с концами и имел всего один комплект белья. В таких семьях стирали ночью, в постель ложились голыми, а утром натягивали на себя еще влажную одежду.

Согласно переписи 1861 года, 167 607 человек в это время работали в профессиональных прачечных. Из них 99 % составляли женщины. В 1901 году общая цифра возросла до 205 015 человек. В отличие от многих других предприятий, здесь число замужних женщин превышало число одиноких. Большинство работало в небольших прачечных, многие брали стирку на дом. Больше всего прачечных (около 50 тысяч) насчитывалось в Лондоне, хотя немало их было также в портовых городах, в Оксфорде, Кембридже и на популярных морских курортах. Везде, где находились крупные учреждения или наблюдался сезонный приток жителей, появлялось больше работы для коммерческих прачечных. Например, в Глазго проживало более 3500 прачек, а в деревне Хедингтон на окраине Оксфорда платной стиркой занималось почти все взрослое женское население. Работать приходилось сверхурочно,

платили мало, но эту работу не нужно было долго искать, и она не требовала денежных вложений или дополнительного обучения. Кроме того, эта профессия позволяла совмещать работу с выполнением домашних обязанностей. Женщины, стиравшие на дому, могли одновременно заниматься другими делами и присматривать за детьми. Их, кстати, нередко привлекали к стирке. Упомянутая Кейт Мэри Эдвардс и ее сестра не были единственными детьми, которые крутили ручку каландра и доставляли белье. Питер Арнольд в автобиографии вспоминает, как они вместе с сестрами собирали и разносили свертки с бельем. Свертки приходилось привязывать к телу веревкой — они были такими большими, что дети не могли унести их в руках. Детям старшего возраста нередко приходилось таскать воду и уголь, а девочек особенно часто принуждали к изнурительной многочасовой глажке белья.

Женщинам, работавшим в крупных прачечных, тоже удавалось совмещать работу с семейными обязанностями. Но, поскольку днем стирки традиционно считался понедельник, основная часть заказов поступала в прачечные в понедельник утром, и получить свои вещи клиенты хотели к субботе. В результате прачкам приходилось несколько дней подряд работать сверхурочно, а затем они на какое-то время оставались почти без работы. В какие именно дни недели возрастала занятость, зависело от того, где женщина работала — в самой прачечной или в «отделочной», где белье крахмалили, гладили и упаковывали. Многим прачкам приходилось работать сверхурочно по четыре — четыре с половиной дня в неделю, после чего они могли посвятить время собственной еженедельной стирке, покупкам и работе по дому.

Самой прибыльной работой в прачечной была глажка, особенно если приходилось гладить предварительно накрахмаленную одежду с изящными оборками и рюшами,

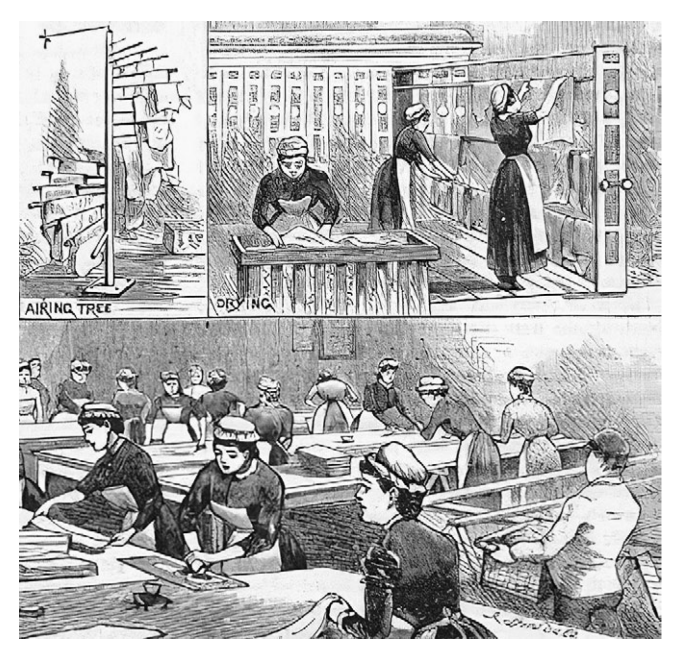

Рис. 85. Глажка белья в коммерческой прачечной, 1884 г.

придавая им нужный вид с помощью утюгов разного размера и формы. Это тоже была тяжелая работа, поскольку утюги нужно было постоянно подогревать на плите, но она все же требовала меньшей физической выносливости, чем непосредственно стирка. Утюг представлял собой простую металлическую болванку определенной формы. Он нагревался весь целиком, вместе с ручкой, и, чтобы снять его с плиты, работницы пользовались прихваткой из сложенной в несколько раз сухой ткани. Умение определять степень нагрева утюга приходило с опытом. Можно было слегка хлопнуть сухой рукой по поверхности утюга или плюнуть на нее и понаблюдать за тем, как быстро высохнет шипящая и пузырящаяся слюна. Хлопок и лен следовало гладить хорошо прогретым утюгом, но перекаленный утюг мог прожечь ткань.

В начале XX века в крупнейшие коммерческие прачечные начали проникать новые технологии и оборудование. Лучше всего проявили себя паровые стиральные машины. Ручные стиральные машины появились еще в начале правления королевы Виктории, но они не сокращали трудозатраты и, по сути, мало чем отличались от мешалок и колотушек, только вместо того, чтобы взбалтывать белье в корыте, приходилось бесконечно вращать рычаг. Многие женщины, столкнувшись с такими машинами на работе, просто отказывались ими пользоваться. Совершенно новым изобретением были паровые барабаны, которые начали появляться в 1880-х годах. Современная домашняя стиральная машина имеет много общего с этими устройствами. Одежду складывали в большие барабаны, наливали внутрь воду и добавляли мыло, после чего барабан запечатывали. Энергию для вращения барабана давал паровой двигатель. В отличие от сегодняшних стиральных машин, эти барабаны не могли отжимать белье. Однако они действительно делали процесс стирки намного менее трудоемким. К сожалению, их использовали только в промышленных масштабах, и приобрести их могли лишь самые крупные предприятия.

Мой опыт исторической стирки убедил меня в том, что появление стиральной машины с приводом стало одним из главных условий освобождения женщин — благодаря изменениям, которые это изобретение повлекло, его можно поставить в один ряд с контрацепцией и избирательным правом.

ДОМАШНЯЯ МЕДИЦИНА

В XXI веке люди болеют совсем не так, как в викторианские времена. Корь, дифтерия, коклюш, туберкулез, холера и брюшной тиф мрачной тенью нависали над каждым

домом в XIX веке. Антибиотики еще не изобрели, обезболивающих средств было гораздо меньше. Немногочисленные маленькие больницы имели дело в основном с бедняками, и охват населения был фрагментарным. Траты на врача могли оказаться не по карману даже сравнительно богатым семьям, и больные чаще всего оставались дома под присмотром родственниц. При таких высоких показателях смертности и заражения практически всем женщинам — матерям, женам, сестрам и дочерям — приходилось рано или поздно ухаживать за кем-нибудь из близких во время тяжелой болезни. В основном домашняя медицина заключалась в назначении больному пугающего количества лекарств и исполнении при нем роли сиделки. Лекарства разрабатывали профессиональные врачи (почти исключительно мужчины) при поддержке профессиональных фармацевтов (в основном также мужчин), однако ответственность за выполнение их инструкций на практике и за выдачу лекарств возлагали на обычных, не имеющих медицинского образования женщин.

Холера — характерное заболевание полуострова Индостан — погубила многих английских колонистов. В 1831 году она попала в Британию, первоначально в Сандерленд. Затем она распространилась на север вдоль прибрежных судоходных линий — сначала захватила долины Шотландии, затем спустилась еще ниже, в Лондон, и протянула щупальца в остальные части страны. Холера отличается высокой заразностью и распространяется, как мы теперь знаем, при попадании фекального вещества в систему водоснабжения. Человек, заболевший холерой, может умереть через два дня после появления первых симптомов, и в течение этих двух дней он сам становится чрезвычайно заразным.

В 1832 году болезнь дошла до городка Билстон близ Вулвергемптона. Уильяму Миллуорду, проживавшему на Дак-лейн, было 26 лет. Он был инженером, довольно пер-

спективным профессионалом среднего класса, так что возможность обратиться за врачебной помощью у него была. Жил Миллуорд в удобном, хорошо обустроенном доме. Примерно 20 августа у него началась рвота. Скорее всего, в течение часа за ней последовала сильнейшая диарея. Он не мог контролировать свои телесные отправления, и вся его одежда вместе с постельным бельем оказалась испачкана — ему не хватало сил воспользоваться ночным горшком. Если бы в тот вечер к нему вызвали врача, он назначил бы больному лишь лекарство на основе опия, чтобы облегчить боль, главную надежду возлагали на собственные силы человека и на заботу сиделки. Жертва болезни страдала от сильного обезвоживания, но любая жидкость, в том числе и вода, не усваивалась организмом. К исходу следующего дня у большинства больных синели губы, вваливались щеки, желтела кожа. Уильям умер 24 августа.

В 1832 году никто точно не знал, чем вызвано распространение холеры, но большинство считало, что болезнь связана с запахом. Самый большой шанс на выживание семья получала, если ей удавалось наилучшим образом избавиться от следов рвоты и фекалий больного. Все вещи по возможности стирали и кипятили, а комнаты окуривали серой. (В результате под угрозой заболевания чаще всего оказывались женщины, занимавшиеся стиркой. Если они тоже подхватывали болезнь, их могли срочно отправить в больницу в надежде защитить остальных домочадцев, хотя удручающие показатели выживаемости в благотворительных лечебницах давали мало надежды на выздоровление самой больной.) Несмотря на все усилия семьи Миллуорд, двухлетняя Кэтрин три дня спустя сошла в могилу вслед за Уильямом.

Если холера угрожала даже людям из среднего класса, проживающим в хорошем доме, для людей с ограниченными ресурсами это испытание неизбежно оказывалось

еще более трудным. Возможность вызвать врача не играла почти никакой роли, принципиальное значение имело то, что в тесных и грязных помещениях было намного сложнее изолировать больного человека от здоровых. Не имея достаточного запаса одежды и постельного белья, пациента невозможно было содержать в чистоте, и это повышало риск для всех остальных членов семьи.

В одном городке с Уильямом жили три шахтерские семьи Бейли, вероятно, связанные между собой родством. Джон и Элизабет жили на Эттингшел-лейн, им было по 40 лет. Элизабет заболела и скончалась 15 августа, а Джон последовал за ней на следующий день. Их семилетняя старшая дочь продержалась еще две недели, а четырехмесячная малышка Энн дожила до середины сентября — все это время за ней, вероятно, присматривали соседи или родственники. Возможно, поначалу Энн взяла к себе еще одна семья Бейли, также живущая на Эттингшел-лейн, — Уильям и Элизабет. Уильяму было 30 лет, его жене на два года меньше, и у них была собственная пятимесячная дочь. Все они умерли к концу августа. Третья семья Бейли жила сразу за углом, на Лестер-стрит. Томас, Элизабет и трое их детей, Джон, Генри и Энн, умерли один за другим в течение восьми дней.

Были и те, кто выжил: удачливого больного спасал собственный крепкий организм, а кроме того, помогало сочувственное и настойчивое выкармливание. Самой эффективной жидкой пищей для частого приема были некрепкий говяжий бульон, содержавший природные соли, и ячменный отвар, содержавший небольшое количество сахара. В то время никто этого не знал, но слабый водный раствор соли и сахара мог обеспечить организму необходимую регидратацию после тяжелой диареи. К сожалению, многие люди погибли из-за отсутствия необходимых знаний. Но иногда больному удавалось случайным образом получить

эти простые восстанавливающие средства из других продуктов и жидкости. Однако для того, чтобы заставить больного холерой принять то количество жидкости, которое действительно могло как-то изменить его состояние, требовались самоотверженность и отвага. Уход за больными в таких ужасных условиях был настоящим подвигом.

Обычно женщины учились ухаживать за больными неформально, перенимая навыки у близких или вспоминая, как за ними самими ухаживали во время болезней в детстве. Так что методы домашнего ухода были крайне разнообразны. При этом в них, как правило, совершенно не учитывались новые прогрессивные идеи, в защиту которых выступали профессиональные медики. Врачи неустанно высказывались в печати и устно против ужасных, с их точки зрения, условий содержания больных. В частности, они критиковали стремление многих женщин держать пациента в как можно более теплом помещении, разводить огонь, не допускать сквозняков и накрывать больного несколькими одеялами — по мнению врачей, все это приводило к застою инфицированного воздуха около пациента и скапливанию на поверхности кожи токсинов, которые организм мог вторично впитать. Специалисты также протестовали против настойчивого стремления женщин неограниченно давать пациентам слабительные средства, несмотря на то что сами они тоже регулярно прописывали пациентам эти препараты. Критике нередко подвергалась и пища, которой женщины кормили больных, — ее считали слишком плотной и трудноусвояемой.

В среде бедняков и рабочего класса, где возможностей получить консультацию профессионального медика было меньше, такие методы ухода за больными просуществовали без изменений до конца правления королевы Виктории. Врачи и филантропы, пытавшиеся помогать беднякам в конце столетия, приходили в ужас. Очевидное невежество

в вопросах здоровья приводило их в замешательство, но еще больше шокировали ужасные условия, в которых жили бедняки. В частности, очень много беспокойства вызывало отсутствие вентиляции. Бедняки изо всех сил старались не пускать в свои дома холодный воздух, ресурсов для полноценного обогрева комнат не было, и они просто укутывали больных как можно теплее. Кроме того, в домах рабочих нередко грелись друг о друга — члены семьи становились живыми грелками. Также было принято грудное вскармливание больных — слабого, болезненного взрослого женщина могла кормить грудью, как младенца. Это был старинный и широко известный метод ухода за больными, описанный еще в Ветхом Завете, где его превозносили как подвиг великого милосердия. Однако поздневикторианские филантропы и врачи считали это неприемлемым, и многие относились к этой практике с отвращением.

Кроме грудного молока бедняки — как живущие в сырой ветхой деревенской хижине, так и ютившиеся в грязных городских трущобах ввосьмером в одной комнате — старались подкрепить силы больного самой хорошей пищей, какую могли найти. Вместо обычного хлеба и джема больному могли приготовить особое лакомство — например, яйца всмятку. Еще одной разновидностью традиционной лечебной пищи было заливное из телячьих ножек — считалось, что в нем в концентрированном виде содержится вся польза мяса. В XVIII веке женщины, занимавшиеся благотворительностью, приносили это блюдо больным своего прихода или округа. Бедняки в XIX веке продолжали придерживаться этой традиции, дававшей им живительную пищу и шанс на исцеление.

Между тем профессиональные медики отстаивали методы ухода, наиболее полно описанные Флоренс Найтингейл в «Заметках об уходе за больными» (Notes on Nursing). Эта книга, опубликованная в 1859 году, до конца века оста-

валась главным руководством для профессиональных сиделок и для всех женщин из среднего класса, ухаживавших за больными в домашних условиях. В основу сочинения легли принципы «санитарного» движения, впервые изложенные в 1830–1840-х годах. Концепция санитарии и санации включала диапазон медицинской помощи, особое значение придавали окружающей обстановке и свежему воздуху. Окна больничной палаты следовало держать открытыми, а пациентов размещать на достаточном расстоянии друг от друга, чтобы между ними мог циркулировать чистый воздух. Ночные горшки следовало немедленно выносить, чтобы избавиться от ядовитого воздуха. Легкое воздухопроницаемое постельное белье способствовало рассеиванию выделяемых телом ядовитых испарений. Простая незамысловатая пища облегчала процесс пищеварения, а тихая, спокойная атмосфера помогала обрести душевный покой. Каждая мелочь была направлена на то, чтобы избавить больных от зараженных отходов и испарений и дать организму время для отдыха и восстановления. Перевозбуждение и чрезмерная стимуляция были строго запрещены.

Однако, несмотря на то что врачи охотно ссылались на «Заметки об уходе за больными» (требования строго следовать указаниям врача укрепляли их авторитет), к моменту публикации книга уже устарела с медицинской точки зрения. В частности, в ней ничего не говорилось о новых методах использования дезинфицирующих средств, необходимых согласно микробной теории. Будучи книгой, которую написала женщина, «Записки» поддерживали традиционное гендерное распределение ролей: уход за больными был женской профессией, не предполагавшей применения никаких терапевтических методик или лекарств – все это оставалось уделом мужчин. Поскольку господствующая медицинская мысль всецело поддерживала книгу, на нее ссылались почти во всех

викторианских сочинениях на эту тему. Всякий раз, когда возникала тема ухода за больными — от «Книги о ведении домашнего хозяйства» миссис Битон в 1861 году до «Домашнего доктора» Макгрегора-Робертсона в 1890 году, — читателям рекомендовали обратиться к сочинению Флоренс Найтингейл.

В своей книге миссис Битон рекомендовала каждой хозяйке иметь в доме запас готовых к употреблению лекарственных средств. Список состоял из 26 наименований, среди них были как готовые фирменные препараты, так и ингредиенты, из которых их делали. Все они отличались невысокой ценой и были широко доступны, любое можно было купить в аптеке без рецепта. В список вошли «синие пилюли», одно из чудесных средств от всех болезней того времени. Это лекарство, приносившее производителю немалую прибыль, готовили по секретному рецепту — со-

Рис. 86. Комната больного

гласно заверениям, оно излечивало от самых разных недомоганий и заболеваний, от холеры до болезней печени, гриппа, ревматизма и сифилиса. Произведенный позднее анализ «синих пилюль» показал, что они содержат ряд сильных слабительных компонентов и дозу ртути. Безусловно, эти вещества оказывали на организм весьма заметное действие, но при этом вряд ли улучшали самочувствие. Кроме готовых фирменных лекарств в список миссис Битон входили порошок опия и лауданум (спиртовой раствор опия). Их рекомендовали принимать как обезболивающее и жаропонижающее при любых недомоганиях, а также при расстроенных нервах. Другие рекомендованные лекарства — например, листья сенны (еще одно слабительное) и эпсомские соли (от расстройства желудка) — были не так опасны для домашнего использования.

Кроме лекарств, миссис Битон рекомендовала приобрести для домашней аптечки ряд инструментов, в том числе ланцет (для вскрытия фурункулов, удаления бородавок, извлечения заноз и других незначительных хирургических операций), пинцет (для извлечения инородных тел), щипцы (для помощи в трудных родах) и изогнутые иглы (для зашивания ран). В сущности, этот список дает наглядное представление о том, какие медицинские манипуляции в те времена производили женщины в домашних условиях. Профессиональных медиков вызывали только в самых крайних случаях, и обычная женщина, не имевшая медицинской подготовки, нередко самостоятельно подбирала дозу опиатов и проводила небольшие хирургические операции. Конечно, если ей хватало образования и финансовых возможностей, она могла обратиться к специальной литературе. Но в основном она полагалась на те знания, которые могла получить от окружающих, на сенсационные обещания рекламы и на средства, купленные в аптеке.

Реклама обладала огромной силой и в большинстве случаев играла определяющую роль в отношениях публики с викторианской медициной. Первые фармацевтические компании могли беспрепятственно манипулировать поведением покупателей и нередко меняли рекламные тексты, ссылаясь на последние научные открытия, как реальные, так и воображаемые. Сама по себе рекламная индустрия в начале и середине XIX века была абсолютно нерегулируемой, что развязывало руки производителям и продавцам, позволяя им делать любые заявления о своей продукции, сколь угодно неправдоподобные и даже откровенно лживые. В 1908 году, вскоре после окончания Викторианской эпохи, Британская медицинская ассоциация, обеспокоенная засильем рекламы, вводящей потребителей в заблуждение, подвергла анализу некоторые популярные лекарства. Результаты были опубликованы в книге «Тайные средства» (Secret Remedies). Например, реклама «Пилюль Бичема» (Beecham's Pills), которые изготавливал и продавал Томас Бичем, начавший свою деятельность в Сент-Хеленс в 1850-х годах, утверждала, что в состав пилюль входят только лекарственные травы. На этикетке были перечислены 29 заболеваний, при которых помогали эти пилюли, — от больных ног до печени и даже головы. Однако химический анализ показал, что пилюли не содержат в себе ничего, кроме алоэ, имбиря и мыла. Уже тогда медики понимали, что подобная смесь вряд ли способна от чего-нибудь излечить, а тем более помочь при тех серьезных заболеваниях, которые упоминала реклама. В лучшем случае это было плацебо. Однако Томас Бичем отлично разбирался в рекламе и продолжал вкладывать огромные суммы в продвижение своего товара. Только в 1891 году его компания потратила на рекламу 120 000 фунтов стерлингов — этих денег хватило бы на покупку небольшого поместья.

Еще одним широко известным сомнительным лекарством был «Туберкулозин» (Tuberculozyne) — американский препарат, который, как утверждали, мог справиться с туберкулезом. Лекарство продавали в виде двух отдельных бутылочек с жидкостями, которые нужно было принимать одну за другой. Анализ показал, что первая жидкость состояла из бромида калия, ряда красителей и ароматизаторов, каустической соды и воды. В состав второй жидкости входили глицерин, миндальный ароматизатор, вода и карамельный краситель. Обе жидкости не оказывали ни малейшего терапевтического действия — по сути, это была подкрашенная ароматизированная вода, которую продавали как лекарство. Увы, поскольку законов, обязывающих производителей размещать на упаковке список ингредиентов, еще не существовало, недобросовестная реклама становилась для большинства покупателей единственным источником сведений о продукте.

Что касается «Пилюль Бичема» и «Туберкулозина», сегодня можно немного утешиться тем фактом, что ни одно из этих средств не могло причинить человеку настоящего вреда. Но среди популярных в 1837 году лекарств были и такие, которые содержали каломель (производная ртути) и лауданум. Эти чрезвычайно опасные отравляющие и наркотические препараты были доступны в разных формах и под разными наименованиями. Их активно раскупали, а значит, они приносили производителям огромную прибыль. При отсутствии каких-либо ограничений на покупку и продажу лекарственных средств женщины в первые несколько лет правления королевы Виктории могли приобретать и использовать все те препараты, к которым имели доступ профессиональные медики. Многие из тех, кому не по карману были услуги врача, относились к этой возможности крайне положительно. Если вы смогли определить, чем болеете, зачем тратить деньги на врача, ведь

лекарство, которое он назначит, можно купить у аптекаря или даже приобрести ингредиенты и самостоятельно приготовить дома, что обойдется еще дешевле.

Несколько сотен лет назад женщины самостоятельно занимались производством домашних лекарств. Обеспеченные женщины могли устраивать дома что-то вроде лабораторий (их название — still rooms — было связано с процессом дистилляции), у большинства женщин такой возможности не было, но им все же хватало знаний, чтобы приготовить пару десятков самых нужных растительных снадобий. Обычно женщины просто лечили травами (сложные химические препараты изготавливали профессионалы-мужчины, имевшие средства и подходящее оборудование) — и эти навыки долгое время оставались частью традиционных женских умений, наряду с умением печь хлеб. К 1837 году профессиональные медики уже добрую сотню лет высмеивали этот традиционный комплекс навыков в надежде, что достижения науки смогут навсегда покончить с суевериями. Но настоящие изменения начались, только когда женщины стали переезжать из сельской местности в города в поисках работы и потеряли доступ к тем растениям, которые когда-то составляли основу их лекарств. К началу Викторианской эпохи традиционная роль женщины как домашнего врача претерпела значительные изменения: из производителя лекарств она превратилась в покупателя. И все же решения о том, какие лекарства принимать и когда это делать, оставались под контролем женщины.

Только после принятия Закона об аптеках в 1868 году женщины столкнулись с ограничением права на покупку лекарственных средств. Закон, позволяющий контролировать продажу определенных веществ, был принят после серии скандалов, связанных с отравлениями (как случайными, так и преднамеренными). С этого момента каждый,

кто желал купить вещество, входящее в недлинный список ядов, — главным образом мышьяк и цианид, — должен был расписаться за него. Покупка не запрещалась, но, прежде чем взять у покупателя деньги, фармацевт (обязательно квалифицированный фармацевт) обязан был задать несколько вопросов о том, как покупатель собирается использовать приобретенное средство, и дать ему расписаться в учетной книге.

Поскольку в домашних условиях распорядок приема находившихся в свободной продаже лекарств чаще всего определяли женщины, реклама продукции фармацевтических компаний беззастенчиво играла на традиционных женских обязанностях и страхах. Излюбленным приемом был неприкрытый эмоциональный шантаж. Реклама «Фруктовых солей Эно» (Eno's Fruit Salts) изображала возносящихся на небеса маленьких ангелочков с крылышками, а подпись гласила: «Угроза жизни многократно возрастает без такой простой меры предосторожности, как “Фруктовые соли Эно”». Место старинных приемов лечения травами заняли регулярная очистка кишечника и очищающие кровь «тоники». Эти средства стали частью жизни многих семей — к ним относились почти так же, как люди в XXI веке относятся к витаминным добавкам. Традиция превентивного приема тех или иных оздоровительных веществ существовала во все времена — начиная со сдобренных соком пижмы весенних омлетов в XVI и XVII веках, очищающего кровь сиропа из инжира и касторового масла в викторианский период и заканчивая сегодняшними витаминными добавками и йогуртами с полезными бактериями. Каждое средство отражало актуальные для своего времени страхи и переживания. Эпсомские соли и листья сенны из списка лекарств миссис Битон полностью соответствовали этой традиции. Читательницы миссис Битон, как и большинство викторианских женщин из

всех слоев общества, считали своим долгом следить за тем, чтобы все члены семьи регулярно опорожняли кишечник, поэтому лекарства и препараты, позволявшие этого добиться, пользовались чрезвычайной популярностью.

Обезболивание в 1837 году давал главным образом лауданум, но со временем широко распространились новые методы приготовления опиатов, и появились более эффективные обезболивающие препараты. Препарат «Хлородин» (Chlorodyne) в 1848 году разработал доктор Коллис Браун, в то время служивший в Индии военным врачом. В 1854 году, когда он находился в увольнительной на родине, его попросили помочь в борьбе с холерой, вспыхнувшей в деревне недалеко от того места, где он жил. Два года спустя он открыл бизнес по производству и продаже препарата, который принес облегчение многим больным в Британии и в ее колониях. В отличие от множества других лекарств, популярность этому препарату обеспечила не агрессивная

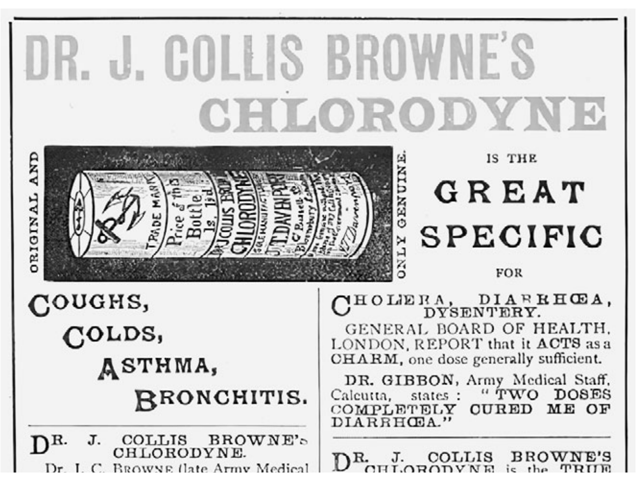

Рис. 87. Полученный в 1848 г. «Хлородин», согласно этой рекламе, применялся при кашле, простуде, астме, бронхите, холере, диарее и дизентерии

реклама, а народная молва. И в отличие от многих других препаратов, продававшихся в 1840-х и 1850-х годах, этот действительно позволял людям почувствовать себя лучше. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, если знать, что он состоял из смеси морфия (разновидности морфина) и хлороформа. Это была чрезвычайно мощная смесь: в одной бутылке содержалось 36 доз хлороформа и 12 доз морфия. «Хлородин» вызывал сильную зависимость, в более поздних его формах даже содержались следы экстракта каннабиса. При этом «Хлородин» был не единственным лекарством с хлороформом. Это вещество повсеместно применяли для облегчения боли при родах и входило в состав лекарств от кашля и от холеры.

Еще одним популярным лекарством был кокаин, впервые выделенный из листьев коки в 1860 году. Однако широкое распространение он получил только в 1880-х годах, когда его стали активно добавлять в тонизирующие вина, которые рекомендовали в качестве общего бодрящего средства для тех, кто страдал от утомления, вялости, нервозности или подавленного состояния духа. Героин появился позже, в середине 1890-х годов, примерно в одно время с аспирином. В конце столетия морфин, опиум, кокаин, лауданум, героин, хлороформ, эфир, аспирин и каннабис можно было купить без каких-либо ограничений и за очень небольшие деньги в любой аптеке[1]. Многие люди, возможно, даже не знали, что покупают именно их, поскольку эти ингредиенты просто входили в состав огромного количества патентованных лекарств и «тоников».

---

[1] Большинство упомянутых веществ включены в Список I наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен в соответствии с законодательством и международными договорами, или в Список II наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых ограничен и в отношении которых устанавливаются меры контроля.

Рис. 88. Вино из коки, обогащенное кокаином, считалось «мощным нервным стимулятором при усталости души и тела»

В результате наркотическая зависимость стала одной из главных примет жизни в Викторианскую эпоху. Считается, что пристрастие к лаудануму питали Флоренс Найтингейл, поэтесса Элизабет Баррет Браунинг и Элизабет Сиддалл, жена и натурщица художника и поэта Россетти. Даже сыщик Шерлок Холмс из рассказов сэра Артура Конан Дойла был человеком своего времени и тоже страдал опиумной и героиновой зависимостью. Любое серьезное заболевание, даже если его в конце концов удавалось победить, могло превратить человека в наркомана, поскольку врачи и домашние сиделки одинаково щедро давали больным опиаты. Эта опасность не осталась незамеченной. Страх перед наркотической зависимостью красной нитью проходит через весь текст «Советов женам» доктора Пай Чевасса. Свои рекомендации о холодных ваннах и длительных прогулках он сопровождает пространными пылкими обращениями к молодым женщинам, призывая их полностью отказаться от лекарственных опиа-

тов. Популярность оздоровительных водных процедур в XIX веке не в последнюю очередь была связана с тем, что они служили альтернативой наркотическим препаратам. К сожалению, водные процедуры обходились дорого — лауданум был намного дешевле: он стоил около пенни за 28 г (столько же стоила буханка хлеба).

Трудно определить точное количество людей, страдавших наркотической зависимостью. Никто не регистрировал признанных наркоманов и не учитывал данные о продажах наркотических лекарственных средств. В свидетельстве о смерти никогда прямо не указывали в качестве причины наркотическую зависимость или передозировку — они скрывались за такими фразами, как «угасание», «пневмония» или «скончался во сне». Кроме того, признаки зависимости порой было трудно отличить от признаков бедности и лишений. Впалые щеки и глаза у подопечных работного дома могли быть следствием голода и переутомления, а вовсе не опасного пристрастия к морфину. Понять, какое место наркотическая зависимость занимала в жизни богатых людей, также нелегко, поскольку, учитывая распространенность хронических заболеваний и отсутствие эффективного лечения, многие обеспеченные мужчины и женщины делались инвалидами.

В викторианский период часто отмечали, что женщины больше мужчин склонны к зависимости от «снадобий». Возможно, это было проявлением мизогинии, но, поскольку за домашнюю аптечку обычно отвечали женщины, а не мужчины, не исключено, что женщины действительно чаще употребляли опиаты. Тем более что опиаты были доступны, а производители не жалея сил рекламировали свои вызывающие привыкание «тоники» как лучшие укрепляющие средства для измотанных работой, переутомленных или склонных к «истерии» женщин.

Диагноз «истерия» в то время включал в себя целый ряд симптомов. Позднее, в начале XX века, это стали называть нервным расстройством, в 1930-х и 1940-х годах — психическим истощением, а в XXI веке — депрессией. В XIX веке было принято считать, что истерией страдают только женщины. И сам термин, и понимание сущности болезни восходили к древнегреческой медицинской мысли. Согласно этой традиции, матка женщины могла свободно перемещаться в пределах туловища, и ее подъемы и спуски мешали правильной работе всего тела и особенно «разума». Вопреки данным анатомических исследований викторианская медицина утверждала, что между репродуктивными функциями женщины и ее психическим равновесием существует прямая связь (остатки этого убеждения в наши дни прослеживаются в примитивных популярных представлениях о «гормональном поведении» женщин). Методы лечения женщин с истерией отличались большим разнообразием: от «тоников» на основе опиатов до холодных ванн и электрошока в 1880-х и 1890-х годах. Небольшие электростатические машины с ручным приводом широко рекламировали и предлагали для домашнего использования. Многие аптекари держали в соседнем помещении такую машину для проведения лечебных сеансов за небольшую плату. Врачи и медицинские учреждения приобретали более крупные и мощные аппараты. Зарядив устройство, пару контактов прикладывали к разным частям тела — к вискам в случае мигрени или к груди при лечении астмы, — что замыкало электрическую цепь и направляло ток сквозь тело пациента. О широком применении этого аппарата для лечения женской истерии, а также о викторианском понимании болезни в целом свидетельствует то, что большинство аппаратов были оснащены вагинальной насадкой.

11

Дети идут в школу

В викторианский период интерес к школьному образованию и уверенность в его пользе постоянно росли. Образование стали воспринимать не только как средство добиться успеха в жизни, но и как необходимое условие экономического развития нации. Многие участники политической борьбы, выступавшие за введение всеобщего избирательного права (движение чартистов), считали образование важным инструментом, благодаря которому люди смогут использовать свой голос с умом. По мнению других, образованная рабочая сила способствовала повышению производительности и внедрению инноваций. Для третьих это был вопрос защиты нравственных ценностей — образование способствовало распространению понятий о гигиене и здоровом образе жизни, а также религиозных идей.

Самым большим препятствием были деньги. Кто будет платить жалованье учителям, покупать книги, строить школы? Частная благотворительность могла лишь до определенной степени повлиять на решение этих вопросов, финансовые возможности родителей тоже были не безграничны. В самом начале XIX века два человека, Джо-

зеф Ланкастер и Эндрю Белл, ввели в Британии систему, которая обещала существенно сократить расходы на образование и одновременно обучить основам грамотности больше детей. Это была система старост — суть ее состояла в том, что учитель проводил урок для нескольких старших учеников, а те передавали полученные знания группе детей младшего возраста. Джозеф Ланкастер утверждал, что один-единственный учитель может управлять целой школой, независимо от ее размеров, и что всей школе хватит одной книги, чтобы научиться писать буквы, второй — чтобы читать, и третьей — чтобы решать задачи. Он считал, что один образованный человек может обучить пять сотен мальчиков или девочек, и это будет стоить от четырех до семи шиллингов на ребенка в год.

Такие школы представляли собой одно большое помещение с рядом парт посередине, за ними сидели мальчики (в начале века были также школы для девочек и школы со смешанным обучением, но подавляющее большинство предназначалось только для мальчиков), занятые письмом. По стенам в отдельных зонах, которые назывались «драфт», были развешаны грифельные доски. Около этих досок стоя собирались небольшие группы мальчиков, чтобы упражняться в чтении или выслушивать инструкции.

Школьный день начинался рано (в некоторых заведениях в шесть утра). Старшие ученики (старосты), большинству из которых было от 12 до 15 лет, собирались вокруг учителя, который преподавал им дневной урок. Через час приходили остальные ученики и делились на группы, каждая из которых находилась под наблюдением отдельного старосты, следившего за тишиной и порядком. Учитель мог вести урок для всего переполненного класса, а старосты смотрели за тем, чтобы дети младшего возраста хорошо себя вели. Периодически в течение дня староста отводил свою группу к одной из учебных станций.

Он вешал на стену текст для чтения и слушал, как мальчики читают вслух, каждый по очереди или хором всей группой. Старостам не нужно было опережать учеников более чем на один урок: в основном они исполняли дисциплинарную, а не обучающую роль. Многие из них были вооружены палкой, которой били своих подопечных. Как все работающие дети, старосты были дешевой рабочей силой и служили основным источником сокращения расходов в новой системе школьного образования. Фредерик Хобли в 1840-х годах был школьным старостой: «Нам платили полпенни в день, то есть два с половиной пенса в неделю, благодаря этому у нас было немного карманных денег». Подробности работы ему почти не запомнились, но через несколько лет, в свои 16, он отправился в Оксфорд, чтобы сдать вступительный экзамен в педагогический колледж. По крайней мере, система старост открыла для Фредерика путь к высшему образованию (см. цветную илл. 18).

Джеймс Бонвик начал обучение в Лондоне в школе на Боро-роуд в Саутуорке, ему было шесть. В самом начале он сидел за одним из «столов-песочниц» в передней части комнаты. На парте у каждого ребенка был поднос с песком, палочка для письма и деревянная или кожаная «гладилка», чтобы стирать следы и разравнивать поверхность. Впереди висел большой плакат с алфавитом, который могли видеть все дети. «Мой маленький учитель указывал букву и выкрикивал ее название, а мы повторяли вслух. Затем он велел нам разровнять перед собой песок и начертить на нем эту букву. Сделав это, мы снова выкрикивали букву вслух». Учителю Джеймса было около 10–12 лет. Освоив алфавит, Джеймс и его одноклассники пересели за следующий ряд парт, где писали уже не на песке, а на грифельных досках. Время от времени их отводили к первому драфту, где они все вместе рассматривали печатную карточку, наклеенную на деревянную доску, и учились узнавать ко-

роткие слоги («аб», «ад» и т.д.) и произносить их. Когда староста был уверен, что ученик хорошо усвоил материал своего класса, тот переходил в следующий класс, то есть отсаживался еще дальше и подходил для работы к следующему драфту. Обычно в таких школах обучались дети в возрасте от пяти до 10–11 лет.

В 1803 году Джозеф Ланкастер опубликовал книгу, в которой описал принцип работы системы старост. Пять лет спустя они вместе с группой влиятельных друзей создали Королевское Ланкастерское общество, чтобы поощрять дальнейшее строительство и развитие таких школ. Идея пользовалась популярностью — в отличие от самого Ланкастера: большинство членов общества вскоре отвернулись от него. Вскоре были созданы две конкурирующие сети школ, каждая из которых опиралась на модель Ланкастера. Одна из них получила название «британская школа» (ее поддерживала группа религиозных нонконформистов), другая — «национальная школа» (при поддержке англиканской церкви). И та и другая ставили целью сделать образование доступным для рабочего класса, хотя в вопросе строительства школьных зданий обе рассчитывали на деньги богатых покровителей. Что касается текущих расходов, на их покрытие должно было хватить платы за обучение, которую вносили родители.

Единственным серьезным шагом вперед в развитии этой модели была попытка дать более качественное образование самим школьным старостам. Квалифицированным учителям, стоящим во главе школ, предлагали отдельную плату, если они давали дополнительные уроки своим помощникам. Молодые люди могли в свое свободное время пройти официальный курс обучения и подготовиться к сдаче национального экзамена, чтобы получить квалификацию учителя. Считалось, что эти дополнительные уроки помогут им самим стать профессиональными учителями.

Позиция помощника учителя открывала перед способным ребенком из рабочего класса путь к социальной мобильности. Ему не только не нужно было платить за свое обучение, напротив, он даже мог получать за уроки небольшую заработную плату. Эти деньги имели решающее значение: во многих семьях выживание зависело от заработной платы детей, и, хотя работа помощника учителя была не самой высокооплачиваемой среди тех, которые были доступны работающим детям, все семьи, кроме самых отчаявшихся, старались дать ребенку шанс улучшить свою жизнь. Целеустремленные и трудолюбивые дети могли получить образование и профессию, которая переводила их в средний класс. Переход из неквалифицированных рабочих в профессионалы за одно поколение был огромным социальным скачком, однако эта возможность открылась для значительного числа молодых людей обоего пола, так как потребность в учителях продолжала расти.

Кроме британских и национальных школ существовала пестрая смесь других образовательных заведений. Процветали старинные гимназии, обслуживавшие в основном средний класс, а также старые и новые закрытые средние школы, обслуживавшие наиболее обеспеченных представителей среднего и высшего класса. Также возникали маленькие частные школы, удовлетворявшие потребности любых платежеспособных членов общества. Дочерей священников часто отправляли в благотворительные школы, чьи холодные классы, плохое питание и гнетущая атмосфера живо напоминали Ловудскую школу для девочек из романа Шарлотты Бронте «Джейн Эйр» (Jane Eyre). В задних комнатах жилых домов и коттеджах по всей стране размещались крошечные домашние школы (они назывались Dame schools), в которых присмотр за детьми и обучение чтению и письму нередко сочетались с обучением какому-нибудь ремеслу. Плата в таких заведениях была незначительной,

а их владельцы, как правило, сами едва сводили концы с концами. Нередко это были пожилые люди, которые не нашли другого способа заработать на жизнь. Родители ценили в этих школах, пожалуй, не столько образование, сколько возможность оставить ребенка под присмотром, однако в них детям действительно прививали полезные навыки. Например, обучение ремеслу нередко давало ребенку и его родителям гораздо более полезные и значимые в долгосрочной перспективе результаты, чем грамотность. Школы, где учили кружевоплетению, плетению из соломы и вязанию, обеспечивали ребенка настоящей профессией, которая позволяла зарабатывать на пропитание как в ближайшей перспективе, так и в дальнейшем. В одних случаях школа и родители могли делать основной упор на ремесло, в других – на книжные науки. Решающее значение в этом вопросе имели особенности местной экономики и финансовое положение семьи. И конечно, учителя домашних школ хорошо понимали, что их собственный заработок напрямую зависит от того, насколько довольны будут родители и продолжат ли они платить за ребенка.

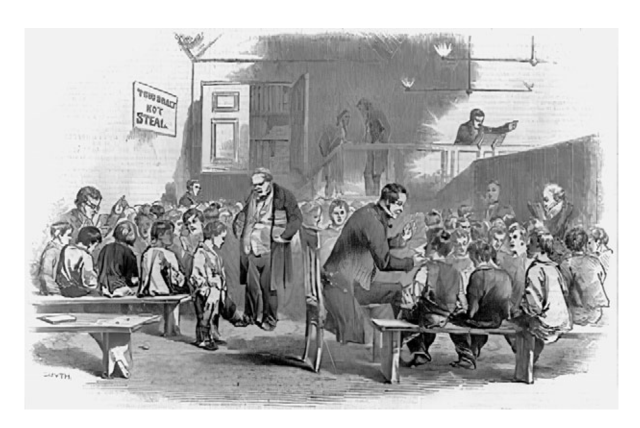

Рис. 89. Школа для бедных, где бесплатно учили тех, кому не хватало денег даже на приличную одежду, 1846 г.

Родители из высшего и среднего класса понимали, какое преимущество дает детям образование; многие родители из рабочего класса точно так же заботились о том, чтобы их сыновья и дочери обучились грамоте: там, где образование для детей было более-менее доступно, очень немногие родители отказывались от возможности его получить. С 1870 по 1880 год, когда образование стало обязательным (в разных регионах это происходило в разное время), мало кто противился ему. То, что домашние школы оставались настолько популярными в эпоху британских и национальных школ, свидетельствовало не о нежелании рабочего класса обучать своих детей, а об экономической необходимости и выборе в пользу того вида школьного обучения, которое чутко приспосабливалось к нуждам и желаниям семьи. Дети, посещающие домашние школы, были избавлены от религиозных нравоучений, обилие которых в британских и национальных школах, а также позднее в школах под руководством городского совета в формальном секторе вызывало недовольство у многих родителей из рабочего класса. Спорным был и вопрос учебного расписания. В домашних школах понимали, что ребенок время от времени должен помогать по дому или что он может отлучиться на несколько недель ради прибыльной работы на уборке урожая, и были готовы скорректировать расписание и продолжительность дневных школьных занятий в соответствии с режимом занятости родителей.

Хотя в домашних школах давали неформальное образование, в итоге из них нередко выходили вполне развитые ученики. И если одни говорили о бесплодных попытках выучить азбуку, то другие могли вполне уверенно читать. Томас Купер с особой теплотой и благодарностью вспоминал время, проведенное под опекой Гертруды Арам, или Старой Гэтти. Ее классная комната «всегда была полна учеников, которым эта опытная и старательная настав-

ница преподавала искусство чтения и правописания. А ее вязание (которому она учила и девочек, и мальчиков) приводило в восхищение весь город». Под ее руководством Томас научился бегло, уверенно читать и мог разобрать даже «десятую главу книги Неемии со всеми трудными словами, точно как священник в церкви». Также анонимный автор статьи в School Board Chronicle в 1872 году утверждал, что обучение в домашней школе принесло ему намного больше удовольствия и пользы, чем дальнейшая учеба в официальной национальной школе, где, с горечью замечает он, учителям удалось только подавить его дух и совершенно отбить интерес к учебе. Впрочем, опыт разных людей мог различаться: у Фредерика Хобли остались противоположные впечатления о времени, проведенном в домашней школе. Для него это было просто место, где его оставляли на время, пока родители были заняты, подробностей своего пребывания там он не помнил, разве что усвоил, что этого места лучше по возможности избегать.

Телесные наказания были широко распространены во всех викторианских образовательных учреждениях: и в закрытых средних школах, где обучались дети из богатых семей, и в бесплатных заведениях для малоимущих. В домашних школах царила в целом более благожелательная атмосфера, и возможно, поэтому некоторые родители выбирали именно их. Но большинство взрослых считало, что ребенка невозможно ничему научить без физической дисциплины — с XVI века в общественном сознании укрепилась мысль, что мальчикам необходимо «вкладывать ума через задние ворота». Более гуманный подход, состоявший в пробуждении у детей интереса к предмету и устном неодобрении нежелательного поведения, разделяли очень немногие. Дополнительные условия для телесных наказаний создавали переполненные классы и нередко молодость учителей и отсутствие у них достаточной ква-

лификации. Как иначе шестнадцатилетний юноша мог поддерживать порядок в классе, где сидели 60 или 70 десятилетних детей?

Считалось, что телесные наказания не только укрепляют власть учителя, но и способствуют концентрации внимания. Многие учителя твердо верили, что ребенок делает ошибки просто потому, что недостаточно старается или невнимательно слушает инструкции. Одного за другим детей избивали за орфографические и грамматические ошибки, неправильно решенные задачи и плохой почерк. Считалось, что избиение, особенно в публичной обстановке, способствует соблюдению тишины, приучает детей смотреть в нужном направлении, садиться и вставать, когда велят. Наказания вынуждали ребенка ловить каждое слово учителя.

Аккуратность и послушание были очень востребованными и ценными качествами отчасти потому, что из учеников, способных точно следовать инструкциям и выполнять не отвлекаясь множество одинаковых упражнений, выходили хорошие фабричные работники. Во многих школах, особенно ближе к концу века, порядки и обстановка походили на фабричные, и это было не случайно. Школа должна была стать тренировочной площадкой для жизни, в которой существовала жесткая иерархия со строгими правилами и установками. Четкое подчинение вышестоящим требовалось от каждого, начиная с горничной и заканчивая конторским служащим. Телесные наказания в школе позволяли любому, кто хоть немного отступал от правил, получить запоминающийся урок. Тем самым они готовили детей к реальному миру.

Если дело не доходило до телесных наказаний, их могли заменять унизительные публичные ритуалы. На ребенка могли надеть позорный колпак или поставить в угол, некоторых ставили на стул перед всей школой, на шею часто

вешали доску, где мелом было написано, в чем ребенок провинился. Некоторые учителя прибегали к еще более жестоким методам. В одной школе виновный должен был стоять, пока весь остальной класс пел: «Посмотрите на тупицу, который не выучил свой урок». Другие учителя требовали, чтобы школьник принимал определенные, предполагающие напряжение позы, — например, в течение продолжительного времени стоял, держа в вытянутых руках книгу или другой предмет. Порка тростью, кожаным ремнем и деревянной линейкой также часто принимала форму публичного унижения и сопровождалась ритуальным поведением — например, от жертвы требовали поцеловать розгу, чтобы усилить страх перед наказанием и придать ему более глубокий смысл.

В 1862 году Комитет по образованию, созданный среди прочего и для того, чтобы контролировать гранты, которые правительство теперь выделяло школам, ввел систему оплаты по результатам. Роберт Лоу, стоявший во главе этой реформы, обещал, что его система позволит получить либо дешевое образование, либо эффективное образование — но не разом. С этих пор школы, которые не доводили учеников до установленного уровня успеваемости, получали меньше денег от правительства (дешевый вариант), а школы, которым это удавалось, получали вознаграждение в виде дополнительной финансовой поддержки (эффективный вариант). Раз в год все школы, получавшие гранты, проходили проверку, в ходе которой каждый ученик должен был сдать экзамены по чтению, письму и арифметике. Был установлен ряд общих для всей страны требований для детей разного возраста. Это радикальным образом изменило приоритеты в сфере официального образования. Раньше у учителя мог появиться соблазн уделять все внимание горстке мотивированных учеников, которые регулярно посещали занятия и хорошо

чувствовали себя в школьной обстановке. На незаинтересованных учеников, прогульщиков и тех, кто с трудом приспосабливался к жесткому режиму, можно было закрывать глаза. Но теперь, когда школьное финансирование оказалось тесно связано с результативностью обучения, учителя были вынуждены игнорировать более способных и послушных учеников и вместо этого подтягивать весь класс до базового уровня успеваемости, которого требовала инспекция. Воодушевленное преподавание принесли в жертву незначительному повышению среднего уровня грамотности.

Несмотря на огромную распространенность домашних, национальных и британских школ в середине XIX века, в них учились не все. Школы взимали плату за обучение, пусть и небольшую, и потому были недоступными для беднейших слоев населения. Отчасти этот пробел восполняли школы в работных домах, где подопечных обучали основам грамотности и ремесла. Но образовательные стандарты в таких школах были низкими, а методы обучения — что в целом характерно для этих заведений — насильственными. В 1868 году один инспектор обнаружил, что школу при работном доме возглавляет тринадцатилетняя дочь управляющего. В другой приютской школе, как выяснилось, ни один ребенок не умел читать — вместо этого их научили произносить наизусть несколько предложений, держа книги в руках. Обман выдало то, что многие дети неосознанно держали книги вверх ногами. Кое-где дела обстояли еще хуже: человек, посланный занять место учителя в работном доме в Дептфорде, обнаружил, что ему предстоит заменить двух неграмотных матросов, которые долгие годы занимали эту должность до него, и все это время заботились только о том, чтобы дети вели себя тихо. Аналогичная история произошла в работном доме в Уолкотте в 1830-х годах:

посетивший заведение священник сообщил, что его привели в комнату, где 30 маленьких детей стояли вокруг мужчины с кнутом в руке. В помещении не было ни грифельных досок, ни книг.

— Вы школьный учитель? — спросил он.
— Да, — был ответ.
— Чему вы учите детей?
— Ничему.
— Тогда что они делают?
— Они ничего не делают.
— Но чем же вы занимаетесь?
— Я заставляю их молчать.

Постоянно всплывали истории о безжалостных порках в приютских школах. У всех школ были свои недостатки, но школы в работных домах отличались особенной жестокостью. В 1858 году миссис Эмма Шеппард подробно описала состояние девочки, которую так сильно избили за ошибки в правописании, что «когда с нее снимали рубашку, кожа со спины сошла вместе с тканью». Еще одна девочка, которую нашли плачущей, сообщила: «Миссис выпорола меня веревкой». Ее спина и руки были покрыты огромными красными рубцами. Журналист сэр Генри Мортон Стэнли (прославившийся тем, что встретил великого исследователя Африки словами «Доктор Ливингстон, я полагаю?») получил начальное образование в школе при работном доме в Сент-Асафе. Более 50 лет спустя он рассказал о двух ужасных порках, выделявшихся в череде постоянных затрещин: одна порка полагалась ему за то, что неправильно произнес имя Иосиф, другая — за то, что наелся ежевики. Он также писал, что как-то раз видел в морге покрытое синяками и порезами тело своего одноклассника. Тем не

менее насилие и невзгоды не помешали ему получить достаточно знаний, чтобы сделать карьеру.

Воскресные школы занимались не только традиционным религиозным воспитанием, но и участвовали в более широкой работе по продвижению грамотности, и в тот период их число исключительно быстро росло. В Мидлсексе в 1833 году было 329 воскресных школ, а к 1858 году — уже 916. Эти заведения играли особенно важную роль в жизни сельских детей. Официальное школьное образование по-прежнему охватывало сельскую местность крайне неравномерно, и во многих деревнях беднейшим жителям были доступны только воскресные уроки, которые вели жены и дочери более обеспеченных жителей. Как и в домашних школах, характер такого образования мог быть весьма неоднородным. В одних воскресных школах учили только петь гимны и повторять Символ веры, а в других детям могли дать знания, не уступающие тем, которые получали ученики лучших формальных школ. Занятия один день в неделю в небольшом классе под руководством увлеченного учителя в некоторых случаях приносили больше пользы, чем зубрежка в огромных классах по пять дней в неделю. Уильям Чедвик с восьми лет работал по 13 часов в день на прядильной фабрике. В воскресной школе и на вечерних занятиях он научился достаточно хорошо читать и писать, чтобы со временем подняться до звания старшего констебля столичной полиции. Воскресные школы давали стабильное и непрерывное образование многим детям, с ранних лет вынужденным работать с полной занятостью.

Похожее дополнительное образование давали вечерние школы и клубы для мальчиков и девочек, пользовавшиеся популярностью среди детей, в жизни которых основное место занимала работа. Это фрагментарное образование нередко становилось единственным, на что

Рис. 90. Обучение в бесплатной государственной школе, 1894 г.

хватало времени и возможностей при их режиме работы. В результате многие молодые люди обучались, кочуя по разным образовательным учреждениям. Джозеф Берджесс изучал алфавит в местной домашней школе, затем в течение одного года посещал национальную школу. Но, когда над семьей нависла угроза финансового кризиса, его забрали из школы, хотя ему еще не исполнилось семи лет, и определили на ткацкую фабрику, где он по 60 часов в неделю вставлял карточки с отверстиями в жаккардовые станки. Через год, в возрасте почти восьми лет, он устроился на неполный рабочий день в прядильный цех в качестве присучальщика[1]. На прядильных фабриках труд детей регулировался законом, он предусматривал для них обязательное обучение во второй половине дня. Поэтому Джозеф, проведя на фабрике долгое и утомительное утро, отправлялся в школу. К сожалению, так продолжалось

[1] Присучальщик – рабочий, присучивающий нитку, пряжу.

недолго, и в свой двенадцатый день рождения он перешел в другую сферу текстильной промышленности. Здесь Закон о фабриках уже не действовал, и образование Джозеф, в сущности, не получил.

ШКОЛА ДЛЯ ВСЕХ

К 1880 году школьное образование наконец стало обязательным для всех детей в возрасте от 5 до 10 лет. В тех областях, где имеющиеся школы не могли вместить значительно возросшее количество учеников, были созданы школы, существовавшие на местные налоги и находившиеся в ведении местных властей (это были так называемые Board schools). На практике отличий от британских и национальных школ было немного, но в 1891 году, когда образование в этих новых школах стало не только обязательным, но и бесплатным, в них устремились почти все ученики Британии, и они заменили собой все остальные учебные заведения, кроме закрытых средних школ для богатых.

В поздневикторианской Британии подавляющее большинство детей начинали ходить в школу примерно в четыре года, хотя в сельских районах учителя иногда принимали детей начиная с двух лет, чтобы помочь семьям, в которых мать была вынуждена работать. Они оставались в самом младшем классе до тех пор, пока не становились достаточно взрослыми, чтобы приступить к обучению (то есть примерно до шести лет). Обучение было организовано в виде ступеней, с первой по седьмую. Каждый год заканчивался экзаменом: если вы его сдавали, то переходили на следующую ступень, если нет, оставались на второй год. Способный ребенок вполне мог сдать экзамены более высокой ступени и получить доступ в соответствующий

класс, но могло быть и наоборот. Например, в 1894 году в британской школе в Бате в классе первой ступени продолжали находиться два десятилетних и один двенадцатилетний ученик, в то время как в классе четвертой ступени учились двое восьмилетних и один пятнадцатилетний, а большинству учеников было 10–11 лет.

Ребенок с аттестатом об окончании школы обладал суммой знаний, которые в настоящее время в современной британской системе образования считаются достаточными для восьмилетнего ребенка. Проверку грамотности обычно проводили в форме чтения произвольно выбранного абзаца из сборника текстов, по которому класс учился весь год. Поскольку учащиеся читали одну и ту же книгу в течение всего года, следовало ожидать определенной степени знакомства с текстом. Многих детей, которым так и не удалось в достаточной степени овладеть навыками чтения, выручала хорошая память. Чтобы проверить, умеет ли ребенок писать, ему предлагали скопировать отрывок текста (это позволяло оценить почерк), а затем написать диктант на слух. Чтобы получить допуск к пятой ступени, ребенок должен был записать по памяти короткий абзац, который ему перед этим медленно прочитали один раз. Тексты опять же брали из знакомого школьного учебника. Правописание оценивалось по утвержденному списку слов, которые дети заучивали бесконечным повторением. С арифметикой дело обстояло сложнее. Чтобы перейти на пятую ступень, нужно было уметь умножать и делить простые числа, знать обыкновенные и десятичные дроби и решать задачи, в которых упоминаются деньги.

Чарлз Купер с 1876 года учился в национальной школе в Уолтоне. Он был одаренным ребенком и к тому времени, когда ему исполнилось 12, прошел все семь ступеней, а затем стал помощником учителя. Он писал упражнения в тетради, а постоянная угроза розог за чернильные кляксы

заставляла его держать ручку строго установленным образом: «Большой палец на ручке слева, указательный палец сверху, средний палец справа, мизинец касается бумаги, конец ручки направлен к правому уху». Никаких отклонений не допускалось, несмотря на то что он был левшой. Арифметике его учитель учил все четыре старшие ступени вместе. Задания писали на грифельных досках, и дети рассаживались таким образом, чтобы ученики из одной ступени не сидели рядом. Учеников каждой ступени вызывали по очереди вперед, давали им несколько задач и примеров и отправляли обратно на место их решать. Вскоре после этого каждую группу по очереди снова вызывали вперед, чтобы проверить решение. Примеры разбирали на большой доске с подробным объяснением, после чего учитель «неизменно наказывал розгами каждого ребенка, повинного в невнимательности». Правописание слов, таблицу умножения и географию (в виде списка рек, мысов, заливов, горных хребтов и главных промышленных товаров каждого региона) учили наизусть. О своей учебе в аналогичной школе в Ливерпуле Дейзи Коупер могла вспомнить лишь, что «там никогда не происходило ничего хорошего».

В идеале все дети должны были достичь седьмой ступени к окончанию школы в возрасте 12 лет. Однако в действительности местным школьным советам разрешали самостоятельно определять приемлемый уровень успеваемости выпускников школ на своей территории. Неудивительно, что в тех районах страны, где по-прежнему сохранялся высокий спрос на детский труд, этот уровень обычно был намного ниже, чем там, где не наблюдалось столь сильного давления со стороны работодателей. В целом для выпуска и получения аттестата чаще всего достаточно было окончить пятую ступень, но в некоторых областях планку были готовы снизить до четвер-

той ступени, а в некоторых других требовали дойти до шестой ступени. Как правило, самые низкие требования для получения аттестата наблюдались в сельских школах, а также там, где члены городского и школьного совета закрывали глаза на долгое отсутствие детей на занятиях по причине занятости на сезонных сельскохозяйственных работах. Члены городского совета и директора школ нередко сами стояли во главе тех предприятий, где на работу нанимали детей, и уровень образования в таких местах был непосредственно связан с потребностями округа в рабочей силе.

Однако тот, кто оставался в школе, чтобы отучиться в последнем классе седьмой ступени, или проявлял потенциал будущего помощника учителя, часто обнаруживал, что на этом заключительном этапе качество школьной жизни значительно улучшается. Появлялось больше возможностей изучать те предметы, которые вызывают интерес, задавать вопросы, получать удовольствие от новых знаний и самого процесса учебы. Академические достижения этих учеников, которым предстояло продвинуться дальше, получить стипендию и среднее образование или стать помощниками учителей, значительно превосходили те, которые требовались для простого аттестата об окончании школы.

ПУБЛИЧНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

Публичный письменный экзамен — институт почти целиком викторианский по своему происхождению, форме и характеру. В начале века, примерно в 1830-х годах, очень немногие люди знали, что такое экзамены, и крайне малое количество студентов имело опыт их прохождения. Однако к концу столетия каждый ребенок из рабочего класса,

а также большинство мальчиков и небольшая группа девочек из среднего класса знали об экзаменах все. Экзамены давали шанс улучшить свою жизнь, от их результатов, как и в наши дни, зависело многое. В среднем классе экзамены стали для работодателя способом оценить предполагаемого работника и удостовериться, что кандидат (почти всегда мужчина) действительно усвоил то, чему его учили. В рабочем классе экзамены позволяли скорее оценить компетентность учителя и влияли на его зарплату, а для обучающихся играли роль переходной ступени между школой и полной рабочей занятостью.

До введения экзаменов отзыв учителя был единственной формой обратной связи, доступной родителям либо потенциальным работодателям, и не было никакого способа определить, чем хороший ученик из одной школы отличается от хорошего ученика из другой школы (кроме репутации обоих учебных заведений, но эти сведения, конечно, часто были крайне предвзятыми). По большому счету это и не имело ни для кого никакого значения. Получить хорошую работу на всех ступенях общества, как правило, помогали личные связи и рекомендации. Когда в большом доме требовалась новая горничная, об этом обычно знали все слуги, и у кого-нибудь из них наверняка находилась подходящая для этой работы молодая родственница. Когда на шахте открывали новую жилу, шахтеры звали на подмогу своих сыновей и братьев. С конторскими должностями все обстояло точно так же: нужного человека всегда можно было найти среди родственников и друзей давних служащих или самих работодателей. Самые амбициозные молодые люди продвигались по службе благодаря связям и покровительству. Образование позволяло занять более выигрышную позицию при появлении возможностей, но изначально не было необходимым условием для возникновения этих возможностей.

Признанные на государственном уровне письменные экзамены впервые появились не в школах, а во флоте в XVIII веке. Они имели ошеломляющий успех: профессиональное превосходство капитанов и лейтенантов, сдавших экзамены, перед теми, кто ранее продвигался по службе, покупая патенты на чин, было потрясающим. Провели реформы, и офицерские экзамены в конце концов адаптировали для других профессий. Экзаменационная модель способствовала улучшению управления целой империей.

Примеру флота последовали университеты. Веками успеваемость студента оценивали на основе прочитанной им лекции на латыни и его ответов на вопросы собравшихся профессоров. Новая система позволила одновременно экзаменовать больше студентов, что сыграло решающую роль при расширении университетов. Она также позволила более объективно проверять и более четко оценивать способности студента.

Между тем профессиональная сфера в целом становилась все более меритократической. В 1853 году в Индии впервые был введен обязательный экзамен для кандидатов, поступающих на государственную гражданскую службу. В 1858 году это условие распространилось на гражданскую службу в самой Британии. В 1871 году в армии наконец запретили покупать офицерские патенты, этот карьерный путь заменили новым высококонкурентным экзаменом. С точки зрения общего дарвинизма трудные экзамены отсеивали лишних конкурентов, повышали социальный статус тех, кому все же удавалось пробиться в профессию, и оправдывали их исключительность в глазах общества. Кроме того, они давали надежду одаренным и усердным, независимо от их происхождения и связей. Например, в 1839 году открыть аптеку и продавать лекарства мог любой человек, которому удалось найти для

этого стартовый капитал. Однако в конце столетия ему требовалось еще несколько лет учиться и сдать множество экзаменов. Чтобы войти в профессию, нужно было стать квалифицированным фармацевтом — принятые законы запрещали кому-либо, кроме настоящих специалистов, распространять лекарственные препараты.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ДЕВОЧЕК

В 1860-х годах небольшие группы встревоженных состоятельных родителей осаждали кабинеты директрис недавно созданных средних школ для девочек. Женское школьное образование, как и все остальные сферы образования, серьезно расширялось, и состоятельные семьи оказались перед выбором. Долгое время образование девочек из таких семей было в руках гувернанток и проходило в стенах родного дома, но с некоторых пор школы начали предлагать более широкую учебную программу и лучшие возможности. Ранее, в 1830-х и 1840-х годах, школы обучали девочек из среднего класса в основном светским манерам и женским «искусствам» — игре на фортепиано, рисованию и французскому языку. В 1860-х годах попытались расширить круг предметов и дополнить его дисциплинами, которые преподавали мальчикам. Однако многие родители забеспокоились. Не нанесет ли новая учебная программа непоправимый физический и нравственный ущерб их дочерям? Что еще хуже, не попытаются ли школы отправить их дочерей на новые экзамены (предшественники сегодняшних выпускных экзаменов для получения аттестата о среднем полном общем образовании)?

Основная проблема была связана не с соблюдением приличий и правильным для женщины поведением, а со здоровьем — точнее, с менструацией. В обществен-

ном сознании викторианцев (как медицинских специалистов, так и обычной публики) глубоко укоренилось представление о том, что мужское тело представляет собой идеальный образец нормы. Все отличия женского организма от мужского считались отклонением от этого эталона. Менструация, хотя и хорошо известная как неотъемлемая часть репродуктивного цикла, подсознательно воспринималась как слабость. К ней нередко относились как к болезни, непредсказуемому и опасному периоду. Половое созревание воспринимали как этап развития, сопряженный с особой уязвимостью и крайне утомительный для девушки, лишающий ее сил и запасов энергии. Соответственно, все, что могло привести девушку в смятение или нарушить ее душевное равновесие, грозило ей тяжелыми последствиями. Умственные упражнения, эмоции, физическая забота о теле — все это требовало осторожности, деликатности и сдержанности, чтобы девушка могла вырасти в здоровую и счастливую женщину.

Каким же образом обеспеченные родители могли помочь своим дочерям в этот деликатный и неоднозначный период? Общепринятой стратегией был отдых и покой во всех отношениях — физическом, эмоциональном и интеллектуальном. Физическую активность следовало бдительно контролировать, а во время менструации она была полностью запрещена — девушкам широко рекомендовали каждый месяц проводить один день в постели. Девочкам-подросткам советовали не бегать вверх и вниз по лестницам и не делать ничего, что могло бы привести к расстройству матки. Многих девочек учили во время менструации накладывать бандаж на нижнюю часть живота, чтобы поддерживать дополнительный вес отягощенной кровью матки. Еще одним проблемным вопросом для менструирующих девушек было купание. Одни специалисты все

же разрешали мыться (но без погружения в воду), другие непреклонно настаивали, что воды следует полностью избегать. Не всегда разрешалось даже менять белье. Во время менструации следовало тепло кутаться и избегать любых неожиданностей и перепадов температур — выход из теплой кровати на ледяной пол даже называли рискованным. Кроме того, считалось полезным есть побольше простой пищи.

Об эмоциональном отдыхе следовало позаботиться, заблаговременно сведя к минимуму социальные мероприятия еще до наступления менструального периода. Также следовало избегать употребления стимулирующих веществ, в частности чая — нередко отмечали, что молодым девушкам он решительно противопоказан. Родители также должны были проявлять бдительность в отношении того, что́ девочки читают. Будоражащие романтические произведения, такие как «Грозовой перевал» (Wuthering Heights) Эмили Бронте, могли привести чувства в смятение и пробудить сексуальность. Даже к романам Джейн Остен некоторые родители относились с подозрением. Широко распространенное мнение гласило, что девочки, читающие романы, достигают физической зрелости быстрее, чем их сестры, обладающие более скромными литературными вкусами. Считалось, что ранний или быстрый переход к половому созреванию наносит ущерб здоровью и подрывает нравственность. Поэтому списки подобающего чтения для девочек-подростков широко обсуждались и становились причиной горячих споров во многих домах. Миссис Чайлд в своей работе «Книга матери» (The Mother's Book) писала: «Девочкам не следует читать ничего тайком от матери и без ее разрешения. Это особенно важно в возрасте от 12 до 16 лет, когда все чувства обострены и восторги кружат голову». Произведения поэта Байрона и литературные

бестселлеры миссис Радклиф она осуждала и рекомендовала вместо них ряд более подходящих книг. В список, предназначенный для девочек 13 и 14 лет, входили жизнеописание епископа Хебера, «Изложение основ естественной теологии» (Catechism of Natural Theology) Николса и «Дедушкины рассказы» (Tales of a Grandfather) Вальтера Скотта (рекомендованные, поскольку в них «излагалась история Франции»).

Интеллектуальному отдыху самым непосредственным образом угрожало расширение женского образования. Обучение девочки предподросткового возраста вместе с братьями не представляло опасности для ее здоровья, но примерно с 12 лет отношение к ее образованию радикально менялось. Пока мальчики того же возраста из того же социального класса интеллектуально развивались и принимали участие в общегосударственных экзаменах, для девочек учеба прекращалась, и следующие несколько лет жизни их приучали к тихим, не требующим усилий занятиям, которые позволили бы им вступить в пору зрелости здоровыми и уравновешенными, готовыми к роли матери. Один корреспондент The Times в 1872 году утверждал: «Ни одна женщина не может пройти курс высшего образования, не рискуя стать бесплодной». Ибо, как полагал доктор Генри Модсли (выдающийся врач, в честь которого названа психиатрическая больница Модсли): «Когда природа много расходует в одном направлении, ей приходится экономить в другом».

Постепенно опасения стали ослабевать. К 1890-м годам серьезное женское школьное образование существовало уже около 30 лет, и ряд проведенных исследований позволил сделать выводы о том, как отражаются на девочках умственные занятия. Миссис Генри Сиджвик, рассказывая о своем опыте в Ньюнхем-колледже и Гёртон-колледже в Кембриджском университете, могла с уверенностью

утверждать, что здоровье студенток колледжа ничем не отличается от здоровья не посещавших колледж девушек того же социального класса. Более того, она утверждала, что «даже хрупкая женщина может пройти курс подготовки к почетному экзамену без всякого вреда для здоровья», хотя и с оговоркой, что это возможно лишь в том случае, если молодая женщина, о которой идет речь, будет осваивать программу в собственном темпе и не станет излишне себя утруждать. Ряд широко разрекламированных исследований о здоровье американских старшеклассниц и студенток показал практически такие же результаты. Девочки даже в период полового созревания вполне успешно справлялись с интеллектуальными задачами, при условии, что их учебное расписание обладало определенной гибкостью. В целом общество пришло к выводу, что девочки нуждаются в отдыхе во время менструации, но потом могут быстро вернуться к учебе и достигнуть тех же результатов, что и мальчики. Важно было дать им возможность учиться в том ритме, который соответствовал потребностям женского тела, не заставляя во всем следовать мужскому распорядку. Для этой цели нужны были школы и колледжи с раздельным обучением.

Впрочем, все эти тревоги и переживания касались в основном девушек из обеспеченных классов, а в жизни всех остальных девушек (то есть подавляющего большинства) перечисленные соображения не играли никакой роли. Многие двенадцатилетние девочки даже в конце столетия по-прежнему не имели возможности заниматься интеллектуальной деятельностью или спортом. Они весь день были заняты работой, требовавшей тяжелого физического труда. Ни одному владельцу фабрики не приходило в голову дать своим юным работницам лишний выходной, чтобы они могли отдохнуть во время менструации, хотя иногда к девушкам из рабочего класса все же проявляли

некоторое сочувствие. Мэри Халлидей включила в свое руководство «Брак на 200 фунтов год» (Marriage on £200 a Year) главу об отношениях хозяйки и служанки, в которой проявила гораздо больше гуманности, чем большинство авторов того периода. Она напоминала хозяйкам: «В некоторые дни неряшливость и не слишком усердная работа могут объясняться отнюдь не леностью и небрежностью, и [хозяйке] стоит, по мере необходимости, соответствующим образом облегчить для служанки бремя работы». Поскольку в большинстве случаев служанками были девочки и девушки в возрасте от 12 до 20 лет, такая предупредительность наверняка была высоко оценена многими из них.

ДЕВОЧКИ И ШИТЬЕ

Если вы зададитесь целью подсчитать, сколько часов было потрачено на обучение всех викторианских девушек за все годы, что королева Виктория провела на троне, то обнаружите, что обучение шитью занимало гораздо больше времени, чем любой другой предмет. Обязательное бесплатное образование в последние несколько десятилетий правления королевы Виктории несколько исправило ситуацию за счет акцента на правописании и чтении, но математика занимала лишь жалкое четвертое место.

Уметь шить было почти так же естественно, как уметь дышать — это был один из самых распространенных и необходимых навыков. Шитью обучали во всех слоях общества: дома этим занимались старшие родственницы и гувернантки, в школах и колледжах — учительницы и воспитательницы. Даже если у девушки из аристократической семьи не было никакой необходимости шить нижнее белье, она должна была владеть этим умением. Кроме того, она обязательно осваивала сложные виды декора-

тивного рукоделия. Не уметь шить было немыслимо — все равно что в XXI веке не уметь пользоваться телефоном. Навыки шитья давали возможность заработать на кусок хлеба, сэкономить деньги для семейного бюджета, развлечь себя вышивкой или изготовлением игрушек, занять руки во время общественных мероприятий, не отставать от моды, выразить любовь и научить всему этому своих детей. Многие мужчины и мальчики тоже обладали простейшими навыками шитья и при необходимости могли ими воспользоваться, но по большей части это был женский навык. Мужчины-портные, естественно, зарабатывали на

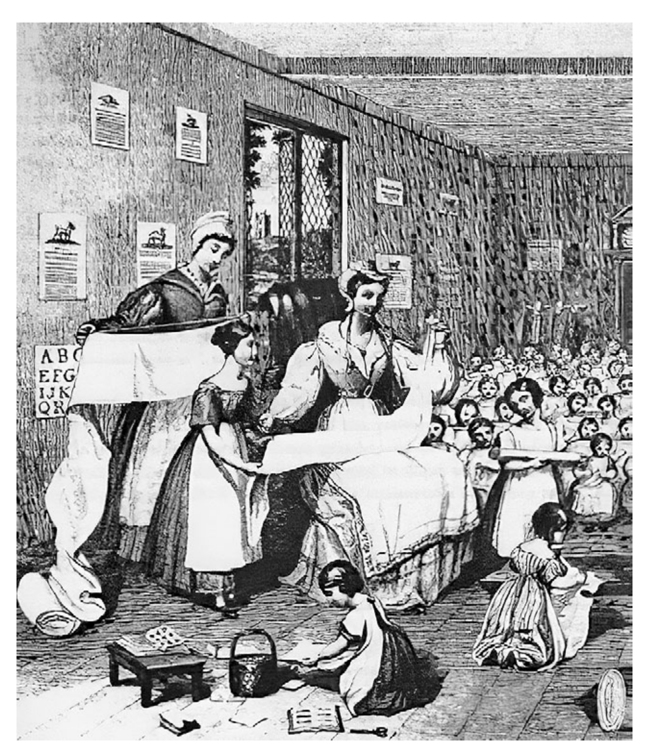

Рис. 91. Традиционное женское образование, The Workwoman's Guide, 1838 г.

жизнь иглой, а мужчины-военные — особенно моряки — привыкли самостоятельно чинить свою одежду. Остальные мужчины в основном обходились тем, что умели пришить пуговицу, если не могли найти женщину, которая сделала бы это за них, — да, большинство обращалось за помощью к женщинам.

Уровень мастерства, который в Викторианскую эпоху считался вполне обычным и ничем не примечательным, намного превосходит уровень профессиональных работников текстильной промышленности в XXI веке. Возьмем, к примеру, инструкции, которые печатали в журналах для девушек из среднего класса. Эти девушки не имели профессиональной швейной подготовки. Лишь немногие из них посещали школу и уж тем более рассчитывали зарабатывать на жизнь рукоделием. Журналы имели развлекательную направленность, а предложенные в них образцы рукоделия предназначались скорее для приятного времяпрепровождения. Схемы и инструкции, которые публиковали там, в основном относились к разряду необязательных декоративных элементов — их создавали для собственного удовольствия. И все же они требовали немалого мастерства. Лаконичные описания позволяют судить об искусности юных читательниц и об их уровне владения рукодельными приемами. В инструкциях нет никаких технических подробностей — предполагается, что все они и так понятны. Девушке, решившей сделать ажурную салфетку по схеме, приведенной в The Young Ladies' Journal, сообщали только, что «звезда в центре — рельефное пике, отделанное черной шелковой нитью русским швом, внешние зубцы обработаны петельным швом, остальная часть работы — гладью». Это вкупе с небольшим рисунком считалось достаточным объяснением. Авторы журнала предполагали, что девушка уже знает, что ткань предварительно следует выстирать, прогладить и растянуть. Также она

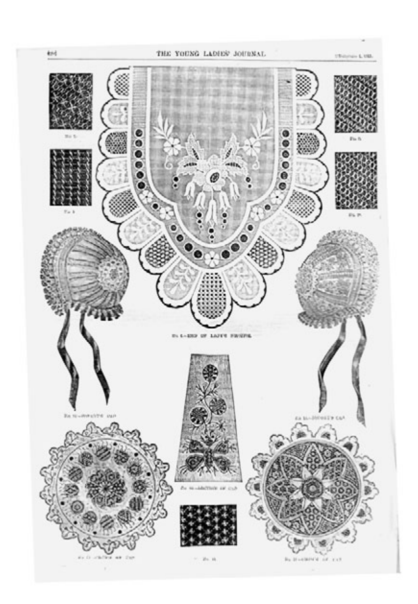

THE YOUNG LADIES' JOURNAL

Рис. 92. Сложная схема вышивки из The Young Ladies' Journal, 1866 г.

знает, как перенести на ткань рисунок, превратив его из маленькой журнальной схемы площадью 13 см^2 в предмет величиной 50–65 см^2. Кроме того, она хорошо понимает, какие инструменты и приспособления ей понадобятся, какие ткани и нитки лучше сочетаются друг с другом с точки зрения плотности, качества и т д., и самое главное, она вполне способна вышить сложный замысловатый узор, на который уйдет около 30 часов работы.

Когда в 1853 году мистер и миссис Битон выпустили свой первый журнал для женщин, они хотели, чтобы их публикация пришлась по душе практичным замужним женщинам, бережливым представительницам среднего класса. Включение в журнал схем для шитья было революционной идеей. Нарисованные от руки схемы занимали на странице всего несколько сантиметров, масштаб не указывали. Разные предметы одежды могли быть нарисованы

в разном масштабе. Это были всего лишь приблизительные контуры, которые женщина должна была увеличить и подогнать под нужный размер. Обычно иллюстрацию сопровождал короткий текст (около 50 слов), в общих чертах описывающий изображенный предмет, но не дающий никаких инструкций насчет того, как его изготовить. Авторы журнала принимали как само собой разумеющееся, что женщина умеет подрубать края и шить. Также предполагалось, что она знает, как раскладывать детали на ткани и кроить. Не было никаких упоминаний о подкладке, набивке, наружной отделке и застежках — все это считалось общеизвестным. Так называемые схемы представляли собой всего лишь варианты фасонов для компетентных и опытных портних. В следующие годы вместо маленьких приблизительных рисунков в журнале появились полноразмерные бумажные выкройки, однако инструкций к ним по-прежнему не было.

Итак, замужняя женщина, согласно общему мнению, должна была все это знать, и эти знания она приобретала еще в девичестве. Большинство девочек начинали учить шитью в три-четыре года. Изготовление простых тряпичных кукол из обрывков материи и ярких цветных ниток развлекало и одновременно развивало необходимую для работы с тканью ловкость. Во многих семьях уроки шитья были регулярными и целенаправленными. Изысканные образцы, вышитые девочками восьми-девяти лет, свидетельствуют о потрясающей аккуратности и усидчивости, а также о том, что в семьях среднего класса этому занятию уделяли очень много времени. Небогатые девочки имели гораздо меньше возможностей ради развлечения вышивать цветными шелковыми нитками декоративные мотивы, но у них было ничуть не меньше практики, чем у более обеспеченных сверстниц. Уже на самых ранних этапах обучения девочкам могли поручать простые и нужные

швейные работы. Даже пятилетняя девочка могла сметать подгиб подола, чтобы ее мать затем подшила его.

Возможность сделать что-то полезное и время, проведенное за обучением с матерью или сестрой, доставляли многим маленьким девочкам безмерное удовольствие. Шитье не было принудительным тяжелым занятием — наоборот, нередко оно воспринималось как полная противоположность обычным дневным заботам и хлопотам. Это было тихое и спокойное время, когда мать могла уделить больше внимания дочери, посидеть с ней рядом и поговорить за работой. Отдавая такому обучению и общению один час в день, можно было получить замечательные результаты. Законченная готовая работа наполняла ребенка чувством гордости и самоуважения, и чем лучше ему давалось ремесло, тем скорее он возвращался к нему по собственному желанию. Таким образом, обучение шитью приносило немалое эмоциональное вознаграждение.

С 1870-х годов, когда официальные учебные заведения занялись образованием детей из рабочего класса, шитье стало частью учебной программы. В классах для самых маленьких основам шитья обучали и мальчиков, и девочек, но позднее, когда обучение становилось раздельным (даже если для этого их не разводили по отдельным классам, а просто сажали за разные парты), мальчики обычно переставали шить и вместо этого дополнительно занимались математикой. Со временем швейные классы так увеличились, что пришлось разработать новый метод обучения. Чтению и письму обучали через заучивание наизусть и копирование, что позволяло поддерживать порядок в классе, где могло находиться одновременно до ста детей, — обучение шитью происходило сходным образом, с помощью комплексов упражнений и крупномасштабных демонстрационных пособий. В последней трети XIX века опубликовали несколько пособий для учителей, где были

приведены эти упражнения. Обычно они начинались с рассказа о том, как правильно надевать наперсток, вдевать нитку в игольное ушко и держать работу. Затем учитель показывал, как выполнять упражнение, а дети слаженно, на военный манер повторяли за ним. Считалось, что благодаря этому определенный порядок действий войдет в привычку и дети приучатся держать осанку и правильно выполнять работу. Мисс Джеймс, автор одного из пособий для учителей, рекомендовала для отработки приемов шитья следующий порядок команд, условно обозначающих движения при шитье с помощью наперстка: «Приготовить иглу — поднести к работе — сделать стежок — подтолкнуть иглу наперстком — взять иглу за кончик — вытащить из ткани». Это упражнение вкупе с подробными рисунками, изображавшими положение руки в каждый из обозначенных моментов, позволяло даже самым маленьким детям освоить один из самых быстрых и аккуратных методов

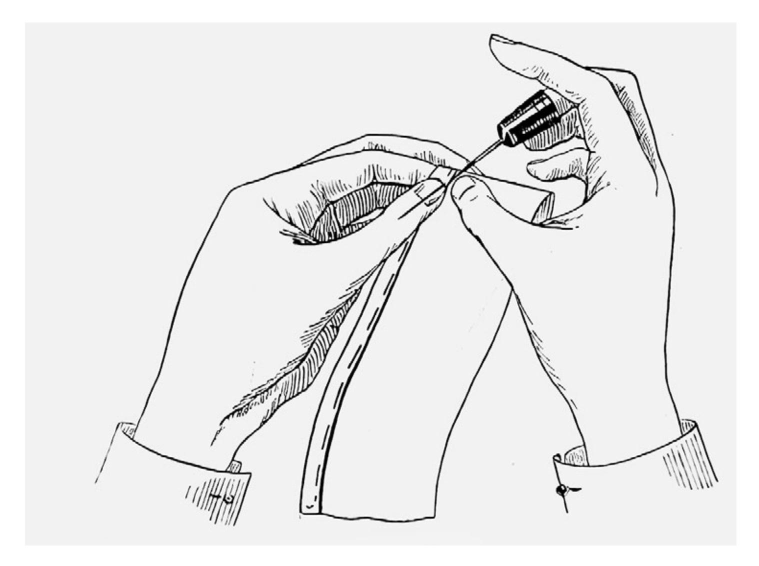

Рис. 93. Отработка приемов шитья

шитья. С помощью наперстка и описанных в упражнении движений можно шить в два раза быстрее, чем это удается самой опытной швее без наперстка. Мне доводилось шить вручную как современную, так и историческую одежду, а кроме того, я преподавала шитье с наперстком. Одна из самых сложных задач преподавателя в этом деле — избавиться от привычек, приобретенных ранее при шитье без наперстка. Ученики сопротивляются, утверждая, что предельно четкая последовательность действий, наоборот, сбивает их с толку и замедляет работу. Но стоит им избавиться от сомнений и распробовать эту технику, как уже через несколько часов они становятся ее горячими сторонниками и начинают шить намного аккуратнее и быстрее. Мисс Джеймс и другие были настоящими мастерицами и превосходно знали свое дело.

Благодаря этим упражнениям викторианские школьницы осваивали разные виды швов, в том числе четыре вида подрубочных швов для хлопковых тканей и еще два для фланели, а также осваивали штопку и вязание. Они умели обметывать пуговичные петли и планки (укрепляя прорези для застежек и карманов), а также вшивать рукав (так, чтобы он подходил к пройме) и вязать носки. К окончанию школы, примерно в возрасте 10 или 11 лет, девочки должны были уметь раскроить и сшить все необходимые предметы нижнего и ночного белья, которые обычно носили взрослая женщина, младенец и маленький ребенок. Это может показаться слишком трудным испытанием для десятилетнего ребенка, но большинство справлялось с ним вполне успешно. Эти навыки девочки могли использовать в дальнейшей жизни и, скорее всего, уже практиковали их дома.

Большинство детей покидали школу, надеясь, что в дальнейшем у них будет возможность пользоваться в повседневной жизни швейной машинкой (а не шить все вруч-

ную, как приходилось в классе), и тем не менее они хорошо понимали ценность полученных уроков. Следует отметить, что многие хозяева промышленных предприятий также ценили эти навыки девочек из рабочего класса, и не только в швейной промышленности. Исключительная ловкость рук, к которой приучало шитье, делала девушек чрезвычайно полезными в ряде промышленных процессов, особенно там, где нужно было иметь дело с мелкими деталями, как в часовых мастерских и на фабриках по изготовлению швейных машин. Не только возможность платить меньше побуждала работодателей нанимать девушек. Многие виды работ просто удавались им лучше, чем мужчинам и мальчикам, — они работали аккуратнее, точнее и намного быстрее, особенно там, где требовалась легкая ручная работа, как, например, в производстве соломенных шляп.

Девочки из среднего класса не посещали те учебные заведения, которые оканчивали девочки из рабочего класса, и их швейный опыт не был отягощен муштрой и экзаменами. Но они достигали такого же уровня мастерства благодаря тому, что помогали матерям шить домашнее белье и много шили для собственного развлечения. «Домашняя книга для забавы и научения» (The Home Book for Pleasure and Instruction) 1868 года предлагала девочке тренироваться, изготавливая кукольную одежду. Цель этого занятия была выражена совершенно ясно: «Одевая куклу, юная девушка приобретает навыки работы иглой и овладеет искусством кроя, что будет иметь неоценимое значение для нее в последующие годы». Далее следовали исчерпывающие инструкции с выкройками и рекомендациями относительно тканей и отделки, порядка работы и видов швов для создания полного и тщательно продуманного кукольного гардероба. Именно здесь содержались все те разъяснения, которые впоследствии опускали в журналах со схемами для взрослых девушек и женщин.

12
Редкие часы досуга

В ранневикторианский период рабочий график оставлял людям не так много свободного времени. Мало кому выпадала возможность работать меньше 12 часов в сутки, а у некоторых смены были гораздо более долгими. Воскресенье, как правило, оставалось свободным и считалось днем отдыха, хотя у сельских жителей, которые ухаживали за домашним скотом и лошадьми, и в этот день всегда находились дела. Женщины в воскресенье занимались готовкой и работой по дому. При этом по понедельникам все, как правило, массово отлынивали от работы, хотя никакой официальной причины для этого не было. В понедельник утром фабричные рабочие, фермеры и даже конторские служащие нередко приходили на рабочее место с опозданием. Явившись на работу, обычный наемный работник не торопился утруждать себя в первый рабочий день — он предпочитал поработать подольше в четверг или пятницу, чтобы компенсировать расслабленное начало недели. И, как мы увидим позже, спортивные встречи в среде рабочих тоже нередко происходили именно по понедельникам.

Работодатели со временем начали все сильнее давить на рабочих, чтобы заставить их отказаться от старинного обычая лениться по понедельникам, вводили драконов-

ские штрафы и угрожали увольнением. Деловая культура переживала расцвет. В 1825 году Банк Англии закрывался на 40 выходных дней, в 1834 году это количество сократилось до четырех. Между тем работники выступали за сокращение общего рабочего времени. Раньше решение этого вопроса зависело только от владельцев предприятий, но в начале 1870-х произошли глобальные перемены.

Экономический спад уже вынудил многие предприятия сократить часы работы, и во всех отраслях промышленности компании одна за другой соглашались ввести 10-часовой рабочий день в будни и сокращенный наполовину день по субботам. Закон о фабриках 1847 года, который ранее предусматривал столь благоприятные условия только для женщин и детей (и только в определенных местах — на ткацко-прядильных мануфактурах и в угольных шахтах), наглядно доказал, что эти меры, вопреки опасениям промышленников, не влекут за собой никакого экономического ущерба. Наоборот, после 1874 года работодатели, к своему немалому удивлению, обнаружили, что сокращенные рабочие часы вовсе не снижают их прибыль. Рабочие трудились более эффективно, машины работали на более высоких скоростях, перерывы на еду сокращались, процессы были оптимизированы. Понедельник превратился в полноценный рабочий день. Фабричный рабочий, по сути, поменял расслабленный понедельник, когда можно было найти время для игры и общения, на свободную половину субботы, которую теперь мог тратить по собственному усмотрению, не говоря уже о дополнительном часе или двух каждый будний вечер.

В 1837 году работа на мануфактуре начиналась в семь часов утра и продолжалась до восьми часов вечера шесть дней в неделю. С 1874 года рабочий мог начать смену в семь часов утра, как это делали его отец и дед, но закончить с понедельника по пятницу в шесть часов вечера

и в два часа дня в субботу. Возможно, отец Альберта Гудвина выразил ощущения всего нового поколения рабочих, когда сказал, что ему приходится искать, чем себя занять в то свободное время, которое ему давал новый график работы. Естественно, в этом желании он был не одинок. Спорт, выпивка, садоводство или отдых на побережье — в это время родилась новая индустрия досуга, предлагавшая самые разные развлечения.

Впрочем, свободное время некоторых викторианцев оставалось по-прежнему неупорядоченным. Ханна Каллуик работала с шести утра до одиннадцати вечера. Судя по записям в дневнике, у нее не было установленного регулярного времени для отдыха, в которое она могла бы заниматься собственными делами. Но время от времени ей все же удавалось улучить свободный час днем или отдохнуть вечером. Например, однажды в будний день, когда она работала в доме в Брайтоне, ей удалось «прогуляться по пирсу с Эллен». В другой раз она провела несколько часов вдали от своего дома вместе со слугами из соседнего дома. Когда ей давали свободный вечер, она мыла посуду после чая, накрывала для семьи холодный ужин и уходила из дома около семи часов вечера, чтобы вернуться после десяти часов вечера. Но даже среди тех, кто, как и Ханна, в викторианский период имел крайне мало свободного времени, понятие досуга, безусловно, распространилось быстро и достаточно широко. Далее предстояло выбрать, какому занятию посвятить драгоценные часы отдыха.

СПОРТ ДЛЯ МУЖЧИН

Спорт и физические упражнения были, пожалуй, самым большим развлечением для мужчин в XIX веке. В начале эпохи огромные толпы регулярно собирались на скачках.

Десять тысяч зрителей считались вполне обычным явлением для однодневных забегов, проходивших около крупных городов, а если в окрестностях появлялась железная дорога, это количество превышало 30 тысяч. Крупные события, такие как скачки Grand National или скачки в Аскоте, собирали более 60 тысяч зрителей. Богатые зрители могли без помех наблюдать за происходящим, заняв места на огороженных временных или постоянных трибунах, на безопасном расстоянии от рабочего класса, представители которого бесплатно толпились вокруг скакового круга (пока в конце 1870-х годов ипподромы не стали полностью закрытыми). Вокруг царили шум и суматоха, повсюду были разбросаны торговые и развлекательные палатки. Написанная в 1862 году песня «Скачки в Блэйдоне» (Blaydon Races) рассказывает, как это выглядело: «А вокруг лотки с пряностями, ученые мартышки, и старухи торгуют сидром». Многих привлекала возможность сделать ставки — согласно подсчетам, в 1850 году на Кубке Честера из рук в руки перешло около 1 миллиона фунтов стерлингов. И, поскольку алкоголь во время скачек лился рекой, этот день нередко заканчивался беспорядками. Обычно они принимали форму всеобщей потасовки, хотя в 1855 году, как сообщала газета Birmingham Mercury, день скачек в Астон-парке завершился тем, что 11 тысяч дебоширов разделились на две партии — «англичан» и «русских», — чтобы разыграть ход военных действий в Крыму. Разломав ограждение вокруг ипподрома, они использовали доски и стойки в качестве оружия. Беспорядки распространились на соседний город, и 16 человек попали в больницу.

Но, несмотря на безумные выходки и эффектные газетные заголовки, скачки были не единственным популярным видом спорта. Огромное количество поклонников завоевал бокс, широко известный уже в середине XVIII века.

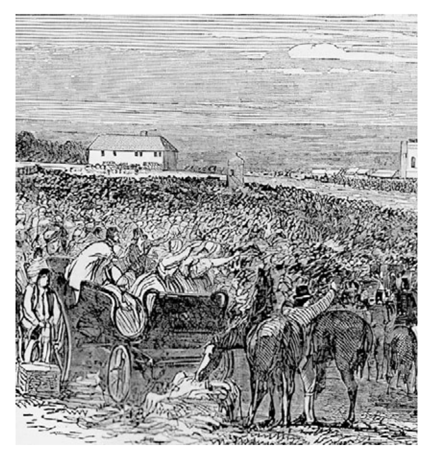
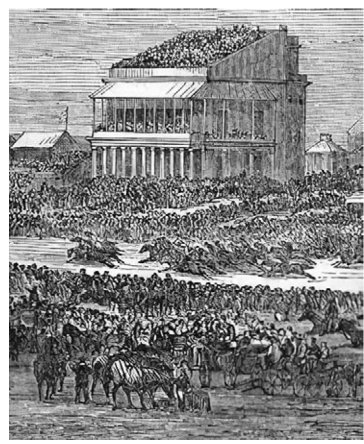

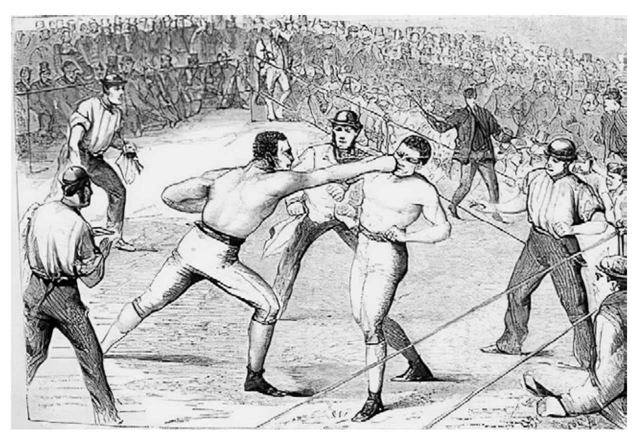
Рис. 94. День на скачках, 1850 г.

Кулачные бои можно было наблюдать у трактиров и пабов, в амбарах и на лужайках в деревнях. Когда люди начали переезжать в большие и малые города, бокс последовал за ними. Хотя изначально это был спорт рабочих людей, он приобрел множество восторженных поклонников среди джентльменов и аристократов. Существовали как неформальные, так и организованные бои, проводились региональные турниры с участием всенародно известных бойцов, спарринги между джентльменами и бои за приз среди представителей рабочего класса.

В разных социальных слоях мужчины боксировали ради моциона, развлечения или денег. Только представители среднего класса, казалось, оставались равнодушными к очарованию боксерского ринга. Генри Лемуан в своей короткой книге «Современная мужественность, или Искусство и практика английского бокса» (Modern Manhood; or the Art and Practice of English Boxing), опубликованной в конце 1780-х годов, описал опасный и нередко преступный мир призовых боев и огромных ставок. Известные боксеры боролись за скромный приз, в то время как мо-

лодые аристократы ставили гораздо более крупные суммы на результат их поединка. Когда прославленный Том Крибб победил не менее знаменитого чернокожего Тома Молино из Америки, он смог отойти от дел с достаточным количеством денег, чтобы купить паб на Пантон-стрит, недалеко от Лестер-сквер в Лондоне. (Том Крибб в конце концов промотал свое состояние на скачках, но паб до сих пор стоит на своем месте.) Двадцать тысяч человек наблюдали за поединком между Криббом и Молино в сельском Лестершире; богатому покровителю Тома Крибба капитану Баркли бой принес 10 тысяч фунтов стерлингов (на эту сумму можно было купить не просто паб, а большое загородное поместье).

Боксерские школы, которыми нередко руководили бывшие бойцы, такие как феноменально популярный Даниэль Мендоза, в викторианский период попеременно обретали и теряли популярность. Они давали доход пожилым профессионалам и служили тренировочной площадкой как для многочисленных любителей, не собиравшихся выходить на публичные бои, так и для тех, кто регулярно в них участвовал. Богатые здесь поддерживали знакомство с бедными, бои за звание чемпиона были долгими и кровопролитными, а поведение вне ринга могло быть не менее жестоким. По мнению Генри Лемуана, бокс был тем боевым искусством, которое учило ловкости, силе и отваге, а заодно превосходно готовило англичанина к войне. Дональд Уокер более поколения спустя переработал многие технические советы Лемуана. Он воспевал «мужское искусство» как средство формирования характера, заявляя, что именно бокс развил у британцев умение играть честно. Он отмечал непреходящую популярность этого вида спорта, что также подтверждали газеты середины века, сообщавшие о массовом посещении матчей по всей стране.

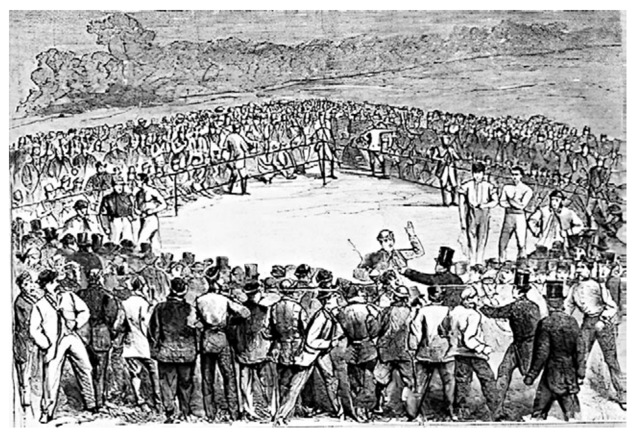

Рис. 95. Боксерский поединок между мистером Мэйсом и мистером Госсом, 1863 г.

Знакомые нам сегодня правила бокса были разработаны маркизом Куинсберри. На самом деле их написал Джон Грэм Чемберс, но они распространялись под именем самого восторженного среди аристократов поклонника бокса. До того как эти правила получили всеобщее признание, раунд мог длиться сколь угодно долго и заканчивался, только когда один или оба участника падали на землю. После этого им давали 30 секунд, чтобы подняться на ноги,

подойти к начерченной на земле линии и продолжить бой. (Фраза «подойти к черте» в смысле «быть готовым к борьбе» появилась именно так.) Матч мог продолжаться часами и заканчивался, только когда один из участников терял сознание или признавал свое поражение. Некоторые приемы были запрещены, например, нельзя было бить соперника головой в лицо или бить его ногами, если он упал, но множество борцовских приемов все же допускалось. С 1867 года правила маркиза Куинсберри предусматривали трехминутные раунды с перерывами длиной в одну минуту. Они, по сути, запрещали использование любых борцовских приемов, а боксировать рекомендовали в перчатках. Перчатки надевали и до этого, но обычно только для тренировок или показательных боев. Их делали из кожи и подбивали мягкими лоскутами ткани. Ладони боксеров также были обмотаны тряпками. Поначалу правила маркиза соблюдали только любители, но со временем их приняли и профессиональные участники призовых боев. В 1892 году Джон Лоуренс Салливан решил, что будет защищать свой титул чемпиона мира только в перчатках и по правилам маркиза Куинсберри. Бой проходил на ярко освещенной арене на глазах у 10 тысяч зрителей, многие из которых были в вечерних нарядах.

Со временем бокс становился все более регламентированным и контролируемым видом спорта и постепенно превращался в городской вид спорта. В 1837 году бокс был широко распространен в сельской местности и активно развивался здесь. Чемпионаты в основном проводили в Лондоне, но сельские жители не упускали возможности посещать небольшие местные соревнования, а многие сами принимали участие в боях. Та же картина наблюдалась в 1850-х годах. Но к началу XX века боксерская традиция в деревнях почти угасла. Однако она сохраняла прежнюю силу в бедных районах крупных городов. В част-

ности, в Лондоне этот вид спорта пропагандировали представители духовенства, стремившиеся найти подходящее занятие для мужчин и мальчиков из рабочего класса. Такие люди, как отец Джей из Бетнал-Грин, организовывали боксерские площадки и клубы, чтобы привлечь мужчин в церковь. По мнению христиан (по крайней мере, физически развитой их части), спорт укреплял общинный дух, служил достойной заменой пабам (о которых мы вскоре поговорим) и открывал дорогу к духовному перерождению для обитающего в трущобах рабочего класса. Эти представления опирались на устойчивую популярность бокса и социальный статус бойцов и, в свою очередь, создавали позитивный образ этого вида спорта, несмотря на неодобрительное отношение среднего класса. Неформальные кулачные бои и обычные драки по-прежнему оставались частью повседневной жизни; потасовка в пабе воспринималась как давняя британская традиция.

Среди тех, кто предпочитал менее агрессивные физические упражнения и более благородные виды спорта, фаворитом в XIX веке был крикет. В 1860 году это был самый популярный вид спорта в стране. В него играли и городские, и сельские жители, в том числе довольно много представителей рабочего класса, но основной аудиторией крикета, в отличие от бокса, был средний класс. В сельской местности деревенские команды обычно возглавляли джентльмены-фермеры и представители духовенства, в пригородных районах этим спортом увлекались конторские служащие и лавочники. В больших городах в крикет играли реже, но в некоторых областях, особенно на севере, он тоже процветал. Один журналист из Шеффилда отмечал, что в понедельник днем на крупных производственных предприятиях, когда работы мало или нет совсем, рабочие одного завода зовут рабочих другого сыграть в крикет. У рабочих фабрики Messrs. R. Timmins

Рис. 96. Крикет, бросок снизу, 1850 г.

& Sons в Бирмингеме был приобретенный вскладчину хороший набор спортивного инвентаря, в том числе биты, калитки и мячи.

В начале викторианского периода матчи были событиями местного значения и затевались в основном не ради зрителей, а ради самих участников. Дресс-код был нестрогим, правила могли меняться. Игрок в крикет 1830-х годов был одет в брюки (не всегда белые), некоторые носили старомодные бриджи. Обычным явлением были высокие черные шляпы, хотя отдельные игроки предпочитали соломенные. Поверх обычной рубашки надевали фланелевую куртку, изредка ее могла заменить куртка армейского образца. Накладки на ноги появились в 1836 году после того, как широкую огласку получил случай, произошедший во время окружной игры, когда голени отбивающего были не просто сломаны, но полностью раздроблены. После этого защита голеней более или менее вошла в обиход, и в 1845 году в журнале Punch напечатали карикатуру, изображающую типичного игрока в крикет в военной куртке,

кепке с козырьком и больших простеганных трубообразных накладках, из-за которых его ноги ниже колена выглядели как две обмотанные одеялом водосточные трубы. Существовало много видов защиты голеней, в том числе из вертикальных прутьев, соединенных между собой широкой тканой тесьмой. В 1850 году начали рекламировать щитки, набитые конским волосом и застегивающиеся на ноге с помощью ремней и пряжек, уже больше похожие на элементы формы XXI века. Перчатки вошли в обиход в 1850-х годах, примерно в это же время высокие шляпы уступили место фланелевым кепкам, а белый цвет в одежде стал обязательным. К 1860 году, когда крикет достиг пика популярности, форма и спортивный инвентарь обрели тот вид, который без труда узнали бы современные игроки.

Правила игры в крикет были впервые опубликованы в 1744 году, но регулярно подвергались пересмотрам и обновлялись. Особенно часто менялась манера броска — сначала мяч подавали снизу, затем с круговым замахом (напоминающим подачу в бейсболе), затем сверху. Долгие годы верхняя подача считалась слишком опасной — запрет был снят только в 1864 году. Пока происходили все эти технические изменения, спорт продолжал развиваться, а странствующие команды, в полной мере оценившие возможности новых железных дорог, распространили игру и интерес к ней с сельского юга, где она родилась, по всей стране.

В 1864 году в крикет высшей лиги пришел Уильям Гилберт Грейс, выступавший за лучшие команды Британии. Грейс был (и, возможно, до сих пор остается) величайшей суперзвездой крикета. Его слава и популярность были настолько велики, что билеты на матч нередко продавали вдвое дороже, если в списках команд стояло его имя. Он был вторым из трех братьев Грейс, игравших в крикет на

высшем уровне. Карьера всех троих была выдающейся, играли они долго. Крикету их с раннего детства учил отец, страстный поклонник этого вида спорта: он заставлял всех пятерых своих сыновей практиковаться на лужайке перед домом с битами, мячами и воротцами, в то время как дочери исполняли роль принимающих игроков (подавать и отбивать мяч им не разрешали). Семья Грейс принадлежала к обеспеченному среднему классу, и Уильяма Гилберта отправили получать специальность в медицинское училище. Из-за этого на поле он продолжал выступать в любительском статусе, несмотря на то что личное участие и спонсорские сделки приносили хорошие деньги. (Он действительно вел прием как врач общей практики, хотя, по-видимому, список его пациентов был крайне невелик.)

До этого времени крикет был игрой, больше интересной участникам, чем зрителям, что само по себе создавало проблемы. Например, в Ливерпуле существовало более 60 клубов, и каждому из них требовались площадки и игровое поле. Команды регулярно жаловались в местные газеты на неподходящие условия для игры. В Кардиффе тоже изо всех сил пытались найти площадки для 93 городских клубов, многие из которых принадлежали к определенным общинам, как, например, Каледонский крикетный клуб, все члены которого гордились шотландским происхождением. Однако к 1860-м и 1870-м годам массовое участие переросло в массовый зрительский интерес. Свою роль в этом сыграли выступления Уильяма Гилберта Грейса. Это был запоминающийся человек с приятной внешностью и выразительной манерой игры, на поле привлекавший к себе все взгляды. Следующие строки из спортивного журнала Bailey's дают представление о его спортивном мастерстве и о том, каким уважением он пользовался: «Однако сила Севера такова, что эти 11 игроков

способны расправиться с любой командой, в рядах которой нет мистера Уильяма Гилберта Грейса... Блистательная месть великого отбивающего за конфуз, случившийся днем ранее, неотвратима. Из 300 пробежек он сделал 200, а из общих 436 очков обеспечил 268». Крикетная карьера Грейса продолжилась и в следующем столетии — он был настоящей знаменитостью и привлекал к спорту огромное внимание. О нем слышали даже те, кто никогда не ходил на крикет. Его героический имидж и статус суперзвезды вдохновляли тысячи людей на занятия спортом — или хотя бы на покупку билетов на матч.

Рис. 97. Уильям Гилберт Грейс, 1875 г. Пожалуй, самый известный игрок за всю историю крикета

История развития крикета как зрелищного вида спорта стала прообразом развития футбола — вида спорта, который занял господствующие позиции в конце XIX века. Те виды спорта, которые мы сегодня называем футболом и регби, существовали в разных вариантах на протяжении многих веков. У каждой группы игроков были собственные издавна сложившиеся правила. Игра могла выглядеть как грандиозное сражение, где мужчины из двух разных селений устраивали свалку, в которой периодически мелькал мяч, или как матч двух команд из шести игроков около паба. Ежегодный футбольный матч между приходом Святого Петра и приходом Всех Святых в Дерби славился потрясающим разнообразием тактических приемов — в частности, игрок мог уплыть с мячом вниз по реке или вытащить из мяча набивку и спрятать его под рубашкой. Но гораздо больше была распространена игра, в ходе которой участники просто перебрасывали мяч друг другу. Спортивная газета Bell's Life уже в 1830-х годах писала о футбольных матчах между командами разных пабов. Другие клубы опирались на поддержку Церкви: футбол имел репутацию более безобидного вида спорта и более далекого от культуры пьянства и азартных игр, чем бокс и скачки (которые британские церкви уже давно объявили пороком). Работодатели тоже довольно быстро оценили преимущества футбола. Многие крупнейшие британские футбольные клубы возникли как раз в эпоху локального футбола произвольной формы. «Манчестер Юнайтед» когда-то назывался «Олдхем Роуд» и заседал в пабе «Три короны», а его игроков набирали из людей, которые регулярно там выпивали. «Эвертон» примерно таким же образом начал существование в пабе «Голова королевы» в деревне Эвертон. В отличие от них «Куинз Парк Рейнджерс» зародился не в пабе, а в школе — изначально это была команда муниципальной школы на Друп-стрит в Кен-

тиш-Тауне. «Болтон Уондерерс» начал свою спортивную карьеру как «Футбольный клуб Крайст-Черч», основанный преподобным Джозефом Фарреллом Райтом (четыре года спустя они переехали в отель «Гладстон»). «Вест Хэм» был основан на верфи Арнольда Фрэнка Хиллза и назывался «Темз Айронуоркс». И наконец, клуб «Арсенал» был создан рабочими заводского комплекса Арсенала в Вулидже. Что самое удивительное, у этих клубов не было общих правил игры. Можно ли брать мяч в руки и бегать с ним? Какого размера должны быть ворота? Сколько игроков должно быть в команде? Все эти вопросы обсуждали и решали непосредственно перед началом игры. В напечатанном Bell's Life в 1844 году отчете о матче, сыгранном между двумя взводами 13-го полка Легких драгун, говорилось, что с каждой стороны играло по 12 человек, но во время матча-реванша через несколько недель в каждой команде было уже по 15 человек.

В 1845 году трех старшеклассников из Школы Регби попросили записать правила игры, в которую они играли в школе. После публикации эти правила превратились в эталон, к которому многие клубы обращались для разрешения спорных вопросов перед матчем. В 1863 году был опубликован еще один влиятельный свод правил, разработанный Футбольной ассоциацией. Эти две во многом не совпадающие системы, отражающие разные взгляды на игру, легли в основу того, что мы сегодня знаем как регби и футбол. В 1895 году регби еще раз разделилось на регби-юнион и регбилиг.

У обоих видов регби было немало поклонников в разных регионах страны, но популярность футбола была выше, чем у них, вместе взятых. Пока крикет постепенно становился видом спорта скорее для наблюдения, чем для игры, желание играть, казалось, перешло на футбол. Впрочем, следует заметить, что среди любителей футбола

было гораздо больше представителей рабочего класса, чем среди любителей крикета в предыдущем поколении. В начале главы мы говорили, что здесь не последнюю роль сыграл изменившийся график работы. В 1850-х и 1860-х годах, в эпоху бурного расцвета крикета, белые воротнички обнаружили, что у них появилось свободное время. В середине века на рынке труда образовалось много одинаковых позиций, появились стандартные служебные часы, общая продолжительность рабочего дня тоже в основном сократилась, и довольно большая группа людей получила возможность отдыхать в одно и то же время. Введенные в 1870-х и 1880-х годах ограничения рабочих часов на фабриках означали, что у значительной части трудящихся из рабочего класса тоже появилось некоторое свободное время. 56-часовая рабочая неделя освободила для них вторую половину субботнего дня и будние вечера. В 1850-х годах белые воротнички открыли для себя недавно появившийся крикет, который обеспечивал их развлечением и некоторой физической активностью. К 1870-м годам, когда похожие запросы появились у рабочих, крикет уже ассоциировался с более состоятельными, поэтому рабочие обратились к футболу, который оставался классово нейтральным. Резкий рост популярности футбола можно проследить на примере Бирмингема. В 1870 году футбола в Бирмингеме практически не было. К 1880 году там появилось более 800 клубов. Не менее стремительный взлет наблюдался почти во всех промышленных городах Британии. Что характерно, у футболистов возникли такие же проблемы с поисками места для игры, как некогда у крикетистов, и первым футбольным клубам нередко приходилось делить площадки с любителями регби и крикета. Многие были вынуждены собираться в общественных парках до тех пор, пока им не удавалось накопить средства на аренду или покупку собственного помещения.

Как только футбол начали унифицировать, в костюмах игроков появились характерные особенности. В 1840-х и 1850-х годах на поле обычно выходили в пестрой повседневной одежде: брюки из молескина и жилеты встречались так же часто, как вязаные нижние рубашки и даже твидовые костюмы. Но примерно к 1870-м годам появилось подобие формы. Большинство игроков теперь носили трикотажные рубашки без воротника, бриджи ниже колена и гольфы, а на голову надевали кепки или мягкие шапочки без полей. На ноги поначалу надевали рабочие ботинки, хотя ни одни из них не были предназначены специально для игры. Идею командных цветов подхватили достаточно быстро после ее введения, но поначалу это правило распространялось только на трикотажные рубашки — гольфы могли по-прежнему отличаться. В 1867 году в «Футбольном справочнике Раутледжа» (Routledge's Handbook of Football) было предложено «по возможности одной стороне (носить) полосатые рубашки одного цвета, например красного, а второй стороне — другого цвета, например синего, что позволит предотвратить путаницу». И наконец, ближе к концу столетия экипировку дополнили специализированные ботинки. Игроки могли выбрать ботинки на шнуровке или с эластичными застежками, с разными видами шипов или без них. Теперь футболиста, выходящего на поле, сразу узнавали.

Однако, даже когда был утвержден сборник правил Футбольной ассоциации, игра продолжала меняться. Так, примерно до 1870 года судья контролировал игру с помощью флага — свист вошел в обиход только около 1880 года, когда свисток Джозефа Хадсона начали с успехом применять в полиции. Испытания показали: новый свисток с горошиной слышен на расстоянии мили, что было очень полезным для полицейских, преследующих преступников по горячим следам, и для судей, изо всех сил пытающихся

перекричать ревущую толпу. То, что мы сейчас называем стойками ворот, согласно правилам 1863 года представляло собой два вертикальных столба на расстоянии около 2,5 м друг от друга, при этом высота столбов не регламентировалась. Гол засчитывали, если мяч проходил между стойками «или над пространством между стойками». Это вызывало множество споров и разногласий, периодических вторжений на поле и драк между соперниками в попытках выяснить, действительно мяч прошел между стойками или нет. После бокового или навесного удара определить это было почти невозможно. Через два года правило изменили: теперь между столбами на высоте примерно 2,5 м натягивали ленту, и мяч, пролетевший выше ее, не считался забитым. Следующим шагом стала установка над столбами перекладин, а сетка появилась у ворот, только когда Джон Броди, инженер из Ливерпуля, убедил Футбольную ассоциацию опробовать свое новое изобретение, запатентованное в 1889 году.

Менялись не только ворота. Разметка поля приобрела современный вид только в 1902 году, штрафной площадки не существовало до 1937 года. Первый сборник правил не предусматривал на поле вообще никаких обозначений, за исключением четырех флагов по углам. Само поле могло быть любого размера по желанию игроков, вплоть до 200×90 м — сегодня размер футбольного поля, согласно рекомендациям Футбольной ассоциации, составляет 100×65 м, то есть поле стало примерно вдвое меньше. В 1891 году все эти требования были закреплены официально. Теперь правила оговаривали расположение и величину линий ворот, боковых линий, центрального круга и вратарских зон. Чтобы наносить линии, смотрители футбольного поля добывали разметочную машину — ее часто заимствовали у собратьев-теннисистов. Но, несмотря на то что правила игры, разметка поля, стойки и сетки

ворот постепенно менялись, суть — гонять мяч по грязному полю — оставалась неизменной, и до конца викторианского периода это было самое популярное спортивное занятие трудящихся в свободное от работы время.

Как и крикет, футбол быстро превратился в вид спорта, за которым интересно наблюдать. К 1901 году на матчи приходило намного больше зрителей, чем игроков. Первый финал Кубка Англии в 1872 году собрал всего две тысячи человек. В 1888 году интерес вырос, и смотреть финал пришли уже 17 тысяч. В 1895 году на арену Хрустального дворца стеклось в общей сложности 110 тысяч человек. Роль футбола в британской жизни полностью изменилась. После окончания Викторианской эпохи и наступления Эдвардианской «пойти на футбол» означало не гонять мяч по полю, а стоять на трибунах вместе с друзьями.

СПОРТ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ

Фред Боутон, чье детство пришлось на 1890-е годы, прыгал по сваям и играл в «кошку» в лесу Дин в Глостершире. «Кошка» представляла собой палку длиной около 23 см, заостренную с обоих концов. «Кошку» втыкали в землю и бросали в нее второй палкой так, чтобы «кошка» отлетела как можно дальше. Победителем становился тот, чья «кошка» оказывалась дальше всех. Примерно в то же время Уолтер Саутгейт в Бетнал-Грин в лондонском Ист-Энде выходил на улицу, чтобы поиграть в футбол и крикет: «У нас не было никаких приспособлений, кроме тех, которые мы сами делали из чего попало — положенное на дорогу пальто обозначало ворота, фонарный столб служил крикетной калиткой, грубо обтесанная деревяшка — битой... а мячи делали из скомканной бумаги, обмотанной бечевкой». По всей Британии в XIX веке мальчики иг-

рали в командные игры на пустошах, на улицах и во дворах. Правила почти никогда не записывали, но здесь, как и в спорте, которым занимались отцы и старшие братья, очевидно, существовало несколько разновидностей футбола, регби, гандбола, тенниса, сквоша, бейсбола, баскетбола и крикета. В каждой области был свой стиль, нередко собственные уникальные подачи или виды разметки. В муниципальной школе Баддл в Тайн-энд-Уир была стена, разделявшая игровую площадку на две части: мальчики играли с одной стороны, девочки — с другой. Здесь, со своей стороны стены, мальчики начали играть в гандбол. Игра стала настолько популярной, что просвещенные школьные управляющие увеличили высоту стены до нынешних 6 м и укрепили ее выносными опорами. На юго-западе Англии также было зафиксировано скопление гандбольных площадок, обычно расположенных у стен церквей или пабов. Мяч били ладонью, направляя в стену, и позволяли ему один раз стукнуться о землю, потом его бил следующий по очереди игрок. Если вы пропускали мяч в свой ход

Рис. 98. Мальчики на улице играют в футбол, 1888 г.

или если мяч после вашего удара не попадал в обозначенный участок стены, вы теряли очко. Мальчики из Итона назвали эту игру «пятерки». Они играли в нее в перчатках у стены часовни. Особенности церковной архитектуры с ее массивным основанием, сужающимися вверху высокими стенами и мощными контрфорсами определяли характер вращения и отскока мяча.

Регби, как известно, возникло в английских закрытых средних школах. Само регби было изобретено в Школе Рагби, и, как мы видели в разделе, посвященном мужскому спорту, правила этой игры активно заимствовали для других видов спорта. По большому счету, вполне могло быть так, что за пределами школьного двора эти правила распространили именно бывшие ученики. Английские закрытые средние школы в начале Викторианской эпохи отличались особой внутренней свободой. Все время, кроме уроков, мальчики были, по сути, предоставлены сами себе, и взрослые принимали в их жизни крайне незначительное участие. У мальчиков были свои традиционные

Рис. 99. Игра в «пятерки», 1868 г.

игры и виды досуга, передаваемые от одного поколения к другому, с собственными медленно меняющимися ритуалами, правилами, местами и часами. Все игры, сложившиеся в рамках школьной культуры, естественно, слегка отличались формой и правилами от игр, в которые играли в других местах. Подобно некоторым видам рыб, обособленно живущих в глубоких пещерах, ученики закрытых средних школ образовывали изолированные сообщества, развивающиеся по специфическим законам. Вырастая, мальчики из закрытых средних школ становились влиятельными членами викторианского общества, и неудивительно, что именно их игры были так тщательно записаны для потомков. Сведений об играх, в которые играли другие дети, осталось намного меньше.

Нередко игры подчинялись строго определенным правилам. Мальчики хорошо понимали, кому можно играть, а кому нет. Например, девочки обычно могли участвовать в полевых играх, но им не разрешалось подавать и отбивать мяч или зарабатывать очки. Викторианские мальчики, не включенные в систему закрытых средних школ, обычно работали с полной занятостью. Даже после введения обязательного образования в 1880 году, когда средний возраст окончания школы еще колебался между 10, 11 и 12 годами, матчи происходили, когда у всех участников выдавались перерывы в работе. Фабричные дворы, вероятно, были свидетелями не менее оживленных игр, чем школьные.

Ключевым фактором, в конце концов определившим главное отличие между спортивными играми мальчиков из закрытых средних школ и дворовыми матчами их небогатых собратьев, было участие взрослых. С начала 1860-х викторианское общество охватило увлечение атлетикой, и учителя неожиданно обратили внимание на игры своих подопечных. Теперь они сами начали организовы-

вать игры учеников и принимать в них участие, а директора закрытых средних школ использовали это, чтобы сформировать и усилить чувство общности и, в частности, разрушить классовые барьеры между мальчиками из высшего класса и учителями (как правило, вышедшими из среднего). Начало века ознаменовалось частыми и бурными бунтами в закрытых средних школах. В Винчестере в 1818 году ситуация накалилась до такой степени, что мальчики взяли штурмом часть школы и в течение 24 часов удерживали ее, забаррикадировавшись внутри и игнорируя призывы представителя магистрата, которого сопровождали несколько констеблей. Только после того, как к зданию школы вызвали местную милицию, мальчики сдались. В результате в 1860-х и 1870-х годах с целью общего повышения дисциплины в школах начали специально организовывать игровые занятия под руководством учителей. К 1880-м годам они стали обязательной частью учебной программы. Взрослые дорабатывали и систематизировали правила игр, в которые играли мальчики, и делали их более привлекательными для других взрослых.

Викторианские врачи теперь рекомендовали посвящать больше времени энергичным физическим упражнениям на свежем воздухе. Медицинская наука особенно подчеркивала пользу мышечного развития для мужчин: «Юноша, не уделяющий достаточно внимания физическим упражнениям, никогда не добьется полноценного роста», — утверждал некто доктор Браун. Сильные, здоровые мужчины вырастали из мальчиков, которые в детстве много и активно двигались, особенно под открытым небом, где не было недостатка в полезном свежем воздухе. Считалось, что, развиваясь физически, мальчик стимулирует развитие мозга (до тех пор, пока процесс не заходит слишком далеко и тело не начинает развиваться в ущерб уму). Идеальным вариантом представлялись командные

игры на свежем воздухе. Бег способствовал всестороннему укреплению организма без риска чрезмерно развить одни группы мышц и недостаточно развить другие, а также был полезен для тренировки легких и стимуляции кровообращения. Что до синяков и шишек — они должны были закалить мальчика, то же касалось и холода.

Кроме помощи в физическом развитии, организованные командные игры, по мнению многих влиятельных мыслителей, несли нравственную и общественную пользу. Чарлз Кингсли, священник и автор популярных произведений, описывая преимущества этих занятий, отметил, что они развивают «не только смелость и выносливость, но и более выдающиеся качества: сдержанность, самообладание, стремление к справедливости, умение без зависти радоваться чужому успеху и спокойно относиться к жизненным взлетам и падениям, которые сослужат молодому мужчине добрую службу, когда он вступит в большой мир и без которых... его успеху всегда будет недоставать полноты и блеска». Командные игры способствовали развитию командного духа и поощряли мальчиков подчинять личные интересы интересам группы. Они вознаграждали мужество и выносливость и отличались ожесточенной конкурентностью, то есть прививали все ценности, которыми восхищались и проявления которых ожидали от викторианского мужчины.

В школах для детей рабочих возможности заниматься спортом у учеников обычно были куда более ограниченными, чем в школе Баддл, где управляющий совет всячески заботился о физическом развитии подопечных. Типичная картина представлена в воспоминаниях Чарлза Купера: «Игровая площадка была такой маленькой, что ученикам чаще всего приходилось играть на дороге... В школе не учили никаким спортивным играм и не выдавали для них никакого инвентаря — не было ни бит и мячей для кри-

кета, ни футбольных мячей, ни хоккейных клюшек». Начало Англо-бурской войны наконец послужило стимулом для введения уроков физкультуры в школах для детей из рабочего класса. Общественность была потрясена ужасающим уровнем физической подготовки молодых людей, вызвавшихся добровольцами в 1899 году, — только двое из девяти были признаны годными для военной службы. В школьную программу поспешно ввели обязательные тренировки в армейском духе на игровых площадках, и многие школы наняли для проведения этих уроков отставных военных.

В 1880-х годах предпринимались дальнейшие попытки привнести преимущества организованного спорта в жизнь мальчиков из рабочего класса. Создавались клубы для разных возрастов, призванные хотя бы отчасти скрасить тяжелую жизнь работающих молодых людей. В этих клубах обычно были спортивные сооружения и библиотеки, в них проводили вечерние занятия. Во многих имелись «домашние» пространства для отдыха, подальше от мест распития алкоголя. В Институте Гордона в Ливерпуле, основанном в 1886 году, уже в 1887 году открылся большой спортивный зал и были организованы клубы, где играли в крикет, английскую лапту и футбол, занимались плаванием и боксом, гимнастикой и легкой атлетикой. Примерно в это же время похожий клуб для молодежи открылся в манчестерском районе Халм. В 1907 году, в эдвардианский период, 10 тысяч мальчиков посещали подобные клубы в Манчестере, еще 10 тысяч — в Лондоне, и сравнимое количество во многих других городах. И хотя основатели клубов возлагали много надежд на их образовательную роль, мальчиков главным образом привлекала возможность заниматься спортом.

Помимо командных игр, среди викторианских мальчиков были широко распространены еще два вида спорта:

плавание и борьба. По словам Альфреда Айрзона, чье детство пришлось на 1860-е годы, «открытая сельская местность давала мальчикам и девочкам простор для забав и шалостей. Именно здесь я научился плавать и драться. Эти занятия занимали важное место в жизни мальчика». Многие века мальчишки сбрасывали одежду и прыгали в пруды, ручьи, озера и реки — это была давняя летняя традиция. Очень часто к ветке самого удобного из растущих на берегу деревьев привязывали веревку, чтобы раскачиваться над водой, а потом с приятным громким плюхом падать вниз, в воду, где в теплые дни уже было полно купающихся мальчишек. Альфред пишет, что в часы школьного обеда «летом обязательно убегал купаться на реку Нен [Нортгемптоншир]».

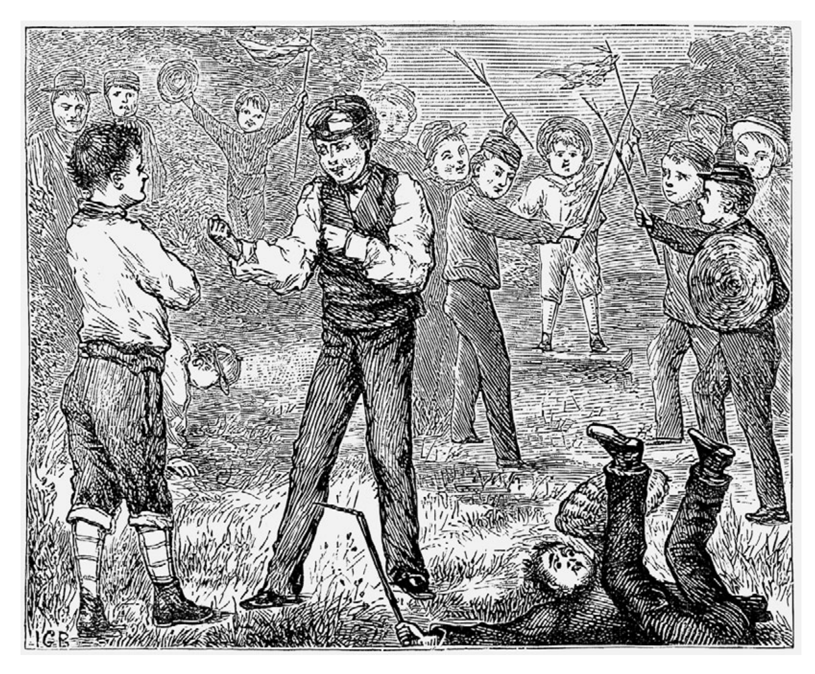

Рис. 100. Драки были привычным явлением в жизни мальчиков

Промышленные города в этом смысле не отставали от деревень. На ранних фотографиях доков и каналов часто можно видеть мальчиков, купающихся голышом. Очень популярным местом был мост Берлингтон-стрит, перекинутый через канал, связывающий города Лидс и Ливерпуль, поскольку здесь воду нагревали стоки с фабрики Тейта и Лайла. На снимке, сделанном в этом месте около 1890 года, фотографу позирует толпа примерно из 30 голых и еще примерно дюжины одетых мальчиков. Увы, для многих из них эти забавы заканчивались плачевно — записи коронеров свидетельствуют, что утопление служило крайне распространенной причиной смерти среди мальчиков. Со временем, когда глубоководные бассейны общественных купален (о которых мы поговорим в одной из следующих глав) стали более популярными и, как следствие, увеличились в размерах, многие ребята перенесли свои водные забавы в крытые бассейны с подогревом. Но в жаркие солнечные дни берега рек и каналов продолжали неодолимо манить к себе тех, кому была пока еще неведома стыдливость, приходящая с взрослением.

И наконец, драки, потасовки, бокс и мелкие стычки занимали немалое место в жизни многих мальчиков, начиная от сыновей высшей знати и заканчивая последними оборванцами. Взрослые, как ни парадоксально, поощряли эту традицию. Мужчина или мальчик, умеющий постоять за себя, вызывал восхищение; тот, кто избегал боя, заслуживал презрения. И хотя задиру, активно искавшего повод для драки, обычно не одобряли, от мальчика все же ожидали, что он сможет дать обидчику отпор. Существовал ряд уловок, позволяющих замаскировать вызов на бой или хотя бы придать ему социально приемлемый вид. Сложный «кодекс чести» давал изрядное пространство для маневра, чтобы принудить кого-нибудь к участию в состязании. Некоторые действия — например, сбитая с головы

шляпа — были общепризнанным приглашением к драке. Бои без правил были огромной редкостью. Несмотря на то что правила нигде не записывали, всем мальчикам они были отлично известны. Использовать нож и любые виды оружия в драке считалось нечестным и недопустимым, это расценивалось как трусость. То же касалось случаев, когда бой навязывали противнику намного меньше и слабее себя. Если мальчик, сбитый с ног, продолжал лежать на земле, это сигнализировало об окончании драки. Предпочтительнее всего было бить противника кулаками, а царапаться — удел девочек, и мальчику не следовало позволять себе подобное. Драки, как правило, должны были происходить при свидетелях, лучше всего при большой группе сверстников (в числе прочего это повышало престиж победителя). Поединок между двумя равными по силам соперниками, которые соблюдали правила честного боя и применяли одобренные приемы, мог повысить статус обеих сторон. Идеальным вариантом была, конечно, встреча один на один в кругу других мальчиков, что, в сущности, очень напоминало взрослые боксерские матчи. Фред Боутон вспоминал, как приходил в жестяную лачугу Бернарда Паркера, где кроме домино и других спокойных игр «некоторые играли в бокс, а на стене сарая появлялись меловые надписи наподобие: “Большой бой сегодня вечером. Мокрый Билл против Мерзлявого Джека, 10 раундов. Не опаздывать”».

СПОРТ ДЛЯ ДЕВОЧЕК И ДЕВУШЕК

Кроме пеших прогулок и гимнастики, социально приемлемыми видами спорта для девушек из высших слоев общества были стрельба из лука и крокет. Они не подразумевали излишней физической активности, не требовали

переодеваться в «неподобающую» одежду, и ими можно было без опасений заниматься в больших группах. Тем не менее замужние женщины довольно редко принимали участие в этих забавах. Им приходилось гораздо больше заботиться о соблюдении приличий, чем незамужним, а постоянная вероятность беременности заставляла их с осторожностью относиться к занятиям, способным, согласно тогдашним представлениям, спровоцировать выкидыш.

Стрельба из лука как вид развлечения возродилась к жизни в XVIII веке, когда аристократы сэр Эштон Левер и сэр Томас Эгертон по совету секретаря сэра Эштона Левера, Томаса Уоринга, горячего поклонника этого вида спорта, создали ряд клубов для джентльменов. Практически с самого начала женщины допускались на стрельбища и могли становиться членами клубов. Они соревновались наравне с мужчинами, иногда устраивали собственные отдельные соревнования, но довольно часто выступали непосредственно против мужчин. К середине столетия число женщин-лучниц на турнирах нередко превосходило число мужчин (см. цветную илл. 22).

На стрельбище размещали на разном расстоянии соломенные мишени на подставках, и участники выпускали в них заранее оговоренное количество стрел из длинных луков, которые, пожалуй, выглядели бы вполне уместно на полях Азенкура. За попадание в цель присуждали очки — чем ближе к центру мишени оказывалась стрела, тем больше очков.

Стрельба из лука оставалась по большей части уделом аристократии — это было модное занятие, и для него существовала специальная модная одежда. В разных коллекциях сохранилось несколько лифов для стрельбы из лука — в Галерее английского костюма Платт-Холл близ Манчестера выставлен самый ранний экземпляр. Он выполнен из тонкой камвольной шерсти и шелка в ярко-зе-

леных цветах клуба Королевских британских лучников (в котором женщинам предоставляли полное членство уже в 1787 году). Покрой с запахом давал владелице достаточно свободы для широких движений плечами, сохраняя при этом модный силуэт, обозначенный корсетом. Очень часто на лучниках можно было видеть шляпы, украшенные задорным пером (похожий головной убор позднее будет носить Эррол Флинн в фильме «Приключения Робин Гуда» (The Adventures of Robin Hood; 1938).

Статья, опубликованная в журнале Bailey's в 1874 году, описывала сцену сбора любителей стрельбы из лука в замке Паудерэм в Девоне. Автор восторгался нарядами всех цветов радуги, переливающихся яркими оттенками, когда лучницы прогуливались между мишенями. В отчете Bailey's, выдержанном в основном в сардоническом тоне, целая страница посвящена обсуждению дамской моды и всего три строчки — результатам стрельбы.

Если женщине посчастливилось получить приглашение на одно из благородных собраний лучников, ей нужно было приобрести для него все необходимое — женский комплект мог стоить от двух до пяти фунтов стерлингов (по данным «Домашней книги» 1868 года), что не соответствовало финансовым возможностям большинства девушек , принадлежащих к среднему классу. Дамский лук, как правило, отличался меньшими размерами и меньшей силой натяжения, чем мужской, хотя некоторые женщины, например Куини Ньюолл, которая выиграла золото на Олимпийских играх 1908 года, использовали луки с такой же силой натяжения, как у мужчин. Кроме деревянного (обычно тисового) лука даме нужен был набор стрел, колчан, кожаный наруч, чтобы аккуратно убрать под него ткань рукава и защитить запястье от тетивы лука или перьев стрелы, а также маленький кожаный напальчник, чтобы уберечь пальцы той руки, которая натягивала тетиву.

Рис. 101. Игра в крокет, 1866 г.

В опубликованном в 1876 году романе Энтони Троллопа «Премьер-министр» (The Prime Minister) жена премьер-министра леди Гленкора приказывает возвести с трех сторон на газоне площадью 2000 м^2 земляную насыпь, чтобы организовать состязания по стрельбе из лука на домашней вечеринке, которую устраивали они с супругом. У поросшей травой насыпи, защищавшей прогуливающихся по окрестностям гостей от случайных стрел, расставили соломенные мишени. В следующие дни леди и джентльмены тренировались вместе, флиртовали и участвовали в дружеских соревнованиях.

В 1875 году стрельба из лука уже не была последним писком моды, как раньше, однако читающая романы публика по-прежнему полагала, что аристократические дамы занимаются ею.

Менее эксклюзивным времяпрепровождением был крокет. Популярность этой игры стремительно выросла: как писал The Young Ladies' Journal, если в 1862 году о крокете практически никто не слышал, то в 1868 году он уже стал «модной и совершенно необходимой» игрой. Все, что для него требовалось, — газон и набор принадлежностей, который стоил примерно 2 шиллинга. Конечно, дела с газоном обстояли не так просто. Изобретение газонокосилки дало среднему классу возможность устраивать газоны около своих особняков, но для рабочих об этом по-прежнему не могло быть и речи. Задуманный как семейная игра, подходящий для любого пола и возраста, крокет особенно привлекал девочек, поскольку для них было слишком мало других подвижных игр. При игре в крокет не нужно было бегать и прыгать, только ходить. В него можно было играть в корсете и кринолине на свежем воздухе и не беспокоиться об излишней нагрузке на репродуктивную систему. Сельский священник Фрэнсис Килверт получал большое удовольствие от смешанных крокетных вечеринок, которые посещал в Клиффордском приорстве: «Сколько веселья на лужайке, шесть партий одновременно играют в крокет, повсюду летают мячи». Он нашел, что мисс Аллен, миссис и мисс Бриджес и мисс Освальд выглядели совершенно очаровательно на этой спортивной вечеринке. Через 15 лет популярность крокета сошла на нет. Однако эта игра подтвердила, что занятия спортом не причиняют женщинам никакого вреда, и страхи о том, что перенапряжение может травмировать женщину, постепенно ослабли.

Лаун-теннис появился в середине 1870-х годов, примерно в то же время, когда крокет окончательно вышел из моды. За двадцать лет он снова выманил на газоны представителей верхних слоев среднего класса — размеченный в собственном саду теннисный корт стал понят-

ным символом богатства и респектабельности. Девушки с самого начала проявили к теннису большой интерес. Конечно, теннис не возник из ниоткуда. Он пришел в Британию из Франции еще в XV веке. Хорошо известно, что Генрих VIII был увлеченным игроком и тратил весьма солидные суммы на теннисные туфли (что подтверждают сохранившиеся документы). Начиная с XVII века все корты в архитектурном плане воспроизводили корт, выстроенный в 1625 году во дворце Хэмптон-Корт, что, впрочем, пагубно сказалось на популярности игры. Обустройство корта обходилось дорого — вокруг него следовало возвести высокие стены, от которых мяч мог отскакивать, как при современной игре в сквош. Кроме того, это означало, что зрители могли наблюдать за игрой только с небольшой галереи, вмещавшей не больше 30 человек. Реал-теннис изначально развивался как элитная игра для придворных и не предполагал массового участия. Чтобы обрести популярность, игре нужно было выйти на улицу и отказаться от части своих запутанных правил.

Почетное звание изобретателя лаун-тенниса оспаривают два не связанных друг с другом человека. В 1874 году майор Уолтон Клоптон Уингфилд запатентовал новую игру и начал продавать наборы для нее. А ливерпульский торговец Гарри Джем утверждал, что это он изобрел игру примерно пятнадцатью годами ранее вместе со своим португальским другом Аугурио Litерой. Они играли на простаивающих без дела крокетных газонах у дома Гарри Джема с помощью обычных ракеток для реал-тенниса (деревянных с сеткой из жил) и нового наполненного воздухом резинового мяча, который, в отличие от старых твердых мячей из обмотанной бечевкой пробки, отскакивал от травы. Кроме ракеток они позаимствовали из королевского тенниса сетку, кое-что из разметки корта (хотя и уменьшили его) и большую часть системы начисле-

ния очков. Конечно, новая игра была бы невозможна без американца Чарлза Гудиера, в 1839 году открывшего вулканизацию каучука, благодаря чему мяч мог отскакивать от земли, и Эдвина Баддинга, который изобрел газонокосилку в 1827 году.

Газоны сыграли очень важную роль во взлете популярности нового вида спорта. Во многих местах газоны остались еще со времен увлечения крокетом, и для того, чтобы превратить их в теннисный корт, требовалось совсем немного усилий. Несколько линий белой краски, сетка, пара ракеток и мячей — и вы можете заниматься новым модным видом спорта. Несомненно, теннис был намного энергичнее, чем крокет, — здесь нужно было бегать и резко менять направление (что, очевидно, заставляло потеть и тяжело дышать), но явная связь со старинной королевской забавой примирила с игрой тех, кто боялся за «хрупкое» здоровье играющих женщин. Первым девушкам, которые начали играть в теннис, советовали двигаться как можно умереннее, но к концу столетия на первый план в игре вышел настоящий атлетизм. Фрэнсис Килверт, священник и бывший любитель крокета, впервые сыграл в лаун-теннис в июле 1874 года, через несколько недель после того, как в продажу поступили первые наборы для игры. «Отличная игра, но слишком жаркая для летнего дня», — прокомментировал он.

Первые любительницы тенниса во время игры были одеты в свои обычные дневные платья — без кринолинов, поскольку они уже вышли из моды, но с затянутой в корсет талией и длинными, задрапированными сзади юбками с турнюром. В 1879 году появился обычай во время игры в теннис надевать фартук, чтобы защитить модное дорогое платье, также обязательной частью костюма стала шляпа. В 1890-х годах на теннисный корт стали надевать пояс-корсет в швейцарском стиле. Он плотно обхватывал

талию, но был очень высоко вырезан на бедрах, чтобы не мешать движению ног, и очень низко вырезан под грудью (и действительно заканчивался под грудью, то есть никак не поддерживал ее и не ограничивал), чтобы не мешать энергичным движениям рук. Он позволял молодой женщине двигаться намного активнее, чем в обычном корсете, при этом не споря с общественностью, требовавшей, чтобы женщина демонстрировала тонкую талию. Вместе с таким корсетом для игры обычно надевали белые вещи с меньшим количеством оборок и украшений, чем на обычном дневном платье. Начиная с 1890 года на модных картинках в журналах можно было найти специальные платья для игры в теннис, обычно со свободным, не прилегающим лифом и жесткими тугими манжетами (см. цветную илл. 21).

Лотти Дод была пятикратной чемпионкой мира по теннису среди женщин в Уимблдонском Всеанглийском клубе лаун-тенниса и крокета. Она оставила теннис в возрасте 21 года и в 1904 году стала чемпионкой по гольфу среди женщин. Позже она получила серебряную медаль за стрельбу из лука на Олимпийских играх 1908 года. Кроме того, за свою поразительную спортивную карьеру она достигла больших успехов в фигурном катании, конном спорте, гребле и парусном спорте. Однако все началось с лаун-тенниса, и именно в этой области ее спортивные способности и талант получили первое публичное признание. К концу столетия лаун-теннис стал самым популярным среди девушек видом спорта, что способствовало популяризации других женских видов спорта, таких как лакросс и хоккей, которые стали внедрять во многих новых школах для девочек. К 1900 году в состав Ассоциации лаун-тенниса входило около трех сотен клубов, включая Уимблдонский, который, кстати, начал свое существование в 1868 году как клуб игры в крокет.

К последнему десятилетию правления королевы Виктории былые опасения, связанные с женской физической активностью, почти сошли на нет. Однако медики, педагоги и родители в большинстве случаев продолжали считать, что в период менструации девушкам и женщинам следует полностью отказаться от физической активности.

ПАРКИ И САДЫ

Те, кто искал активного отдыха на свежем воздухе, но не слишком интересовался спортом, обращались к садоводству. В начале столетия обеспеченные люди обычно только любовались садами, но заботились о них представители рабочего класса. Кроме того, они ухаживали и за собственными небольшими участками. На участке эти люди работали, чтобы прокормить семью, но вместе с тем они получали немало удовольствия. В 1830–1850-е годы переживали расцвет многочисленные общества цветоводов — группы, состоящие в основном из городских рабочих, которые выращивали цветы высочайшего призового качества. Для многих из этих мужчин — ткачей и вязальщиков, плотников и гвоздильщиков, чья трудовая жизнь проходила в небольших домашних мастерских, — цветы стали настоящей страстью. Они выращивали новые сорта, отбирали самые сильные семена и совершенствовали выбранные разновидности, годами кропотливо ухаживая за ними. Свои растения они культивировали на крошечных участках около домов и мастерских или в горшках и контейнерах, стоявших во дворах и на подоконниках. Гиацинты, примулы, тюльпаны, нарциссы, лютики, анемоны, разные сорта гвоздики представляли для цветоводов традиционный интерес, но вскоре к ним в буйстве цвета присоединились пеларгонии и георгины, фуксии, флоксы

и хризантемы. Победителям цветочных конкурсов вручали денежные призы, самые успешные цветоводы могли зарабатывать на продаже своих семян и луковиц другим садовникам. В Доудене в графстве Дарем в первые выходные августа в течение 1840-х годов и вплоть до 1890-х годов проходила цветочная выставка. Цветочное общество, занимавшееся организацией этого мероприятия, почти целиком состояло из шахтеров. Томас Купер, сын одного из членов общества, вспоминал: «Прекраснейшие клумбы невероятных цветов и оттенков — нужно было увидеть их своими глазами, чтобы в это поверить. Каждый крошечный уголок и ямка были заняты ящиками и бочками с цветами».

В сельской местности рядом с некоторыми домами имелись небольшие участки земли, а те сельские жители, у кого не было собственного сада или огорода, могли арендовать участок. В основном на них выращивали картофель и капусту, чтобы разнообразить рацион, но работа на своей земле давала мужчине, который до этого провел целый день на полях работодателя, возможность ощутить себя настоящим хозяином, и это служило для него источником огромной гордости и удовлетворения. Флора Томпсон в своих воспоминаниях о жизни в 1880-х годах в Оксфордшире с любовью отмечала: «Мужчины нередко пели или насвистывали, когда вскапывали землю или рыхлили ее мотыгой». Разведение растений исключительно для удовольствия постепенно становилось все более популярным: по краям дорожек и у стен домов сажали цветы, и в целом ассортимент фруктов и овощей в этих небольших хозяйствах был намного шире, чем казалось уместным филантропам-наблюдателям из среднего класса. Обеспеченные соседи (разумеется, из лучших побуждений) советовали трудящимся ограничить ассортимент плодовых культур ревенем, однако, как свидетельствует Флора Томпсон, на

многие участки все равно проникали крыжовник и клубника, а также лакфиоль и разные виды гвоздики.

К 1850-м годам средний и высший классы тоже открыли для себя радости садоводства. Поначалу особенно сильно им увлеклись женщины и представители духовенства. В помощь им издавали разнообразные книги и журналы, создатели которых активно пользовались внезапным спросом. Можно было часами листать великолепно иллюстрированные издания, наслаждаясь изображениями изысканных ухоженных садов, прекрасных цветов, со вкусом оформленных оконных ящиков или рекламой газонокосилок и садовых инструментов.

Рис. 102. Садоводство – «слава английской девушки», 1868 г.

Составление цветочных композиций долгое время считалось превосходным занятием для женщин, так как оно позволяло проявить художественные способности в домашней обстановке. Ботаника также имела репутацию вполне допустимой для девушек, женщин и священнослу-

жителей научной деятельности. Садоводство удовлетворяло одновременно всем этим запросам и, в свою очередь, доставляло тем, кто им занимался, немало удовольствия. «Домашняя книга», изданная в 1868 году, утверждала: «Цветочный сад во всех его разнообразных формах неизменно составляет радость, заботу, гордость и славу английской девушки». Вскоре увлечение садоводством начали воспринимать как признак заботливости, любви к порядку, а кроме того, развитого вкуса и ботанического опыта. В продаже появились полные наборы садовых инструментов для леди-садовниц — они были легче и меньше тех, которыми пользовались профессионалы-мужчины. Для тех, кого судьба не одарила собственным большим садом, публиковали множество советов о выращивании цветов в оконных ящиках и уходе за комнатными растениями. Члены королевской семьи были страстными любителями садоводства. Принц Альберт настаивал, чтобы у всех его детей на территории рядом с дворцом были собственные грядки.

Примерно в то же время, когда средний класс открыл для себя все радости рыхления, прополки и обрывания с веток увядших цветов, начало набирать обороты движение за общественные парки. Лидером в этой области оказался Ливерпуль. Парк Биркенхед был задуман для того, чтобы уравновесить худшие проявления городской среды и отчасти смягчить ее пагубное влияние на жизнь рабочих семей. Доки Мерсисайда с некоторых пор переживали бурный подъем, люди стекались к ним в поисках работы, и вскоре ряды тесно прижатых друг к другу домиков стандартной застройки оказались переполненными. В скромных двухэтажных зданиях с одним или двумя помещениями на каждом этаже, рассчитанных не больше, чем на пару домохозяйств, теперь селилось сразу несколько семей. Одна за другой тянулись улицы, где не было ни единого дерева

или клочка травы, но зато повсюду были пабы. Создатели парка надеялись, что он даст людям возможность дышать чистым воздухом и посвятить время рациональным развлечениям и отдыху подальше от мест распития алкоголя. Уникальность парка Биркенхед заключалась в том, что он был первым парком, созданным общественной организацией на общественные деньги (в отличие от королевских парков Лондона, которые были подарком нации, часто переданным в качестве компенсации королевского долга). Парк Биркенхед с его извилистыми дорожками, огибающими живописные рощи и озера, был спланирован по образцу лучших аристократических садов. Его создатели надеялись, что успокаивающее влияние природы и спокойная упорядоченность садового ландшафта послужат моральным и социальным ориентиром для тех, кто жил поблизости. Мне доводилось гулять по его тропинкам, и могу сказать, что и в наши дни парк остается прекрасным местом. В кои-то веки люди, создававшие это пространство для менее обеспеченных членов общества, не пытались экономить и обойтись чем-то второсортным.

Парк Биркенхед с самого начала был довольно большим и располагал условиями для самых разных видов деятельности. В нем были широкие, открытые пространства для занятий спортом, в том числе площадка для крикета; дикие участки, засаженные деревьями и кустарниками для тех, кто хотел вспомнить свое детство в сельской местности; ухоженные цветники и клумбы для любителей цветов; альпийская горка; озера с мостиками и беседками; широкие бульвары для прогулок в компании и узкие извилистые тропинки, чтобы бродить в одиночестве и предаваться тихим размышлениям. Биркенхед послужил образцом для создания ряда новых парков по всей стране и за ее пределами (в частности, по его подобию был создан Центральный парк в Нью-Йорке). В Ливерпуле и других горо-

дах парки оказались чрезвычайно популярными. Только за первую неделю в Биркенхеде побывало 40 тысяч посетителей. На ранних кинопленках Викторианской эпохи, снятых в городских парках, можно видеть огромное множество гуляющих, одетых в лучшую одежду и явно с удовольствием проводящих время в этих новых социальных пространствах. Прогулка в парке была совершенно бесплатной, а природные виды особенно радовали глаз после тусклых и грязных, переполненных людьми городских улиц. Во многих парках устанавливали открытую сцену, довольно часто устраивали бесплатные концерты и спортивные соревнования. Парки оказались тем местом, где представители разных социальных классов могли стать ближе друг к другу и разделить досуг.

Однако при всей популярности парков, садоводства и занятий спортом самым распространенным видом досуга среди викторианских мужчин, а также некоторых женщин и даже мальчиков оставалась выпивка.

ПАБЫ

Если бы вы зашли в викторианский паб, вас в первую очередь поразило бы, насколько там тепло. Как бы викторианцы ни старались экономить топливо дома или на работе, в пабе всегда жарко горел камин. Тепло, мужская компания и пиво были главным достоинством таких заведений. В сельской местности деревенский паб (а в большинстве деревень их было несколько) снаружи ничем не отличался от любого другого дома. Только вывеска над дверью сообщала о том, что это он. Внутри тоже не было ничего особенного. Одна комната в передней части дома (обычно самая большая) служила общественной зоной, но ничего похожего на бар в ней не было.

До наших дней в первозданном виде сохранилось несколько викторианских деревенских пабов, разбросанных по разным уголкам страны. Из них мне лучше всего известен паб Drew Arms в Девоне. Крытый соломой дом стоит рядом с церковью. Если вы войдете в переднюю дверь, общественная комната будет слева — это небольшое помещение размером примерно 3,5×2,5 м. Камин находится у дальней стены и очень быстро прогревает комнату, так что в ней становится душно. Пол выложен каменными плитами, стены обшиты деревянными панелями на высоту около 1,8 м и выкрашены в белый цвет. Вдоль стены идет деревянная скамья, перед ней стоит пара простых деревянных столов и стулья, за которыми могут разместиться в общей сложности не более дюжины человек. По одну сторону от двери, через которую вы вошли в помещение, находится маленькое окошко — через него подают пиво. Это непритязательное место словно специально создано для промокших фермеров, которые приходили в конце долгого рабочего дня, обивали грязь с башмаков и без сил падали на скамейки. Мужчины выбирали, в какой паб идти, главным образом исходя из того, кто еще в них регулярно выпивал, — в каждом из таких пабов складывался, по сути, небольшой клуб, члены которого хорошо знали друг друга.

Многие городские пабы выглядели почти так же: они располагались в передней комнате чьего-нибудь дома и просто были лучше натоплены. В них подавали пиво и, может быть, джин через окошко или двустворчатую дверь, за которой находилась кладовая. Как и в деревнях, эти заведения были очень маленькими, но весьма многочисленными. В рабочих районах один паб на каждые 30 домов был вполне обычным явлением. Отчаянная теснота собственных жилищ делала пабы привлекательными для рабочих: здесь можно было отдохнуть от плачущих шум-

ных детей и холода неотапливаемых комнат, а также избежать домашней работы. Еще один девонский паб, The Welcome Inn в Эксетере, сохранился почти без изменений с викторианских времен. Он был построен в рабочем квартале, и освещение в нем до сих пор дают только оригинальные газовые лампы и несколько масляных. Стены окрашены в темно-коричневый цвет, на котором не так заметна грязь, чтобы людям, возвращающимся с фабрик, не приходилось чувствовать себя неловко из-за перепачканной одежды. Помещение все так же обогревает камин.

Но такими были отнюдь не все викторианские пабы: некоторые из них, величественные и роскошные, выглядели как настоящие народные дворцы. 1840–1860-е годы были временем расцвета сверкающих, отделанных изысканной плиткой и роскошно обустроенных городских пабов. Те пивоваренные заводы, у которых было достаточно средств, изо всех сил старались сделать свои пабы максимально привлекательными для потенциальных клиентов. Внутри и снаружи сверкала яркая плитка, большие окна пропускали много света, гостеприимно горели лампы, поблескивала металлическая отделка и сияли полированные деревянные поверхности. Нередко пабы становились первыми в районе зданиями, где проводили газовое, а позднее и электрическое освещение. Из тех пабов, в которых мне довелось побывать, лучшим примером может служить паб отеля The Stork в Биркенхеде — кстати, недалеко от парка, созданного с целью отвлечь людей от алкоголя. В центре здания расположен деревянный бар, и от него наружу расходятся ряды маленьких комнат, в каждой из которых есть большой ярко горящий камин. Сам бар представляет собой закрытое пространство с чередой маленьких заслонок, через которые подают напитки. Повсюду богатая отделка: матовое стекло, узорчатая плитка на полу и на стенах, бумажные обои и даже лепнина на по-

толке. Такие пабы требовали крупных капиталовложений и чаще всего появлялись в недавно построенных районах, где еще не успели утвердиться неформальные домашние пабы и существовала неплохая возможность заработать на растущем рынке.

В пабе можно было не только выпивать, он выполнял и социальную функцию, например служить дискуссионным клубом, местом встречи спортивной команды или общества цветоводов. Во многих пабах существовали накопительные программы того или иного рода. Об одной из таких программ узнает Шерлок Холмс в рассказе «Голубой карбункул» (The Adventure of the Blue Carbuncle): хозяин паба учредил для постоянных клиентов гусиный клуб — они еженедельно уплачивали небольшую сумму и в обмен получали на Рождество целого гуся. В Беркли, что в графстве Глостершир, несколько пабов служили местом встречи дружеских обществ, собиравших средства для оплаты больничного и других пособий для своих членов. Раз в год эти общества распределяли прибыль. Первая среда мая была «днем парада», и члены клубов, собиравшихся в пабах Berkeley Arms, White Heart и Mariner's Arms, с духовым оркестром и шелковыми знаменами маршировали по городу и останавливались у домов состоятельных горожан, где им в качестве приветствия наливали сидр и пиво.

Однако у викторианской питейной культуры были и темные стороны. Пивовары и владельцы пабов славились тем, что добавляли в напитки огромное количество посторонних веществ, от простой воды до наперстянки, белены, рвотного ореха (все эти растения ядовиты даже в малых дозах — с их помощью усиливали одурманивающее действие разбавленного пива) и гарцинии индийской с Малабарского берега полуострова Индостан, имеющей похожие на почки ягоды (самая распространенная примесь, которую использовали вместе с патокой и водой).

Рис. 103. Недобросовестные пивовары добавляют в пиво патоку и соль, 1850 г.

И разумеется, пабы были связаны с алкоголизмом, нищетой и насилием. Многие из тех, чьи воспоминания о викторианской жизни мы читали на страницах этой книги, упоминали о том, какую роль алкоголь играл в жизни их семьи. Голодное детство Элис Фоули было отмечено отцовскими запоями и дикими пьяными выходками: «Я помню, как он неотступно ходил за матерью по кухне и монотонно скулил: “Одолжи пенни, Мэг, одолжи пенни, в горле совсем пересохло”». Наконец в порыве отчаяния мать бросала на стол пенни, после чего Элис должна была идти в паб, чтобы принести оттуда в кувшине четверть пинты пива, и все это повторялось снова и снова, пока у семьи не оставалось денег даже на еду. Бабушка Альберта Гудвина

страдала алкогольной зависимостью в 1870-х годах: все мало-мальски ценные вещи, попадавшие в дом, закладывались, закладные продавались, и начиналось безудержное пьянство. Одежда, одеяла, сковородки и чайники исчезали тем же путем.

Богатый викторианский мужчина обычно пил не меньше — и часто даже больше, — чем бедный, но он делал это дома или в клубе. Постоянные посетители, в основном исключительно мужчины, и комфортная обстановка, по сути, делали такие клубы подобием частного паба. Алкоголь всегда присутствовал в мужском социальном пространстве. Изгнать этот порок из жизни британцев активно пыталось Движение за трезвый образ жизни, но, хотя Band of Hope и другие организации, пропагандировавшие воздержание, привлекали огромное количество сторонников из числа женщин и детей, взрослые мужчины были гораздо восприимчивее к теплу и чувству товарищества, которые предлагали питейные заведения.

ИГРЫ

Детский досуг неизбежно подстраивали под часы работы и учебы. Зайдите сегодня на любую игровую площадку в Британии, и вы своими глазами увидите викторианские игры в действии. Разные виды салочек, «Британский бульдог», «Бабушкины шаги» и «Который час, мистер Волк?» до сих пор занимают очень важное место среди детских подвижных игр. В тихих уголках все еще играют в стеклянные шарики марблс, все так же популярны «Пять камешков» и бабки, а многие девочки по-прежнему очень ловко прыгают через скакалку. Но некоторые викторианские развлечения бесследно исчезли — например, обручи и волчки. В обоих случаях суть игры заключалась

в том, чтобы поддерживать игрушку в движении. Обруч катили вниз по улице, подгоняя палкой, а самые опытные игроки могли даже проскочить сквозь обруч на ходу. Играть с волчком было еще проще. Деревянный конус приводили в движение, резко потянув за обмотанную вокруг него длинную веревку. Поддерживать волчок в движении можно было, подхлестывая его веревкой в направлении вращения.

Пожалуй, викторианский ребенок без труда смог бы присоединиться почти ко всем подвижным играм на современной школьной площадке. Футбол на школьном дворе напоминает неорганизованное перекидывание мяча раннего викторианского периода гораздо больше, чем та официальная игра, которой сегодня учат на уроках физкультуры. Повсюду до сих пор бросают о стены небольшой мяч, сопровождая его удары считалкой. Даже региональные правила школьных игр, отличающиеся от одной школы к другой, непосредственно связывают детей

Рис. 104. Игра с обручем, 1868 г.

XXI века с детьми, жившими в викторианский период, до того как многие виды развлечений, которые мы сегодня считаем спортом, подверглись систематизации и стандартизации.

Описание игры «Апельсины и лимоны», появившееся в издании «Домашней жизни» (Home Life) 1868 года, ничем не отличается от той игры, в которую я сама играла в детстве. Дети выстраиваются друг за другом и по очереди пробегают под аркой, которую образуют, подняв руки, двое их друзей. При этом декламируют стишок, заканчивающийся словами: «Вот лесник идет, тебе голову снесет». В этот момент два ребенка, которые держат арку, пытаются поймать того, кто проскакивает между ними. Совсем недавно я видела, как в эту игру играли на площадке рядом с домом моего друга. Дети соблюдали те же правила и повторяли те же стихи, но мне также доводилось видеть, как при этой игре декламируют стихи с именами поп-звезд. Дети обладают сверхъестественным даром модифицировать игры, сохраняя их первоначальную основу. В 1877 году в журнале школы Милл Хилл была записана считалка, которую дети повторяли во дворе: «У трубочиста денег мало, от него жена сбежала, он опять хотел жениться — не смог от копоти отмыться». Тот же стишок был записан почти сто лет спустя со слов одиннадцатилетней девочки в Уэлшпуле. Еще одну песенку («Королева Каролина пообедала малиной и гуляла по долине в преогромном кринолине») пели в Эдинбурге в 1888 году, также она упоминается в книге Флоры Томпсон «Из Ларк Райза в Кэндлфорд» (Lark Rise to Candleford), написанной по воспоминаниям писательницы о собственном детстве в сельской местности близ Банбери в Оксфордшире. Королева Каролина на самом деле жила гораздо раньше викторианского периода, а кринолины носили в 1850-х и 1860-х годах, но текст сохранился и даже дошел до наших дней, хотя в XX и XXI веках

у него появились новые версии. Еще один викторианский детский стишок снова напоминает мне о моем детстве:

Мама, ой, болит живот!
Мама доктора зовет.
Доктор, доктор, я умру?
Очень скоро, поутру.
Все умрут, и я, и ты.
После принесут цветы,
будем их с тобой считать —
раз, два, три, четыре, пять...[1]

Он был опубликован в 1864 году в декабрьском выпуске Notes and Queries, а я помню, как прыгала под эту считалочку в начале 1970-х годов в Ноттингеме.

В конце Викторианской эпохи, когда технический прогресс уже позволял снимать неформальные кадры, множество фотографов запечатлевали на улицах импровизированные детские игры. Везде от лондонского Ист-Энда до деревень Йоркшира на стенах домов можно было увидеть нарисованные мелом крикетные калитки. Доски от ящиков или грубо обтесанные палки служили битами. Скомканные тряпки, обмотанные бечевкой, исполняли роль мяча, который пинали, били ладонью или бросали об стену. Игры, для которых в сельской местности нужно было чертить разметку на земле, без труда переселялись на мощеные городские улицы — здесь чертили мелом или куском угля из камина. Игру в классики можно увидеть на фотографиях, сделанных во всех уголках страны, — это была одна из немногих уличных игр, в которые больше

[1] Mother, mother, I feel sick, / Send for the doctor, quick, quick, quick. / Doctor, doctor, shall I die? / Yes, my dear, and so shall I. / How many carriages shall I have? / One, two, three, four...

играли девочки, а не мальчики, хотя на фотографии из Глазго в спиральную версию играет как раз группа мальчиков-подростков. Двое молодых людей при этом лежат на животе, внимательно следя за тем, по какую сторону от линии окажется брошенный камень, а еще один запечатлен в момент прыжка.

Покупные наборы для игры в шары и кегли были доступны далеко не каждому ребенку, но обе игры сохраняли популярность в импровизированном варианте: чтобы бросать камни в разнообразные мишени, не требовалось никакой сложной подготовки, и это занятие было весьма популярно среди озорных мальчишек. Всевозможные предметы, от гнилых яблок до пивных бутылок, устраивали сверху на заборах или на каменных оградах. Пивные бутылки, если их удавалось достать (их можно было сдать за небольшие деньги, поэтому они редко оставались лежать без дела) конечно, подходили для игры в кегли лучше всего. На многих викторианских фотографиях, запечатлевших большие группы детей, можно видеть мальчиков, которые стоят со смущенным видом и часто с зажатыми в руках камнями, ожидая, пока фотограф с камерой уйдет, чтобы продолжить игру.

Найти большие круглые мячи для игры в шары было очень трудно, а самые очевидные заменители (яблоки, капуста и т.д.) скорее бы съели, чем отдали для игры детям. Намного легче было добыть шарики для миниатюрной версии игры в шары — марблс. Поиски камешков или каштанов подходящего размера составляли половину веселья, а у городских детей начиная с 1850-х годов появился еще один источник отличных стеклянных шариков — бутылки с газированными напитками. Огромный всплеск интереса к безалкогольным газированным напиткам, подогреваемый Движением за трезвый образ жизни, привел к значительным коммерческим инновациям, направленным не

только на сами напитки, их этикетки и рекламу, но и на дизайн бутылок. Пожалуй, самым успешным был вариант со стеклянным шариком в горлышке, исполнявшим роль пробки, которая не давала газу выйти из бутылки. Чтобы выпить напиток, нужно было резко надавить пальцем сверху вниз на стеклянный шарик, ломая печать. Бутылки можно было мыть и использовать повторно, и компании, производящие напитки, охотно платили за их возврат, чтобы сэкономить на производстве новых. Эта экологически дружелюбная инициатива может служить ранним примером переработки отходов в Викторианскую эпоху, однако стеклянный шарик в горлышке бутылки обладал неодолимой притягательностью для мальчика, увлекающегося игрой в марблс. Разбив бутылку, вы получали идеально круглый, прочный и очень красивый шарик, которому завидовали все ваши друзья.

Общей чертой всех играющих на улице детей был их возраст. Викторианского ребенка старше 11–12 лет крайне редко можно было застать за легкомысленной игрой — большинство играющих были намного младше. У шестилетних и семилетних детей еще было время для игр, но чем старше они становились, тем меньше у них оставалось свободного времени. Иногда детям постарше удавалось улучить свободную минутку, но гораздо чаще их дни были с утра до вечера заполнены работой и учебой. Работа была необходима для выживания семьи, и в некоторых случаях дети даже предпочитали ее другим занятиям. Одна девочка, опрошенная Генри Мэйхью в 1860-х годах, рассказала, что работать уличной продавщицей намного интереснее, чем просто сидеть дома и скучать. Дома у нее не было ни игрушек, ни друзей. На улице в часы работы эта девочка хотя бы видела какую-то жизнь, разговаривала с людьми и иногда присоединялась к играм других детей. Игра для нее была заключена в рамки работы. Ей было семь лет.

Игры в помещении были свойственны скорее среднему классу. Дети рабочих обычно стремились на улицу в поисках света, свободного пространства и товарищей для игр. В их крошечных домах было слишком тесно и многолюдно. В большинстве случаев дома у такого ребенка было только одно развлечение — сидеть под столом и играть с куклой или игрушечным солдатиком. Однако для детей из семей, принадлежащих к среднему классу, особенно для девочек, об играх на улице не могло быть и речи. Мальчики еще могли выйти побегать в саду с братьями или кузенами, но от девочек даже это открытое пространство бдительно оградили заботливые родители.

Игрушки были и нужнее этим детям, и гораздо доступнее. Из викторианских игрушек, дошедших до наших дней, чаще всего встречаются многочисленные деревянные куклы и домашние кегли. Обычно они выглядели

Рис. 105. Счастливый ребенок с простыми игрушками, 1887 г.

очень просто. Очищенную от коры толстую палку делили на отрезки длиной от 5 до 15 см. Иногда их обтачивали на токарном станке, придавая нужную форму, иногда просто шкурили, а затем покрывали краской. У небогатых деревенских детей кегли могли быть не обточенными и не окрашенными и походили скорее на простые палки, в которых никто, кроме их владельцев, не опознал бы игрушку (из-за чего они не раз оканчивали свою жизнь в топке). Большинство сохранившихся кукол выполнены по тому же образцу: это сглаженный деревянный брусок весьма приблизительной формы, иногда с углублением, отделяющим голову от тела, расписанный краской. Игрушечных солдатиков распиливали снизу вверх до середины, грубо обозначая две ноги, в результате чего кукла приобретала сходство со старинной прищепкой для белья (поэтому такие куклы обычно называют куклами-прищепками). И кегли, и куклы такого типа довольно часто проваливались между половицами — для того чтобы быть найденными много лет спустя и превратиться в семейные реликвии и музейные экспонаты.

У многих детей были деревянные волчки и простые игрушки в виде животных, а позднее в виде паровозов. Эти игрушки были по средствам многим семьям, а у представителей среднего класса и самых обеспеченных слоев рабочего класса они обычно были раскрашенными. Жестяные и оловянные игрушки стоили намного дороже — если сын или дочь колесного мастера или мелкого лавочника могли играть с расписной деревянной коровой, то подарить ребенку жестяной поезд могли только в семьях, где держали двух и более слуг. О богатстве семьи также свидетельствовали оловянные солдатики вместо деревянных и куклы с восковыми или фарфоровыми головками.

Массовое производство товаров удешевило изготовление игрушек и сделало их доступными для более широких

групп детей. Новые технологии позволяли игрушкам выполнять больше действий, ярче выглядеть, выше подпрыгивать и сильнее растягиваться. Открытие вулканизации каучука в 1839 году сделало многие игрушки более привлекательными — особенно это касалось мячей, которые теперь стали очень прыгучими. Немалую пользу вулканизация каучука принесла изготовителям катапульт и заводных игрушек. Приводимые в действие натянутой резинкой, небольшие лодки переплывали водоемы и домашние ванны, миниатюрные карусели вращались, винтокрылы с мельничными лопастями медленно спускались по воздуху. С 1860-х годов викторианская жизнь заиграла яркими цветами благодаря новым краскам и красителям. Бурное развитие печатных технологий позволило применять новые пигменты в производстве относительно дешевых книжек с картинками, а также печатных этикеток и наклеек на игрушки. Такие наклейки очень оживляли простые деревянные или даже картонные игрушки. В результате технических инноваций появились первые головоломки-пазлы и игрушечные настольные театры. Традиционным игрушкам эта яркая и дешевая отделка тоже пошла на пользу. Грубо вырезанный деревянный кораблик становился гораздо привлекательнее, если на него с обеих сторон наклеивали бумажное изображение красиво нарисованного корабля.

Революция в области цветной печати вызвала новый виток увлечения декоративными альбомами (скрапбуками). Детям, особенно девочкам, давно советовали сохранять газетные и журнальные вырезки и любопытные мелкие вещицы, чтобы использовать их для украшения предметов или наклеивать их в альбомы и потом разглядывать как коллекцию сувениров. Доступность цветной печатной продукции сделала это занятие намного интереснее, что, в свою очередь, побудило издателей выпу-

скать листы с яркими рисунками специально для этой цели. Сегодня многим маленьким детям нравится собирать наклейки в особые альбомы; викторианские дети тоже очень любили аккуратно вырезать и наклеивать картинки в альбомы, на коробки и даже на каминные экраны.

В последние несколько лет Викторианской эпохи развитие точной механики достаточно продвинулось для того, чтобы в магазинах появились игрушки с часовым механизмом. Приобрести такую игрушку мог врач или юрист. В 1838 году движущиеся механические фигуры аниматроники, крайне хрупкие и быстро изнашивающиеся при частом заводе, были развлечением для взрослых и очень богатых людей. А в 1901 году аккуратному ребенку вполне могли подарить заводной паровозик, с которым он благополучно играл бы еще много лет.

ОТДЫХ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

И наконец, одним из последних видов досуга, которым к концу столетия могла наслаждаться вся семья и который развился в викторианский период благодаря изменениям в общем графике работы, был аналог современного отпуска.

В начале столетия только обеспеченные люди могли позволить себе несколько недель отдыхать и поправлять здоровье на берегу моря. Многие города британского побережья, от Брайтона до Скарборо, развивались именно как курорты, предлагавшие множество возможностей для отдыха. Их посещали небедные, хорошо одетые люди. Традиционная курортная мода предусматривала для женщин светлые хлопковые платья, часто в широкую яркую полоску, а для мужчин костюмы с элементами военно-морской униформы.

Первоначально людей привлекало на побережье именно море. Богатые приезжали сюда, чтобы дышать целебным воздухом и неторопливо прогуливаться по берегу. Более крепкому здоровьем путешественнику могло пойти на пользу купание в морской воде — считалось, что эта тонизирующая процедура стимулирует кровообращение и помогает выводить из организма вредные вещества. Морское купание в те времена выглядело так: вы просто заходили в воду по пояс и два-три раза окунались, а затем выходили, вытирались и снова переодевались в обычную дневную одежду. Мужчины обычно купались обнаженными, а для защиты женской скромности существовала специальная одежда — купальный костюм. Обычно его надевали буквально на 10—15 минут. Он очень сильно ограничивал движения, и плавать в нем было невозможно. В идеале вас не должен был увидеть в нем ни один важный для вас человек, поэтому купальные костюмы 1850-х годов были дешевыми и очень простыми: их главной задачей было полностью закрывать тело, и их было не жалко испортить морской водой. По сути, купальный костюм представлял собой мешок из шерстяной ткани с горловиной на шнурке и простыми прорезями для рук по бокам. Это объемное и длинное одеяние обычно шили из темной фланели.

Когда железные дороги снизили стоимость проезда, курорты значительно демократизировались. Первыми к богатым отдыхающим присоединились семьи среднего класса, которые могли позволить себе летом снять дом на несколько недель. Затем, когда цены на железнодорожные билеты упали еще больше, удовольствие от первых однодневных поездок на пляж смогли получить представители рабочего класса.

В середине XIX столетия на пляжах вдоль побережья появились купальные кабинки. Это были маленькие деревянные домики на колесах со ступенями спереди. В первые

30 лет правления королевы Виктории полностью одетый купальщик заходил в кабинку в верхней части пляжа. Затем кабинка, обычно запряженная парой ослов, направлялась в море и останавливалась там, где вода доходила человеку примерно до пояса. За это время купальщик успевал переодеться. Облачившись в соответствующий наряд, он или она выходили на ступеньки и спускались в воду. Помощница — принадлежащая к рабочему классу хозяйка купальной кабинки — стояла в море полностью одетая и помогала им на несколько минут погрузиться в воду, после чего они возвращались в кабинку, чтобы переодеться в сухую одежду. Затем кабинку оттаскивали обратно на пляж, где купальщик выходил из нее, сухой и полностью одетый. Самым полезным для здоровья считалось купание во время прилива, поскольку это позволяло окунуться в чистую воду, не смешанную с пляжным мусором и выделениями других купальщиков.

В начале 1870-х годов многие мужчины и женщины плавали в море для удовольствия и физического развития, и купание постепенно перестало считаться медицинской процедурой. На самых популярных пляжах ввели разделение по половому признаку, а в курортных городах начали продавать карты, показывающие отдыхающим, какие участки побережья предназначены только для мужчин, а какие только для женщин. Валлийский священник Фрэнсис Килверт с восторгом описывал, какое удовольствие получил, раздевшись догола и бегом устремившись в море во время отдыха в Уэстон-сьюпер-Мэр в 1872 году: «Я ощутил удивительное чувство свободы, когда разделся под открытым небом и побежал к морю, где на волнах играли завитки белой пены, а красное утреннее солнце освещало обнаженные тела других купальщиков».

Впрочем, купание в обнаженном виде быстро привлекло к себе внимание публики, не вызвав одобрения, и просуще-

ствовало недолго. Мужчин заставили прикрыться, и, когда они освоились с этой задачей, на побережье постепенно вернулось смешанное купание. В 1873 году, всего через год после первых беспечных похождений, Фрэнсис Килверт попал в неловкое положение из-за своей наготы и вынужден был надеть пару полосатых красно-белых кальсон. В своем дневнике он вспоминал, что его вид вызвал глумливый интерес у группы маленьких мальчиков, которые назвали его «невоспитанным голым дядькой», но также отметил: «Молодые дамы, которые прогуливались рядом, казалось, не имели никаких возражений».

Неподалеку от пляжа быстрыми темпами развивались другие виды развлечений, для которых вовсе не нужно было раздеваться. Дальновидные городские власти устраивали новые променады, сады и зоны отдыха. Возникали рестораны и кафе, готовые принять растущий поток отдыхающих, а театры, варьете и открытые сцены обеспечивали развлечения для вечернего времени.

Рис. 106. Купальные кабинки. Женщины в воде одеты в старые мешковатые купальные костюмы, а женщина на ступеньках красуется в новом двухчастном костюме, 1873 г.

Рис. 107. На пляже было принято отдыхать в одежде, 1876 г.

Несмотря на новизну, концепция путешествия во время отпуска довольно быстро укоренилась в сознании викторианцев. В прошлые века досуг обычно ограничивался однодневной вылазкой на ярмарку или на скачки. Высшие классы в зависимости от сезона традиционно переезжали из Лондона в загородные имения и обратно. Но идея выделить определенное время и уехать в обособленное место, чтобы, забыв о делах и социальных обязательствах, посвятить себя исключительно удовольствиям, была совершенно новой. Побережье стало как раз таким обособленным местом, и жизнь здесь требовала особых правил поведения. Можно было носить более яркую и легкую одежду, не такую строгую, как обычно. Можно было вести себя легкомысленно и даже флиртовать.

Купание постепенно все больше напоминало веселое барахтанье в воде, а в 1870-е годы традиция ненадолго погружаться в воду и почти сразу выходить совсем исчезла. Нравы на берегу становились все свободнее, при этом

мужчины, как правило, вели себя смелее, чем женщины, и меньше заботились о скромности. Они проводили больше времени в купальных костюмах, не чувствуя необходимости как можно быстрее переодеваться и наслаждаясь свободой движений. Благотворное воздействие морского воздуха и солнечного света не вызывало у мужчин никаких сомнений — в конце концов, им не нужно было беспокоиться о веснушках или загаре, которые считались некрасивыми только для женщин. Многие молодые люди, похоже, с удовольствием щеголяли в достаточно откровенных купальных костюмах, с виду напоминающих разные виды гимнастических трико, — они плотно облегали фигуру, имели короткие рукава и штанины выше колен. В таком костюме подтянутый молодой человек в конце столетия мог чувствовать себя вполне уверенно и мужественно, когда вышагивал по пляжу, заходил в воду или выходил из воды под взглядами наблюдающих за ним молодых, полностью одетых женщин.

Женские купальные костюмы тоже изменились. Бесформенный мешок сменили туника длиной до колена и пара панталон ниже колена из подходящей ткани, отделанной контрастной цветной тесьмой, с поясом на талии. На смену фланели пришла саржа. Это тоже шерстяная ткань, но сотканная из сильно скрученной пряжи и намного более плотного переплетения, поэтому она не так хорошо впитывала воду. Однако свободный широкий покрой новых костюмов приводил в недоумение многих женщин, которые всю свою жизнь провели в корсете. В 1868 году в The Englishwoman's Domestic Magazine появилась статья о недавно изобретенном корсете для купания — «очень маленьком и укрепленном вместо стали китовым усом для удобства во время купания». В 1877 году на вопросы о новых купальных корсетах отвечал модный журнал The Queen. Очевидно, некоторые женщины

по-прежнему предпочитали чувствовать корсет даже под свободным купальным костюмом. Однако подавляющее большинство все же носило купальные костюмы из туники и панталон, иногда дополненные съемной юбкой. Купальные костюмы закрывали тело чуть ниже колен, но оставляли руки обнаженными. На талии купальный костюм перехватывали поясом, чтобы придать фигуре некоторую форму и, что еще важнее, чтобы ткань не мешала в воде.

Я носила двухчастный купальный костюм Викторианской эпохи, описанный во многих модных публикациях того периода, и это был потрясающий опыт. Мне очень понравилось, что средняя часть тела в нем остается закрытой, и, хотя намокший костюм был несколько тяжелее, чем современный купальник, он все же был не таким тяжелым, чтобы доставлять серьезное неудобство или мешать двигаться. Он дольше сох, поэтому я, как, вероятно, многие викторианские женщины, старалась побыстрее сменить его на сухую одежду. Но в сухом виде, до того как зайти в нем в воду, он оказался очень удобной пляжной одеждой и отлично защищал от капризов британской погоды. Сделанный из тканого полотна, этот костюм легко и удобно носить, в нем приятно плавать, и он одинаково хорошо сохраняет форму в сухом и мокром виде. Разумеется, для тех, кого интересует ровный загар, он не годится. Но викторианских женщин мысль о загаре вообще приводила в ужас. Женщина старалась сохранять белизну кожи, поскольку это отличало ее от тех, кому приходилось добывать себе пропитание работой под открытым небом. И, поскольку никаких солнцезащитных кремов тогда не существовало, носить закрывающий кожу купальный костюм было вдвойне разумно.

В 1890-х годах купальные домики окончательно ушли в прошлое. Вместо этого по берегу протянулись ряды кабинок и палаток для переодевания. Переодевшись, люди

просто спускались к воде. И их становилось все больше, поскольку теперь отдыхом на море могли наслаждаться даже рабочие (не все, но самые обеспеченные из них). Курорты переживали эпоху расцвета. Конкурирующие города, стремясь максимально увеличить свои доходы, старались привлечь свою аудиторию. Например, Блэкпул вкладывал средства в аттракционы и ярмарки, чтобы привлечь фабричных рабочих, в то время как расположенный в нескольких километрах Саутпорт делал ставку на поля для гольфа и ухоженные улицы с магазинами, надеясь привлечь владельцев фабрик, а не их работников. Шоу Панча и Джуди, странствующие труппы пьеро (артистов в костюмах клоунов с набеленными лицами), катание на ослике, мороженое за пенни – все это можно было найти на пляжах, где отдыхали представители рабочего класса. На пляжах, где собирались отдыхающие среднего класса, обычно не было никакой торговли – она была ограничена более дорогими магазинами вдоль променада. Трамвайные линии, регулярные и ботанические сады, катки, танцевальные залы и спортивные сооружения манили отдыхающих от побережья обратно в города, для которых главным источником дохода стал туризм. Считается, что к 1900 году половина британского населения могла позволить себе иногда отдыхать у моря.

13
Ужин

Невозможно описать с достаточной степенью точности обычную вечернюю трапезу викторианского времени. Питание каждой британской семьи во многом определялось местом ее проживания и финансовым положением, к тому же за время правления королевы Виктории сами продукты тоже радикально изменились. Однако, изучив несколько домохозяйств в начале, в середине и в конце викторианского периода, мы сможем лучше понять, какое многообразие продуктов и напитков было доступно тогда (даже если они не были доступны всем желающим).

В НАЧАЛЕ ЭПОХИ

В обычный будний день в 1837 году жена сельского рабочего на юго-востоке Англии (например, мать Фредерика Хобли, проживающая в Тейме, Оксфордшир), предложила бы своей семье на ужин просто несколько кусков хлеба. (В таких семьях вечерний прием пищи назывался ужином.) Семья не всегда садилась за стол вместе — многие в разное время возвращались домой после долгого

рабочего дня и предпочитали съесть свой хлеб в одиночестве. Хлеб покупали в местной пекарне, делали его из муки местного производства. Мать семейства не имела возможности печь хлеб самостоятельно — домашняя выпечка хлеба оставалась уделом обеспеченных фермеров, которые имели в своем распоряжении хорошую печь и могли покупать топливо. Городские и деревенские рабочие уже давно решали вопрос повседневного питания с помощью профессиональных пекарей.

Хлеб пекли не из чистой пшеницы (это было слишком дорого), а из смеси пшеницы и ячменя — и за ту же сумму получали почти вдвое больше продукта, чем если бы использовали одну только пшеницу. В благополучные времена женщина могла встретить возвращающихся вечером близких домашним пудингом. Он состоял из муки, воды и небольшого количества жира — тесто скатывали в шарики и опускали в кипящую воду, добавив горсть пряных трав. Готовый пудинг подавали с кружкой пива.

Тогда же, в 1837 году жена фабричного рабочего из Ланкашира (например, бабушка Элис Фоули) могла приготовить для своей семьи котелок вареного картофеля, приправленного щепоткой соли. Иногда семья позволяла себе кусок бекона — его обжаривали, нарезали и добавляли в картофель. Ужин запивали пивом, принесенным домой в кувшине из местного паба. Ради разнообразия иногда могли съесть миску каши из овсяных хлопьев на воде, также приправив ее солью.

В 1837 году жители севера и юга Британии питались очень по-разному. На юге все еще придерживались древней диеты из хлеба и пива, в то время как на севере пшеницу обычно заменяли овсом и заимствованным из Америки картофелем. Это была простая еда, но все же фабричные рабочие на севере питались лучше, чем фермеры на юге. И, несомненно, их ужин был гораздо лучше, чем у жителей

некоторых областей Ирландии. В том же году семья, живущая в деревенском доме в графстве Корк, вполне могла систематически оставаться вообще без ужина, настолько велик был неурожай. И во всех семьях работающий мужчина, как главный кормилец, получал самые большие порции и еду самого высокого качества, которое семья могла себе позволить.

Если человек поднимался выше по социальной лестнице, его питание значительно улучшалось. В домах квалифицированных ремесленников, например плотников или кузнецов, почти во всех торговых городах Англии и в долинах Шотландии основной прием пищи за день был после полудня. Вечернюю еду, которую называли «чай» или «ужин», составляли хлеб с маслом, нарезанное холодное мясо, немного солений и чашка горячего какао. Иногда на ужин можно было получить и кусок пирога.

Совсем иначе выглядела вечерняя трапеза семьи лондонского клерка (в такой же семье поколением позже работала Ханна Каллуик). Вечером, когда *Papa* возвращался домой с работы, они ужинали тушеным рубцом с луком и большим куском хлеба, вслед за которым подавали пудинг роли-поли. Жена клерка, которой помогала их единственная служанка, начинала готовить еду примерно за три часа до этого. На приготовление десерта уходило больше времени, поэтому обычно начинали именно с него. Большую кастрюлю с водой ставили на самую горячую часть жаровни, прямо над открытым огнем в центре, чтобы довести ее до кипения (огонь в жаровне поддерживали весь день, и она уже была достаточно горячей, поэтому добиться необходимой температуры не составляло большого труда). Кусок нутряного сала тщательно очищали от пленок и жилок, потом измельчали — это была необходимая, но медленная и утомительная работа. Затем две части муки и одну часть сала соединяли в чистой миске, добав-

ляя холодную воду, и замешивали тесто. После этого тесто раскатывали в пласт толщиной около сантиметра, щедро смазывали джемом и сворачивали в колбаску. Смачивали водой ткань, отжимали ее, присыпали мукой и заворачивали в нее густо начиненное джемом тесто (перед подачей ткань с пудинга снимали). Как только вода в кастрюле начинала кипеть, в нее погружали пудинг — мука на ткани при контакте с кипятком создавала плотную оболочку. До полной готовности пудинг оставляли в кипящей воде на следующие два часа.

Теперь жене или служанке оставалось только проверять раз в четверть часа, чтобы огонь не стал слабее, а из кастрюли не выкипела вода (здесь помогал поставленный рядом с огнем чайник, из которого в любой момент можно было долить в кастрюлю горячей воды), поэтому они приступали к приготовлению рубца и лука. Рубец служанка купила утром того же дня, и его нужно было только промыть в холодной воде. Лук чистили, резали и складывали в кастрюлю с молоком, которую ставили в самую прохладную часть жаровни, где она начинала слабо кипеть на медленном огне — на это уходило около получаса. Рубец нарезали кусками толщиной около 5 см и добавляли к луку с молоком, где он медленно готовился, пока женщины накрывали на стол и нарезали хлеб. Когда муж наконец возвращался, его ждала уже готовая еда, на приготовление которой ушло всего три часа. Кроме этого, на стол могли подать чай и какао или, с тем же успехом, пиво.

У тех, кто стоял на социальной лестнице еще выше, ужин был намного роскошнее. Светское общество садилось за стол в 5 часов вечера. В начале дня представители среднего и высшего класса могли съесть ланч или выпить чай с пирожными, но вечерний прием пищи был для них основным, и они назвали его словом «обед». В городском особняке успешного адвоката (в похожем доме

жила Джейн Карлайл) вечером, при условии, что ели в узком семейном кругу, кухонная прислуга могла приготовить, например, суп малигатони, жареную говяжью корейку на кости, йоркширский пудинг, тыкву и картофель, а на десерт пудинг с черносливом. Для семейного ужина без гостей все эти блюда (за исключением сливового пудинга) ставили на стол одновременно — такая сервировка называлась *à la française* (см. цветную илл. 4). Суп ставили на том конце стола, где сидела хозяйка дома. Рядом с ней была стопка суповых тарелок, на скатерти около супницы лежал половник. На другом конце стола сидел хозяин, и перед ним стояло накрытое крышкой блюдо с мясом. Овощи и йоркширский пудинг в глубоких закрытых мисках занимали центральную часть, а ровно посередине стояла небольшая ваза со свежими цветами. Подсвечники располагались на центральной линии по направлению к концам стола, соль, перец и разнообразные соусы стояли ближе к цветам. На столе перед каждым человеком лежала свернутая салфетка с маленькой булочкой, слева ложка для супа, справа нож. Бокал для вина ставили у кончика ножа. Ужин начинался с того, что хозяйка дома разливала суп, а служанка разносила полные тарелки (не слишком глубокие, с широкими краями) остальным членам семьи. Как только каждый получал свою тарелку, служанка забирала супницу и половник и уходила из комнаты. Если за столом были гости, то вместо супницы на стол ставили еще одно блюдо с едой, но при обычной семейной трапезе это место оставалось пустым.

К тому времени, когда служанка возвращалась из кухни, суп уже съедали, можно было убирать тарелки и столовые приборы. Теперь хозяин дома начинал резать мясо. Из серванта приносили стопку чистых тарелок и новых столовых приборов. Когда мясо было нарезано, служанка

разносила тарелки и помогала сидящим за столом передавать друг другу блюда с овощами. Проследив за тем, чтобы у каждого в бокале было достаточно вина, служанка снова выходила из комнаты.

Когда все заканчивали есть, хозяйка звонила в колокольчик, снова вызывая служанку, и та убирала со стола. После на стол перед присутствующими еще раз ставили чистые тарелки и столовые приборы, а во главе стола рядом с хозяйкой дома ставили пудинг, который она разрезала и раскладывала по тарелкам.

Подача *à la française* до сих пор сохраняется во многих современных домах по крайней мере один день в году — на Рождество, когда многие разрезают птицу прямо за столом и передают друг другу блюда с овощами. Конечно, если бы семья нашего викторианского адвоката в этот вечер принимала гостей, на столе было бы больше еды, и она была бы подана не в одну основную перемену с десертом, а в две. Когда суп, его смену (блюдо, которое приносили, чтобы заполнить пустое место, оставленное унесенной супницей) и все блюда из первой подачи доедали, стол приводили в порядок и вносили второй набор блюд. Когда и с ними было покончено, подавали сыры и салаты, затем со стола снова убирали и подавали десерт. Все необходимые для этого тарелки, столовые приборы и бокалы ждали своей очереди в серванте, использованную посуду и приборы быстро уносили.

В СЕРЕДИНЕ ЭПОХИ

Если бы мы заглянули во все эти семьи поколением позже, в 1865 году, мы увидели бы ряд изменений.

Жизнь Фредерика Хобли стала совсем другой. Получив образование, он поднялся до звания школьного учи-

теля и отдалился от своих рабочих корней. Однако его соседи и друзья детства продолжали жить обычной крестьянской жизнью, а к середине Викторианской эпохи наверняка поддались уговорам и отказались от пива, поскольку кроме пользы в виде дополнительных калорий и витаминов оно приносило и вред, исподволь подталкивая к пьянству. Теперь они пили чай, когда могли себе его позволить, хотя он не имел ровно никакой питательной ценности. Основу их рациона по-прежнему составлял хлеб, но примерно раз в неделю они лакомились беконом, добавив его в котелок, где кипел пудинг с травами. Это небольшое дополнение существенно улучшало и вкус еды, и настроение едоков.

В Ланкашире дела обстояли хуже. Как вспоминала мать Элис Фоули, ткачи переживали кризис в своей отрасли, заработки снизились, безработица стала повсеместным явлением. Они больше не могли позволить себе даже маленькую порцию бекона, как раньше, и пили только простую воду. Их единственной пищей в течение дня были каша и вареный картофель. Хотя в XIX веке питание людей в целом постепенно улучшалось, этот процесс не был необратимым и непрерывным. Ланкаширские ткачи были далеко не единственной группой, чей уровень жизни значительно снижался в разные периоды правления королевы Виктории.

В деревенский дом въехала новая ирландская семья — их предшественники, скорее всего, погибли от голода, — и дела у нее шли лучше, чем у предшественников. После гибели одного миллиона жителей и бегства из страны еще одного миллиона, когда худшие годы болезней и неурожаев остались позади, жизнь понемногу начала налаживаться. Земельные владения стали крупнее, и новые арендаторы могли сажать больше разных культур. Картофель по-прежнему играл в рационе важную

роль, но теперь жители региона также ели хлеб и сливочное масло, чтобы не зависеть от картофеля целиком и полностью.

Квалифицированные ремесленники, пока на их работу сохранялся стабильный спрос, могли питаться обильнее, чем раньше, и ежедневно съедать за ужином порцию мяса. Традиционный пудинг на десерт теперь нередко подавали с заварным кремом, поскольку во многих магазинах появился порошок для его приготовления. Раньше заварной крем не всегда был семье по карману, так как для него требовались молоко и яйца, но теперь у жены хорошо зарабатывающего рабочего было достаточно денег, чтобы купить молоко и приготовить заварной крем из сухого порошка мистера Берда, продающегося по вполне доступной цене. Кулинарные полуфабрикаты существенно облегчали жизнь женщины — например, больше не нужно было чистить и измельчать нутряное сало, его продавали в упакованном, готовом к употреблению виде.

Наш лондонский клерк, для которого готовила Ханна Каллуик, теперь стал представителем быстро растущей прослойки служащих. Для нижних слоев среднего класса существовало огромное количество рабочих мест, поскольку в это время открывалось все больше новых промышленных и деловых предприятий. Основу рациона семьи по-прежнему составляли углеводы и сравнительно дешевое мясо. Чем сильнее разрастались города, тем сложнее становилось отыскать в них свежие продукты, а цены на фрукты и овощи росли быстрее, чем зарплата низов среднего класса, несмотря на улучшение транспортных связей с сельской местностью. Однако свежие продукты можно было заменить недавно появившимися обработанными продуктами, которые продавались по вполне разумной цене. Сгущенное или концентрированное молоко

вызывало больше доверия, чем продающееся в городе сомнительно свежее молоко. Макаронный пудинг на разведенном водой сгущенном молоке мог стать отличным десертом после вареной баранины и картофеля.

Семье адвоката повезло больше: у них на столе регулярно появлялись свежие овощи, молочные продукты, дичь, а также фрукты и ягоды от богатых друзей и клиентов – владельцев загородных поместий. Писатель Энтони Троллоп был сыном разорившегося адвоката. Успех его сочинений позволил поправить финансовое положение семьи. В 1860-х годах он мог вести образ жизни обеспеченного человека, высоко стоящего на социальной лестнице. Его семья могла покупать самую качественную и дорогую еду, которую продавали в городе. В соответствующий сезон свежая спаржа оказывалась у них на столе в тот же день, когда была собрана, благодаря эффективной координации действий фермеров-производителей, железнодорожных перевозчиков и розничных торговцев. Следуя последней моде, семья садилась ужинать позднее. Как отмечала миссис Битон, ужин теперь начинался в 6 часов вечера, а не в 5 часов, как было повсеместно распространено в начале викторианского периода.

В КОНЦЕ ЭПОХИ

Перенесемся вперед еще на одно поколение, и в 1901 году мы снова увидим большие изменения.

Кейт Тейлор была четырнадцатым ребенком в семье сельскохозяйственного рабочего из Пакенхема в графстве Саффолк. Еда, о которой она вспоминала, была вполне типичной для семей, продолжавших работать на земле. К обычному рациону присоединился джем, а хлеб,

на который его намазывали, бесповоротно изменился. На смену старым каменным жерновам пришли вальцовые мельницы. Они работали намного быстрее, что значительно удешевляло процесс, а полученная из них мука была намного белее, и поэтому лучше продавалась — британская публика давно привыкла считать белизну муки признаком высокого качества. Однако питательная ценность такой муки оставляла желать лучшего. Когда зерно мололи в каменных жерновах, пшеничные зародыши растирались вместе с крахмалом и смешивались в однородную массу. Когда зерно начали молоть с помощью валиков, пшеничные зародыши отделялись в виде небольших чешуек, которые затем можно было отсеять. У мельников и продавцов были две веские причины отсеивать зародыши: во-первых, как мы уже заметили, без них мука становилась белее, а значит, привлекательнее для потребителя, и во-вторых, из пшеничных зародышей, раздавленных в процессе помола, выделялись масла, и из-за этого мука быстрее портилась. Это не играло большой роли, если вы постоянно мололи муку небольшими партиями и тут же на месте ее продавали, но новые крупные компании хотели иметь возможность подолгу хранить готовую муку и рассылать ее со своих высокоэффективных вальцовых мельниц по всей стране. Так что пшеничные зародыши удаляли. Увы, в то время никто не осознавал, что именно в них сосредоточена большая часть питательных веществ. Поэтому в новой белой муке и новом белом хлебе не хватало жизненно важных минералов и витаминов — главным образом витаминов группы B. Это не имело большого значения для людей, которые питались разнообразно и обильно, но у тех, для кого хлеб составлял основу рациона, подобный дефицит мог вызвать серьезные долговременные проблемы со здоровьем. Питание рабочего теперь состояло из белого хлеба, испеченного

из вальцованного зерна, чая и пудинга, а также дешевого мяса (грудинки или костистой части бараньей шеи) один или два раза в неделю. К этому также добавилась картошка, которая, наконец, стала на юге такой же популярной, как и на севере.

Семья ланкаширского рабочего, в которой росла Элис Фоули, к концу периода также вернулась на путь здорового питания. Белый хлеб и джем потеснили овсяную кашу, привычным напитком стал чай. Благодаря тому, что разрыхлитель был доступен, а новый продукт маргарин стоил намного дешевле, чем сливочное масло, домашние хозяйки начали готовить простую выпечку. Особенной популярностью пользовались «каменные кексы». Картофель по-прежнему ели чаще всего, в том числе жареный из уличной закусочной, в особых случаях вместе с рыбой в кляре. Кроме того, на столе время от времени появлялось мясо.

Клерк в своем лондонском доме (где теперь работала преемница Ханны Каллуик) охотно употреблял разнообразные полуфабрикаты и готовые продукты. Фаворитом у среднего класса был замороженный новозеландский ягненок — он стоил достаточно дешево, чтобы скромный служащий мог время от времени баловать себя хорошим куском мяса, не ограничиваясь только дешевым рубцом, ножками, печенью, бычьим хвостом и тому подобными обрезками. Рацион разнообразили всевозможные столовые соусы, такие как вустерский соус и грибной кетчуп, которые можно было купить в ближайшем магазине. Также пользовались популярностью фабричные печенья. Они были относительно дешевы и позволяли быстро перекусить без необходимости готовить еду.

Семья Троллоп и люди их круга вряд ли заметили большую разницу в том, что ели, поскольку новые готовые к употреблению продукты присутствовали в их ра-

ционе в исчезающе малых количествах, однако они не могли не отметить огромные изменения в области сервировки. В 1865 году, когда подача *á la française* еще не утратила своих позиций, миссис Битон описала в своем сочинении несколько вариантов меню для торжественного обеда в расчете на этот старинный метод, однако к 1901 году он был совершенно забыт. Теперь все формальные мероприятия организовывали *á la russe*. Обед *á la russe* состоял из последовательности различных блюд, где каждое требовало своей посуды и столовых приборов и каждое нарезали, раскладывали по тарелкам и подавали стоящие наготове слуги. Этой системой мы до сих пор пользуемся во время официальных застолий. На столе не было никаких блюд с едой, только графинчики с уксусом или маслом, соль, перец и другие приправы, а также булочки. В центре стола располагались красиво уложенные фрукты, вазы с цветами и подсвечники. Посуда тоже стала более декоративной. При сервировке *á la française* все запасные столовые приборы и бокалы стояли в серванте, но теперь туда ставили блюда с едой, а столовые приборы и бокалы размещали на столе перед каждым гостем.

В сущности, система была довольно проста: перед каждым гостем выкладывали полный комплект столовых приборов, причем дальше всего находились те, которыми нужно было пользоваться в первую очередь, так что гость в течение трапезы постепенно подбирался все ближе к тарелке. Что касается бокалов для напитков, они шли в обратном порядке — первый ставили ближе всего к гостю, и он брал их один за другим по диагонали по мере смены блюд. Сервировка *á la russe* позволяла хозяевам продемонстрировать прекрасную посуду, начищенное столовое серебро, изысканный фарфор и бокалы, поблескивающие в свете свечей и отражающие художественные

композиции в центре стола. Еду делили на максимально возможное количество отдельных подач, при этом гости не принимали участия в разрезании еды, ее раскладывании и передаче тарелок и блюд. Для сервировки в такой манере требовалось больше слуг и больше посуды, однако это означало, что разделкой на порции занимались профессионалы, а еду можно было держать на кухне до того момента, пока она не понадобится за столом.

Кроме того, в этот период произошел ряд еще более тонких изменений, связанных с употреблением различных столовых приборов и приспособлений, которые закрепили за богатыми гурманами неоспоримое первенство в постоянно меняющихся вопросах застольного этикета. Следует ли есть горошину передней или задней стороной вилки, что понадобится для грейпфрута — ложка или нож, чем есть парфе — десертной вилкой или ложкой, нужно ли разламывать булочку пополам руками или разрезать ее ножом — все эти тривиальные детали вызывали горячие споры. Соблюдать многочисленные (часто негласные) правила могли только те, кто регулярно ужинал в самых изысканных заведениях. При этом правила постоянно менялись, что давало немало возможностей свысока посматривать на отстающих в этой великой гонке хороших манер.

К концу викторианского периода светское общество садилось ужинать не раньше восьми часов вечера. Этот сдвиг был бы невозможен без технологического прорыва в области домашнего освещения и, что особенно важно, освещения кухни. Если за стол садились в 8 вечера, это означало, что кухонной прислуге пришлось бы в зимнее время работать несколько часов после наступления темноты и даже летом мыть посуду после ужина в сумерках. Мыть посуду при свечах было просто нецелесообразно, и, хотя масляные лампы несколько улучшили положение,

поздняя трапеза стала возможной только после широкого распространения газового освещения в 1860-х годах и электрического освещения с 1880-х годов.

КАК УЧИЛИСЬ ГОТОВИТЬ

Большинство из тех, кто готовил обед или чай, учились этому у женщин из низшего среднего класса — у своей матери или у хозяйки, если работали служанкой. Матери из рабочего класса не могли рисковать ценными продуктами для того, чтобы научить готовить десятилетнюю девочку, и зачастую сами эти женщины имели чрезвычайно ограниченные кулинарные навыки. Они всю жизнь питались хлебом и картофелем, а их кулинарный репертуар состоял из трех-четырех простых рецептов, что давало крайне мало возможностей для совершенствования умений.

Однако в последние 20 лет XIX века были предприняты последовательные попытки подготовить девочек из рабочего класса к будущей трудовой (в качестве домашней прислуги) и семейной жизни, и в школах ввели уроки кулинарии. В муниципальных школах разработали учебную программу, подготовили учебники. У меня есть одна из таких книг, на первой странице написано имя — Мейбл Льюис, дата — 1889 год и возраст — 11 лет. В учебнике приведено около ста несложных и понятных рецептов, от самых простых (вареный картофель) до всенародно любимых («жаба в норке» и стейк с почечным пудингом). Подборка рецептов примерно соответствует финансовым возможностям семьи квалифицированного ремесленника, работающего с полной занятостью, и идеально подходит для семьи клерка или другого работника такого же уровня, который мог нанять прислугу в помощь жене. Поэтому навыки, приобретенные благодаря этой

кулинарной книге и обучающему курсу, скорее пригодились бы девушке для работы, если она шла в служанки, чем для того, чтобы готовить еду в собственном доме. Ирландское рагу, для которого требовалось 450 г баранины, 900 г картофеля, 220 г лука, вода, соль и перец, было не по средствам большинству рабочих семей — такое блюдо они могли позволить себе лишь в особые дни и по праздникам (и то если повезет).

Успех обучения неизбежно упирался в больной вопрос о деньгах. Чтобы уроки кулинарии имели хоть какой-то смысл, школа должна была вложить средства в оборудование для готовки, а родители девочек должны были иметь возможность оплатить продукты. Стремясь охватить более широкую аудиторию, многие школы открывали вечерние кулинарные курсы для уже работающих девушек, поощряя хозяек вносить за них необходимую плату. Однако в книге Мэри Халлидей «Брак на 200 фунтов в год», вышедшей в 1893 году, описана более типичная ситуация: «Хозяйка, как обычно бывает в таких домах, сама занимается приготовлением еды... и, наблюдая за ней, любая смышленая девушка может вскоре приобрести некоторое понятие о кулинарии». Если хозяйка хорошо готовила, имела время и была наделена терпением, чтобы заниматься обучением, девушка могла получить бесценные навыки и умение. Но для многих молодых хозяек из среднего класса приготовление пищи тоже было нелегким бременем. Если они не имели достаточно средств, чтобы держать как минимум двух слуг, одной из которых обычно была кухарка, им приходилось самостоятельно готовить еду для семьи и вдобавок обучать этому молодую служанку.

Литература того периода полна гневных тирад о плохом образовании девушек из среднего класса. Многие считали, что девушки совершенно напрасно тратят время на такое светское умение, как рисование и игра на форте-

пиано, когда им следовало бы научиться готовить и вести домашнее хозяйство. Политические комментаторы (в основном мужчины) беспокоились о том, что девушки из высших слоев общества не смогут контролировать своих слуг, если сами будут плохо разбираться в кухонных делах, а девушки, стоящие ниже на социальной лестнице, будут готовить так ужасно, что их мужьям придется скитаться по закусочным и клубам в поисках приличной еды. Многие молодые невесты действительно очень нервничали и чувствовали себя недостаточно подготовленными, когда приходило время брать на себя обязанности хозяйки дома. Но, возможно, это было связано не столько с недостатком кулинарного образования, сколько с тем, что брать на себя такую ответственность в двадцать с небольшим лет в самом деле нелегко.

Кулинарные книги играли в жизни молодой женщины важную роль: они не только напоминали обо всем, чему ее учили раньше, и расширяли репертуар известных ей рецептов, но и давали уверенность в том, что она не одинока — составительница кулинарной книги всегда была рядом, чтобы помочь. Вполне возможно, что одной из причин долгой и устойчивой популярности сборника рецептов миссис Битон была ее готовность давать самые подробные инструкции для самых простых рецептов. Например, в ее книге есть три рецепта варки картофеля: «как сварить картофель», «как сварить картофель в мундире» и «как сварить молодой картофель». В каждом случае процесс объясняется не менее подробно, чем процесс приготовления суфле или пирога с дичью. Кроме того, эти книги были написаны в дружелюбной манере, позволяющей не стесняться того, что вам необходима помощь. Если вы хотели узнать, как сварить яйцо или поджарить ломтик хлеба, у миссис Битон был на это простой, понятный и практичный ответ. Она и ее

коллеги, авторы других кулинарных книг, могли помочь молодой женщине спланировать и приготовить все для торжественного званого ужина, а также обучить двенадцатилетнюю горничную важнейшим основам кулинарной науки.

В 1901 году почти все, кто имел работу, питался лучше, чем в начале правления королевы Виктории. Повысился уровень жизни даже у большинства ирландских семей. Кроме картофеля и сливочного масла с хлебом в их рационе иногда появлялась солидная порция бекона. Но теперь, когда голод остался в прошлом (по крайней мере, в большинстве районов страны), в семейном питании приходилось учитывать другие факторы.

НАУКА О ПИТАНИИ И ДИЕТА

В августе 1862 года шестидесятишестилетний лондонский торговец Уильям Бэнтинг обнаружил, что ему очень тяжело подниматься по лестнице. С 40 лет он неуклонно полнел, и теперь, когда его вес превысил 89 кг, он обнаружил, что здоровье и качество жизни стремительно ухудшаются. Он был невысокого роста (всего 165 см) и, по викторианским меркам, весил действительно очень много. Стремясь похудеть, он разработал для себя диету. Успешно сбросив около 16 кг всего за девять месяцев, он опубликовал свою диету и свои методы, чтобы ими могли воспользоваться другие люди. Как выяснилось, Уильям Бэнтинг имел прирожденный талант влиять на публику, и ему удалось затронуть в душе викторианцев особую струну. Вскоре его имя стало нарицательным и означало «соблюдать диету».

До этого было опубликовано множество разгрузочных диет и в продаже имелось некоторое количество препаратов, предположительно помогающих похудеть,

но диета Уильяма Бэнтинга прижилась лучше, чем все они. В ее основе лежало простое правило — есть меньше крахмала, жира и сахара. На завтрак эта диета разрешала следующее: 115–140 г говядины, баранины, почек, жареной рыбы, бекона или любого холодного мяса, кроме свинины, большую чашку (или две) чая без молока и сахара и немного сухарей или подсушенного хлеба. В середине дня, во время главного приема пищи, разрешалось съесть 140–170 г любой рыбы, кроме лосося, любого мяса, кроме свинины, любых овощей, кроме картофеля, 30 г подсушенного хлеба, пюре из тушеных фруктов, любую птицу или дичь и выпить два-три бокала кларета или хереса. Портвейн, шампанское или пиво на время диеты были строго запрещены. Необязательный дневной перекус мог включать 50–85 г фруктов, несколько сухарей и чашку чая без молока и сахара. Наконец, во время ужина разрешалось съесть 85–115 г мяса или рыбы с бокалом кларета.

В основе диеты Бэнтинга, имеющей в основе мясо, рыбу и фрукты, лежали новые открытия о пище и ее питательной ценности, которые вызвали большой интерес у викторианской публики и ученых. Немецкий химик Юстус Фрайхер фон Либих совершил в этой области крупнейший прорыв в конце 1830-х — начале 1840-х годов: он не только провел самый точный для своего времени химический анализ пищи, но и доказал, что продукты в организме подвергаются химической реорганизации. В ходе одного эксперимента он наблюдал за тем, как гусь, которого кормили зерном, накапливал жир, хотя само зерно содержало незначительное количество жира. Он высказал верное предположение о том, что организм гуся сам производит жиры в процессе переработки пищи, когда она распадается на составные части и заново собирается в новые формы. Он разделил продукты на две основные

группы: азотистые продукты, которые, по его мнению, служили строительным материалом для тканей тела (сегодня мы называем их белками) и неазотистые продукты, которые служили основным источником тепла и энергии у животных (углеводы и жиры).

Между тем в Америке некто доктор Бомонт напрямую изучал работу желудка, проводя эксперименты с пациентом, у которого зажившая огнестрельная рана оставила в теле отверстие, позволявшее непосредственно видеть желудок. Доктор Бомонт мог вводить пищу в живой желудок и наблюдать за тем, как она переваривается — не путем брожения, мацерации или даже гниения, как предполагали ранее, но под действием желудочного сока. Миссис Битон в своей «Книге о ведении домашнего хозяйства» пытается применить новые идеи в кулинарной практике и активно ссылается на работы Либиха. Как многие другие люди, она считала новые данные чрезвычайно актуальными для повседневной жизни. Она полагала, что понимание химического состава и роли продуктов позволит готовить более экономные и при этом более питательные блюда. Кроме того, точно рассчитанный режим закупки и приготовления продуктов поможет сократить количество отходов.

Идеи питательной ценности и усвояемости пищи влияли и на рецепты приготовления блюд. Уже в 1845 году Элайза Эктон призывала кухарок прислушаться к советам барона Либиха и готовить бульон на медленном огне. Если положить мясо в холодную воду и медленно довести до кипения, из него можно извлечь максимум сока и питательных веществ. Она подняла вопрос о необходимости пересмотра всех старых рецептов супов и бульонов в свете этой новой научной информации. Позже в своей книге, дойдя до варки мяса, она снова вернулась к работе Либиха. Если мясо варили для того, чтобы потом съесть, она рекомендовала опустить его в сильно кипящую воду, чтобы верх-

ний слой схватился и все ценные свойства остались внутри. В этом вопросе, как и во многих других, миссис Битон поддерживала Элайзу Эктон. Что касается всех остальных, они были готовы следовать туда, куда указывали эти два гиганта кулинарного мира.

Производители старались не отставать от актуальных тенденций, по крайней мере на словах. На рынке появился ряд продуктов, якобы произведенных с учетом работ Либиха и других ученых. Сам Либих тоже несколько раз пытался наладить производство здоровых продуктов. Он открыл производство мясных экстрактов в городе Фрай-Бентос в Уругвае, где у владельцев ранчо были огромные излишки скота и большие проблемы с их продажей на мировом рынке. На упаковке говорилось, что 450 г мясного экстракта содержат в себе столько же ценных веществ, как 17 кг говядины. Его вера в то, что такие экстракты могут с точки зрения питательности полностью заменить само мясо, оказалась безосновательной, и сообщения об этом он воспринял с большим огорчением. Однако в качестве питательной добавки к рациону эти мясные экстракты действительно были полезны и продолжали продаваться.

Наука о питании также обратила внимание на проблему фальсификации пищевых продуктов. Попытки выдать некачественные продукты за продукты высочайшего качества были не новы: недобросовестные поставщики и продавцы уже давно использовали целый арсенал трюков, чтобы подороже продать залежавшиеся, подгнившие или некачественные продукты или смешать продукты с другими, более дешевыми субстанциями. В 1820 году Фридрих Кристиан Аккум опубликовал свой трактат «О фальсификации пищевых продуктов и кулинарных ядах» (Treatise on Adulteration of Food and Culinary Poisons), в котором методом научного анализа выявлял вещества, применяемые в этой подпольной деятельности. Его книга стала сен-

сацией: она не только прямо называла и предавала позору виновных, но и свидетельствовала о значительных научных и аналитических успехах. Но, откровенно говоря, ее публикация не имела ощутимых последствий. Другие химики усовершенствовали методы и снова попытались донести полученные результаты до общественности. После этого с некоторым опозданием были введены законы (первый Закон о пищевых продуктах и лекарствах принят в 1860 году), которые, впрочем, произвели минимальный эффект. Отсутствие средств для проведения дальнейшего анализа накладывалось на отсутствие у властей желания преследовать нарушителей в законном порядке. Масштабы штрафов и судебных преследований ощутимо возросли после внесения поправок к закону в 1872 году, и это, по крайней мере, сделало практику фальсификации не такой вопиющей, даже если полностью искоренить ее пока не удалось.

Разнообразие посторонних веществ, которые в тот период добавляли в продукты питания, поражает ничуть не меньше, чем снисходительное отношение к этому властей и общественности. Было обнаружено, что в муке и хлебе почти повсеместно присутствуют мел и минеральные квасцы. Мел также добавляли в качестве отбеливателя в слишком сильно разведенное водой молоко. Сидр и вино подслащивали свинцом, толченый кирпич использовали для сгущения какао, чайная заварка нередко содержала чисто номинальный или даже нулевой процент настоящих чайных листьев и состояла скорее из высушенных листьев растений с живых изгородей, подкрашенных свинцовым суриком. Многие люди прекрасно знали об этих злоупотреблениях, и умная, хорошо осведомленная женщина должна была уметь распознавать их, осмотрительно выбирая продукты. Именно поэтому в кулинарных книгах, ориентированных на средний класс, обычно был раздел,

посвященный рекомендациям продуктов и особенностям, на которые следовало обращать внимание при покупке. Женщин также учили проводить ряд простых домашних тестов, чтобы определить качество купленного продукта. Но, хотя некоторые жульнические приемы было довольно легко обнаружить — например, хлеб, в который добавили много мела и квасцов, становился липким и клейким, — другие требовали химического анализа, провести который в домашних условиях вряд ли смогла бы даже самая упорная и хорошо разбирающаяся в вопросе женщина.

В целом рекомендации женщинам по этому вопросу обычно сводились к общим призывам покупать только у продавцов с хорошей репутацией. Однако у большей части населения было слишком мало денег, чтобы присматриваться к ценам в разных местах или искать качественных поставщиков. У этих людей не оставалось иного выбора — они покупали то, что могли себе позволить. Фальсифицированные продукты, естественно, были самыми дешевыми. Максимальное количество несъедобных добавок содержалось в хлебе, муке и чае. Беднейшие семьи, которым и так не хватало питательных веществ, теряли их еще больше из-за мела, трубочной глины и квасцов, заменявших собой часть их хлеба и муки. Многие знали об этом, но ничего не могли поделать.

Учитывая количество научных открытий, ставивших знак равенства между здоровьем и качеством употребляемых продуктов, всплеск интереса публики к диетам в этот период совсем неудивителен. Диета Уильяма Бэнтинга была самой известной из числа разгрузочных диет, но кроме нее в печати появлялись и другие диеты, в том числе общеоздоровительные и лечебные. В 1890-х годах короткую фазу популярности пережило «лечение виноградом»: двухнедельный курс, в котором хлеб и виноград (в основном виноград) были единственной разрешенной пищей,

а виноградный сок и вода — единственным разрешенным питьем. Другие, например режим доктора Эткера, включали в себя не только собственно диету, но и упражнения. Две ежедневные и весьма энергичные тренировки, которые мы сегодня назвали бы степ-аэробикой, дополняли рацион из мяса, рыбы и фруктов, во многом похожий на диету Бэнтинга, хотя Эткер не разрешал кларет и херес, от которых не спешил отказываться Бэнтинг. Вегетарианская и почти вегетарианская диета, опубликованные доктором Аллинсоном, который писал в 1880-х и 1890-х годах, отличались более сбалансированным, чем у многих других авторов, подходом. Строго вегетарианскую диету он рекомендовал для городских жителей, которые хотели иметь «более крепкое здоровье, чем у обычных людей», и вместо мяса и двух видов овощей предлагал есть на ужин пасту, овощи и бобовые. Нестрогая диета предназначалась тем, кто хотел оставаться здоровым, но при этом не привлекать к себе излишнего внимания, поэтому в ней присутствовало мясо. Она тоже сильно отличалась от режима Бэнтинга. Завтрак состоял из серого хлеба, сливочного масла и чашки какао или, для разнообразия, овсяной каши с серым хлебом и тушеными фруктами. Обед в середине дня состоял из 115 г постного мяса или рыбы с двумя видами овощей и молочного пудинга, тушеных фруктов или фруктового пирога на десерт. Последним дневным приемом пищи был чай — еще немного серого хлеба со сливочным маслом, тушеные овощи или фрукты и чашка слабого чая.

Большинство современных диетологов скорее поддержали бы рекомендации доктора Аллинсона, чем Уильяма Бэнтинга, хотя оба они в значительной степени руководствовались данными современной им науки о питании. Но если Бэнтинг апеллировал к работам Либиха, то Аллинсон опирался на научный анализ белого хлеба из вальцованного зерна, выявивший существенный недостаток в готовом

продукте пшеничных зародышей и отрубей. Аллинсон был сильно обеспокоен нехваткой в хлебе жизненно важных веществ и в конце концов купил мельницу и основал собственную хлебопекарную компанию, производившую хлеб, в котором сохранялись и пшеничные зародыши, и отруби.

К концу правления королевы Виктории к еде в Британии относились совершенно по-другому, однако сопоставить это отношение и общепринятые практики с сегодняшними стандартами довольно сложно. Масштабные изменения в образе жизни влияют на многое из того, что мы, как нам кажется, знаем о еде и питании. Центральное отопление позволяет нам поддерживать в домах, школах, офисах и других помещениях высокую температуру, и это предъявляет к нашему организму совсем иные требования, чем температура жилых и рабочих помещений в Викторианскую эпоху. Уровень физической активности в нашей повседневной жизни также заметно отличается от викторианской нормы.

Я сама испытала все эти различия на самом базовом уровне. Прожив всю зиму в едва отапливаемом викторианском доме и занимаясь повседневными делами викторианской домашней и сельскохозяйственной жизни, я обнаружила, что мой аппетит и мои вкусы временно изменились. Еда, от которой я просто отказалась бы в своей жизни в XXI веке, стала казаться восхитительной. Я могла с аппетитом съесть хлеб с вытопленным из мяса жиром, свиные ножки или простую булочку на нутряном сале, сдобренную каплей джема. Мысль о средиземноморской кухне казалась мне совершенно непривлекательной и даже смехотворной. Когда я думала о более экзотических продуктах, в моих воспоминаниях их вкус представлялся слабым и невнятным, но, когда я думала о пудинге роли-поли или о блюде заливного из свиной головы, у меня текли слюнки. Мое тело недвусмысленно говорило мне, что для поддер-

жания викторианского образа жизни ему нужно много углеводов и животных жиров.

Я также начала понимать нелюбовь викторианцев к насыщенным вкусам. Кухню XIX века нередко критикуют за пресность и невыразительность, и в ней действительно редко использовали травы, специи и даже простые вкусовые добавки вроде лука. Но я была очень удивлена, как скоро я приспособилась к этому уровню вкуса, как быстро и полно изменились мои вкусовые ощущения. Я не уверена, было ли это связано с тем, что я просто привыкла к другой пище, или с возвращением чувствительности вкусовых рецепторов, или это тоже было одним из последствий образа жизни. Но я начала различать разные сорта картофеля, мясная подлива превратилась в настоящий взрыв вкуса и аромата, а всего одного зубчика чеснока, которым я натирала миску, а затем выбрасывала, хватало, чтобы приправить картофельное пюре для всей семьи. Что касается моего веса — располнела ли я из-за того, что стала есть больше углеводов и жиров? Нет. Похудела ли я из-за того, что мне приходилось больше двигаться и заниматься тяжелой работой? Нет. Очевидно, мое тело, если ему давали такую возможность, само регулировало потребление пищи, чтобы выполнять те задачи, которые от него требуются.

14

Ванна перед сном

Чтобы принять горячую ванну, нужно было дождаться конца дня, когда жаровня или котел будут свободны от других задач и достаточно прогреются, чтобы вскипятить воду. Вечернее купание требовало огромного количества усилий, особенно в те времена, когда мало у кого были отдельные ванные комнаты, водопровод или хотя бы корыто. Если люди все-таки принимались хлопотать, чтобы принять ванну, они делали это совсем не с той целью, с какой это делают в наше время. В викторианский период ванна не ассоциировалась с чистотой, да и прежде чем превратиться в тот расслабляющий ритуал перед сном, каким стало принятие ванны в XXI веке, она прошла долгий путь.

ВАННА ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ

В ранневикторианский период ванну принимали в лечебных целях. Размер емкости и температура жидкости были разными, и даже сами жидкости были разными. Существовали горячие, теплые и холодные ванны, ванны с морской и пресной водой, грязевые, воздушные и даже солнечные

ванны — для последних, как следует из названия, нужно было просто подставить кожу солнцу в хорошую погоду. Были ванны для ног, поясные ванны и ванны для погружения всего тела. Ванну можно было принимать, чтобы успокоить нервы или, наоборот, чтобы стимулировать кровообращение. Существовали ванны для лечения кожных заболеваний и ванны для лечения ревматизма, ванны для печени и ванны для улучшения пищеварения, а также бесконечное количество разнообразных ванн, помогающих при нервных расстройствах.

В 1850-х годах, когда лечебные ванны были на пике популярности, немалую прибыль получила Portable Bath Company. Она широко рекламировала свои услуги в газетах и журналах, предлагая разные виды ванн для покупки или временной аренды на неделю, месяц или год. Компания также поставляла горячую воду — работники, вносившие ее в помещение, были обуты в тапочки, чтобы не беспокоить больного. Прибыль компании строилась на том, что у большинства людей, в том числе богатых, дома не было стационарной ванны. Когда врачи начали назначать пациентам лечебные ванны, гораздо дешевле было купить или арендовать оборудование, чем посещать частные медицинские клиники.

Лечебное купание, или гидротерапия, возникло на основе давней европейской традиции поездок на воды. Так называли путешествия к известным минеральным источникам, где пили воду, которая, как считалось, содержала вещества, способные вылечить некоторые расстройства и недомогания. Многие современники, вероятно, были правы, когда утверждали, что не последнюю роль в исцелении больного во время этих поездок играли свежий воздух и физическая активность. Санатории активно поддерживали эту сторону лечения, специально устраивая места для прогулок посетителей.

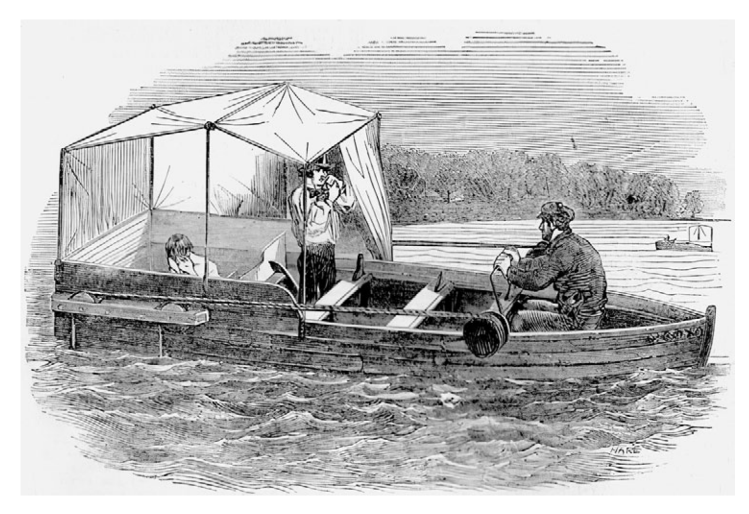

Рис. 108. Плавучая купальня позволяла джентльменам спокойно купаться в местных реках, не опасаясь грязи, 1850 г.

В начале XIX века на континенте появились новые способы употребления воды из природных источников. Самым большим авторитетом в этой области был Винсент Присниц, живший в Силезии. Согласно его способу лечения, нужно было не только пить воду, но и обливаться ею самыми разными способами: пациенты могли стоять под водопадом, сидеть на бьющих снизу струях воды или заворачиваться в мокрые простыни. К этому времени уже начали назначать холодные ванны, обычно мужчинам. Считалось, что они оказывают тонизирующее действие на организм, поскольку от шока кровь начинает циркулировать более энергично. Считалось также, что привыкание к холодным температурам закаляет организм, и те, кто проделывает такую процедуру постоянно, становятся выносливее и лучше сопротивляются распространенным заболеваниям.

Обертывание пациента в мокрые простыни было собственным изобретением Присница. Тело, укутанное в несколько слоев мокрой ткани, постепенно начало вести

себя так же, как если бы на человеке был современный гидрокостюм: оно нагревало воду, находящуюся рядом с кожей. Если верить восторженным отзывам в прессе, тепло, которое через некоторое время охватывало спеленутое неподвижное тело, оказывало самое благотворное, успокаивающее и расслабляющее действие. Журнал Simple Questions and Sanitary Facts утверждал: «Влажное обертывание – это самый простой и почти безотказный способ сохранения здоровья и лечения болезней из всех доступных человеку... Оно в удивительно короткое время избавляет от жара и воспаления». Далее отмечалось, что терапия «превосходнейшим образом успокаивает ум и тело, когда они излишне перегружены и возбуждены, и, по свидетельству тех, у кого все нервы в теле порой трепещут от непреодолимого волнения, эта процедура приносит невыразимое умиротворение».

В Британию новый способ лечения привез доктор Джеймс Уилсон, который ездил в Силезию, чтобы лично испытать на себе новый революционный способ лечения. Он призвал на помощь своего друга и коллегу доктора Джеймса Галли, и вдвоем они начали предлагать упомянутое лечение в Малверн-Спрингс в Вустершире, куда люди издавна приезжали пить целебные воды. Партнеры обладали коммерческим и инновационным чутьем, и их платные сеансы водолечения вскоре стали популярными. Однако их попытки объяснить терапевтический эффект процедур оставались в рамках научных представлений того времени. Не обладая сегодняшними знаниями об иммунной системе, оба доктора считали, что все дело в удалении из организма человека застоявшихся жидкостей. В частности, считалось, что в тканях больного накапливается избыточное количество крови, но если врачу удастся вызвать в организме пациента кризис, стимулируя кровообращение водными процедурами, то тело может изверг-

нуть эти вещества в виде мочи, фекалий, рвоты или через поры кожи. Достижение такого кризиса и было одной из главных задач ранневикторианской медицины. Доктор Уилсон и доктор Галли считали, что их лечение может служить более безопасной и естественной альтернативой тем (нередко ядовитым) веществам, которые использовали с этой целью врачи в других местах.

Однажды я тоже прошла в Малверне краткий ознакомительный курс лечебного обертывания мокрыми простынями, завершившийся холодной сидячей ванной. Лечение проводил врач общей практики доктор Джон Харкуп, специалист по традиционному водолечению Малверна. Он рассказал, как несколько лет назад провел серию экспериментов, в ходе которых обнаружил, что количество лейкоцитов у людей, ежедневно принимающих пятиминутную холодную ванну, значительно возрастает. Похоже, холодная ванна во многом стимулирует иммунную систему именно так, как изначально предполагали, хотя доктор Уилсон и доктор Галли не могли знать о роли лейкоцитов в борьбе с болезнями. Доктор Харкуп заверил меня, что влажное обертывание покажется мне исключительно расслабляющим, и даже предупредил, что я могу заснуть. Но мой опыт не был таким приятным. В конце концов я действительно начала согреваться в мокрой простыне, но это заняло гораздо больше времени, чем я ожидала, и, хотя я все-таки закрыла глаза, я и не думала засыпать, так как дрожала с головы до ног. Конечно, сторонники системы мокрых простыней могли бы сказать, что мой опыт просто доказывает, какую пользу мне мог бы принести длительный курс лечения. Если бы я повторяла процедуру ежедневно, мое кровообращение наверняка вскоре улучшилось бы, и я бы начала не только намного быстрее согреваться в мокрых простынях, но и меньше бы мерзла во все остальное время.

Теперь что касается холодной сидячей ванны. В сущности, сидячая ванна — это просто небольшая ванна, в которой вы сидите, — ее также называют поясной ванной, поскольку вода в ней доходит примерно до уровня пояса. Обычно викторианцы сидели в такой ванне, свесив ноги через край, при этом ванна была заполнена водой лишь на 10–12 см. Этого хватало, чтобы покрыть ягодицы, верхнюю часть бедер и нижнюю часть живота. Среди множества полезных свойств, которые приписывали сидячей ванне, была способность «оттягивать из головы дурные гуморы». Ее рекомендовали как средство от всевозможных проблем с животом, особенно при желудочных и кишечных расстройствах. Кроме того, ее широко использовали при болях в спине. Пай Чевасс в книге «Советы женам» рекламирует сидячую ванну как средство буквально от всех женских недомоганий. По его словам, менструальные боли, родовые схватки и угроза выкидыша — это лишь часть тех проблем, которые способна решить сидячая ванна.

А мне показалось, что все далеко не так чудесно. Я погрузилась в 12 см почти ледяной воды, и в этот момент на меня вылили еще несколько ведер. Сколько пользы это принесло моей иммунной системе, сказать не могу — в тот момент я чувствовала себя усталой и переутомленной, слегка побаливало горло. А на следующий день у меня совершенно пропал голос, и мне удалось вернуть его только через шесть недель. С тех пор я отношусь к водолечению с некоторым предубеждением.

К концу викторианского века научные основы лечения холодной водой значительно модернизировались. Все еще было принято считать, что холодная ванна стимулирует кровообращение, но самые дикие заявления о том, что она предотвращает застой жидкостей, были наконец опровергнуты. Врачи перестали уделять холодным ваннам так много внимания и рекомендовали их гораздо мень-

шему числу пациентов, при этом только самым сильным и физически развитым. Вместо этого здоровье начали улучшать с помощью теплых и горячих ванн.

Сидячие ванны и ванны для ног, пожалуй, имели самое широкое распространение за пределами оздоровительных курортов. Оба варианта не требовали больших средств и усилий, и оба получили широкое одобрение медиков. Устроить дома ванну для ног было проще, чем сидячую ванну, поскольку она представляла собой не что иное, как таз с горячей водой, в который нужно было опустить ноги примерно на 10 минут. Это была первая ванна, доступная даже рабочему классу. У каждого дома имелся какой-нибудь таз, и кроме него был нужен только чайник с подогретой водой. Ванну для ног рекомендовали как средство от простуды, и многие считали, что она действительно приносит ощутимую пользу. Нередко встречаются изображения – мужчина сидит на стуле в подвернутых брюках, ноги в тазу с горячей водой, на плечах теплое одеяло. Этот образ стал таким узнаваемым, что превратился в условное обозначение гриппа.

Теплая и чуть теплая ванна должны были успокаивать и расслаблять, кроме того, их рекомендовали при лихорадке, поскольку считалось, что мягкое обтирание чуть теплой водой облегчает состояние больного. Чуть теплая ванна также могла оказаться полезной при прорезывании зубов у маленьких детей, в то время как кожные заболевания любого рода требовали нагреть воду чуть сильнее.

Еще горячее, на самом верху шкалы термометра, были паровые ванны и турецкие бани. Паровая ванна была близким родственником современной сауны. Обычно их устанавливали в специальных помещениях, но при необходимости устроить такую ванну можно было и дома. Для этого на пол ставили неглубокую кастрюлю с кипятком, а над ней ставили стул. Раздетый больной садился на стул, и на него

набрасывали большое, спускающееся до пола одеяло. Пространство внутри этой импровизированной палатки заполнялось паром, и больной должен был глубоко вдыхать его и купаться в нем. Точно так же в домашних условиях можно было устраивать серные, спиртовые и травяные ванны, просто добавляя в кипяток нужные ингредиенты.

Что касается турецкой бани, она оставалась экзотической роскошью и загадкой. Эту услугу предлагали только в эксклюзивных купальных заведениях, и там, где она существовала (Чарлз Диккенс в «Лондонском словаре» (Dictionary of London) 1888 года перечисляет 10 таких заведений, из них женщин принимали только в четырех), она стоила очень дорого, позволить себе посещение могли только высшие классы. Однако описание, опубликованное в журнале Simple Questions and Sanitary Facts, смогло прояснить этот вопрос для широкого круга читателей. Как писали в журнале, купальщик сначала раздевался, затем входил в горячую парную и проводил в ней пять или десять минут, после чего последовательно переходил в несколько более прохладных помещений, где проводил по десять минут. Затем он отправлялся в теплое помещение, где служитель растирал его с ног до головы, удаляя отмерший слой кожи, а также щипал и разминал его мышцы, чтобы придать им упругость. Затем купальщика намыливали и терли мочалкой и ополаскивали теплой, затем прохладной и, наконец, холодной водой. После этого он еще раз погружался в холодную ванну и возвращался в комнату для одевания, где его вытирали теплыми полотенцами. Этот сложный процесс требовал огромного количества свободного времени и ресурсов, которых у большинства людей просто не было.

Еще одной формой купания, малодоступной в домашних условиях, был душ. Он представлял собой единую струю воды, толщина которой могла быть и как у перье-

вой ручки, и как у мужской руки. Вода подавалась на определенную часть тела под большим напором сверху, снизу или сбоку. В Малверн-Спрингс вертикальный душ представлял собой, по сути, огромную массу воды, которая одновременно обрушивалась на стоящего внизу человека. Человек, которому довелось принимать такой душ, вспоминал, что вода ударила его «прямо по плечу» и «опрокинула [его], как кеглю». Но, в зависимости от личных предпочтений, можно было принять и другие виды душа — одни выглядели как струи воды, брызгающие снизу вверх на сидящего пациента, другие имитировали дождь.

В 1900 году лечебные ванны утратили свое первостепенное значение. Новые представления о бактериях и вирусах развеяли опасения людей, и к воде перестали относиться с былой подозрительностью. Но, даже если лечебный эффект ванны отошел на второй план, она успела сильно повлиять на привычки людей. Теперь люди хотели принимать ванну, чтобы стать чище.

ВАННА ДЛЯ ЧИСТОТЫ

Оцинкованная жестяная ванна, висящая на обратной стороне двери, — не типичное зрелище для Викторианской эпохи. Только в начале XX века жестяная ванна стала обычным явлением даже в бедных домах. Человеку, живущему на заработную плату, она была не по средствам, так как стоила примерно вдвое дороже комплекта детской одежды. Очевидно, первыми покупать и пользоваться жестяными ваннами начали шахтерские семьи. Возможность тщательно вымыться была для них особенно важна, кроме того, их чистый доход обычно намного превышал доходы средней рабочей семьи. Работа шахтера, безусловно, была трудной, грязной и опасной, но вместе с тем она была

весьма прибыльной, и шахтеры принадлежали к числу самых высокооплачиваемых британских рабочих.

Купив ванну, семья сталкивалась со следующей проблемой — как нагреть достаточно воды, чтобы ее наполнить. Если у вас был котел, задача существенно упрощалась. Котел представлял собой большую емкость, поставленную на кирпичный постамент с угольной топкой внизу (дым из которой отводила труба). Котел обычно устанавливали в судомойне, вдали от главной жаровни или очага, на котором готовили еду, и его единственной целью было по мере необходимости кипятить воду. Но для этого котел нужно было сначала наполнить. Если вы жили в городе и вам повезло, то у вас, возможно, был доступ к расположенному поблизости водопроводу или уличной колонке. Хотя вы, скорее всего, пользовались ею совместно с жителями нескольких других домов на вашей улице. Если же вы, наоборот, жили в сельской местности, то за водой вам приходилось ходить к местному ручью или колодцу. Чтобы наполнить ванну приличного размера, понадобилось бы около пяти ведер воды. В зависимости от того, как далеко вы жили от источника, на наполнение котла могло уйти от десяти минут до часа.

Следующей задачей было разжечь под котлом огонь. Конечно, топливо стоило дорого, но топка котла была устроена очень удобным образом и позволяла использовать недорогие материалы и не тратить высококачественный уголь. Многие люди откладывали кусочки угля, отсеянные из золы кухонной жаровни, чтобы разжечь под котлом первый огонь. Потом, когда огонь занимался, его можно было поддерживать уже чем угодно. На нагревание пяти ведер холодной воды уходил приблизительно час; если котел перед этим уже был теплым, время вдвое сокращалось. И наконец, нужно было перенести горячую воду из котла в ванну.

Нагревательный котел был далеко не в каждом хозяйстве, однако в некоторых домах имелись улучшенные кухонные плиты с встроенным баком для воды, расположенным рядом с огнем. Это давало хозяйке возможность в любое время брать из крана горячую воду, при этом запас воды в баке можно было постоянно пополнять. Обычно бак вмещал 4,5 л, иногда 9 л. Очевидно, такого объема было недостаточно, чтобы наполнить ванну целиком, поэтому обычно бак нагревали до кипения и смешивали кипяток с холодной водой. Если воды все еще было недостаточно, остальное обеспечивал нагретый на жаровне чайник. Этот метод также использовали, если у вас в доме была только простая и дешевая кухонная жаровня. Чтобы согреть воду для мытья, вам понадобилось бы несколько больших кастрюль и чайников, а чтобы одновременно довести все кастрюли до нужной температуры (некоторые части жаровни были горячее других, в зависимости от того, как близко они находились к огню), вы должны были по мере нагревания менять кастрюли местами. Таким образом, нагрев воды требовал больших усилий, независимо от того, был у вас котел или нет.

Не менее важным было местоположение ванны внутри дома. Ее старались разместить в самой теплой части дома, обычно на кухне, поскольку нередко это было единственное помещение, где разводили огонь. Дело было не только в том, что принимать ванну намного приятнее в теплой комнате, но и в том, что так вода в ванне дольше не остывала. Для изоляции многие подкладывали под стоящую на холодном полу ванну коврики, полотенца и газеты.

После стольких хлопот казалось вполне разумным использовать одну и ту же воду в ванне всей семьей. Не имело никакого смысла набирать целую ванну для одного человека, когда ему вполне хватило бы для мытья просто кружки теплой воды и таза. Многие матери и жены

также находили другое применение воде, оставшейся после купания, и нередко замачивали в ней белье перед днем стирки. Исходя из собственного опыта наполнения викторианской ванны и последующего слива воды, я могу подтвердить, что совсем не хочется устраивать себе такое испытание часто, особенно когда погода была холодной, а дни — короткими.

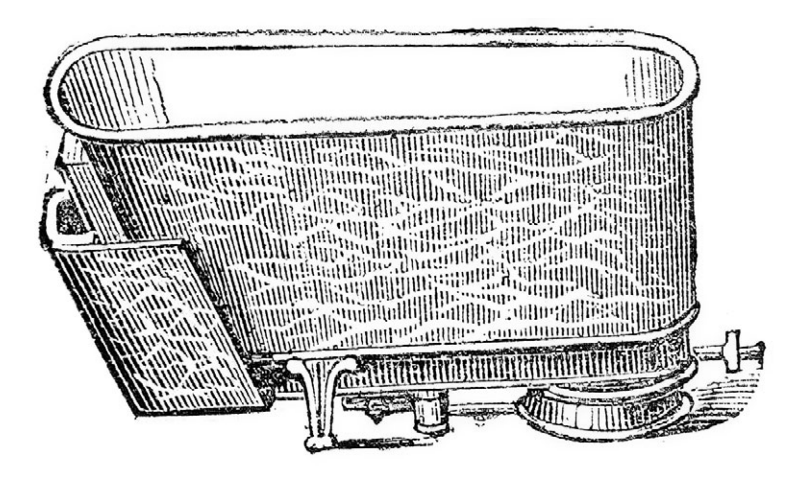

Рис. 109. Ванна, 1880 г.

К концу столетия в домах среднего достатка начали устанавливать стационарные ванны для мытья. Сначала слугам приходилось наполнять их вручную. Воду грели на кухонной жаровне и носили в металлических емкостях наверх, в гардеробную. Приходилось подниматься по лестнице несколько раз, и, конечно, после купания воду нужно было таким же образом унести вниз по лестнице, чтобы вылить. В большинстве домашних хозяйств все это считали пустой тратой времени и денег. Однако с 1870-х годов, когда появилась возможность сделать в доме водопровод, купание стало намного проще, и в домах начали появляться

первые отдельные ванные комнаты. За подачу в отдельную ванную горячей воды отвечали колонки с газовым подогревом. Лорд Эрнест Гамильтон был одним из тех, чья семья вложила средства в эти удобства, но, как он вспоминал, купание в его аристократическом детстве в конце 1860-х и начале 1870-х годов оставляло желать лучшего:

> Воззвав к источнику горячей воды... я не получил ни скорого, ни хоть сколько-нибудь теплого отклика. Раздалась череда замогильных раскатов, и наконец на свет извергся небольшой поток ржавой воды, густо смешанной с мертвыми мухами и уховертками. Поток продержался еще около пары минут, а затем полностью иссяк. Единственное заметное отличие между горячей и холодной водой заключалось в их цвете, а также в присутствии бренных останков жизни, которые первый поток нес в своих струях. И тот и другой были абсолютно холодными.

Сегодня мы настолько привыкли регулярно мыться в чистых, выложенных кафелем ванных, что невольно думаем, будто и викторианцы, едва получив возможность принимать ванну, ухватились за нее, не оглядываясь. Несомненно ли то, что горячая ванна — это необходимость, в которую стоит вложить деньги? Несомненно ли то, что каждый, кому это было по карману, стремился сразу ее приобрести?

Вовсе нет. Для этого следовало принять во внимание множество практических вопросов. Даже богатые люди не всегда были собственниками домов, в которых проживали. Возможно, богатым жильцам хотелось завести в доме ванную комнату, но домовладелец был готов сделать это только в том случае, если мог повысить стоимость аренды. Прокладка в доме водопроводных труб требовала

масштабных работ и денежных затрат и была возможна только в конструктивно прочных и достаточно больших зданиях. Однако у домашней ванны была еще одна популярная альтернатива: общественные купальни.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ОБЩЕСТВЕННЫЕ КУПАЛЬНИ

Думая об общественных купальнях в XXI веке, мы прежде всего представляем себе плавательные бассейны, однако отнюдь не они были изначальной целью создания этих заведений. Первые общественные купальни, возникшие в викторианский период, представляли собой именно то, о чем говорило название: это были места, где люди могли помыться. Они были задуманы для того, чтобы дать доступ к новейшим достижениям личной гигиены тем, у кого не было своей ванной или доступа к водопроводу. В самых первых зданиях общественных купален часто открывали прачечные, чтобы люди могли заниматься еженедельной стиркой в больших раковинах под проточной водой, вместо того, чтобы пытаться решить эту задачу в собственных тесных и плохо оборудованных апартаментах.

Эта идея вызвала интерес благодаря опубликованной в газетах истории женщины из Ливерпуля. В 1832 году, за пять лет до начала правления королевы Виктории, в Британии была эпидемия холеры. Она уносила сотни тысяч жизней, особенно в крупных портовых городах. Миссис Китти Уилкинсон жила на одной из беднейших улиц Ливерпуля со своим мужем Томом. Удивительно, но в их хозяйстве имелась исключительно полезная вещь — отдельный котел, в котором они могли без особых хлопот кипятить воду. Их дом единственный на всей улице был оснащен подобным приспособлением. Когда разразилась эпидемия, Китти и Том вызвались помочь соседям

и дали всем им возможность пользоваться котлом, превратив свой двор в сушильную зону и позволив людям стирать у себя в подвале, а затем и на кухне. Все, что они просили взамен, — по 1 пенсу с семьи в неделю на оплату угля и воды. В 1832 году никто доподлинно не знал, как распространяется холера, но многие считали, что частичную защиту от инфекции обеспечивает кипячение одежды и постельного белья. Щедрость и альтруизм Уилкинсонов в этот сложный период вызывали особенное восхищение, поскольку очень многие рабочие одевались на вторичном рынке и спали по многу человек в одной кровати. Китти и ее муж сильно рисковали, открывая свой дом для инфекции, но, несмотря на это, они смогли оказать помощь множеству напуганных семей. Узнав об этой истории, газеты принялись превозносить Китти Уилкинсон — стирка была чисто женским занятием, поэтому вся слава «святой из трущоб» досталась ей, а не Тому. Особенно потрясающим казалось то, что благотворительница Китти сама принадлежала к рабочему классу — ее муж был рабочим и, кроме того, она родилась в Ирландии и эмигрировала в юности. Из всех социальных групп того времени ирландский рабочий-иммигрант занимал самое презренное положение, — и вот появилась она, творившая добрые дела и помогавшая ближним, то есть делавшая то, что средние классы неуверенно признавали своим долгом.

Этот вдохновляющий пример привел к возникновению Движения за общественные купальни. Оказать ему помощь вызвались Окружное общество взаимного страхования и богатый филантроп Уильям Рэтбоун. Ряд политических маневров в конечном итоге привел к открытию в Британии первых общественных купален и прачечных. На это ушло почти 10 лет, но в мае 1842 года в Ливерпуле на Фредерик-стрит открылись купальни, управляющими в которых были Том и Китти Уилкинсон. Поначалу, ко-

нечно, главной целью этих заведений была стирка белья, но вскоре в них установили ванны, что позволило рабочим не только стирать свою одежду, но и мыться. В течение четырех лет в парламенте приняли Закон о купальнях и прачечных, а в 1846 году местные власти получили разрешение строить такие объекты на своей территории, оплачивая их за счет налогов.

В 1846 году в Ливерпуле открылась вторая купальня на Пол-стрит, в шесть раз превышавшая вместимость купален на Фредерик-стрит. Еще через год общественная прачечная наконец открылась в Лондоне в Гласхаус-Ярд, вскоре за ней последовали прачечная на Гоулстон-сквер и купальни в Уайтчепеле, расположенные в самых бедных районах Лондона. В течение десяти лет в Ливерпуле появилось третье купальное заведение, а самые первые купальни на Фредерик-стрит были отремонтированы. Между тем в Лондоне возникло еще семь купален: две в Вест-

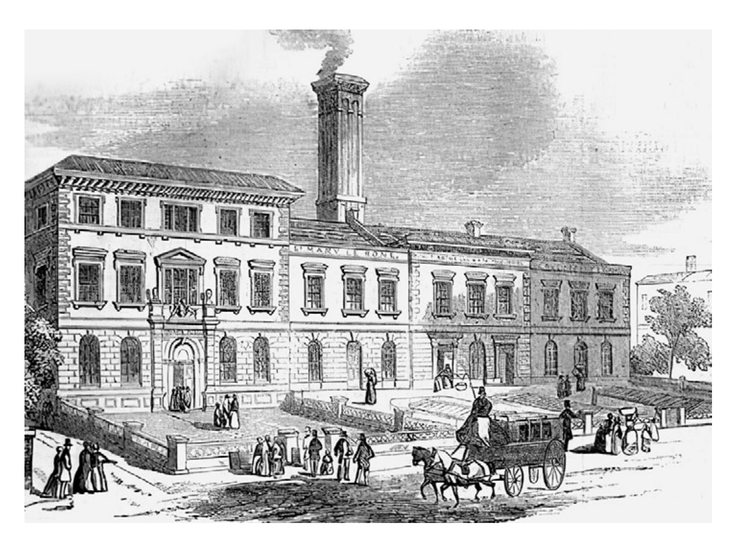

Рис. 110. Частное купальное заведение в 1844 г., незадолго до того, как Движение за общественные купальни набрало обороты

минстере, одна в квартале Марилебон, одна в Блумсбери, одна на Ганновер-сквер, еще одна в Сен-Мартен-ин-зе-Филдс и купальня Поплар в Ист-Энде.

Сами купальни были разделены на секции. В них существовали мужские и женские отделения, которые нередко имели дополнительное разделение — оно было связано с принадлежностью к социальному классу и с размером оплаты. В самых хороших и дорогих купальнях имелись просторные, богато обставленные кабинки с ваннами, хорошие запасы горячей воды и свободные места для переодевания. Также там были полотенца и мыло. В дешевых купальнях кабинки были гораздо теснее и проще, однако в них тоже обычно было вполне достаточно воды для комфортного мытья. Самым дешевым вариантом оставалось купание в общественном бассейне. Переодевшись в одной из кабинок на краю бассейна, вы просто заходили в воду и мылись вместе с остальными посетителями.

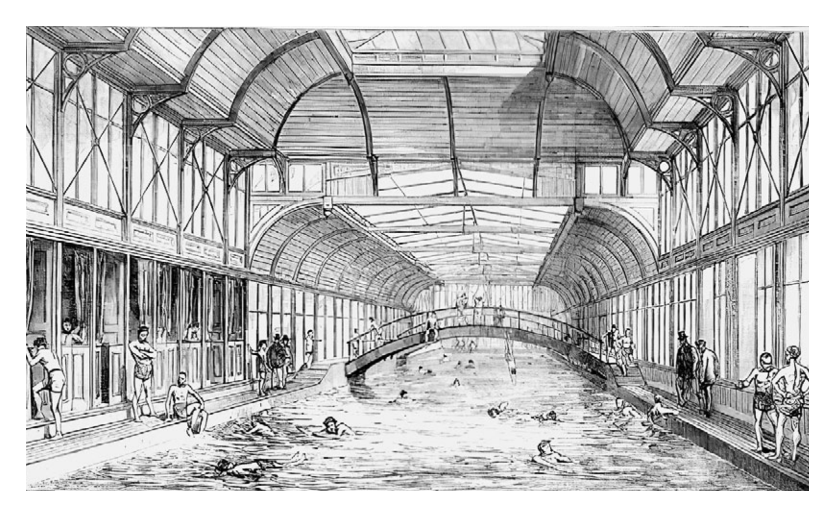

Рис. 111. Лондонские плавучие купальни на Темзе пользовались большим коммерческим успехом в 1870-х гг. Похожие заведения были в Честере и других городах

Поначалу разовое посещение бассейна стоило всего полпенса, затем цена поднялась до пенса. Такая плата была вполне по карману работающему мальчику 11–12 лет – и действительно, цену назначили с оглядкой именно на это. Первые бассейны были небольшими, но воду в них слегка подогревали. Мыла не выдавали – пользоваться мылом в бассейне даже запрещалось, – но окунание в воду и быстрое мытье все равно считалось достаточно эффективной гигиенической процедурой. Мальчики купались обнаженными – купальные костюмы не были обязательными в большинстве общественных бассейнов до начала XX века (одна из главных причин, почему бассейны предназначались строго для одного пола). Нефильтрованную воду меняли один раз в неделю, и поначалу во многих заведениях это была просто речная вода. За неделю в бассейне накапливался ил и другие загрязнения, но выходящие из бассейна купальщики все равно были чище, чем до того, как в него зашли. Таковы были изначальные представления о цели создания бассейнов, но в действительности все выглядело иначе, некоторым посетителям чопорность была чужда. Мальчишки ходили туда, чтобы повеселиться. Они дурачились в воде и проводили время со своими друзьями: бассейны стали социальным пространством для детей из рабочего класса. Кроме того, в них было тепло, что наверняка казалось очень уютным и привлекательным для тех, кому вообще редко приходилось подолгу бывать в отапливаемых помещениях. Погружение в подогретую воду давало мальчикам редкую возможность избавиться от глубоко засевшего в теле холода. Для многих из них чистота была просто побочным эффектом веселого времяпрепровождения. Люди рассказывали, что стайки мальчиков часто собирались рядом с общественными купальнями и выпрашивали пенни, чтобы заплатить за вход. Популярность бассейнов спровоцировала строительство

новых, еще более вместительных, теперь уже строже разделенных на классы: чтобы мальчишеские проказы не оскорбляли тонких чувств более состоятельных клиентов. Может показаться обидным, что этих ребят отправляли в бассейны второго или даже третьего класса, но вместе с тем они едва ли не впервые получили возможность свободно вести себя на публике и место, где они были избавлены от постоянного осуждения.

Лондонские купальни Сент-Джеймс в Вестминстере, построенные в 1852 году, изначально были рассчитаны на 64 купальные кабинки, разделенные на первый и второй класс для мужчин и первый и второй класс для женщин. Горячая ванна в первом классе стоила шесть пенсов, а во втором классе всего два. Холодную ванну в обоих классах можно было получить за полцены. Кроме того, в купальнях было два больших бассейна, один для первого и один для второго класса. В прачечном отделении цены были такими же, как в купальном отделении. Здесь было 60 кабинок для стирки одежды, 60 отдельных сушильных камер и 16 отделений для глажки с утюгами и всем необходимым оборудованием. За пользование прачечной взимали 1 пенс в час.

Если смотреть на распределение услуг для двух полов, становится очевидным, что общественные купальни для среднего или рабочего класса в первую очередь были ориентированы на мужчин, хотя прачечными пользовались исключительно женщины, стиравшие белье для всей семьи. Женских купален было меньше, они работали реже, и, хотя существовало несколько заведений, предназначенных строго для мужчин, не было ни одного, предназначенного только для женщин.

Первыми из общественных купален исчезли именно прачечные. Уже через 15 лет после открытия первых купален из их названия во многих местах пропало слово

«прачечная». Когда первая волна восторженного строительства схлынула, в новых заведениях вообще перестали обустраивать прачечные. Затем пропали ванны. Однако плавательные бассейны по-прежнему пользовались огромной популярностью. Первые бассейны были сравнительно небольшими и предназначались для мытья, а не для проведения досуга или занятий спортом, но по мере роста общественного интереса новые купальни удовлетворяли спрос и строили бассейны все больших и больших размеров. Намеки на это будущее можно было увидеть уже через 10 лет после открытия первой общественной купальни. Описание купальни Сент-Джордж — одной из тех, что построили еще в эпоху купален-прачечных — с первых строк сообщает о плавательном бассейне размером 20×9 м. Очевидно, это считалось главным коммерческим аргументом и было основной достопримечательностью заведения. Далее шло перечисление удобств для мытья и расценок, а прачечные находились в самом конце списка. В то же время купальня Олбани, одно из самых дорогих заведений, сочла целесообразным разместить рекламу уроков плавания, которые давал профессор Паркер.

Немало викторианских купальных кабинок сохранилось в общественных купальнях по всей Британии и в XXI веке. Я сама пользовалась ими, когда была студенткой, и осталась очень довольна неиссякаемым потоком горячей воды.

15

За дверью спальни

Священник Фрэнсис Килверт обычно отходил ко сну вскоре после одиннадцати часов вечера. Когда у него были гости, он ложился позже и сам иногда возвращался домой из гостей около полуночи. Во вторник 5 апреля 1870 года он тоже долго не ложился — до половины двенадцатого наслаждался веселой беседой компании своего близкого друга Моррелла. Но это был нетипичный случай. Работающие люди, уставшие от дневных трудов и не имеющие в доме искусственного освещения, в викторианский период обычно отправлялись в постель гораздо раньше. Зимой как можно раньше спрятаться под одеялом побуждали холод и темнота. Когда на жилище сельского рабочего и его семьи опускалась ночь, бодрствовать в холодном темном доме не имело никакого смысла — свечи или ламповое масло были семье не по карману, а лишние часы без сна только усиливали муки голода, вызванные хронической нехваткой пищи. В семь часов вечера многие семьи уже лежали в постелях, даже если не спали.

В теплые летние вечера у людей мог возникнуть соблазн лечь попозже. В начале XIX века Джек Вуд, сын землекопа из Олдема, записал в дневнике: «Если выдавался приятный вечер, люди сидели на крыльце до 11 или 12 ча-

сов, а потом тихо шли в постель». Лишь в самом конце викторианского периода, когда цены на топливо упали и освещение и обогрев дома стали дешевле, час отхода ко сну отодвинулся. Эллен Калверт, молодая работница с мельницы, в 1890-х годах была «в постели в 10 часов вечера, так как работа начиналась каждый день в 6 часов утра». Отбой в 10 часов был удобен для многих людей — это оставляло достаточно времени, чтобы поужинать и провести время с семьей, а затем хорошо отдохнуть перед следующим рабочим днем. Однако на всех этапах этого исторического периода, прежде чем погрузиться в мягкие объятия сна, мужчинам и женщинам нужно было еще сориентироваться в сложной сфере секса.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МУЖСКОЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ

Непреложная истина викторианской жизни — и даже более того, факт, который подтверждали врачи, церковь и все население, — состояла в том, что мужчины от природы обладают сильным половым влечением. Но единодушия в том, как мужчине себя вести и как организовывать свою сексуальную жизнь, не было. На протяжении столетия параллельно развивались два направления мысли. Первое прямо рекомендовало мужчине давать выход сексуальным желаниям, достигая этого, в зависимости от обстоятельств и собственного жизненного положения, с помощью жены, любовниц и проституток. Второе, наоборот, утверждало, что мужчина должен умерить аппетиты и сдерживать похоть во имя нравственности, а также ради своего физического здоровья.

Главным полем битвы стал брак. Считалось, что мужчина имеет дарованное ему Словом Божьим непреложное

право в любое время призвать к себе жену, и женщина обязана будет ему подчиниться. Вместе с тем существовали не менее четкие культурные убеждения, гласившие, что достойный мужчина в некоторых случаях должен проявлять сдержанность. Секс с женщиной на поздних сроках беременности или женщиной, еще не восстановившейся после родов, не вызывал одобрения. То же касалось секса в период менструации или болезни женщины, а также по воскресеньям (в Господень день). Если мужчина нарушал эти негласные правила, в глазах других людей он становился дикарем, подобное поведение считалось скотским. Таким образом, идеальным вариантом было половое влечение вкупе с контролем.

И все же мужчина с сильным сексуальным влечением вызывал восхищение, поскольку это считалось признаком мужественности. Женщины ожидали от мужей проявления сексуального интереса, независимо от того, приветствовали они это или нет. Мужчину без либидо нельзя было с полной уверенностью назвать мужчиной. С медицинской точки зрения здесь тоже наблюдался конфликт идей. Давно считалось, что, если мужчина не будет регулярно эякулировать, его сперма может «застояться» и это приведет к ухудшению здоровья. «Мокрые сны» считались естественной очищающей функцией организма, приемлемой для юношей и холостяков, хотя некоторые поборники нравственности утверждали, что таких происшествий можно избежать, если мужчина в часы бодрствования не будет предаваться сладострастным мыслям. Следуя той же логике, многие, в том числе врачи и иногда даже представители Церкви, признавали, что мужчинам необходимо регулярно заниматься сексом для здоровья и хорошего самочувствия. При этом мастурбация не считалась подходящей альтернативой. Доктор Хоу заметил в 1884 году: «Семяизвержения, происходящие три или четыре раза

в неделю во время нормального полового сношения, не оказывают на здорового человека ослабляющего действия, но такое же количество семяизвержений во время мастурбации или ночных поллюций вскоре заметно подорвет умственные и физические силы».

Секс с женщиной считался идеальным лекарством от целого ряда мужских недомоганий. Мужчины, испытывавшие подавленность, беспокойство, апатию, переутомление и страдающие от головных болей, регулярно слышали от врачей, что все это связано с отсутствием половой жизни. Неизвестно, сколько врачей прямо предписывало своим пациентам обзавестись женой, любовницей или даже пойти к проститутке, но иногда в печати появлялись жалобы медиков, недовольных частыми обращениями мужчин, которые являлись на осмотр только чтобы получить разрешение на беспорядочные половые связи. Доктор Эктон, писатель и ведущий специалист по всем вопросам, касающимся сексуального здоровья, считал: «Большинство людей, особенно молодых, только рады найти предлог потакать своим животным порывам». Он считал, что симптомы, на которые жалуются такие пациенты, часто крайне преувеличены, и, соответственно, предписывал этим сексуально изголодавшимся молодым людям умеренное питание и гимнастические упражнения. Впрочем, если бы вы обратились к доктору Хоу, результат мог оказаться совсем другим. Если мужчина не имел возможности вступить в брак, писал он, «неприятным долгом врача было принять этот факт и позволить [пациенту] тайные сношения».

Медицинскую точку зрения широко принимали как оправдание двойных сексуальных стандартов в отношении мужчин и женщин: женщины должны были строго соблюдать целомудрие, в то время как мужчинам позволялись измены. Таких убеждений придерживались и сами женщины. Некоторые из них беспокоились о здоровье му-

жей, если сами не могли или не хотели удовлетворить их «потребности». Подобные тревоги сохранились и после окончания викторианского периода — в 1920-е годы многие жены писали в клиники Мэри Стоупс письма, прося о помощи в вопросах контрацепции. Несмотря на вполне реальные опасения по поводу очередной беременности, женщин, отказывавших мужу, тяготило чувство вины.

Но если одни врачи рекомендовали вести регулярную половую жизнь, другие не менее настойчиво утверждали, что слишком много заниматься сексом тоже опасно. По их мнению, это вызывало общую слабость и вялость, делало мужчину медлительным и подавленным. Было принято считать, что мужчина теряет вместе со спермой некоторое количество жизненной силы и чрезмерное увлечение сексом лишает его энергии и мужественности и, более того, даже может сделать женоподобным. Определить, что значит «слишком много секса», было сложнее. Большинство специалистов признавали, что у разных мужчин эти показатели могут отличаться — некоторые способны выдерживать три или четыре раза в неделю, не теряя бодрости, в то время как для других одного раза в неделю будет уже много. Врачи обычно рекомендовали ограничить сексуальную активность примерно одним разом в неделю, хотя, если мужчина сразу после секса ощущал упадок сил, интервал следовало увеличить.

Импотенцию обычно воспринимали как закономерный результат предшествующей сексуальной невоздержанности. Если промежуток между днем свадьбы и первой беременностью затягивался, это списывали на чрезмерное усердие в первый, страстный период брака: считалось, что оно временно ослабляет способность мужчины производить высококачественную сперму. Согласно викторианским представлениям, беременность чаще наступает, когда первые любовные восторги утихнут и жизнь

пары войдет в более размеренный ритм. В этом смысле сексуальная сдержанность поощрялась.

Чаще всего викторианские мужчины следовали в своей сексуальной жизни изменчивым курсом, чередуя периоды сдержанности с периодами потворства своим желаниям. Так вели себя даже те, кто формально соблюдал строгое целомудрие и ограничивался только сексуальными контактами с женой. Многие пары охотно занимались сексом, но время от времени устраивали периоды воздержания, чтобы увеличить интервал между рождением детей или решить собственные проблемы со здоровьем.

Средний класс был обеспокоен стремлением мужчин позже вступать в брак. Медики в один голос утверждали, что мужское желание и сексуальная энергия неуклонно возрастают с начала полового созревания, достигают пика в возрасте около 27 лет, а затем медленно идут на спад. Но мужчины из среднего класса начали откладывать вступление в брак до тех пор, пока им не исполнится хотя бы 30 лет, чтобы обзавестись достаточными средствами для содержания жены и детей. Это становилось тяжелым испытанием для их целомудрия и негативно влияло на способность к продолжению рода, поскольку они пропускали самый репродуктивно благоприятный период жизни. Активисты, стремившиеся уничтожить двойные стандарты в вопросах секса и уравновесить женское целомудрие мужским воздержанием, поощряли ранние браки для мужчин как способ избавиться от соблазнов и позаботиться о своем здоровье, эмоциональном благополучии и сексуальном удовлетворении. Однако вступать в брак слишком рано тоже не следовало: секс мог подорвать здоровье и умственное развитие растущего юноши. Большинство врачей и родителей считали, что минимальный возраст вступления в брак для молодого мужчины среднего класса составляет около 20 лет. Возраст от 22 до 24 лет считался идеальным. Это гаранти-

ровало, что у молодого человека будет достаточно времени, чтобы окончательно сформироваться, но при этом он не успеет растратить энергию и прийти к половому бессилию.

Сохранившиеся чрезвычайно фрагментарные сведения о клиентах проституток (сведений о самих проститутках при этом осталась масса) указывают на то, что среди них было очень много одиноких мужчин. В полицейских записях клиенты упоминались только в тех случаях, когда имело место правонарушение, например драка или кража. Часто использовали вымышленные имена, но почти всегда с пометкой «холостяк». Частные расследования заинтересованных врачей, таких как доктор Эктон, священников и журналистов, таких как Генри Мэйхью, позволяют увидеть более широкую картину. Самыми частыми клиентами проституток были солдаты, из которых разрешение на брак получали всего 10 %. (Рядовые и сержанты могли жениться, только получив разрешение от своего командира, при этом в армии действовало правило, согласно которому получить такую привилегию мог лишь каждый десятый.) Среди викторианских мужчин был широко распространен обычай в холостые годы посещать проституток, от которого отказывались после вступления в брак. Частые споры между супругами по поводу венерических заболеваний подтверждали, что об этой традиции обществу было хорошо известно. Пары опасались, что юношеские грехи мужчины напомнят о себе на супружеском ложе и омрачат добродетельные зрелые годы. Эти опасения подкрепляли многочисленные литературные образы — соблазнителями невинных девушек в книгах крайне редко выступали женатые мужчины. Типичный негодяй, такой как мистер Беллингам из смелого романа Элизабет Гаскелл «Руфь» (Ruth; 1853), был безнравственным одиноким мужчиной, ни разу не связывавшим себя узами брака. Но негодяя, вступившего на путь исправления (еще один характерный викто-

рианский персонаж), всегда спасала любовь добродетельной молодой женщины, и он отказывался от греховного прошлого, чтобы повести ее под венец.

МАСТУРБАЦИЯ

Во второй половине XIX века мастурбация (или скорее страх мастурбации) стала чем-то вроде национального помешательства. Считалось, что больше всего этому «злу» подвержены мальчики, поэтому они особенно нуждаются в разъяснениях и защите. Отцов, матерей, врачей, религиозных лидеров и школьных учителей призывали рассказывать подросткам об опасностях, неразрывно связанных с этим пороком, и обучать их необходимым навыкам самоконтроля, которые помогут противостоять искушениям. Успехи медицины XIX века, казалось, только подтверждали старые опасения по поводу мужчин, впустую растрачивающих свою жизненную силу. В 1850-х годах врачи связывали мастурбацию с размягчением мозга, безумием, эпилепсией, деменцией, астмой, нервозностью, подавленностью, истерией и самоубийствами. Их основной аргумент был таким: поскольку сперма мужчины заключает в себе новую жизнь, для ее производства требуется огромное количество энергии. Это легко подтверждает тот факт, что после семяизвержения яичкам нужно время, чтобы произвести новую сперму, и второе семяизвержение вскоре после первого бывает не таким обильным.

К медицинским опасениям присоединялись тревоги нравственного характера. Мастурбацию считали первым шагом на пути, в конце которого ждало окончательное падение. Юноши, злоупотребляющие мастурбацией, становились легкой добычей порока, начинали посещать проституток и заводили любовниц. Это непристойное

поведение делало их негодными мужьями, не имеющими уважения к женщинам. Одним словом, мастурбация могла сломить нравственный стержень юноши. Позднее, начиная с 1880-х годов, к окружающим мастурбацию страхам добавилась мнимая угроза гомосексуальности (о которой мы поговорим в конце этой главы). Стоило гомосексуальности окончательно войти в общественное сознание, как она пополнила растущий список ужасных последствий мастурбации.

В первую очередь эпидемия аутоэротизма грозила закрытым средним школам. В 1866 году доктор Эдвард Бувери Пьюзи писал в The Times об опасностях самоудовлетворения в таких учреждениях. Он утверждал, что презренная привычка была почти неизвестна 50 лет назад, однако теперь «этот грех неотступно преследует наших мальчиков, подрывает их здоровье и притупляет остроту ума». Трудно представить другую сексуальную проблему, которую обсуждали бы на публичной площадке такого уровня. Многие проявления викторианской сексуальности оставались тайной, покрытой мраком, но мастурбация неизменно находилась в центре общественного внимания.

Одна из главных претензий в адрес закрытых средних школ заключалась в том, что мальчики в них подхватывали вредную привычку друг от друга. Таким образом, один «испорченный» мальчишка мог сбить с праведного пути целую школу. Те, кто яростно осуждал эту привычку, утверждали, что все начинается с непристойных выражений и демонстрации исподтишка. В ответ на это школы разделили мальчиков, отведя каждому собственную кровать (раньше из соображений экономии и тепла воспитанники вполне могли спать вместе) и переместив кровати, до этого стоявшие рядами в длинных общих спальнях, в отдельные кабинки. Дополнительные занятия легкой атлетикой и спортом тоже появились в учебном расписании

отчасти в связи со страхом мастурбации — медики и учителя считали физические упражнения хорошей профилактической мерой. «Отправьте мальчиков в постель усталыми, и у вас не будет никаких проблем», — заметил один учитель. Также следовало подумать о еде: полагали, что обильная горячая пища возбуждает сексуальный аппетит. Чтобы не допустить этого, ужин следовало сделать легким и холодным и подавать его рано, за несколько часов до сна. Еще одной профилактической мерой, рекомендованной в книге доктора Дьюкса в 1894 году, был минимум постельных принадлежностей. В холодной постели, как и в холодной ванне, не было места горячим страстям (об опасности теплых ванн вечером тоже строго предупреждали).

Однако, несмотря на все эти практические меры и регулярные тематические проповеди в закрытых средних школах по воскресеньям, главное бремя ответственности ложилось на родителей — это они должны были научить своих сыновей самообладанию и призвать их к целомудрию. Американские сборники советов (также публиковавшиеся в Британии) в конце столетия решительно требовали, чтобы родители разговаривали с сыновьями о мастурбации. Иногда ответственность возлагали на отца, и некоторые мужчины уже во взрослом возрасте вспоминали такие беседы со своими мучительно смущающимися отцами. Лорд Литтелтон, отец 12 детей и уважаемый политик-консерватор, отправляя своих сыновей в закрытую среднюю школу, вручил им написанное «в ясных и продуманных выражениях» письмо о нравственных опасностях, с которыми они могут там столкнуться, завершив его словами: «Я не желаю, чтобы вы когда-либо в дальнейшем упоминали об этом письме или сообщали мне, что его получили». Однако некоторые авторы ясно давали понять, что обсудить с мальчиком этот вопрос следовало гораздо раньше и сделать это должна была мать. По словам Джейн

Эллис Хопкинс, основательницы Армии Белого Креста в защиту общественной чистоты, мать мальчика должна объяснить ему в раннем возрасте (в четыре или пять лет, согласно одной книге), что он должен избегать любых нечистых помыслов и любых действий, возбуждающих нечистые чувства. Доктор Элизабет Блэквелл соглашалась: «Мать должна предостеречь ребенка, чтобы он не трогал и не рассматривал себя больше, чем необходимо. Его тело — замечательный и священный предмет, предназначенный для важных и благородных дел, и с ним нельзя играть, баловаться или каким-либо образом причинять ему вред».

В отличие от многих других проявлений нравственного упадка проблема мастурбации была присуща скорее представителям средних классов и их сыновьям, чем беднякам. Все знали, что мальчики из рабочего класса живут под постоянным присмотром матерей, с раннего возраста заняты тяжелой работой на свежем воздухе и вряд ли поздно вечером съедают обильный горячий ужин или, если уж на то пошло, засыпают на жарких пуховых перинах, перед этим понежившись в теплой ванне. Скудный рацион, холодное жилье и отсутствие физических упражнений лучше защищали бедняков от соблазна (по крайней мере, в глазах общества), поэтому нравственные опасности «одиночного порока» грозили им намного меньше, чем мальчикам из среднего класса в закрытых школах. Только в учебных заведениях мальчики могли собираться ночью и заниматься распространением вредной привычки.

ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ

В XXI веке широко распространено заблуждение, будто добропорядочная викторианская женщина была не в меру стыдлива и совсем не интересовалась сексом. «Большин-

ство женщин (к счастью для них) почти не подвержены каким-либо половым переживаниям», — написал в 1857 году знаменитый доктор Уильям Эктон. И, хотя с тех пор эту фразу повторяли очень часто, его голос был лишь одним из многих. В других произведениях эту точку зрения оспаривали и утверждали, что молодые замужние женщины с большим удовольствием вступают в интимную близость с мужьями. В 1838 году Уильям Коббетт писал: «Природа распорядилась таким образом, что мужчины после свадьбы становятся менее пылкими в своей страсти, а женщины — нет. Их пыл только возрастает... и они проявляют на этот счет удивительную проницательность и пытливость».

Медики соглашались в том, что с точки зрения сексуальных переживаний женщины делятся на три группы. У первой группы сексуальное влечение выражено слабо или вообще отсутствует, для второй группы, самой многочисленной из трех, характерно умеренное сексуальное влечение, а третья группа, самая малочисленная, находилась во власти бурных страстей. Даже такие авторы, как доктор Хоу, который в целом подозрительно относился к женской сексуальности, время от времени отмечали стремление женщин к удовольствию и признавали, что оргазмы существуют, по крайней мере у некоторых женщин. Доктор Хоу подробно останавливался на существовании секс-игрушек, предназначенных специально для женщин, и отмечал: «Беспринципные посредницы продают их ученицам школ и другим, желающим оградить себя от всех неприятностей, связанных с обычными половыми контактами». К середине века на смену деревянным и кожаным игрушкам пришло современное резиновое дилдо — более удобное и гигиеничное, это устройство пережило тихий всплеск популярности. Таким образом, женское самоудовлетворение в викторианский период обсуждалось довольно активно, хотя и не в таких масштабах, как мужское.

Женский аутоэротизм считался менее распространенным и менее вредным для организма, чем мужское «злоупотребление», поскольку девушка, хотя и унижала этим свое нравственное достоинство и, как отмечали некоторые комментаторы-мужчины, портила себе будущее наслаждение от «настоящего» полового акта, при этом не растрачивала свою жизненную силу так, как мужчина.

Доктор Оллбатт, написавший «Настольную книгу жены» (The Wife's Handbook), подчеркивал, что во время секса муж и жена должны находиться в хорошем расположении духа. Это укладывалось в рамки давних и крайне противоречивых представлений о том, что психическое состояние обоих родителей в момент зачатия способно определить характер будущего ребенка. Например, считалось, что от секса в пьяном виде дети рождаются грубыми и глупыми, а дети, родившиеся в результате насилия, будут жестокими. Дети, зачатые без любви, будут поступать в дальнейшей жизни холодно и жестоко, а если женщина вела себя пассивно, дети родятся ленивыми и медлительными. Вместе с тем излишнее сладострастие тоже не приветствовалось — от этого рождались буйные дети, не способные себя контролировать. Идеальным считалось такое зачатие, когда оба родителя соединялись в любви, уважении и удовольствии и не теряли самообладания.

Это было лишь одно из сохранившихся с давних времен представлений о сексе. В начале викторианского периода многие продолжали, как встарь, считать, что в девичьи годы женская сексуальность дремлет и ее пробуждает только муж в первую брачную ночь. С этого момента в женщине просыпается сладострастие и ее сексуальное влечение становится больше, чем у мужчины. Она нуждается в строгом мужском контроле, и в обязанности мужа входит следить за сексуальным поведением жены. Приведенные выше комментарии Уильяма Коббетта о первой брачной

ночи вторят этим давнишним убеждениям. Идеальная невеста была скромной, наивной и девственной и искала не столько физической, сколько эмоциональной близости со своим женихом. Интенсивное культурное давление заставляло женщин скрывать интерес к сексу до брака. После вступления в брак такие удовольствия становились культурно приемлемыми, и женщина могла раскрепоститься и перестать сдерживать свои желания. Королева Виктория, как известно, наслаждалась активной и взаимно приятной сексуальной жизнью с принцем Альбертом. В записке лорду Мельбурну она назвала свою первую брачную ночь «отрадной и изумительной», а в своем дневнике записала, что тогда они «почти не спали». В других источниках, хотя в целом все они изъясняются довольно осторожно, многие замужние женщины писали о том, что интимная близость доставляет им удовольствие. В 1840-х годах, несмотря на 10 детей и 20 лет в браке, Генриетта Мария, супруга лорда Стэнли из Олдерли, в отсутствие мужа жаловалась в письмах к подругам на свою «холодную постель». Десять лет спустя Айзек Холден и его вторая жена Сара (урожденная Сагден) тоже были вынуждены терпеть долгие периоды разлуки, пока Айзек был занят бизнесом, и она писала мужу, что скучает по нему и мечтает о том, как они «сплетутся в объятиях».

Науке предстояло опровергнуть комплекс традиционных представлений о сексе и в более серьезном вопросе. Раньше считалось, что для оплодотворения яйцеклетки женщина обязательно должна испытать наслаждение. В качестве доказательства этой мысли приводили тот факт, что мужской оргазм неизменно сопровождается эякуляцией. В 1814 году Самуэль Фарр писал в своем пособии для юристов: «Без сладострастного волнения и плотского наслаждения любовным актом никакое зачатие, вероятно, невозможно». Однако в 1850-е годы врачи в целом

согласились признать, что женщина способна зачать, не испытывая оргазма и вообще не получая удовольствия от происходящего. Было обнаружено, что женщина может забеременеть даже после изнасилования. И хотя эти новые представления помогли некоторым женщинам добиться справедливости и получить сочувствие в своем тяжелом положении, самым заметным результатом этих открытий стало усиление общественного давления и требование, чтобы женщины вели себя как бесполые создания не только в девичестве, но и в браке.

Отношение к страсти тоже постепенно изменилось. Доктор Джордж Нэфи в своей работе «Физическая жизнь женщин» (The Physical Life of Women; 1869) сообщил, что некоторые женщины начали открыто гордиться своим отвращением к сексу и равнодушием к любовным переживаниям. В некоторых случаях страсть даже в рамках брака считалась признаком распущенности, что нередко становилось источником непонимания и расстройства для многих пар. Мэри Сиджвик, которая в 1859 году вышла за преподобного Бенсона, признала, что ее представление о себе как о чистой и добродетельной женщине в сочетании с верой супруга в ее «скромную чистоту», во многом послужили причиной всех трудностей их медового месяца: «Как я плакала в Париже!.. эти ночи!»

О власти бесполого идеала косвенным образом свидетельствуют слова писателя Чарлза Кингсли, высказанные им перед встречей и свадьбой с Фанни Гренфелл в 1844 году. Он требовал, чтобы будущая жена «могла разделить со мной все мои страсти» и не была «бесстрастным и равнодушным ангелом». С середины столетия, когда стремление к женской «чистоте» стало устойчивым, представления изменились: теперь уже не мужчины должны были контролировать избыточную сексуальность жен, а женщин призывали ограничивать и сдерживать

сексуальные порывы мужей. Мэри Бенсон на склоне лет осознала, что ее муж Эдвард выбрал ее себе в жены в том числе и для того, чтобы уберечь себя от ошибок в любви. Ведь он знал ее с тех пор, как ей было семь лет, и женился на ней, когда ей исполнилось 18 (ему в это время было 30). Он полагал, что ее «скромная чистота» послужит препятствием для его мощного либидо.

В немалой степени женское сексуальное поведение определялось частотой неизбежных беременностей и родов. Страх новой беременности после череды нелегких родов и безуспешных попыток прокормить все больше голодных ртов вызывал у многих женщин боязливое отношение к сексу. Особенно силен этот страх был среди женщин из рабочего класса. Жившая в конце столетия Мэгги Фрайетт, мать троих детей, всеми силами старалась избежать участи собственной матери, которая в свое время произвела на свет 14 человек. Ссылаясь на опыт своей матери, она писала: «Я не хотела, чтобы со мной было так же, поэтому я засиживалась допоздна за починкой одежды... а когда приходила в постель, мой муж уже спал».

КОНТРАЦЕПЦИЯ

Запатентованная в 1843 году в Англии вулканизация каучука значительно улучшила технические характеристики противозачаточных средств. К 1820-м годам презервативы уже имели долгую историю, хотя не в качестве противозачаточного средства, а как способ защиты мужского здоровья. Надетый во время секса презерватив мог уберечь от венерических заболеваний, в частности сифилиса, которого очень боялись многие мужчины. В конце XVIII века в Лондоне открылись два магазина, в которых продавали исключительно презервативы. Их изготав-

ливали из овечьих кишок, перед использованием такие презервативы тщательно вымачивали несколько часов, чтобы сделать мягче и эластичнее, иначе надевать их было совсем неудобно. У основания презерватив завязывали лентой, чтобы надежно закрепить его, а после использования тщательно промывали, сушили и хранили в маленькой шкатулке до тех пор, пока он не понадобится снова. Такие приспособления были удобны для обеспеченного мужчины, имевшего постоянную любовницу или посещавшего один и тот же бордель, если эти посещения были заранее спланированными и неторопливыми. При случайных сношениях воспользоваться презервативом для защиты удавалось редко.

Я пыталась самостоятельно изготавливать такие презервативы, но, как оказалось, это удивительно сложная ручная работа, с которой не так просто справиться. Овечьи кишки нужно тщательно вымыть, замочить в щелочном растворе и освободить от всех лишних тканей, так, чтобы осталась только стенка кишки. Все это следует проделывать с большой осторожностью, чтобы не продырявить оболочку. Затем очищенную кишку нужно нарезать на куски и натянуть на деревянную форму. Дальше с одного конца следует закатать кишку в ленту, а с другого — плотно завязать ее тонкой нитью. Когда презерватив более или менее высохнет, его снимают с формы и окончательно высушивают, а затем упаковывают в коробку. Готовые презервативы продавались по цене от 2 до 6 пенсов, однако это все же было не так дешево, чтобы стимулировать их широкое использование рабочим классом.

Гораздо более приятным и надежным вариантом были презервативы из вулканизированного каучука. Резиновые презервативы пользовались огромной популярностью, как и резиновый цервикальный колпачок. Он тоже преобразился, стал дешевле, проще в использовании, прочнее

и удобнее. Колпачок имел еще одно преимущество — женщина могла незаметно использовать его без ведома мужчины. Колпачок, описанный в «Настольной книге жены» доктора Оллбатта, очень похож на аналогичный предмет из XXI века: «Формой пессарий напоминает круглую крышку для блюда, его купол сделан из тонкого гладкого индийского каучука, который сминается от прикосновения, а ободок, окружающий этот купол, представляет собой кольцо из толстой резины, которому, сжав, можно придавать любую форму. Полая часть пессария предназначена для того, чтобы закрывать шейку и устье матки во время соития, не допуская проникновения внутрь спермы».

Однако эти два приспособления были не единственными доступными викторианцам средствами контрацепции. В 1823 году Фрэнсис Плейс опубликовал серию брошюр и листовок, стремясь донести до британского рабочего класса пользу губки в вопросе ограничения рождаемости. Метод губки широко использовали на континенте, и он был хорошо известен часто путешествующим представителям высшего класса. Этот способ тоже предназначался для женщин, а не для мужчин. Небольшой кусочек губки привязывали к длинной ленте, смачивали в спермицидном растворе, например в воде с добавлением квасцов, и перед соитием женщина вводила губку в себя. После губку можно было извлечь, потянув за ленту, и хорошо промыть.

Публицист и активист Ричард Карлайл также пропагандировал широкое использование контрацепции. В своем сочинении «Книга для каждой женщины» (Every Woman's Book), распроданном тиражом более 10 тысяч экземпляров, он рекомендовал пользоваться презервативами, губкой и методом прерванного соития. Сочинение Карлайла, как и работы Фрэнсиса Плейса, стало объектом публичного осуждения и судебного преследования из-за

скандальности темы, однако власти не смогли остановить распространение информации, отныне ставшей достоянием общественности.

В 1834 году на рынке появился еще один метод контрацепции — впервые описанный в книге Чарлза Ноултона «Плоды философии» (Fruits of Philosophy) вагинальный душ. Его действие заключалось в том, что вскоре после полового акта (обычно в течение пяти минут) женщина два или три раза впрыскивала во влагалище раствор из шприца. Считалось, что это вымоет из влагалища сперму до того, как она начнет свое путешествие в матку. В шприц можно было набрать простую воду, либо, для большей эффективности, женщина могла приготовить спермицидный раствор. Рекомендовали добавлять в воду квасцы, а также сульфат цинка, уксус, пищевую соду или жидкий хлорид соды. Набрав в шприц раствор, женщина садилась на корточки над тазом, впрыскивала смесь во влагалище и давала ей вытечь.

Работы Плейса и Карлайла были весьма радикальными для своего времени. Они описывали способы контрацепции и пропагандировали их использование в целях охраны здоровья и благополучия женщин. Плейс был прежде всего озабочен вопросом предотвращения беременности в случаях, когда она представляла опасность для женщины из-за ее слабости или истощения либо из-за деформации таза, которая могла привести к выкидышу и рождению мертвого ребенка. Карлайл высказывал еще более революционные взгляды: он утверждал, что контрацепция должна освободить женщин, дать им возможность получать удовольствие от секса, не боясь возможной беременности, и обеспечить равноправную и благополучную жизнь в браке. Эти прогрессивные идеи нашли широчайший отклик столетие спустя, но в то время их, как правило, решительно отвергали, особенно в религиозных слоях.

Между тем отчасти благодаря их учению общий уровень рождаемости в Англии начал снижаться в 1876 году и продолжал снижаться из года в год вплоть до 1920-х годов. Среди городских семей среднего класса спад начинается уже в 1850-х годах. Это говорило скорее об общем изменении взглядов, затронувшем все слои общества, чем об успехе новых контрацептивных приспособлений (точных сведений о том, сколько таких продуктов было продано, не существует). Многодетные семьи стали восприниматься как активный, но при этом не всегда продуманный выбор. На первый план вышла небольшая семья — она не истощала финансовые ресурсы и позволяла родителям сосредоточиться на благополучии и образовании уже имеющихся детей. Женщины, пережившие меньше беременностей, обычно имели более крепкое здоровье и могли полноценно и активно заниматься домашним хозяйством, заботиться о своих детях и мужьях. Конечно, и раньше находились люди, которые по разным причинам ограничивали свою фертильность, но теперь это стремление охватило все общество — это была новая культурная цель, новый способ самоопределения в качестве добродетельного и современного человека. В последние 20 лет XIX века в типичном доме среднего класса обычно было не больше четырех-пяти детей. Согласно переписи, английские пары, состоявшие в браке с 1861 по 1869 год, имели в среднем 6,9 ребенка, и эта цифра оставалась неизменной с начала правления королевы Виктории. Однако у тех, кто находился в браке между 1890 и 1899 годами, в среднем было 4,3 ребенка.

Чем объясняется спад, не вполне ясно. Конечно, появилось намного больше, чем раньше, способов контрацепции. Но некоторые контрацептивные приспособления также применялись в других, не связанных с контрацепцией областях. Например, вагинальный душ широко ис-

пользовали в медицинских целях — многие врачи и акушерки применяли его для промывания влагалища пациентки после родов, надеясь таким образом снизить вероятность заражения. Для кого-то вагинальный душ был просто частью общего режима гигиены, наподобие биде. Цервикальный колпачок тоже почти ничем не отличался от других вагинальных пессариев, которые врачи использовали для лечения различных женских заболеваний. Многие семьи могли сократить количество беременностей, не прибегая ни к каким покупным средствам. В том, что касалось секса, главной добродетелью для обоих полов считалась сдержанность. Как мы отмечали выше, многие думали, что даже в браке слишком много заниматься сексом вредно и для мужчин, и для женщин. Об этом твердили медицинские светила, влиятельные религиозные деятели, этому учили сборники советов, художественные произведения, научно-популярная литература и школьные учителя. Так что пары, желающие ограничить рождаемость в своей семье, гораздо охотнее прибегали к воздержанию, чем к противозачаточным средствам. О способности супругов к самообладанию прямо свидетельствовал метод прерванного соития (coitus interruptus). Вскоре после окончания викторианского периода за этим способом закрепился эвфемизм «быть осторожным».

АБОРТЫ

Возможно, еще одной причиной снижения рождаемости в конце столетия были аборты. Нам никогда не будут в полной мере известны масштабы и ужасные подробности подпольных абортов, однако они не были единственным способом избавиться от нерожденных детей. Доктор Пай Чевасс в «Советах женам» прикладывал неимоверные

усилия, стараясь донести, что плод жив еще до того, как «оживляется», и изгнание плода раньше этого все равно считается абортом. «Оживлением» называли момент, когда женщина впервые чувствовала, как ребенок двигается у нее внутри. Традиционно это воспринимали как признак того, что ребенок стал живым существом. Из этого следовало твердое убеждение, что избавление от плода до того, как он начинает шевелиться, не может считаться грехом, поскольку он еще не ожил. Доктор Пай Чевасс решительно осуждал огромное множество пар, совершавших, по его мнению, такие аборты, и желчно заявлял: «Приговором для таких родителей должно быть если не повешение, то хотя бы ссылка».

В других случаях абортивные средства служили своего рода способом самообмана, который позволял представлять, что аборт и возвращение менструации — два не связанных между собой процесса. Хорошо известные и широко рекламируемые «женские таблетки» — в действительности абортивные препараты — находились в свободной продаже под видом средств для поддержания регулярности менструального цикла и предотвращения ряда недомоганий, связанных с менструальными нарушениями. Вы могли купить «женские таблетки» разных брендов в любой аптеке или приготовить свое средство — рецепты печатали в популярных журналах и сборниках советов. Их рекламировали как общеукрепляющие «тоники» и средства, стимулирующие менструацию. В сборнике семейных советов «Спроси меня» (Consult Me) от 1883 года, предназначенном для добропорядочных замужних женщин из среднего класса, содержалось два рецепта подобных средств. В состав обоих входили алоэ, скипидар (способный при приеме внутрь вызвать почечную недостаточность), лобелия (слабительное, похожее на никотин, особенно опасное для беременных) и кистевидный

воронец (родственник лютика, который в наше время используют в травяных сборах для облегчения симптомов менопаузы), а также другие ингредиенты «избавляющие от женских недомоганий, головной боли, упадка духа, нервозности и землистого оттенка кожи».

По-видимому, многие женщины как нечто само собой разумеющееся каждый месяц принимали эти токсичные вещества либо в качестве противозачаточного средства, либо как якобы оздоровительный «тоник», хотя в обоих случаях результат для недавно забеременевшей женщины был одинаковым. Одной викторианской женщине пришлось на собственном опыте познакомиться с абортивными средствами еще до своего рождения. Фэйт Дороти Осгерби появилась на свет в 1890 году, и ее мать прямо признавалась, что пыталась этого не допустить. Фэйт вспоминала, как мать рассказывала — чтобы избавиться от нее, она каждый вечер принимала порох, растертый в пасту с помощью стоящей на умывальнике мыльнице.

СЕКС ВНЕ БРАКА

Оценки количества женщин, зарабатывавших на жизнь проституцией, в этот период очень сильно разнились. Епископ Эксетерский считал, что в одном только Лондоне в 1839 году их было не меньше 80 тысяч. Но, как справедливо возразил анонимный автор в London City Mission Magazine, в таком случае проституцией занималась каждая пятая жительница Лондона в возрасте от 15 до 50 лет, а эти цифры, несомненно, были далеки от действительности. Аноним, как и некоторые другие авторы, предполагал, что в основе преувеличенных цифр лежат не точные данные, а желание запугать публику и привлечь поддержку для всевозможных нравственных миссий. Гораздо более

реалистичными и, вероятно, самыми точными были полицейские данные, поскольку их собирали патрульные на местах, и они включали всех женщин, о которых им было известно, а не только тех, кого привлекали к ответственности. Поскольку из поля зрения полиции в большинстве случаев выпадали любовницы и содержанки, эти цифры были заниженными, но, по крайней мере, они основывались на наблюдениях людей, которые хорошо знали свои районы. В 1857 году, согласно данным полиции, во всем столичном полицейском округе было 8600 проституток, что составляло примерно одну десятую от весьма драматичной оценки епископа Эксетерского. Таким образом, соотношение составляло где-то около одной женщины к пятидесяти. Однако это тоже был довольно высокий показатель, и он объясняет, почему проституция в тот период оставалась постоянным предметом обсуждения.

Викторианская литература изобиловала историями о падших женщинах. Религиозные издания посвящали этой теме больше полос, чем светские, а нравоучительные рассказы о том, как опасно поддаваться искушению, составляли одно из главных тематических направлений в таких журналах, как The Quiver, предназначенный для баптистских читателей, и Sunday at Home, ориентированное на аудиторию англиканской церкви. Роман Элизабет Гаскелл «Руфь», на мой взгляд, не только прекрасно написанное, но и самое смелое и сочувственное из всех произведений, посвященных теме проституции. Книга рассказывает о женщине по имени Руфь, о ее жизни в крайней нищете и работы в потогонной швейной мастерской, а также о ее соблазнении молодым аристократом Генри Беллингамом, предложившем ей помощь в момент болезни и отчаяния. Когда женщина забеременела, он бросил ее. Даже смелая миссис Гаскелл не могла позволить своей героине обрести покой и получить от общества прощение (позже Руфь

умирает), но ей все-таки удалось некоторым образом искупить вину благодаря искренней любви и заботе о своем ребенке, которому дали надежду на лучшее будущее. Роман, смело поднимавший неудобные темы и раскрывавший их с такой теплотой и сочувствием, вызвал бурю протестов, но вместе с тем он способствовал дальнейшему обсуждению вопроса. Публичные дебаты активно продолжались в газетах и проповедях.

THE CHRISTIAN. 17

FRIENDLESS AND FALLEN.

NEW PREVENTIVE HOME. See "Christian," July 1, 1886, page 12.

This proposed extension is for the reception and training of really FRIENDLESS YOUNG GIRLS in their 'teens. Many may be rescued from dangerous surroundings by Missionary effort, and saved for time and eternity by Christian and industrial training. This Home is in connection with the LONDON FEMALE PREVENTIVE AND REFORMATORY INSTITUTION.

£1550 REQUIRED for building and furnishing, and donations toward this amount will be thankfully received by

Messrs. Morgan & Scott, 12, Paternoster-buildings, London, E.C., or

EDWARD W. THOMAS,

200, Euston-road, London, N.W. Secretary.

Рис. 112. Падших женщин широко обсуждали во всех видах викторианской прессы. Это благотворительное обращение взято из журнала The Christian, 1886 г. В нем говорится об исправительном учреждении для неблагополучных девочек подросткового возраста, которых еще можно спасти, изъяв из опасного окружения и воспитав в духе христианского благочестия

Приюты и исправительные учреждения для падших женщин были популярным направлением благотворительной деятельности, в которой участвовало множество представителей среднего класса, особенно женщин, которые собирали средства и лично посещали подопечных.

Учреждение такого рода, «Дом Урании», основал на собственные средства Чарлз Диккенс, а поэтесса Кристина Россетти посвящала много времени работе с молодыми женщинами еще в одном учреждении для временного проживания. Между тем (мы вскоре этого коснемся) в политических кругах в обстановке бурных обсуждений и протестов готовилось принятие двух крупных законодательных актов: первый был нацелен на борьбу с венерическими заболеваниями, второй — на повышение возраста согласия. Эту тему не замалчивали и не обходили вниманием. Во многих смыслах о ней говорили более открыто и обсуждали ее более регулярно, чем в XXI веке.

В первые годы правления королевы Виктории дебаты касались главным образом сексуального здоровья и контроля в области секс-индустрии. По примеру лицензированных публичных домов на континенте, предлагалось ввести в Британии медицинские проверки и организовать лечение проституток, чтобы остановить распространение болезней. Одним из самых влиятельных сторонников этой инициативы был доктор Уильям Эктон. Написанная им в 1857 году книга о природе британской проституции является самым полным описанием этой профессии в викторианском Лондоне. По его сведениям, эта отрасль была представлена не организованными борделями, а отдельными женщинами, в основном работающими на себя, которые приглашали клиентов в меблированные комнаты и съемные апартаменты с почасовой оплатой. Эти женщины чаще всего были элегантно и опрятно одеты и почти не пользовались декоративной косметикой — это описание весьма отличалось от популярных карикатур того времени, изображавших проституток с аляповатым макияжем и в вульгарных нарядах. Очевидно, образчики карикатур только отталкивали мужчин, желавших, чтобы их незаконные сексуальные партнерши соответствовали

общим викторианским представлениям о женской красоте не меньше, чем их сестры, жены и дочери.

Главными местами для поиска клиентов, по словам Эктона, были мюзик-холлы, театры-варьете (см. цветную илл. 24), танцевальные залы и рестораны. Добропорядочные женщины — то есть женщины, которые не были проститутками, — появлялись в таких местах крайне редко. В Лондоне одним из хорошо известных в этом смысле районов в 1850-х годах был Вест-Энд. Сады и развлекательные парки, днем остававшиеся вполне респектабельными местами, резко меняли характер с наступлением вечера. В 10 часов вечера любую женщину в садах Креморн у Темзы или в садах Норт-Вулвич, Хайбери-барн и Рошервилль можно было купить, хотя об этом договаривались достаточно деликатно, и мужчины подходили к женщинам, а не наоборот. Увеселительное заведение Аргайлрумз и казино Холборна были излюбленными местами не только для азартных игр и курения, но и для поисков преуспевающих, хорошо одетых проституток. Театр-варьете Альгамбра славился несравненными прелестницами из кордебалета. Когда вечер подходил к концу, а мюзик-холлы и варьете закрывались, гуляющие перемещались в бары, кафе и клубы вокруг Хеймаркета, и общее настроение становилось все более развязным. Если Вест-Энд был одним из главных районов в Лондоне для поиска дорогих проституток, в Ист-Энде в некоторых пабах и почти во всех варьете можно было найти кого-нибудь подешевле. Самыми крупными увеселительными заведениями здесь были Лондонский мюзик-холл, который чаще называли Шордичской империей, Королевский Кембриджский мюзик-холл на Коммершиал-стрит и Хокстон-холл, в каждом из которых собирались разношерстные и часто шумные толпы. Дальше к северу в 1859—1888 годах жизнь бурлила в варьете Уилтона, но потом здание отдали методистской

церкви. Однако из всех викторианских мюзик-холлов он сохранился, пожалуй, лучше всего. Зайдя туда сегодня, вы еще можете уловить кипучее очарование подобных мест. В менее процветающих районах степень социальной интеграции была гораздо выше: приличные женщины могли спокойно беседовать с «сомнительными» знакомыми даже поздно вечером. Поэтому здесь проститутки чаще сами обращались к потенциальным клиентам — мужчины опасались делать первый шаг, поскольку «проститутка» вполне могла оказаться добропорядочной женой сидящего рядом портового рабочего с крепкими кулаками. В Вест-Энде такое поведение, конечно, не потерпели бы — джентльмен, который пришел просто провести вечер в варьете и насладиться сигарой в веселой обстановке, серьезно оскорбился бы в ответ на подобное предложение.

По сведениям Уильяма Эктона, в других городах проституция была организована точно так же, хотя в Оксфорде и Кембридже проституток было мало в силу малой численности населения. Одно из самых подробных расследований за пределами столицы было проведено им в гарнизонном городе Олдершот, где проживало много неженатых военных. Здесь цифры также были относительно невелики: 243 признанные проститутки на 12 000 расквартированных в городе военных. По его оценкам, женщины каждую ночь принимали от восьми до десяти клиентов. «Торговля» была сосредоточена в нескольких пабах — «Арми энд Нэви» на Кингс-роуд и отеле «Ройял Милитари» на главной улице. Женщины, которые жили и работали в этих районах, находились в финансовой зависимости от домовладельцев, которые сдавали им комнаты и позволяли ловить клиентов в своих пабах, но при условии, что они сами и их клиенты будут покупать выпивку.

Однако составленные Эктоном отчеты привели не к появлению регламентированных публичных домов,

как во Франции, а к принятию ряда противоречивых законов, в том числе законов о заразных болезнях 1864, 1866 и 1869 годов, разрешивших принудительное медицинское обследование любой женщины, подозреваемой в занятии проституцией, и ее дальнейшее содержание в специальной инфекционной больнице. Эти законы были приняты для защиты мужчин, особенно солдат и матросов, от венерических заболеваний. В целом считалось, что более четверти всех проституток страдают венерическими заболеваниями, чаще всего гонореей. Доказательств этого было недостаточно, хотя цифры подтверждали, что треть всех упомянутых в армейских больничных списках мужчин действительно страдали венерическими заболеваниями. Считалось, что единственный способ ограничить масштабы этой проблемы и предотвратить общенациональную эпидемию — взять под контроль проституток. Никаких ограничений для клиентов-мужчин предусмотрено не было. В 1869 году любую женщину в гарнизонном городе могли арестовать по подозрению в проституции и против ее воли подвергнуть гинекологическому обследованию. Тех, у кого обнаруживали инфекцию, запирали в изоляторе. Попавших туда женщин раздевали, мыли и выдавали им казенную одежду, после чего они были обязаны четыре раза в день промывать влагалище лечебным раствором с помощью вагинального душа и два раза в неделю проходить внутренний осмотр с помощью зеркала. Большинство женщин держали в изоляторе шесть недель, хотя некоторые оставались в заключении полгода.

Протесты последовали немедленно и стали одним из самых известных эпизодов в истории недавно возникшего движения за права женщин. Законы о заразных болезнях нередко причисляют к отправным точкам современного феминизма. Страх за добропорядочных молодых женщин из рабочего класса, которых именем закона подвергали,

по сути, сексуальным домогательствам и даже изнасилованиям, вылился в бурное общественное негодование и объединил женщин из всех слоев общества в борьбе за человеческие права. Вопиющее неравенство законов, в соответствии с которыми смотрели сквозь пальцы на мужское сексуальное поведение и одновременно наказывали и заключали в тюрьму женщин из рабочего класса, спровоцировало общую кампанию за справедливость и более широкую репрезентацию женщин во всех органах власти, как профессиональных, так и политических. Битва женщин за избирательные права и борьба общества против порока оставались неразрывно связанными до конца викторианского периода.

К счастью, в 1886 году законы о заразных болезнях были отменены. Но приблизительно в это же время в прессе осветили новую скандальную тему — принуждение к проституции. В 1884 году журналист Альфред Дайер сообщил о том, что молодых девушек из Британии продают в бордели Бельгии, а в 1885 году еще одно расследование, проведенное журналистом Уильямом Стидом и опубликованное под заголовком «Девичья дань современного Вавилона», рассказало публике о похищениях, удержании в неволе и изнасилованиях молодых девушек, многие из которых еще не достигли совершеннолетия. Хозяин борделя на Майл-Энд-роуд поведал ему, как «однажды продал девочку-подростка за 20 фунтов стерлингов священнику, который приходил в заведение якобы для того, чтобы раздавать религиозные брошюры». Читатели с ужасом и отвращением узнали, что девочек заманивают в такие места, обещая угощение. Девушек постарше находили в агентствах по найму прислуги, знакомились с ними у дверей работных домов или обманывали обещанием честной работы. Попавших в дом девушек одурманивали, избивали и привязывали к кроватям. Мужчины платили большие

суммы денег, чтобы надругаться над ними. Пожалуй, еще страшнее были истории о девушках, которых продавали, обрекая на подобную жизнь, собственные родители. «Миссис Н** с Б**-стрит в Далстоне не пришлось долго уговаривать, но она запросила цену выше. Она не соглашалась расстаться с дочерью меньше чем за пять, а то и десять фунтов стерлингов, поскольку очаровательная миловидная девственница наверняка могла принести больше на открытом рынке». В качестве наглядной иллюстрации своих доводов — и, конечно, чтобы газеты лучше продавались — Стид в самом деле купил юную Элайзу Армстронг у ее матери в лондонском Ист-Энде, показав, как просто и дешево можно организовать такую сделку. Газетные статьи вызвали широчайшую волну отвращения и гнева у публики и крайне быстрый отклик со стороны парламента. К 1885 году возраст согласия был увеличен с 13 лет до 16, что позволило защитить хотя бы самых юных девушек.

Впрочем, несмотря на политические кампании и общественное возмущение, большинство занятых в секс-индустрии женщин продолжали заниматься своими повседневными заботами. В самых бедных районах крупнейших промышленных городов большинство секс-работниц были юными девушками. Лишь очень немногие женщины старше 30 занимались проституцией. Как правило, они жили одни в съемных квартирах и платили за аренду намного больше, чем «добропорядочные» жильцы. Хотя многие из них работали в богатых районах со множеством увеселительных заведений и приглашали клиентов в комнаты с почасовой оплатой, их собственное жилье обычно располагалось на самых скромных улицах. В Лондоне девушка могла встречаться с клиентами в кафе на Хеймаркет и водить их в съемные апартаменты на Оксендон, но для себя снимала комнату в Уайтчепеле. Некоторые женщины приводили клиентов к себе домой, но только если их дома

были достаточно близко от места «торговли». Секс под открытым небом, обычно в одном из общественных парков, обходился дешевле, но при этом был гораздо опаснее, поскольку мог закончиться столкновением с представителями закона и тюремным заключением, а также значительно повышал риск насилия.

Успешная секс-работница зарабатывала хорошие деньги, по крайней мере по сравнению с тем, что получала девушка из рабочего класса. Проститутка могла за две или три ночи заработать столько же, сколько горничная получала за неделю тяжелой работы. Даже с учетом того, что проституткам приходилось больше платить за жилье, они были лучше обеспечены, чем фабричные работницы и домашняя прислуга, и их работа, как правило, была менее тяжелой физически, рабочий день длился меньше, и в большинстве эти женщины могли сохранять независимость, избавившись от надзора хозяев, хозяек и родителей.

Реалии жизни женщин, зарабатывавших секс-услугами, наглядно отражены в двух историях. Мэри Дэвис (урожденная Келли) было всего 19 лет, когда ее муж погиб во время работы на угольной шахте в Южном Уэльсе. Потеряв связи с местной ветвью семьи, она переехала в Кардифф и поселилась вместе с двоюродной сестрой, занимавшейся проституцией в районе Тайгер-бэй. В 1884 году она переехала в Лондон, работала в Вест-Энде, затем на несколько месяцев уехала в Париж. Вскоре, вернувшись в Лондон, она какое-то время жила в борделе на Ретклифф-хайвей, а затем в 1887 году ее социальное положение изменилось. Мэри встретила Джозефа Бартнетта, и они съехались, несмотря на то что официально были не женаты. Он работал грузчиком в порту и на Смитфилдском рынке, и какое-то время они жили как добропорядочная пара из рабочего класса. Однако их союз подвергся тяжелому испытанию, когда безработица вынудила их отправиться в ломбард, чтобы

найти средства для оплаты квартиры. Причиной разногласий в паре служило и то, что в холодные ночи Мэри пускала на ночлег подруг, которые продолжали заниматься проституцией. В конце концов Джо бросил ее, и Мэри пришлось вернуться к старому способу заработка. О жизни Мэри нам известно из полицейского расследования, проведенного после ее убийства, — она была последней жертвой Джека Потрошителя. Однако ее путь, петляющий между добропорядочной домашней жизнью и проституцией по воле переменчивых обстоятельств в мире гнетущей нищеты, был, по-видимому, вполне типичным.

Вторую историю рассказал Генри Мэйхью, журналист и социальный исследователь, который брал интервью у представителей лондонского рабочего класса. Впервые опубликованные в газете The Morning Chronicle, а затем изданные в виде книги, его интервью дают редкую возможность узнать о том, какими тогда были женщины, и о том, что они сами думали о своей жизни. Одна молодая женщина (он никогда не записывал имена и адреса тех, с кем общался) была по профессии швеей, и этой работой обеспечивала себя и свою престарелую мать. Девушка занималась пошивом брюк для крупного производителя готовой одежды. Когда работы было много, то за шестидневную неделю, работая по 18 часов в день, она зарабатывала достаточно денег, чтобы оплачивать аренду своего однокомнатного дома и питаться два раза в день. Но когда работы было мало, с фабрики присылали заказов только на четыре дня работы. И спасаясь от голода и мрачной перспективы отправить мать в работный дом, она вступила в связь с мужчиной, который платил за ее сексуальные услуги: «Я была добродетельной, когда начала работать, и всегда была добродетельной до последнего года. Я всеми силами старалась сохранить целомудрие, но я не могла достать еду и одежду для себя и своей матери». Знакомая с нравствен-

ными установками среднего класса, она заверила Мэйхью, что сделала это только по необходимости и предпочла бы остаться «честной девушкой», не важно, как тяжело ей пришлось бы работать. Но при этом она также продемонстрировала прагматизм, свойственный рабочему классу, где ее поведение рассматривалось как вполне разумное, и была достаточно уверена в разумности собственного решения, чтобы согласиться рассказать историю для записи, зная, что соседи ее не осудят: «Многие девушки в швейной мастерской советовали мне согрешить. Они рассказывали мне, что испорченным [sic] хорошо живется. Говорили, что у них полно еды и питья и хорошей одежды».

В беднейших районах крупных городов проституция могла быть осознанным выбором молодых женщин, считавших, что это их единственный шанс провести молодые годы независимо и с удовольствием. В таких районах, особенно в Лондоне, многие девушки начинали сексуальную жизнь, когда им было около 15 лет, с необдуманных отношений с юношами своего возраста. Эти романы нередко были короткими и следовали один за другим — нам в наше время такой стиль отношений известен гораздо лучше, чем большинству викторианцев. Многие из этих девушек после выходили замуж и вели обычную семейную жизнь, но у некоторых случалось нечто вроде переходного периода, когда они работали проститутками. Для этой группы женщин секс за деньги, очевидно, имел совершенно иные культурные коннотации, чем для более преуспевающих членов общества. В их кругу это был всего лишь один из этапов жизненного цикла женщины, а не полный отказ от надежд и нравственности.

Конечно, далеко не всегда секс вне брака подразумевал коммерческую сделку. Многие представители городского рабочего населения относились к браку гораздо свободнее, чем того хотелось бы Церкви или поборникам нрав-

ственности. Прежде всего, нередко было трудно понять, кто женат, а кто нет. Если по соседству селилась новая пара, заявлявшая, что они состоят в браке, им обычно верили — доказать, что это не так, было крайне сложно. Сами они считали себя законными супругами, и такого союза им было достаточно. У других пар неформальная процедура развода и повторного брака заключалась просто в переезде в другой дом. Друзья, родственники и соседи легко закрывали глаза на незаконность периодических сожительств до тех пор, пока дети были накормлены и ухожены, а обычное повседневное поведение пары не выходило за рамки социальных норм.

Выше по социальной лестнице тоже существовало некоторое количество знаменитых неженатых пар. Самым известным примером среди них были, пожалуй, писательница Мэри-Энн Эванс, публиковавшаяся под псевдонимом Джордж Элиот, и философ и критик Джордж Льюис, которые открыто жили как муж с женой (Льюис не мог развестись со своей первой женой, Агнес). Трудности получения развода и сложности законов об инцесте, согласно которым мужчина скорее мог жениться на собственной двоюродной сестре, чем на сестре своей покойной жены или даже тетке своей жены, вынуждали ряд вполне добропорядочных в других отношениях пар вступать в неодобряемые законом союзы. Викторианский закон об инцесте был основан не на законах генетики, а на библейских принципах родства. Генетика была еще неизвестной наукой, и сам Чарлз Дарвин женился на своей кузине. Между тем Церковь считала, что после вступления в брак мужчина и женщина становятся буквально одной плотью. Таким образом, сестра жены и собственная сестра считались едва ли не одним и тем же. Многим викторианским семьям, пережившим смерть молодой жены, брак вдовца с ее сестрой казался идеальным решением — она скорее

полюбила бы детей покойной сестры и не пришла бы в семейный дом как чужая женщина. Например, Этель Глэдис Хаксли в сопровождении своего отца отправилась в Норвегию, чтобы выйти там замуж за мужа своей покойной сестры, художника-портретиста Джона Кольера. Некоторые жены, по сути, завещали это своим мужьям на смертном одре. Но, поскольку закон высказывался на этот счет совершенно недвусмысленно, многие, в том числе Кольер и Хаксли, заключали брак за границей, пытаясь его обойти.

Закон также совершенно ясно высказывался о гомосексуальных отношениях. Акт содомии считался противозаконным с 1533 года, а 1828 годом датируется Закон о преступлениях против личности, где содомия была одним из пунктов. И все же отношение к однополым связям в правление королевы Виктории постепенно менялось. Одновременно с этим гомосексуальное поведение мужчин стало более заметным, поскольку преследования развернулись шире и эффективнее, а национальная пресса стала писать о них чаще и фривольнее. Происходило больше судебных процессов, и о них узнавало больше людей. Однако большую часть столетия определенное место для маневра все же оставалось. Взять, например, случай с Боултоном и Парком, молодыми людьми, которые любили переодеваться в женское платье и публично флиртовать с мужчинами в театрах и торговых пассажах Вест-Энда. Больше двух лет они жили ярко и экстравагантно, иногда выходя из дома в полном «дрэге», нередко в мужской одежде, но с женским макияжем и духами. Во время суда было установлено, что они посещали в таком виде лодочные гонки в Оксфорде и Кембридже, театры Стрэнд и Альгамбра, казино в Холборне и несколько балов в отелях Вест-Энда. В 1870 году они несколько переоценили благосклонность судьбы и оказались на скамье подсудимых. Однако,

поскольку не нашлось никого, кто был бы готов под присягой заявить, что вступал в интимную связь с кем-либо из них, и поскольку судья был настроен снисходительно, их оправдали. Пресса жадно следила за этим делом, но общий тон публикаций был скорее юмористическим и толерантным — в отличие от массового охаивания, встречавшего аресты других людей. После этого случая Боултон и Парк решили проявить благоразумие и стали вести более замкнутую жизнь, а вопрос о том, были они парой или нет, публично никогда не обсуждался.

Особенно волновал публику коммерческий аспект мужской гомосексуальности, о котором она была осведомлена лучше всего. Публиковавшиеся в Лондоне национальные газеты и журналы (региональных корреспондентов не было) позаботились о том, чтобы простые викторианцы узнавали из новостей прежде всего о лондонских пороках и о возмутительном поведении лондонцев. Вест-Энд славился как место заключения всевозможных сексуальных сделок, а площадь Пикадилли стала признанным центром мужского «фланирования». В 1880-х годах общественные опасения обострились — в этот период гомосексуальное поведение рассматривали в первую очередь как нравственный недостаток, унизительный и непристойный порок людей, лишенных всякого самообладания. Представление о том, что человек может родиться гомосексуальным, отсутствовало в британском сознании (хотя такие идеи обсуждались на континенте). Сама гомосексуальность воспринималась как характерная черта в первую очередь обеспеченных классов. Юноши и мужчины из рабочего класса нередко оказывались уличенными в гомосексуальных связях, но все понимали, что ими движет стремление к деньгам. В общественном сознании сложился образ подлого и безнравственного богатого человека, выслеживающего и развра-

щающего молодых мужчин из рабочего класса, которые по своей воле не стали бы искать таких связей. Особенно уязвимой группой считали солдат. Красивая униформа привлекала к ним внимание, а скудное жалованье вводило в искушение. Живущий вдали от нравственных ориентиров своей семьи, нередко в таких местах, где можно попасть в компанию рыщущих в поисках добычи богатых людей, солдат – и особенно гвардеец – стал почти стереотипным образом гомосексуала из рабочего класса. Молодые гвардейцы участвовали в ряде заметных судебных процессов той эпохи.

Считалось, что мужчину, склонного к гомосексуальному поведению, можно узнать по определенным внешним признакам. Некоторые из них были весьма неслучайными: в 1830-х годах мужчина, ищущий сексуального партнера, постукивал пальцами одной руки по тыльной стороне ладони другой или дотрагивался ими до груди,

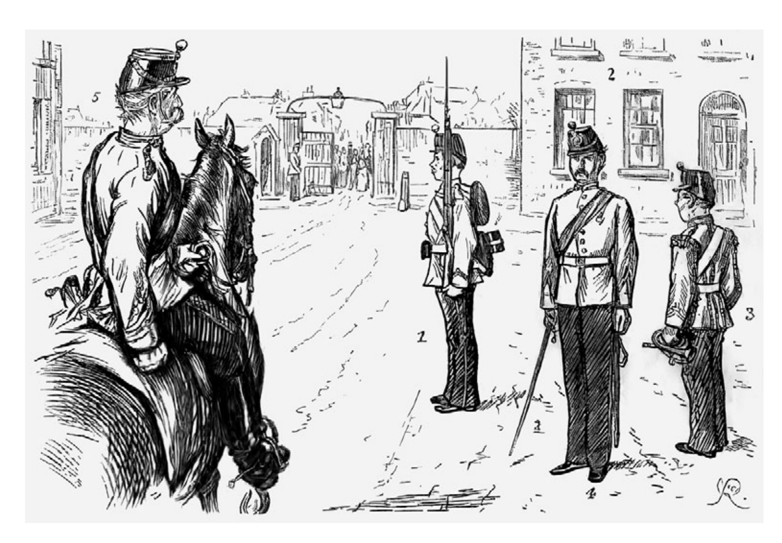

Рис. 113. Гвардейцы – стереотипный образ гомосексуала из рабочего класса

сунув руки в проймы жилета. Женственное поведение часто, но все же далеко не всегда ассоциировалось с гомосексуальностью — также оно могло быть признаком того, что мужчина слишком увлекается гетеросексуальным сексом. Женоподобный мужчина скорее сообщал о своей общей сексуальной невоздержанности, чем о том, что он предпочитает именно мужчин. С бритьем дело обстояло сложнее. Чисто выбритый мужчина совсем не обязательно интересовался однополыми связями, но большинство из тех, кто искал партнеров мужского пола, были чисто выбриты. В одном сохранившемся описании группу молодых мужчин, проявлявших подозрительный интерес к любительским театральным постановкам с переодеваниями в женские платья, называют «ужасающе чисто выбритыми». Если же вы хотели сообщить о своей полной незаинтересованности в сексуальных партнерах мужского пола, вам следовало свистеть. Французский писатель Шарль Фере, автор сочинений на сексуальные темы, весьма категорично утверждал, что мужчины с гомосексуальными склонностями не способны свистеть. Этот «факт» вскоре стал общеизвестным и в Британии.

Печально известный суд над Оскаром Уайльдом в 1895 году (его приговорили к двум годам каторжных работ за гомосексуальные связи) выявил крайнюю степень общественной нетерпимости к альтернативной мужской сексуальности и одновременно способствовал разжиганию вражды. С этого времени мужчины стали вести себя крайне осторожно и избегали касаться друг друга на публике, исключение составляло рукопожатие. Судебный процесс стал переломным моментом. Реакция общества на физическое влечение между мужчинами была более жестокой, чем когда-либо, но вместе с тем постепенно начала развиваться ответная реакция и появились первые проблески иного понимания однополой любви.

В 1898 году Хэвлок Эллис и Джон Саймондс опубликовали книгу «Сексуальная инверсия» (Sexual Inversion), в которой рассматривали циркулирующие на континенте новые идеи о природе однополых отношений между мужчинами и между женщинами. В книгу впервые вошли примеры из британской жизни. Книга, по сути, попала в число запрещенных, когда владельца книжного магазина, выставившего ее на продажу, оштрафовали на 100 фунтов стерлингов, однако она ознаменовала начало нового направления в сексуальной мысли. Кроме того, она пролила немного света на женскую гомосексуальность. Жена Эллиса Эдит (урожденная Лис) была лесбиянкой и в период их брака продолжала, с ведома Хэвлока, поддерживать отношения с женщинами. Часть материалов для книги предоставила она и ее подруги. Лесбийские отношения никогда не считались противозаконными и в целом почти не привлекали внимания прессы. Тот мир, который описали Эдит и ее подруги, состоял — в порядке убывания по частоте — из школьных влюбленностей, сна в одной постели, откровенных взаимных ласк и орального секса. Очень немногие в этой небольшой выборке, представляющей к тому же только женщин из среднего класса, доходили до орального секса, но мануальная стимуляция была охарактеризована ими как достаточно частое явление, не противоречащее идее целомудрия или брака с мужчиной. Помимо этой группы исследуемых, Хэвлок Эллис описал случаи, когда женщины выдавали себя за мужчин, и высказал мнение, что многие проститутки вступают в интимные отношения с другими женщинами для удовольствия и утешения, противопоставляя этот опыт сексу за деньги с мужчинами. Однако в целом этот вопрос не освещался.

Послесловие

И вот наш день подходит к концу, викторианский мир снова скрывается во тьме времен, и я с особенной ясностью осознаю, как много всего осталось скрытым от наших глаз и насколько кратким и неполным будет любое подобное исследование. Даже замечательные подробности, дошедшие до нас в мыслях и воспоминаниях таких людей, как Фредерик Хобли и Элис Фоули, не в силах воссоздать полную картину. И уцелевшие старинные предметы в наше время — это не более чем случайная коллекция не самых показательных образцов того, что когда-то было неотъемлемой частью повседневной жизни.

В некотором смысле в этом и состоит очарование истории — она пробуждает желание собрать воедино обрывки доказательств, отыскать подсказки, сопоставить факты и мнения. Эти поиски принесли мне огромное удовольствие: я залезала на сохранившийся конный омнибус, искала среди читательских писем в газетах и журналах жалобы на работу общественного транспорта, отслеживала по картам маршруты и изучала тонкости тарифов. Области жизни, которые не казались мне интересными до того, как я решила написать эту книгу, преподнесли

немало сюрпризов. Например, передо мной вдруг открылись забавные и полные радостного волнения стороны спорта — от Фрэнсиса Килверта, который с удовольствием играл на лужайке в крокет, не забывая восхищенно поглядывать на присутствующих дам, до футболистов, заново обсуждающих правила игры перед каждым матчем, от плавания как развлечения, возникшего благодаря стремлению обеспечить прачечными бедные слои населения, до тенниса, который задавал тон в дизайне корсетов. Все это стало для меня откровением и приучило смотреть на спортивные события XXI века куда более благосклонным взглядом, чем раньше.

Вместе с тем поиски не раз приводили меня к ужасной изнанке жизни, где царили голод, болезни, тяжелейший труд и насилие. Викторианская эпоха была катастрофическим временем для бедных людей. Их скелетные останки служат самым наглядным и неопровержимым доказательством жизненных невзгод и лишений, едва ли не худших во всей нашей национальной истории. Средняя продолжительность жизни в Викторианскую эпоху медленно росла и была значительно выше, чем в конце XIV века после первой эпидемии бубонной чумы, но масштабы систематического недоедания и истощения в викторианской Британии не сравнимы ни с чем из того, что мы когда-либо знали. Этот факт легко упустить из виду на фоне прогресса, которым славится эта эпоха, однако он неизбежно выходит на первый план в любом исследовании викторианской обыденной жизни.

Мои изыскания заставили меня проникнуться огромной симпатией и восхищением к тем, кто, несмотря на все плачевные обстоятельства, продолжал упорно двигаться вперед. К таким людям, как Тони Уиджер, на рассвете тихо выходивший в кальсонах на кухню, чтобы приготовить для себя и своей жены чашку чая с печеньем, которую они

выпивали в постели, прежде чем приступить к нелегким дневным делам — ловле рыбы и работе по дому. Или Ханна Каллуик, у которой уходило два часа на утренние хлопоты, прежде чем она могла приготовить завтрак для своего работодателя, а затем и для себя. И не забудем шестилетнего Уильяма Арнольда, который в январе с рассвета до заката стоял в одиночестве посреди поля, отпугивая ворон, и даже не мог поесть, пока не вернется домой после наступления темноты. Все эти люди, во многих отношениях совершенно обычные, кажутся мне настоящими героями — я восхищаюсь их стойкостью, выносливостью, любовью и преданностью своим семьям.

Если бы я могла обратиться к каждому из них через все разделяющие нас годы, я бы хотела сказать им спасибо. Без их усилий невозможно представить все те достижения, которые сделали мою жизнь намного комфортнее и безопаснее, чем их. Мир меняют не только революционные идеи и поступки сильных людей, но и общие усилия каждого из нас. Викторианские британцы, мы в долгу перед вами.

Благодарности

Эта книга не появилась бы на свет без труда и помощи огромного количества людей. В частности, я хотела бы поблагодарить всех тех, кто вместе со мной решил на собственном опыте познакомиться с викторианской жизнью и помог мне узнать и понять множество интересных вещей. Питер, Алекс, Стюарт, Наоми, Фелисия, Крис, Джулия, Тим, Дэвид, Ник и Том, спасибо за помощь и поддержку, когда мы стояли под ледяным дождем, за сочувствие, когда из-за аллергии на пастернак я покрылась ужасными волдырями, за то, что выручили меня, когда я подожгла себя, и за искреннее участие в моменты сомнений. Спасибо моим родителям, Джоффу и Клэр, а также Джоан и Шоне, которые заложили в меня основы жизненных знаний и умений, благодаря которым я смогла окунуться в викторианскую жизнь.

Конечно, в самом большом долгу я перед теми викторианцами, которые оставили после себя записки с мнениями, мыслями, наставлениями и воспоминаниями, теми, благодаря чьим трудам мы можем кое-что понять о той жизни. Какими бы соображениями они ни руководствовались, решив описывать современную им жизнь,

я глубоко благодарна авторам дневников Ханне Каллуик, Фрэнсису Килверту, Джону Каслу, а также всем тем, кто писал и сохранял свои письма, как Джейн Карлайл, и Стивену Рейнольдсу, который задокументировал семейную жизнь в доме Уиджеров, и составителям автобиографий, таким как Фредерик Хобли, Элис Фоули, Джозеф Белл, Джек Ланниган, Джон Финни, Уильям Арнольд, Джозеф Арч, Альфред Айрзон, Джеймс Бонвик, Альберт Гудвин, Кейт Тейлор, Фред Боутон, Фэйт Осгерби, Джозеф Эсби, Джордж Бикерс, Джозеф Терри, Джеймс Картер, Мэри Маршалл, Томас Купер, Дэниел Чейтер, Джозеф Берджесс, Джеймс Хопкинсон, Марианна Фарнингем, Чарлз Шоу, Роберт Блинко, Джеймс Сондерс, Израэль Робертс, Джон Безер, Эрнест Шоттон, Уильям Райт, Роджер Лэнгдон, Бен Брайерли, Луиза Джерми, Уильям Чедвик, Роберт Кольер, Джордж Мокфорд и Фрэнсис Криттал.

Журналист Генри Мэйхью занимает особое место в кругу коллег благодаря оставленным им описаниям подлинной викторианской жизни, однако авторы статей в многочисленных газетах и журналах тоже публиковали бесценные материалы, и мне удалось проштудировать огромное количество источников, в которых они печатались, в том числе Illustrated London News, Illustrated News, The Times, Daily Telegraph, The Morning Chronicle, The Family Herald, The Quiver, The Boy's Own Paper, The Girl's Own Paper, The Christian, Household Words, The Englishwoman's Domestic Magazine, The Young Ladies' Journal, Bailey's Magazine, Gardening Magazine, The Windsor Magazine, Cassell's Household Magazine, The Ladies' Cabinet, Bell's Life, Athletic News, Manchester Guardian, Good Words, Sunday at Home, The Woman at Home, Macmillan Magazine и Sports Argus.

У меня много причин поблагодарить викторианских авторов сборников всевозможных советов и рекомендаций, которые помогли мне проанализировать господствующие

представления, правила этикета и практические приемы и навыки того периода. Энциклопедия домашней жизни «Спроси меня» (Enquire Within) была непревзойденным бестселлером своего времени: первое издание вышло в 1856 году, а к 1878 году распродали более 180 000 экземпляров. Она породила множество подражаний и дополнений, на мой взгляд, не менее полезных, чем оригинал. Медицинские труды докторов Пая Чевасса, Уильяма Эктона, Томаса Болла, Арчибальда Дональда, Мэри Вуд Аллан, Сильвануса Столла, Джона Макгрегори Робертсона, Джорджа Нэфи, Элизабет Блэклок, предназначенные в первую очередь для непрофессиональной аудитории, открыли мне очень много полезных сведений, а сочинения таких авторов, как Уильям Коббетт, Эдит Барнетт, Дональд Уокер, Флоренс Найтингейл, Джордж Фредерик Пардон, Харви Ньюкомб, Мэри Халлидей, Элайза Эктон, миссис Ранделл и миссис Битон позволили заглянуть в другие сферы жизни.

Что касается XXI века, здесь я обязана многим историкам: Хелен Роджерс, Памела Хорн, Патриция Бранка, Джейн Хамфрис, Уолли Секкомб, Мэтт Кук, Кит Дэвид Малкольм Снелл, Пол Элл, Джон Тош, Деннис Брэйлсфорд, Саймон Инглис, Барри Рей, Патриция Малколмсон, Нил Стори, Питер Ходж, Сью Уилкс, Норман Лонгмейт, Айона и Питер Опи, Кэтрин Глидл, Адам Купер, Джулия Лэйт, Джон Бернетт, Энн Брогден, Джинджер Фрост, Фергус Линнэйн, Клэр Роуз, Кристина Уокли, Ванда Фостер, Хью Маклеод, Констанс Энн Уилсон, Джон Харкуп, Дебора Лутц, Джанет Арнольд, Рэйчел Уорт, Дейрдре Мерфи, Дж. Хани и Валери Сондерс, благодарю вас за познавательные и вдохновляющие работы. Также благодарю команду издательства Penguin и особенно Бена, который сыграл важную роль в создании этой книги. И наконец, самая горячая и личная благодарность Марку и Ив, без которых я просто не могу дышать.

Фотоматериалы

ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

1. © Bacup Natural History Society, circa 1900. **2.** Illustrated London News, 1850. **3.** Illustrated London News, 1895. **4.** Illustrated London News, 1886. **5.** The Times, 1897. **6.** Needlework Magazine, 1898. **7.** New York Journal and Advertiser, 1898. **8.** Cassell's Household Guide, 1869. **9.** Health Culture, 1911. **10.** Health Culture, 1911. **11.** Good Words Magazine, 1876. **12.** Illustrated London News, 1850. **13.** Illustrated London News, 1850. **14.** Good Words Magazine, 1876. **15.** Cassell's Family Magazine, 1884. **16.** Wisbech Prison Particular Book © Wisbech & Fenland Museum. **17.** Illustrated London News, 1850. **18.** Cassell's Family Magazine, 1884. **19.** Cassell's Family Magazine, 1884. **20.** Cassell's Family Magazine, 1884. **21.** The Sunlight Yearbook, 1897. **22.** Good Words Magazine, 1880. **23.** Women's Penny Paper, 1874. **24.** Common Sense Clothing, 1869. **25.** The Englishwoman's Domestic Magazine, 1863. **26.** Common Sense Clothing, 1869. **27–28.** Common Sense Clothing, 1869. **29.** New York Journal and Advertiser, 1891. **30.** Punch, 1856. **31.** The Graphic, 1895. **32.** Cassell's Family Magazine, 1889. **33.** The Ladies' Cabinet, 1839. **34.** The Englishwoman's Domestic Magazine, 1862. **35.** Punch, 1857. **36.** Good Words Magazine, 1875. **37.** The Englishwoman's Domestic Magazine, 1863. **38.** London Labour and the London Poor, 1861. **39.** Punch, 1858. **40.** Daily Telegraph, 1876. **41.** The Times, 1873. **42.** The Sunlight Yearbook, 1897. **43.** The Ladies' Cabinet Magazine, 1839. **44.** Illustrated London News, 1850. **45.** The Young Ladies' Journal, 1863. **46.** Quiver Magazine, 1875. **47.** Woman at

Home, 1902. **48.** The Women's Penny Paper, 1892. **49.** New York Journal and Advertiser, 1898. **50.** The Young Ladies' Journal, 1866. **51.** Illustrated London News, 1850. **52.** Illustrated London News, 1850. **53.** The Christian Magazine, 1870. **54.** The Windsor Magazine, 1900. **55.** The Penny Illustrated Paper, 1870. **56.** The Christian Magazine, 1886. **57.** Illustrated London News, 1847. **58.** Illustrated London News, 1862. **59.** Illustrated London News, 1887. **60.** Sunday at Home Magazine, 1866. **61.** Illustrated London News, 1850. **62–63.** Good Words Magazine, 1884. **64.** The Englishwoman's Domestic Magazine, 1853. **65.** Illustrated London News, 1857. **66.** Royal Commission Report, 1842. **67.** Illustrated London News, 1862. **68.** The Graphic, 1889. **69.** Cassell's Household Guide, 1869. **70.** Cassell's Household Guide, 1869. **71–76.** Cassell's Household Guide, 1869. **77.** Illustrated London News, 1850. **78.** Good Words Magazine, 1875. **79.** The Child's Companion Magazine, 1850. **80.** Quiver Magazine, 1875. **81.** The Graphic, 1872. **82.** Cassell's Family Magazine, 1884. **83.** Cassell's Household Guide, 1869. **84.** The Sunlight Yearbook, 1887. **85.** Cassell's Family Magazine, 1884. **86.** Quiver Magazine, 1875. **87.** Good Things, 1848. **88.** The Housewife's Friend, 1899. **89.** Illustrated London News, 1846. **90.** The Graphic, 1894. **91.** The Workwoman's Guide, 1838. **92.** The Young Ladies' Journal, 1866. **93.** Longman's Complete Course of Needlework, 1904. **94.** Illustrated Times, 1858. **95.** Illustrated London News, 1863. **96.** Illustrated London News, 1850. **97.** The Sunlight Yearbook, 1875. **98.** Illustrated London News, 1888. **99.** The Home Book, 1868. **100.** The Child's Companion Magazine, 1868. **101.** The Young Ladies' Journal, 1866. **102.** The Home Book, 1868. **103.** Illustrated London News, 1850. **104.** The Home Book, 1868. **105.** The Sunlight Yearbook, 1887. **106.** Punch, 1873. **107.** Good Words Magazine, 1876. **108.** Illustrated London News, 1850. **109.** Cassell's Household Guide, 1880. **110.** Pictorial Times, 1844. **111.** Illustrated London News, 1875. **112.** The Christian Magazine, 1886. **113.** Punch, 1873.

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ

1. © Lion Television Limited. Фотограф: Felicia Gold. **2.** © Lion Television Limited. Фотограф: Laura Rawlinson. **3.** © Lion Television Limited. Фотограф: Laura Rawlinson. **4.** Our Dining Room at York, 1838, Best, Mary Ellen (1809–1891)/Private Collection/The Bridgeman Art Library. **5.** © Lion Television Limited. Фотограф: Laura Rawlinson. **6.** Cassell's Household Guide, 1869. **7.** Baby's Birthday, 1867 (холст,

масло), Hardy, Frederick Daniel (1826–1911)/© Wolverhampton Art Gallery, West Midlands, UK/The Bridgeman Art Library. **8.** A Chelsea Interior, 1857 (холст, масло), Tait, Robert Scott (fl.1845–1875)/Carlyle's House, London, UK/National Trust Photographic Library/John Hammond/The Bridgeman Art Library. **9.** 2010EE8072–01 © Victoria and Albert Museum, London. **10.** 2006BB1093–01 © Victoria and Albert Museum, London. **11.** 2006AG4301–01 © Victoria and Albert Museum, London. **12.** 2006AM0993–01 © Victoria and Albert Museum, London. **13.** 2008BU0053–01 © Victoria and Albert Museum, London. **14.** 1000LM0575–01 © Victoria and Albert Museum, London. **15.** 1991–1–1 Garden Seat Omnibus 7061 © Wardown Park Museum. **16.** Cassell's Household Magazine, 1889. **17.** Mrs Winslow's Soothing Syrup advert, 1870. **18.** The Child's Companion, 1879. **19.** Benjamin Disraeli, 1826. Иллюстрация для сигаретных карточек John Player Dandies. © Look and Learn History Picture Library. **20.** Cassell's Household Guide, 1869. **21.** The Girl's Own Paper, 1886. **22.** Cassell's Household Guide, 1880. **23.** Lambeth Baths Gymnasium advert, 1881. **24.** The Music Hall, 1889 (холст, масло), Sickert, Walter Richard (1860–1942)/Musée des Beaux-Arts, Rouen, France/Giraudon/The Bridgeman Art Library.

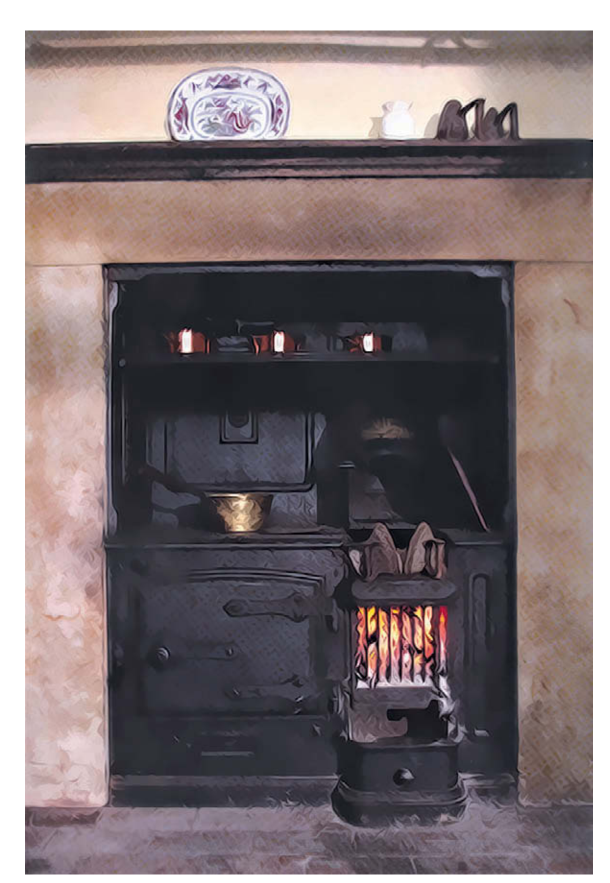
1. Стирка, сопряженная с тяжелым физическим трудом, была самой ненавистной работой. Под ногами мокро, вокруг много пара: настроение женщин в день стирки часто портилось, и я прекрасно понимаю почему

2. Все, что требовалось для личной гигиены в Викторианскую эпоху, — таз для мытья, небольшой кувшин принесенной из кухни горячей воды, кусок мыла, щетки для волос и одежды, заколки для волос и зеркальце

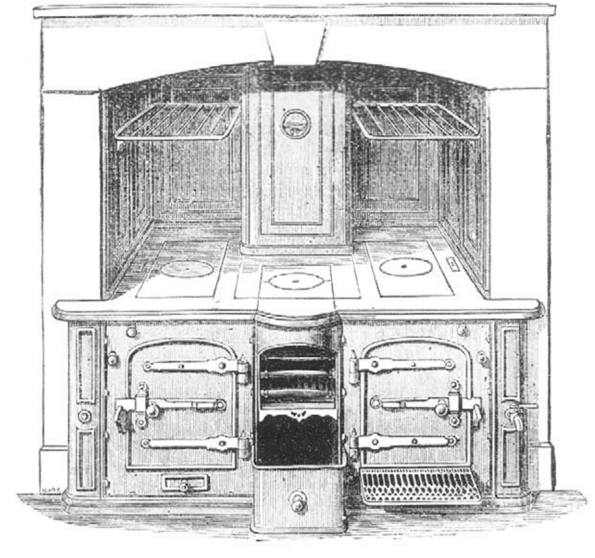

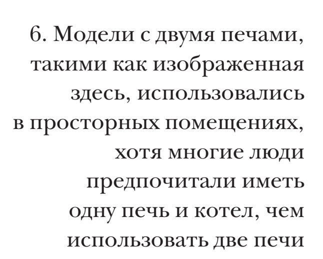
3. Работа по дому включала в себя самостоятельное производство целого ряда средств. Я на собственном опыте поняла, что кирпичная пыль очень эффективна как чистящее средство, в том числе для металла

4. «Наша столовая в Йорке» (Мэри Еллен Бэст, 1838). Стол сервирован *à la française*, что было обычным делом до 1860-х гг., когда стала популярной сервировка *à la russe*

5. Закрытые жаровни стали доминирующей формой. По собственному опыту скажу, что модель с одной печью доказала свою эффективность

6. Модели с двумя печами, такими как изображенная здесь, использовались в просторных помещениях, хотя многие люди предпочитали иметь одну печь и котел, чем использовать две печи

7. «День рождения ребенка» (Фредерик Даниэль Харди, 1867). На картине изображена обстановка дома семьи из преуспевающей части рабочего класса или нижней прослойки среднего класса

8. «Интерьер в Челси» (Роберт Скотт Тейт, 1857). Здесь запечатлены Джейн и Томас Карлайл в своем доме, типичном для среднего класса. Эта картина отлично передает викторианскую любовь к цвету и повторяющемуся узору

9. Корсет из хлопка, 1890 г. Такие модели могли позволить себе представительницы нижней прослойки среднего класса

10. Легкий стальной кринолин, ок. 1860 г. В отличие от кринолинов 1850-х гг. передняя часть этой модели приплюснута. Использование нового кринолина могло помочь придать платью более современный вид. Это было дешевле, чем купить новое платье

11. Изобретение химических красителей привело к революции в моде после 1856 г. В течение следующих пятнадцати лет невозможно было быть *слишком ярко* одетой. Изображенное здесь платье датируется 1869 г.

12. Клетчатый вельветовый жилет. Это был именно тот элемент одежды, с помощью которого мужчины могли попытаться затмить женщин

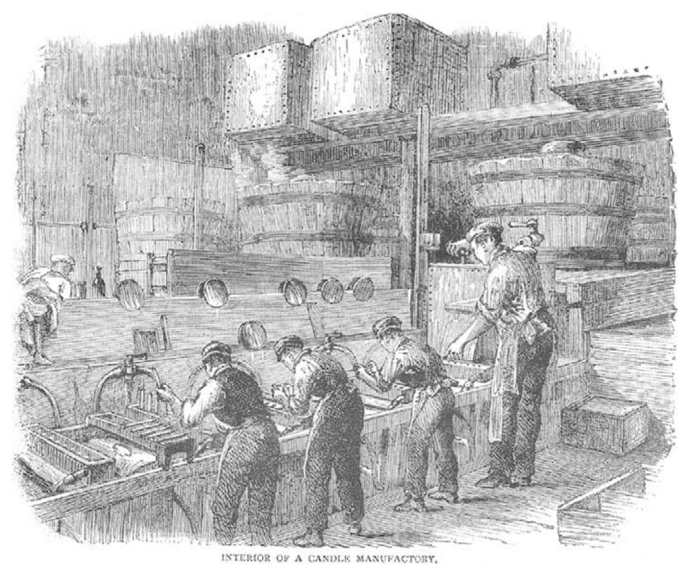

13. Типичный костюм для мальчиков, который носили поверх панталон, напоминающих пижамные штаны

14. Теплый, слегка приталенный мужской сюртук длиной чуть выше колен – писк моды 1830-х гг.

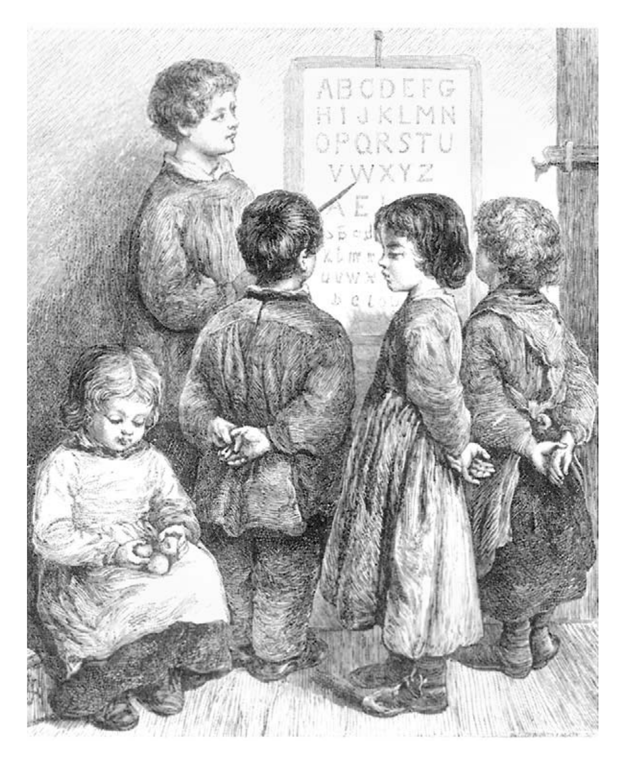
15. Омнибус, ок. 1890 г., в более поздней, улучшенной модификации, с широкой колесной базой, внешней лестницей и с сиденьями на верхнем ярусе. Запряженные лошадьми омнибусы этого типа преобладали до того, как их начали вытеснять трамваи

16. Мальчики работают рядом с мужчинами на фабрике свечей, 1889 г.

17. Mrs Winslow's Soothing Syrup — одна из огромного количества марок средств, содержащих опиаты и предназначавшихся для маленьких детей

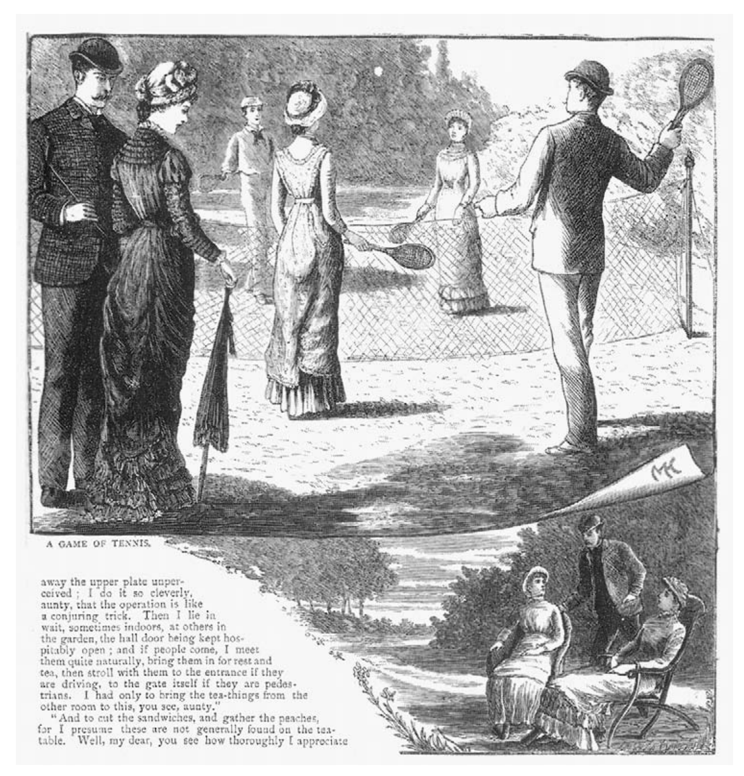
18. Староста учит группу детей младшего возраста. Эта система радикально уменьшила расходы на образование

19. Изображение молодого Бенджамина Дизраэли в возрасте 22 лет, 1826 г. В этот период своей жизни он был хорошо известен как писатель-романист

20. Иллюстрация из «Руководства по ведению домашнего хозяйства» Касселла, на которой изображены упражнения для тех, кто провел слишком много часов, сгорбившись за шитьем — или за компьютером (моя дочь подтвердит, гимнастика работает!)

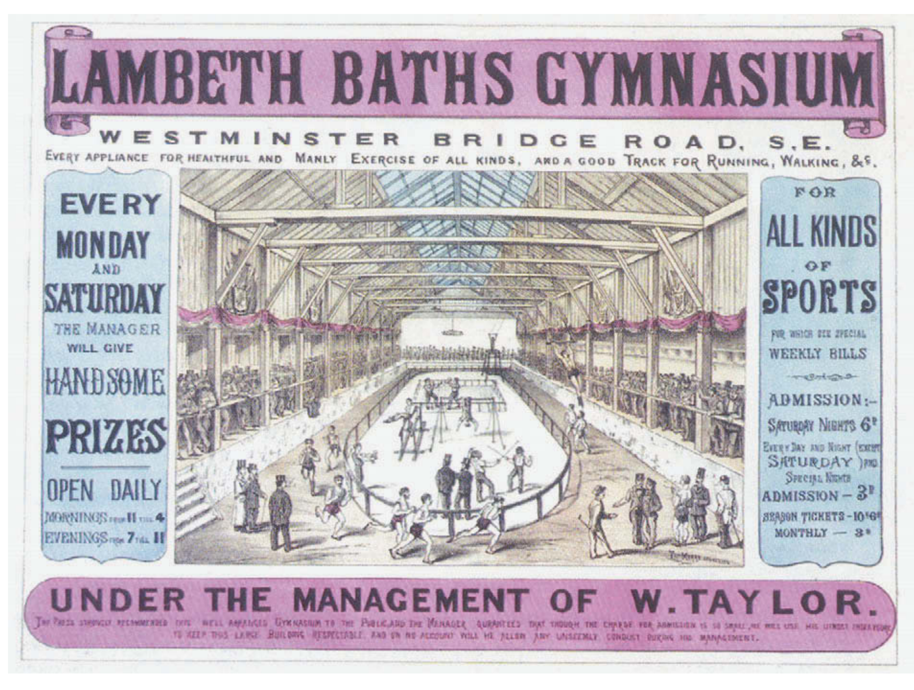
A GAME OF TENNIS.

away the upper plate unperceived; I do it so cleverly, aunty, that the operation is like a conjuring trick. Then I lie in wait, sometimes indoors, at others in the garden, the hall door being kept hospitably open; and if people come, I meet them quite naturally, bring them in for rest and tea, then stroll with them to the entrance if they are driving, to the gate itself if they are pedestrians. I had only to bring the tea-things from the other room to this, you see, aunty."

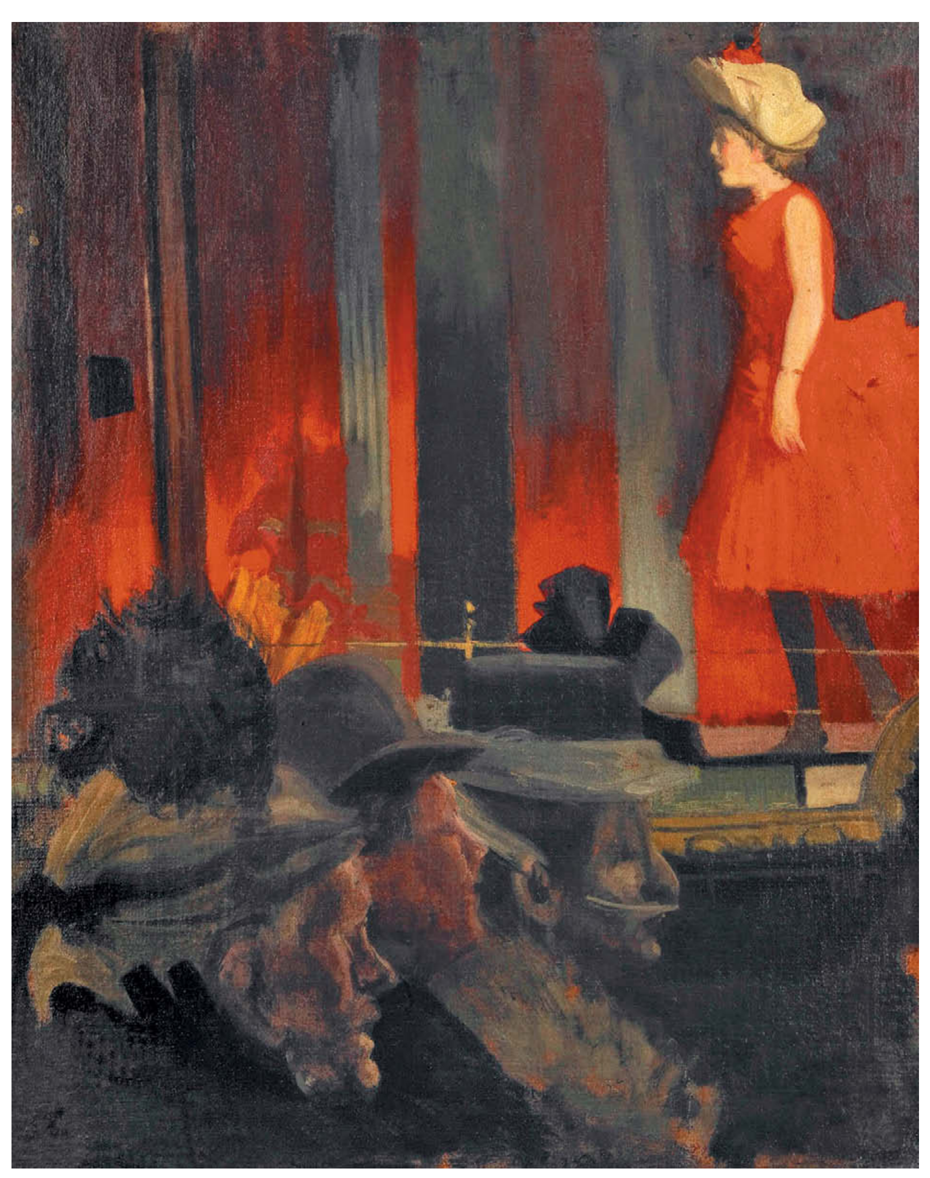
"And to cut the sandwiches, and gather the peaches, for I presume these are not generally found on the tea-table. Well, my dear, you see how thoroughly I appreciate

21. В 1886 г. женщины играли в теннис в специальных платьях со свободным, не прилегающим лифом и жесткими тугими манжетами

22. Стрельба из лука была первым видом спорта, которым могли свободно заниматься как мужчины, так и женщины, но при этом считалась признаком принадлежности к самому высокому социальному слою общества

23. В Ламбетских общественных купальнях в Лондоне зимой осушали главные бассейны, чтобы превратить их в гимнастические площадки. Невысокие цены позволяли заниматься здесь уважаемым в обществе представителям рабочего класса

24. «Мюзик-холл» (Уолтер Ричард Сикерт, 1889). Мюзик-холлы привлекали разношерстную толпу зрителей, включая тех, кто приходил сюда в поисках сексуальных услуг

Научно-популярное издание

Гудман Рут

КАК ЖИТЬ В ВИКТОРИАНСКУЮ ЭПОХУ

Повседневная реальность в Англии XIX века

Ответственный редактор А. Захарова
Редактор Л. Новицкас
Художественный редактор М. Левыкин
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры Н. Соколова, С. Луконина
Компьютерная верстка Н. Козель

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 18+

Подписано в печать 27.07.2021. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «NewBaskerville».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,0.
Тираж 3000 экз. B-HIE-25251-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru